

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
БАРНАУЛЬСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

*Сборник статей XX Международной научно-практической
конференции «Уголовно-процессуальные
и криминалистические чтения на Алтае»*

Выпуск XVIII

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

УДК 343
ББК 67.5
П 781

Редакционная коллегия:

С.И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент (председатель);
Л.В. Черепанова, кандидат юридических наук, доцент (заместитель председателя);
В.Ю. Белицкий, кандидат юридических наук, доцент;
Л.В. Бертовский, доктор юридических наук, профессор;
Е.Н. Петухов, кандидат юридических наук, доцент;
В.В. Поляков, кандидат юридических наук, доцент;
Л.Г. Суханова (ответственный секретарь).

П 781 Проблемы теории и практики исполнения уголовно-процессуальных обязанностей : сборник статей XX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». — Вып. XVIII / под ред. С.И. Давыдова, Е.Н. Петухова, В.В. Полякова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. — 404 с.

ISBN 978-5-7904-2678-0.

В сборник включены статьи участников XX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: проблемы теории и практики исполнения уголовно-процессуальных обязанностей», проведенной Алтайским государственным университетом и Барнаульским юридическим институтом МВД России 27 мая 2022 года.

Авторами публикаций являются ученые, преподаватели, сотрудники правоохранительных органов и аспиранты из более чем 20 регионов Российской Федерации, а также из других стран.

Сборник предназначен для ученых, преподавателей, сотрудников правоохранительных органов, аспирантов и студентов.

УДК 343
ББК 67.5

ISBN 978-5-7904-2678-0

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2022
© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Бертовский Л.В.</i> Особенности исполнения процессуальных обязанностей в условиях цифрового судопроизводства	7
<i>Воскобитова Л.А.</i> Обязанности следователя при привлечении лица в качестве обвиняемого	10
<i>Гаврилов Б.Я.</i> Законодательство уголовно-правового комплекса в борьбе с преступностью: что может предложить российская наука?	24
<i>Петухов Е.Н.</i> Теоретические основы концепции гарантированного исполнения уголовно-процессуальных обязанностей	33

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

<i>Балашова А.А.</i> Особенности использования электронных носителей информации в качестве доказательств	47
<i>Бурмагин С.В.</i> Мотивирование процессуального решения как обеспечительная обязанность уголовного суда	50
<i>Гаджимагомедов Г.К.</i> Обязанность особого подхода к пониманию документов-доказательств	56
<i>Головачук О.С.</i> Проблемы правового регулирования обязанностей потерпевшего в уголовном процессе	63
<i>Давыдов С.И., Петухов Е.Н., Юринова Т.В.</i> Проблема обеспечения надлежащего исполнения судом обязанности судебного контроля над досудебным производством по уголовному делу	66
<i>Исаенко А.Г.</i> Принципиальные обязанности руководителя следственного органа	73
<i>Качалов В.И.</i> Обязанности суда, реализуемые при рассмотрении вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора	78
<i>Качалова О.В.</i> Обязанности суда в стадии подготовки к судебному разбирательству в особом порядке	81
<i>Кондрашин П.В.</i> Выделение уголовного дела: право или обязанность?	85
<i>Климович Л.П., Логинова Н.Г.</i> Специальные знания — один из критериев оказания квалифицированной юридической помощи по уголовным делам экономической направленности	89
<i>Козлов В.В.</i> Разъяснение и обеспечение прав отдельных участников уголовного судопроизводства как обязанность следователя, дознавателя	96
<i>Крысина Н.Р.</i> Квалифицированная юридическая помощь свидетелю в российском уголовном судопроизводстве	102
<i>Курбатова С.М.</i> Основы формирования каузально-ассоциативной детерминации системы уголовно-процессуальных обязанностей (компенсаторный подход) ..	106
<i>Лебедев И.В.</i> Нарушение уголовно-процессуальных обязанностей, допускаемых стороной защиты, при рассмотрении дела в суде с участием присяжных заседателей	111

Мананников А.С. Неосторожное разглашение государственной тайны как невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанности по ее сохранению ...	117
Олчёнов А.Ф. Некоторые проблемные вопросы вызова граждан для дачи объяснения на стадии возбуждения уголовного дела	120
Петухов Е.Н., Юлдошев Р.Р. Цифровые технологии как средства обеспечения надлежащего исполнения прокурором обязанностей уголовного преследования и надзора за органами предварительного расследования	123
Поляков М.П. Уголовный процесс как форма исполнения обязанностей государства перед обществом.....	129
Пьянкова Н.В. Процессуальная независимость как обязанность следователя ...	136
Рябинин Д.А. Этические аспекты исполнения субъектом поисково-познавательной деятельности обязанностей при расследовании преступлений, совершенных в религиозной сфере	143
Смолин А.Ю. Уголовно-процессуальные обязанности в свете технологического подхода к судопроизводству.....	147
Степушов М.Ю. Оперативно-розыскное обеспечение надлежащего исполнения обязанностей обвиняемым, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве	152
Сухова О.А. К вопросу об обязанностях адвоката-защитника на стадии апелляционного производства по уголовному делу.....	155
Черкасова Е.С. Профессиональные компетенции: психологические основы надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства	170
Чечетин А.Е., Шатохин И.Д. Об исполнении обязанности по обеспечению права на судебную защиту в сфере оперативно-розыскной деятельности	174
Шишев В.С. Унификация и дифференциация предварительного расследования как конкурирующие организационные принципы исполнения уголовно-процессуальных обязанностей.....	178
Шишпанов К.А. Процессуальные функции как источник обязанностей следователя	184
Шкаплеров Ю.П. Вынесение постановления о возбуждении уголовного дела: появление процессуальной обязанности	189
Шуров А.Ю. Розыскные начала уголовного процесса как источник процессуальных обязанностей.....	191
Юринова Т.В. Для надлежащего исполнения следователем уголовно-процессуальных обязанностей надо создать условия: взгляд практика	198

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ И ИНЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Александров А.С., Александрова И.А. Следственная форма как неизменное средство правовой организации уголовно-процессуальной деятельности субъектов досудебного производства	206
Бартенев Е.А., Сабельфельд Т.Ю. Обнаружитель скрытых камер «Оптик-2» как важнейший источник получения доказательств	210

Батырбаев Б.С., Дудко Н.А. Полномочия администратора суда при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей по законодательству Кыргызской Республики	216
Беспечный О.В. Некоторые вопросы структуры методик расследования преступлений против правосудия	221
Гераськин М.Ю., Харченко И.В. О необходимости наделения правовым статусом руководителя судебно-экспертной группы при производстве комплексных экспертиз	224
Горшкова В.С. К вопросу об этических аспектах осуществления экспертом (специалистом) судебно-экспертной деятельности по уголовному делу	229
Драпезо Р.Г. Тактический потенциал оперативного риска как элемента оперативно-разыскной характеристики убийств, где огонь используется как орудие (способ сокрытия) преступления	232
Дронова О.Б., Порываева П.С. Формы выражения объективности в судебно-экспертной деятельности.....	240
Дудко Н.А., Прусс А.Р. О разъяснении несовершеннолетним обвиняемым права на выбор формы судебного производства	243
Ильюк Е.В. Мотивация к службе в правоохранительных органах	249
Кирюшина Л.Ю. Психологические особенности допроса несовершеннолетних свидетелей-очевидцев.....	256
Корчагин А.А., Неймарк М.А. Перспективы развития технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений с использованием новейших информационных технологий.....	258
Костерин В.В. Влияние цифровизации на реализацию полномочий доказывания и выдвижения обвинения в уголовном процессе.....	266
Кудряшова С.Д. Практические проблемы поддержания государственного обвинения при рассмотрении уголовных дел с участием коллегии присяжных заседателей и достижение назначения уголовного судопроизводства	269
Кузнецов А.А., Танков А.Ю. Типичные способы совершения краж, связанные с незаконным проникновением в жилище.....	274
Мокров И.С. Реабилитация в уголовном процессе	280
Морозова Т.А. Проблемные аспекты предотвращения и пресечения неправомерных действий в отношении граждан при осуществлении хозяйствующими субъектами микрофинансовой деятельности и деятельности по возвращению просроченной задолженности	283
Неймарк М.А. К вопросу о надлежащем исполнении решений Конституционного Суда РФ в уголовном судопроизводстве	290
Пашаев Х.П. Защита прав и личности участников уголовного процесса: краткий анализ проблемы	297
Поляков В.В. Особенности формирования частной методики расследования высокотехнологичных преступлений	304
Прокофьева Е.В., Порываева П.С. Криминалистически значимая информация, содержащаяся в татуировках, нанесенных в зависимости от типа темперамента как способ объективного восприятия личности преступника.....	312
Рыжков И.В. К вопросу о правомерности использования объектов натуральных коллекций в ходе производства экспертных исследований	317

Серова Е.Б. К вопросу о признании прокурором доказательств недопустимыми.....	320
Синкин К.А. Понятие полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве..	328
Скорев В.А., Скорева В.В. Некоторые вопросы совершенствования правового положения родных и близких лиц в уголовном процессе	332
Рябухина М.В., Тюрина А.Ю. Положительный опыт применения ДНК-анализа в экспертно-криминалистической деятельности при раскрытии и расследовании преступлений	337
Черепанова Л.В. Диалектическое взаимопроникновение смыслов законности и целесообразности при реализации полномочий по выдвижению обвинения...	341
Шатрова А.В. Защита судом первой инстанции прав лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.....	347
Шидемов А.Г. Сущность уголовного наказания.....	349
Шнурко Н.А. К вопросу о правовом статусе руководителя судебно-экспертного учреждения в уголовном судопроизводстве	357
Шульгин Е.П. Направления совершенствования образовательного процесса в контексте общей цифровизации правоохранительной деятельности Республики Казахстан.....	360

РАЗДЕЛ 3. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Алешина М.Д. Недопустимость доказательств и иные препятствия государственному обязательству достижения неотвратимости наказания	366
Аммалайнен В.А. Правовой характер сотрудничества органов уголовного преследования с лицами, обладающими парапсихическими способностями	371
Бадаев С.А. Соотношение понятий «прокурор» и «государственный обвинитель»	375
Григорьев А.И. О некоторых проблемах правового регулирования производства следственных действий, требующих получения судебного разрешения.....	381
Ильиных Я.И. К вопросу о понятии и сущности противодействия расследованию преступлений.....	386
Лукашенко К.Е. Провокация взятки при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	390
Манасов Р.А. Правовые основы взаимодействия органов ФСВНГ, МВД, ФСБ РФ и их практическая реализация	394
Пустовойт Е.С. Нормативная основа учета и регистрации наркопреступлений в государствах-членах Организации Договора о коллективной безопасности ..	397
Сапухин А.А. Актуальные проблемы использования информационных технологий в ходе выявления, пресечения и раскрытия киберпреступлений, а также розыска лиц, их совершивших.....	400

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Л.В. Бертовский, д.ю.н., профессор, профессор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Бурное развитие технологий в XXI веке вплотную приблизило человечество к четвертой промышленной революции, в ходе которой, как полагают современные исследователи, произойдет полная автоматизация производства, его взаимодействие с внешней средой и создание в будущем единой промышленной сети.

И отдельные признаки этой метаморфозы проявляются уже сегодня. Скорость Интернета стремительно увеличивается (в 2010 году доступная в то время технология 3G обеспечивала скорость передачи данных 1,5-2 Мбит/с, в 2019 году 4G — 100 Мбит/с. А в 2021 г. Китай, Южная Корея запустили 5G, которая на 945% быстрее, чем 4G). По данным Statista, в 2010 г. в Интернете было 2 зеттабайта данных¹. В 2020 г. это число составляет уже 59 зеттабайт. В начале декабря 2020 г. китайские специалисты сообщили, что достигли квантового превосходства. 53-кубитный компьютер за 200 секунд рассчитал результат задачи, для решения которой самому мощному современному компьютеру с классической системой вычисления понадобилось бы от 0,6 до 2,5 млрд лет. Получили дальнейшее развитие электрические и беспилотные автомобили. С использованием стереопечати создаются жилые дома, мосты, запчасти для космических кораблей, дорожки для микросхем, имплантаты любой сложности, вплоть до нейропротезов, и даже кровеносные сосуды [1]. Модернизация предприятий позволяет в больших объемах передавать управленческие и контрольные функции от человека к техническому оборудованию.

Очевидно, что изменения охватят самые разные стороны жизни: рынок труда, жизненную среду, политические системы, технологический уклад, человеческую идентичность и другие [2].

В целях обеспечения конкурентоспособности государства 9 мая 2017 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», где определил в качестве одной из важнейших задач, стоящих перед государством, обеспечение использования российских информационных и коммуникационных технологий в органах государственной власти Российской Федерации, компаниях с государственным участием, органах местного самоуправления.

А уже 28 июля 2017 г. была утверждена правительственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», направленная на повышение качества жизни граждан и призванная обеспечить экономический рост и национальный суверенитет.

¹ 1 Зеттабайт = 1 099 511 627 776 Гигабайт.

Конечно, такой социальный феномен как право не мог остаться в стороне от происходящих событий. Пройдя три этапа своего развития (архаичный, словный и государственный), в настоящее время право переходит на новый, стремительно эволюционирующий этап высокотехнологичного права.

Высокотехнологичное право — это такой логистичный, наукоемкий и технологичный регулятор общественных отношений, который, с одной стороны, использует высокие технологии в процессе правоприменения, а с другой — регламентирует возникающие с ними отношения [3].

И создание цифровой экономики, и использование в процессе правоприменения высоких технологий требует установления новых правил судопроизводства, которые будут учитывать современные реалии.

Все это говорит о необходимости создания цифрового судопроизводства, под которым мы понимаем урегулированную нормами процессуального права деятельность суда, участвующих в деле лиц и других участников процесса, а также органов исполнения судебных решений по разрешению юридических дел, в которой ключевым фактором являются данные в цифровом виде, обработка и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами судопроизводства позволяют существенно повысить его эффективность.

Развитие цифрового судопроизводства повлечет за собой не только большие изменения в техническом оснащении правоприменителей, но и кардинальные изменения в отношении субъектов судопроизводства, их прав и обязанностей, определения подсудности и многое другое. А некоторые субъекты вообще будут исключены из судопроизводства за ненадобностью, с возложением их функций на искусственный интеллект.

Еще более 40 лет назад известный ученый-криминалист профессор Р.А. Белкин, говоря о судебно-экспертной деятельности, предполагал, что «производство некоторых видов криминалистических экспертиз преимущественно идентификационного характера будет полностью автоматизировано — от кодирования исходной информации до оценки полученных результатов, достоверность которых уже не станет вызывать сомнений. Однозначность ответов машины (типа «он-не он») придаст им справочно-удостоверительный характер. На этом этапе машина вытеснит не человека, чего, как уже указывалось, не случится никогда, а эксперта как процессуальную фигуру, экспертизу того или иного вида как процессуальный институт. Последняя превратится в справочную деятельность типа осуществляемой сейчас проверки по криминалистическим учетам, результаты которой свидетельствуются справкой соответствующего компетентного учреждения» [4].

Широкая дискуссия развернулась в обществе относительно вопроса, может ли судью заменить искусственный интеллект. Споры подхлестнул тот факт, что в 2019 г. виртуальный суд города Пекина начал рассматривать некоторые категории гражданских дел, где в качестве судьи выступал искусственный интеллект. Внешне это выглядит так, как будто реальная женщина-судья разбирает юридическое дело. Причем мимику, жесты и поведение скопировали с судьи — реального человека.

Планируется, что искусственный интеллект пока будет заниматься только универсальными категориями дел, в которых риск ошибки минимален, а также собирать и обрабатывать заявки и давать консультации. Возникает вопрос об этической стороне применения данной технологии, насколько это правильно и обоснованно с моральной точки зрения, когда в разрешение споров между людьми вовлекается высокотехнологичный интеллект. Однако китайские чиновники уверены, что проблема надуманна и что за цифровыми помощниками будущее мирового правосудия. Как отметил по этому поводу Ни Дефэн, вице-президент интернет-суда в Ханчжоу: «Ведение дел на более высокой скорости — это и есть современное право, потому что задержка правосудия приравнивается к отказу в правосудии» [5].

Общество, пытаясь решить эту огромную морально-этическую проблему, предпринимает различные шаги. Так, была подготовлена и принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 г.) Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, где сформулировано пять принципов об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Наиболее значительным представляется положение, согласно которому человека может судить только человек, а если осудила машина, то тогда осужденный должен иметь право обжаловать решение искусственного интеллекта человеку-судье.

Президент Федеральной палаты адвокатов РФ Юрий Пилипенко, выступая 14 апреля 2022 г. на конференции в МГЮА «Цифровые компетенции адвоката будущего», отметил, что процесс замены участников судопроизводства на искусственный интеллект в скором времени пойдет полным ходом, но, по его мнению, последним кто будет заменен это адвокат, так как в их деятельности больше, чем у других субъектов, необходим творческий подход, что для машины недоступно.

О возможности замены искусственными системами других участников судопроизводства также идут дискуссии, как в обществе, так и среди специалистов.

Но помимо возможности замены того или иного участника судопроизводства искусственным интеллектом произойдет и значительная корректировка их процессуальных обязанностей. Часть таких обязанностей может вовсе отпасть, другие — видоизмениться, но могут появиться и новые.

Так, скорее всего, на участников судопроизводства будут возложены обязанности по администрированию компьютерных систем, используемых в судопроизводстве. Например, следователь будет обязан не только вести объективное расследование и выявлять все обстоятельства совершения преступления в ходе своих процессуальных действий, составлять характеристику личности преступника, определять степень вреда, им причиненного и др., но и в процессе расследования будет обязан формировать доказательства в цифровом формате и обеспечивать доступ к ним других участников в части, их касающейся [6]. Кроме того, на него, вероятно, будет возложен контроль за работой других компьютер-

ных систем, которые будут заменять участников судопроизводства. Соответственно, аналогичные обязанности появятся и у суда.

Список литературы

1. 10 ключевых технологий последнего десятилетия. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/company/skillfactory/blog/533668/> (дата обращения: 21.07.2021).
2. Конец аналогового мира: индустрия 4.0, или что принесет с собой четвертая промышленная революция [Электронный ресурс]. URL: theoryandpractice.ru.
3. Бертовский Л.В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 4. С. 735-749.
4. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М.: Юрид. лит., 1988. 302 с.
5. Семь смертных грехов искусственного интеллекта. [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5eb299089a79476e9fd77f5c> (дата обращения: 14.03.2021).
6. Бертовский Л.В., Девяткин Г.С. Перспективы применения технологии «блокчейн» в уголовном судопроизводстве // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXXIV междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2019. С. 115-118.

*Л.А. Воскобитова, д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой
уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва*

ОБЯЗАННОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

Постановка проблемы. Привлечение лица в качестве обвиняемого — наиболее ответственный этап в структуре деятельности следователя. Практически вся процессуальная деятельность следователя так или иначе подчинена этому этапу или связана с ним. Законность и обоснованность привлечения лица в качестве обвиняемого составляет основу определения пределов судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ) и оказывает влияние на саму возможность судебного разбирательства по данному делу (ч. 1 ст. 237 УПК РФ). Не меньшее значение имеет этот этап следственной деятельности для выполнения назначения уголовного судопроизводства и защиты как прав лиц, потерпевших от преступления, так и личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Вместе с тем изучение практики показывает, что качество уголовного судопроизводства именно по вопросу обоснованности привлечения лица в качестве обвиняемого остается на низком уровне как с точки зрения теоретического обоснования роли и обязанно-

стей следователя по формированию и оформлению обвинения, так и с точки зрения формального выполнения предписаний ст. 171 и ст. 220 УПК РФ.

Функция обвинения и обязанность установления фактической основы дела всесторонне, полно и объективно (непредвзято). Из всех обязанностей следователя, установленных относительно этапа привлечения лица в качестве обвиняемого, особый интерес представляет обязанность, обусловленная ч. 2 ст. 14 УПК РФ, включающая два элемента: *доказывание обвинения и опровержение доводов*, приводимых в защиту обвиняемого. Это положение закона явно недооценено ни теорией уголовного процесса, ни практикой. Между тем данное предписание закона создает актуальную проблему относительно того, обязан ли следователь доказывать фактические обстоятельства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, или это исключительная функция и обязанность защитника? Это порождает неясности и в объеме обязанностей следователя при формировании обвинения для привлечения лица в качестве обвиняемого. Иными словами, проблема правильного понимания *содержания* обвинения должна быть сначала решена на уровне теории. Другая теоретическая проблема касается *структурирования* обвинения. Если содержание обвинения охватывает достаточный объем информации о преступлении, позволяющий правильно применить нормы УК РФ, то структура обвинения показывает те уровни, посредством которых формируется содержание в процессуальной деятельности.

Для выполнения обязанностей по формированию обвинения следователь должен познать, какое событие произошло, постоянно проверяя и даже перепроверяя, есть ли в нем уголовно-правовые признаки. Но содержательно знание о событии преступления формируется постепенно по мере накопления доказательств, ибо информацию об этом событии следователь может получать только из них. Даже если ему предоставляется информация оперативно-розыскного¹ характера, поступает информация от защитника, из иных источников, всю такую информацию следователь обязан оформить, как того требует процедура получения доказательства (ст. 86 УПК РФ). Таким образом, доказательство становится первичным источником отдельного фрагмента сведений о самом преступлении. Из них, как из мозаики, следователь в конечном итоге складывает образ всего события в целом. Мы понимаем, что доказывание и формирование следователем представления о событии преступления, как мыслимого образа этого события, происходят параллельно. Однако следователь обязан четко различать виды осуществляемой им деятельности: а) логическое построение образа преступления; б) его непротиворечивое, полное описание в виде текста-утверждения о фактическом содержании обвинения и в) подтверждение доказательствами каждого из утверждений о фактических обстоятельствах данного события.

¹ Написание слов «оперативно-розыскной», «розыскной» здесь и далее — в авторской редакции. В соответствии с современными правилами русского языка — «оперативно-разыскной», «разыскной». См.: Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М., 2006; С. 53 (§ 40); [Электронный ресурс]. URL: http://gramota.ru/class/istiny/istiny_2_razysknoj/. В документах, названиях подразделений, цитатах и т.п. сохранена орфография первоисточника. — Прим. ред.

Обязанности следователя по формированию обвинения включают, соответственно, тоже два уровня: обязанность правильного познания, понимаемого как процесс формирования *знания* о фактических обстоятельствах преступления, и обязанность процессуального *удостоверения* правильности такого познания достаточной совокупностью доказательств. Но при этом нередко возникает вопрос о том, как должен поступать следователь относительно обстоятельств, которые «не вписываются» в его обвинительное утверждение? Противоречия могут возникнуть ввиду представления стороной защиты доводов в пользу обвиняемого; обвиняемый может не согласиться с тем обвинением, которое сформировал следователь, предлагая иное объяснение развития событий. Отдельные обстоятельства могут не иметь достаточных доказательств, но следователь держит их в поле зрения в силу предположения и собственного представления о совершении преступления данным лицом при данных обстоятельствах. В силу своего должностного положения в уголовном судопроизводстве следователь обязан подчиняться требованию ч. 2 ст. 15 Конституции РФ: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». В силу этого следователь, получив информацию, свидетельствующую в пользу обвиняемого, обязан: а) проверить ее и учесть в своих выводах, если она получает подтверждение (ст. 3 и 8 УК РФ); б) опровергнуть в силу ч. 2 ст. 14 УПК РФ или в) истолковать неустранимые сомнения в пользу обвиняемого в силу ч. 3 ст. 14 УПК РФ. Таким образом, исследование доводов, приводимых в защиту обвиняемого, также входит в обязанность следователя при формировании содержания обвинения. Это положение нашло подтверждение в позиции ЕСПЧ по делу «Видал против Бельгии», в котором Суд подчеркнул, что при рассмотрении уголовного дела недостаточно убедиться в обоснованности обвинения; суд обязан проверить все доводы защиты, опровергнуть их или дать им правовое толкование. Если доводы защиты оставлены без внимания только в силу того, что обвинение представляется достаточно обоснованным, имеет место нарушение права человека на справедливое судебное разбирательство¹.

Отказ следователя проверять доводы защиты является грубым нарушением всех указанных требований закона и не может быть оправдано искаженными представлениями о содержании принципа состязательности. Следует обратить внимание и на некоторые малоизвестные нашей практике подходы к решению проблемы доказывания обвинения в зарубежной и международной судебной практике. Речь идет о правилах раскрытия доказательств сторонами до начала судебного разбирательства, когда сторона обвинения обязана раскрывать стороне защиты не только обвинительные доказательства, но и те оправдательные доказательства и материалы, которыми она располагает, даже если она не предполагает использовать их в суде. В. Точилковский пишет: «Так, согласно разъяснению Комитета ООН по правам человека, *«exculpatory»* материалы должны пониматься как включающие не только материалы, устанавливающие невинов-

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 22 апреля 1992 г. «Видал против Бельгии (Vidal v. Belgium)». [Электронный ресурс.] URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/12069355/12069355-012.htm>.

ность, но также другие доказательства, которые могли бы *помочь стороне защиты*». (*General Comment No. 32. Article 14: Right to equality before courts and tribunals and to a fair trial*, §33.) Согласно практике ЕСПЧ, органы обвинения должны раскрывать защите «относимые доказательства (*material evidence*) в пользу или против обвиняемого (*for or against the accused*)». (*Guide on Article 6 of the European Convention on Human Rights. Right to a fair trial (criminal limb)*, §172 со ссылкой на *Rowe and Davis v. the United Kingdom* [GC], §60)» [1].

Более того, такое требование охватывает не только доказательства, которые сторона собирается представить суду. Сторона обвинения обязана представить стороне защиты даже материалы оперативного характера, имеющиеся в ее распоряжении, если их содержание ослабляет, опровергает доказательства обвинения или хотя бы порождает сомнение в достоверности информации об обвинении. Доказывание обвинения по уголовным делам требует достаточно высоких стандартов, поэтому следователь в российском уголовном процессе также не может быть освобожден от обязанности собирать, проверять и оценивать не только обвинительные, но и оправдательные доказательства. Если последние получены следователем, он обязан предъявлять их стороне защиты при ознакомлении с материалами дела. Это обеспечивает более точное понимание и более объективное установление всех юридически значимых обстоятельств дела уже при его расследовании, что помогает избежать «неожиданных» доказательств защиты в судебном заседании.

Полагаем, что отказ от включения в УПК РФ известных требований всесторонности, полноты и объективности установления фактических обстоятельств дела был неправомерным. Однако теоретический и системный анализ совокупности процессуальных правил, регулирующих обязанности следователя при привлечении лица в качестве обвиняемого, показывает, что законность, обоснованность и доказанность обвинения обеспечивается следователем только при условии своевременного исследования, опровержения или учета всех доводов и аргументов, приводимых защитой. Вместе с тем сразу следует признать, что обязанности следователя по формированию обвинения требуют и более последовательного, системного регулирования в УПК РФ.

Проблемы формирования текста обвинения. Наиболее типичным недостатком следствия в этой части стало невыполнение предписаний ст. 171 УПК РФ по четкому и разграниченному изложению в процессуальных обвинительных документах сначала фактического содержания обвинения, основанного на его доказанности, и только после этого его правовой оценки. Фактическая сторона описания в современной практике зачастую строится по *дедуктивному* методу: от общей нормы права к частному событию. Это приводит к тому, что, получив материал о совершенном деянии, следователь сразу же определяет статью УК РФ, наиболее подходящую к этому сообщению, т.е. берет общую норму как ориентир для своего предстоящего познания. После чего начинает сознательно выделять и даже «выискивать» те и только те характеристики, которыми можно подтвердить первично данную квалификацию, чтобы оправдать ее. В таких случаях суть обвинения излагается, как правило, языком той уголовно-правовой нормы, которую применяет следователь в конкретном деле. Это всегда порождает со-

мнение в правильности обвинения, потому что обвинение не отражает, а порой и игнорирует проявления индивидуальных особенностей конкретного события преступления. Описание события следователем максимально приближается к тексту статьи, порождая предположение, что следователь не расследовал событие, а формально «подтягивал» его описание под «нужные» требования статьи Особенной части УК РФ.

Между тем правоприменительная деятельность должна строиться по принципиально иной познавательной методологии. Сначала требуется установить фактическую основу данного дела со всеми его индивидуальными проявлениями, т.е. фактические обстоятельства частного, единичного и уникального события. И только после этого можно приступать ко второму этапу правоприменения — поиску правовой основы дела, т.е. выбирать необходимые нормы УК РФ, применимые к данной частной ситуации, сравнивать их признаки, сопоставлять с установленными фактическими обстоятельствами, продолжать познание, уточняя проявленные в данном конкретном событии фактические признаки, пока квалификация не проявит себя со всей очевидностью. Это требует *индуктивного* метода рассуждения: от частного события к общему правовому выводу о преступном характере деяния и его квалификации.

Индуктивный метод построения обвинительных рассуждений следователя требует иначе структурировать само понимание обвинения как познавательной деятельности, входящей в обязанности следователя: что обязан познать следователь, чем он обязан доказать правильность познанного, каким образом (какими словами) он обязан описать результат своего познания и надежность удостоверения познанного. Только после выполнения обязанности сформулировать обвинение и обязанности доказать обвинение совокупностью непротиворечивых доказательств, он получает право предлагать свой вариант квалификации установленного события, во-первых, как преступного и, во-вторых, как предусмотренного определенной статьей особенной части УК РФ, т.е. давать уголовно-правовую квалификацию деяния. При этом следователь обязан строго следовать указанию п. 22 ст. 5 УПК РФ о том, что обвинение — это *«утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом»*.

Любое утверждение — это прежде всего *текст*, сначала описывающий событие преступления в его индивидуальном фактическом проявлении. Содержательно такой текст отражает результат познания реально случившегося события. Однако в силу требований ст. 61 УПК РФ следователь не вправе сам наблюдать его совершение; он не получает знание об этом событии в готовом виде, не может получить полную «видеофиксацию» случившегося. Следователь самостоятельно *формирует* текст-описание как мыслимый образ события, который складывается в его профессиональном сознании из отдельных фактов, деталей, характеристик, установленных им при работе с доказательствами. Вместе с тем следователь обязан подчиняться правовой рамке текста-описания, которая задается ему требованиями соответствующих норм и уголовного, и уголовно-процессуального права. В данном контексте особенно важным становится требование ст. 8 УК РФ: *«Основанием уголовной ответственности является со-*

вершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Поэтому текст обвинения как уголовно-правовое утверждение должен включать: а) утверждение о самом деянии в его индивидуальных фактологических проявлениях и характеристиках, с фиксацией всех уголовно-правовых признаков данного состава преступления; б) утверждение о совершении этого деяния именно обвиняемым; в) утверждение о том, что данное деяние обвиняемого запрещено уголовным законом, с указанием соответствующей статьи, части, пункта Особенной части УК РФ.

Текст обвинения как *процессуально-правовое утверждение* должен отвечать требованию доказанности, даже если законодатель и не включает в ч. 2 ст. 171 УПК РФ обязанность следователя приводить или анализировать в нем собранные доказательства. О такой обязанности следователя, как известно, не говорит прямо и ч. 1 ст. 171 УПК РФ, но такая обязанность явно подразумевается этим положением закона: для составления постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого следователь обязан обеспечить *«наличие достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления»*. Неразрывная связь требований уголовного и уголовно-процессуального права выражена в положениях п. 4 и 5 ч. 2 ст. 171 УПК РФ, из которых следует различие фактической и юридической основы решения следователя о привлечении конкретного лица (п. 3 ч. 2 ст. 171 УПК РФ) в качестве обвиняемого по расследуемому делу. Фактическую основу следователь обязан формулировать не только с учетом требований ст. 8 УК РФ, но еще и ст. 73 УПК РФ, определяющей предмет доказывания.

Современные исследователи отмечают определенное несоответствие в соотношении указанных статей закона [2, 3]. Казалось бы, процессуальный закон, обеспечивающий правильное применение материального права, должен особенно четко регулировать обязанность следователя по установлению фактической основы дела. Однако среди положений ст. 73 УПК РФ трудно выделить те, которые ориентировали бы следователя на обязанность доказывать *все признаки состава* того преступления, которое он собирается вменить обвиняемому. Даже в п. 1 данной статьи, где указывается на необходимость доказать событие преступления, оно представлено как совокупность фактических данных о времени, месте, способе и других обстоятельствах совершенного преступления. Эти характеристики действительно нужны, но только их явно недостаточно, чтобы отыскать нужную статью в УК РФ, применимую к данным обстоятельствам.

Формируя практические навыки юриста, в публикациях уже неоднократно подчеркивалось [4, 5], что предмет доказывания должен включать ответы на следующие вопросы: *когда, где, кто, что, каким образом совершил*. Эти обстоятельства следователь обязан установить и описать в каждом уголовном деле. В дополнение к этим обязательным вопросам по отдельным составам преступления, когда юридическое (квалифицирующее) значение придается цели и/или мотиву преступления, следователь обязан устанавливать еще, *зачем и почему совершено преступное деяние*. Для преступлений с материальной конструкцией состава обязанностью следователя становится еще и установление обстоятельств, показывающих, *каковы результаты этого деяния*. При этом следователь

обязан указать именно фактические обстоятельства, посредством которых выразился результат преступного деяния: физический вред — через описание телесных повреждений и степени их опасности для здоровья и жизни человека; материальный вред — через описание материальных потерь потерпевшего в их натуральном и стоимостном выражении; моральный вред — через описание подтвержденных фактических проявлений моральных переживаний и страданий, например, через обострение хронических заболеваний, возникновении потребности во врачебной помощи и т.п. Только через доказывание такого объема информации о событии преступления следователь сможет выполнить требование ст. 8 УК РФ и выявить все признаки данного состава преступления.

Составление текста-описания совершенного деяния по такому плану позволит следователю выполнить, прежде всего, обязанность установления фактической основы дела: *описать фактические обстоятельства совершенного преступления*, обращая внимание не только на формально-индивидуальные обстоятельства времени, места, последовательности совершения преступных действий и иные характеристики деяния, что требует п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ. Это даст возможность выполнить и правоприменительную обязанность: выделить, сформулировать и описать каждый из юридически значимых признаков совершенного деяния, составляющих необходимую совокупность *признаков определенного состава* преступления, без чего невозможна правильная квалификация. Только так следователь может выполнить и обязанность, вытекающую из п. 5 ч. 2 ст. 171 УПК РФ, т.е. правильно определить квалификацию деяния.

Неполнота, неконкретность, отсутствие индивидуальных характеристик в описании преступления имеет целый ряд негативных последствий, ответственность за которые лежит на следователе. Прежде всего, отсутствие описания преступления как совокупности фактических обстоятельств, отличающих именно данное деяние, существенно нарушает право обвиняемого знать, в чем он обвиняется, и, соответственно приводит к нарушению его права защищаться от такого обвинения всеми законными средствами. В практике участились случаи, когда уже в судебном заседании суда первой инстанции государственный обвинитель в начале судебного следствия не «излагает» предъявленное подсудимому обвинение (ч. 1 ст. 273 УПК РФ), а оглашает обвинительное заключение. Одна из причин в том, что описание преступления, составленное формально, без указания индивидуализирующих его фактических характеристик, с употреблением формально определенных терминов уголовного закона, во-первых, невозможно «изложить» своими словами, не опасаясь «отступить», «выйти за пределы» этого формального языка. Между тем пределы судебного разбирательства требуют соблюдения предписания — «лишь по предъявленному обвинению» (ч. 1 ст. 152 УПК РФ). Нередко, особенно по экономическим или должностным преступлениям, текст обвинения оказывается загроможденным большим количеством информации, которая даже не относится к сути обвинения. Например, по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 160 ч. 4 УК РФ, обвинение фигуранта начиналось со слов¹:

¹ Уголовное дело № 42002007706000033 из практики Главного управления по расследованию особо важных дел СК РФ за 2021 год. Обвинительное заключение, объемом более 200 стра-

Фрагмент 1: «Указанное преступление совершено обвиняемым Х. при следующих обстоятельствах.

В соответствии с Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 года №395-1 Публичное акционерное общество Банк..., зарегистрированное Банком России 22.11.1990 с присвоением регистрационного номера..., по юридическому и фактическому адресу местонахождения...: относится к категории кредитных организаций, имеющих исключительное право осуществлять в совокупности банковские операции по привлечению во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещению указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытию и ведению банковских счетов физических и юридических лиц. В соответствии с Уставом ПАО Банк ...обеспечивает сохранность денежных средств и других ценностей, вверенных ему клиентами и корреспондентами. Их сохранность гарантируется всем движимым и недвижимым имуществом Банка, его денежными фондами и резервами, создаваемыми в соответствии с действующим законодательством и уставом, а также осуществляемыми в порядке, установленном ЦБ РФ, мерами по обеспечению стабильности финансового положения Банка и его ликвидности. В соответствии с установленным в Банке порядком, решение кредитного комитета, приводящее к установлению суммы кредитного риска, превышающей 50 000 000 рублей, требует последующего одобрения правлением и советом директоров Банка, а с 27 марта 2016 года комитетом по управления активными операциями при совете директоров Банка»...¹.

Такого рода текст обвинения невозможно «изложить» и государственный обвинитель вынужден его читать. Но такого рода текст становится непонятным подсудимому по своему содержанию, его связи с обвинением. И это вторая причина недопустимости формально-юридического описания обстоятельств совершения преступления. Обвиняемому юридическая терминология может оказаться «непонятным ему языком», что само по себе уже может рассматриваться как нарушение его права «*быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном языке о характере и основаниях предъявленного ему обвинения*» (ч. 3 п. (а) ст. 6 ЕКПЧ). Между тем приведенный выше текст наглядно показывает, что «юридический язык» может восприниматься не юристом как чужой и требовать перевода с русского на русский. Такой язык описания совершенного преступления мало что может дать обвиняемому относительно того, а в чем, соб-

ниц, составлено в отношении 4 лиц, обвинявшихся по ч. 4 ст. 160 УК РФ. Здесь используются в качестве иллюстрации к сказанному только отдельные фрагменты с исключением всех идентифицирующих признаков.

¹ Обращает на себя внимание, что возможность использования электронных носителей информации породила порочную практику, когда следователь механически и без должного юридического анализа копирует целые страницы из какого-либо документа, без изменений вставляя их в постановление о привлечении в качестве обвиняемого или обвинительное заключение. Так используются различного рода локальные нормативные акты: должностные инструкции, положения, приказы и т.п. Это актуализирует вопрос об относимости такого рода информации и ее доказательственном значении, что также требует усиления прокурорского надзора.

ственно, обвиняют именно его в данном деле. Тогда как обвинение, описанное фактическим языком, становится понятным любому, кто знакомится с таким описанием, если оно составлено логично и грамотно. Поэтому на вопрос судьи, понятно ли подсудимому обвинение, он нередко получает ответ «нет»! В судебном разбирательстве возникает целый ряд сложностей, приводящих или к возвращению дела прокурору ввиду неконкретности обвинения, или к формальному копированию подобных описаний обвинения в приговор суда, когда сам приговор теряет такие качества как ясность, обоснованность и, что немаловажно, индивидуальность.

Отсутствие описания фактического существа обвинения порождает серьезные проблемы и для правильной квалификации преступления. Это также можно проиллюстрировать на примере другого фрагмента из приводимого обвинительного заключения, которое по способу описания обстоятельств дела не представляет собой исключение или уникальность, а является в известной мере типичным при расследовании дел об экономических или должностных преступлениях.

Фрагмент 2: *«В точно неустановленное время, но не позднее 00.00 2014 года, при точно неустановленных иных обстоятельствах у Х., который являлся мажоритарным акционером Банка, возник умысел на создание организованной группы из числа руководителей Банка и его структурных подразделений для совместного совершения ее участниками растраты денежных средств Банка в свою пользу и пользу других лиц путем выдачи заведомо невозвратных кредитов. Для достижения своих преступных целей тогда же Х. привлек в состав организованной группы последовательно замещавшего должности заместителя председателя и председателя правления Банка Х-1., президента Банка Х-2., руководителя филиала Банка Х-3 и других неустановленных руководителей Банка, его структурных подразделений и иных подконтрольных Х. юридических лиц, которые в силу своих служебных полномочий в Банке могли влиять на принятие решений о выдаче Банком кредитов или способствовать принятию таких решений.*

В данном фрагменте следователь практически не использует «язык фактов». Как понять, что сделал Х., когда мы не имеем ответа на вопросы, когда и каким образом? Следователь признает, что он ответа на эти вопросы не имеет. Что значит с точки зрения признаков хищения путем растраты фраза «возник умысел»? Основанием для привлечения к уголовной ответственности является *совершение деяния* (ст. 8 УК РФ), возникновение умысла еще не достигло стадии деяния и может остаться всего лишь «мечтанием», «фантазией», поэтому не может быть вменено как обвинение. С другой стороны, обвинение должно быть основано на совокупности достаточных доказательств. Чем следователь может доказать свое утверждение, что у Х. действительно «возник такой умысел»? Далее, следователь утверждает, что умысел был направлен на совершение растраты денежных средств Банка путем выдачи заведомо невозвратных кредитов. Если Х., *мажоритарный* акционер, не являющийся сотрудником Банка, то, растрачивая деньги Банка, он причиняет имущественный вред, в том числе, и себе самому, тогда как обязательным признаком хищения всегда является завладение *чужим имуществом*. Следователь обязан доказать, что Х. действительно «мажоритарный ак-

ционер», подтвердив это соответствующими документами и расчетом доли Х. в уставном капитале Банка. Но при таком вменении следователь должен понимать, что у Х. должен быть значимый пакет акций, в силу чего, причиняя ущерб Банку, он сам понесет определенные убытки, что ставит под сомнение квалификацию по ст. 160 УК РФ. Если положение Х. не столь значимо, его доля как акционера ничтожна, например, 0,4% акций, тогда возникает сомнение, может ли он выступать в роли *организатора* растраты, какие деяния, кроме возникновения умысла, вменяются ему как организатору? *Растрата* средств Банка путем *выдачи кредитов* тоже вызывает сомнение у юриста. Известно, что хищение, согласно примечанию 1 к ст. 158 УК РФ, должно отвечать такому признаку как *безвозмездность*¹. Между тем банковский кредит — это всегда возмездный заем, предполагающий как возврат полученной суммы в установленный срок, так и оплату банковских услуг в виде устанавливаемого процента от суммы кредита. Кроме того, возврат кредита обеспечивается договором залога имущества должника на случай невозврата кредита. Можно ли такие экономические отношения квалифицировать как «безвозмездное» изъятие чужого имущества? Этот пример убедительно показывает, что юридическое описание преступления может оказаться совершенно неверным, противоречащим не только фактам самого события, но и признакам вменяемого состава. Одновременно такое описание вводит в заблуждение тех, кто читает или слышит текст этого обвинения: где фактические обстоятельства? Где ответы на вопросы: когда, кто, что именно и каким способом совершил? А для защиты возникает исключительная трудность противопоставить что-либо, поскольку нет *фактических* обвинений.

Выполнение следователем обязанностей по установлению и четкому описанию фактической основы дела делает обвинение внятным, убедительным и пригодным как для отстаивания его государственным обвинителем в судебном разбирательстве, так и для защиты от него. Невыполнение такой обязанности требует усиления прокурорского надзора и своевременного возвращения дела следователю для исправления таких недостатков обвинения, которые невозможно исправить или нивелировать усилиями государственного обвинителя в суде. При решении вопроса об утверждении обвинительного заключения и направлении дела в суд прокурору необходимо обращать особое внимание на сам текст обвинения и на язык, которым оно сформулировано в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, а затем и в обвинительном заключении (п. 3 и 4 ч. 1 ст. 220 УПК РФ). Невыполнение требований, предъявляемых процессуальным правом к изложению формулировки, существа, фактических обстоятельств обвинения в любом из процессуальных документов, определяющих пределы судебного разбирательства, должно быть исправлено не судом, а до суда.

Частные проблемы доказывания обвинения.

Показания как ненадежное средство доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту. Известно, что наиболее распространенным

¹ См. также п. 580 Постановления ЕСПЧ от 14.01.2020 по делу «Ходорковский и Лебедев (Khodorkovskiy and Lebedev) против Российской Федерации (№ 2)» (жалобы № 51111/07 и 42757/07), согласно которому возмездные коммерческие сделки не могут быть квалифицированы как вид хищения.

доказательством в российском уголовном процессе являются показания свидетелей, а также подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, а в прямо указанных в законе случаях и иных участников процесса. Это обусловлено ретроспективным характером познания в уголовном судопроизводстве, когда сам познающий субъект, ведущий процесс, не может совмещать свой статус со статусом свидетеля. Следователь, предупреждая о недопустимости отказа от дачи показаний или дачи заведомо ложных показаний, в известной мере заботится о получении достоверной информации. Однако современные разработки криминалистов и психологов ставят под сомнение надежность этого вида доказательств в целом. Так, Н.И. Порубов обращает внимание на то, что «при многократной передаче информации ухудшается ее качество, утечка информации в свидетельских показаниях может произойти в результате ошибок восприятия и дефектов органов чувств свидетеля, его неумения воспроизвести воспринятое» [6, 7]. Об этом пишут и другие российские исследователи, но наиболее остро вопрос о надежности свидетельских показаний ставят зарубежные исследователи. Так, Джулия Шоу ставит вопрос о «ложной памяти» [8], когда воспринятая свидетелем информация не сохраняется в памяти человека неизменной; трансформируется под воздействием неоднократного пересказа, обсуждения с другими людьми, влияния чужих мнений и т.п. Возникает необходимость различать «заведомо ложные показания» и «ложные воспоминания», «ложную память». Д. Шоу приводит данные международной организации The Innocence Project 223, члены которой борются за снятие обвинений с людей, которые, по их убеждению, невиновны, а в их делах были отражены ложные воспоминания, что стало главной причиной ложных обвинений. Так, в 2015 г. из 325 дел, при разбирательстве которых после современных ДНК-тестов была убедительно доказана невиновность обвиняемого, 235 дел содержали ошибочное опознание преступника свидетелями. Автор полагает, что ложные воспоминания играют ключевую роль в осуждении невиновных.

Возможность ошибочного восприятия находит и экспериментальное подтверждение, например, специально изготовленные фотоизображения демонстрируют, как может ошибаться зрение человека¹. «Точность воспоминаний свидетелей по фактическим обстоятельствам в международном арбитраже» стала предметом исследования специальной комиссии, результаты работы которой были опубликованы в Отчете комиссии ИСС в ноябре 2020 г.² Основным выводом исследователей подчеркивается ненадежность человеческой памяти, «ее хрупкость и эластичность, а также легкость, с которой воспоминания могут непреднамеренно исказиться». Среди факторов, влияющих на искажение памяти, названы внушение, форма вопроса, представление ложной информации, воздействие пересказа на последующие воспоминания и др.

Проблема использования для оценки достоверности показаний экспертных или технических исследований. Попытки обеспечить надежность показаний участников уголовного судопроизводства привели даже к созданию нового вида

¹ См. сайт: [Электронный ресурс.] URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/53831-vy-ne-poverite-glazam-pokazyvaem-luchshie-obmanu-zreniya-v-seti/>

² См. сайт: [Электронный ресурс.] URL: www.iccarbitration.org

судебной экспертизы по выявлению психологических признаков достоверности (недостоверности) информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства, по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [9, 10]. Однако в 2016 г. научно-методический совет ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и ФГБУ «ФМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России подготовили критическое информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показания путем судебной экспертизы», адресованное следователям, судьям, прокурорам, руководителям федеральных бюджетных учреждений Минюста России, судебным психологам. Сделан вывод о неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы. Поэтому обеспечение достоверности доказательств, лежащих в основе утверждения следователя об обвинении и его фактических обстоятельствах, также является обязанностью следователя, которую он не вправе переложить на судебного эксперта. Это еще раз актуализирует проблему всесторонности исследования доказательств, когда следователь обязан равно внимательно относиться к проверке доказательств, как подтверждающих, так и опровергающих его выводы о фактических обстоятельствах совершения преступления.

В этой связи нельзя не упомянуть и такой способ проверки достоверности показаний как испытание на полиграфе, которое нередко оформляется как судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа [11-13]. Это техническое средство все более набирает популярность, и следователи в сложных случаях расследования, когда недостаточно доказательств причастности определенного лица к совершению преступления, прибегают к его помощи. Что может дать следователю полиграф для более успешного выполнения обязанности формирования обвинения? Это техническое устройство действительно способно выявить индивидуальные психофизиологические реакции человека на определенные вопросы-раздражители. Поставленные испытуемому вопросы направлены на выявление реакций на конкретную юридически значимую информацию, касающуюся тех или иных аспектов, связанных с совершенным преступлением. Реакции могут быть нейтральными в пределах нормы, а могут быть нестандартными, что может свидетельствовать о попытке дать ложный ответ на поставленный вопрос. Однако пока нет технического средства, которое бы ответило на вопрос, почему реакция нестандартная. Человек сознательно лжет или заданный вопрос вызвал иную ассоциацию, которая никакого отношения к расследуемому преступлению не имеет, но весьма значима лично для этого человека. Человек не управляет подобными ассоциациями, не может их предвидеть, отменить, приглушить. А полиграфолог не может дать следователю бесспорное объяснение по поводу того, чем вызвана нестандартная реакция на заданный вопрос. Единственное, что вправе сделать полиграфолог — это констатировать, что на определенные вопросы следовала определенная реакция испытуемого. Возможно, в каких-то случаях подобная информация поможет следователю строить новые версии или более глубоко проверять имеющиеся, но подобная информация никогда и ничего не доказывает. Обязанность следователя — устанавливать и анализировать *фактические* обстоятельства. Положение п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ относит к недопустимым доказательствам любые показания,

основанные на догадке, предположениях, слухе, тогда как применение полиграфа и истолкование результатов исследования всегда основываются исключительно на предположениях о возможности той или иной причины нестандартной реакции испытуемого. Полиграф, как техническое устройство, не может различить сами причины нестандартного реагирования. Утверждение о причинах, об их связи исключительно с обстоятельствами дела является всего лишь результатом интерпретации, данной полиграфологом, которая всегда строится как предположение. Между тем из ч. 2 ст. 14 УПК РФ следует, что закон возлагает на следователя бремя *опровергать* доводы защиты. Поставить их под сомнение на основании предположения специалиста-полиграфолога явно недостаточно для выполнения этой обязанности. Требование «опровергнуть» означает обязанность следователя привести доказательства противного и содержательно доказать, что приведенный довод защиты не соответствует действительности. При этом следует четко различать «опровержение» и «опорочивание». Первое всегда меняет *содержание* информации, тогда как второе способно лишь поставить информацию под *сомнение* ввиду заинтересованности лица, дающего показания (родственные отношения, дружба или вражда и т.п.). Однако при попытке опорочить информацию или ее источник *опровержения содержания* защитительной информации не происходит. Обвинение, между тем, основывается только на доказательствах, а обвинительный приговор не может быть основан на предположениях (ч. 4 ст. 14 УПК РФ), что и создает единственную и непререкаемую правовую основу для обязанностей следователя при привлечении лица в качестве обвиняемого.

Следует подчеркнуть и иной аспект обсуждаемой проблемы. Обеспечение достоверности показаний, их проверка и оценка, а также выявление противоречий среди доказательств, обнаружение сомнительных показаний входят в обязанности следователя. Именно для этого следователь, согласно ст. 87 УПК РФ, самостоятельно сопоставляет каждое доказательство с другими, уже имеющимися в деле, получает новые доказательства, подтверждающие или опровергающие проверяемое доказательство. Ни судебная экспертиза по выявлению психологических признаков достоверности (недостоверности) информации, ни испытания на полиграфе не могут обеспечить выполнение указанной обязанности уже в силу того, что они не дают следователю *доказательств*, восполняющих недостающую информацию о юридически значимых фактических обстоятельствах совершения преступления. Выводы эксперта или полиграфолога о том, что в поведении допрашиваемого ими выявлены признаки дачи недостоверной информации с точки зрения установления фактических обстоятельств дела, бесполезны. Следователь и сам уже понимает, что полностью доверять показаниям проверяемого участника процесса нельзя, иначе он не поручал бы такого рода проверку. Сомнения самого следователя уже достаточно, чтобы понимать, можно ли положить то или иное доказательство в обоснование обвинения. Эксперт или полиграфолог, подтвердив такое подозрение, никак не решают возникшей проблемы с недостаточностью обоснования обвинения. Исправить ситуацию может только производство иных следственных действий по отысканию и собиранию дополнительных доказательств, которые могут дать информацию

для подтверждения выводов следователя, или опровержения его выводов. Только таким путем следователь получает основание для принятия решения или о правильности обвинения, или о необходимости его корректировать. Поэтому нет смысла тратить время и государственные средства на проведение фактически бесполезных действий. Само по себе установление признаков дачи недостоверных показаний может использоваться как ориентирующая информация, причем подозрений самого следователя уже достаточно, чтобы выдвигать и начинать проверку новых версий, продолжать собирание новых доказательств по делу. Заключение эксперта о наличии признаков дачи недостоверных показаний допрашиваемым лицом или аналогичные выводы полиграфолога собственного доказательственного значения для установления фактической основы обвинения не имеют и иметь не могут, хотя бы потому что доказательство всегда дает следователю фактически данные об обстоятельствах совершения преступления. Доказательство должно подтверждать позитивные утверждения следователя о тех фактических обстоятельствах, которые он может доказать. Строить утверждение об обвинении на предположениях недопустимо. Поэтому показаниями, вызывающими у него сомнения, он пользоваться не может, независимо от того, порождены ли сомнения его собственной оценкой или заключением эксперта, специалиста о выявленных ими признаках недостоверности. Итоговую оценку доказанности обвинения дает суд, который выносит обвинительный приговор, когда совокупность доказательств не вызывает сомнений, или оправдательный приговор, если доказательств недостаточно или они порождают сомнения в достоверности.

Список литературы

1. Точилковский В. О доступе обвиняемого к материалам, благоприятным для защиты // Блог В. Точилковского. [Электронный ресурс.] URL: [follow.it<hi@follow.it>](mailto:follow.it@hi@follow.it)
2. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории правового регулирования: монография. М., 2014. С. 81-82.
3. Обидин К.В. Особенности предмета доказывания по делам о взяточничестве // Уголовное судопроизводство. 2017. № 4. С. 27-31.
4. Профессиональные навыки юриста: Опыт практического обучения. М.: Дело, 2001. С. 204-218.
5. Адвокат: навыки профессионального мастерства / под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой.
6. Порубов Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии: учебное пособие. М.: БЕК, 1998. С. 14-15.
7. Ильина В.А. Современные представления о формировании показаний участников уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 213-218.
8. Шоу Джулия. Ложная память. Почему нельзя доверять воспоминаниям. [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24053874.

9. Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.

10. Демина И.Л. Возможности вербальной судебно-психологической экспертизы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 92-98.

11. Ищенко Е.П. Полиграф Полиграфович. М.: Проспект, 2013.

12. Комиссарова Я.В., Мягих Н.И., Пеленицын А.Б. Полиграф в России и США: проблемы применения. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 3.

13. Комиссарова Я.В. Основы полиграфологии: учебник для магистров. М.: Проспект, 2016.

Б.Я. Гаврилов, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, генерал-майор юстиции (в отставке), г. Москва

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОМПЛЕКСА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ЧТО МОЖЕТ ПРЕДЛОЖИТЬ РОССИЙСКАЯ НАУКА?

Исследуя проблемы современного российского законодательства уголовно-правового комплекса в борьбе с преступностью, автор считает необходимым указать на его низкую эффективность, поскольку, например, количество направленных следователями органов внутренних дел в суд уголовных дел из числа возбужденных за три последних десятилетия сократилось более чем на треть (с 36% в 1991 г. до 22% в 2021 г.) [1]. Проблемой судебного разбирательства остается то, что в течение двух последних десятилетий ежегодно судами без вынесения приговора прекращается производство от 150 до 250 тыс. уголовных дел, решение по которым могло быть принято на стадии предварительного расследования, на что автор настоящей публикации неоднократно обращал внимание [2].

Одной из причин сложившегося положения является заформализованность и забюрократизированность уголовного судопроизводства, наглядным примером чего является приговор в отношении гр-на З., который 23.08.2015 в 15 час. 30 мин., будучи в состоянии опьянения, путем разбития камнем оконного стекла в присутствии проходившего мимо гр. К., несмотря на предупреждение последнего о недопустимости совершения преступления, похитил с витрины магазина три упаковки туалетной бумаги стоимостью 197 руб., но был задержан на месте. За совершенное преступление он был осужден по ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам 5 месяцам лишения свободы. Несмотря на очевидность обстоятельств совершенного, расследование и судебное разбирательство по уголовному делу осу-

ществовалось почти 5 месяцев, в течение которых обвиняемый содержался под стражей. По уголовному делу проведена судебно-товароведческая экспертиза, затраты на которую составили более 3 тыс. руб. Содержание приговора изложено на 14 страницах¹. И таких уголовных дел в России ежегодно расследуется десятки тысяч. Изложенное отрицательно сказывается на социальной оценке правосудия и соответственно свидетельствует о необходимости реформирования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в том числе возвращение уголовного проступка и введение для подобной категории уголовных дел упрощенных форм расследования при условии обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса, а также реформирование основных процессуальных институтов.

Одновременно следует учитывать, что, несмотря на многочисленные судебные реформы, проводимые в последние двести лет, следственная власть, следственный уголовный процесс остаются, как утверждает профессор А.С. Александров [3], основами организации борьбы с преступностью, предлагая в этой связи отказ от современного предварительного следствия с переходом на прокурорское дознание и тем самым значительное упрощение форм расследования преступлений, как это имеет место, например, в романо-германской правовой системе.

С этим утверждением возможно было бы и согласиться, если бы к этому была готова судебная система, однако в условиях России такие революционные преобразования способны только разрушить систему предварительного расследования, без которого судебная система останется «без работы». С учетом этого представляются целесообразными последовательные шаги законодателя по преодолению имеющихся с точки зрения правоприменителей проблем действующего УПК.

Отмечая несовершенство законодательства, автор обращается к мнению профессора В.Т. Томина [4]², который отмечал, что мир долгие эпохи мечтает о том, чтобы появилось «юридическое чудо — первый в мировой истории уголовный процесс, который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности». Понятно, что подобная цель просто недостижима.

Среди причин снижения эффективности уголовного судопроизводства следует указать на внесенные за 20 лет действия УПК РФ почти 300 федеральными законами изменения, часть из которых носила несистемный характер, а отдельные из них носили характер контрреформ (изменение процессуальных правил изложения доказательств в обвинительном заключении, расширение перечня судебных стадий для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ и ряд других) [5].

Одновременно, говоря о внесенных в УПК РФ многочисленных изменениях, следует указать, что абсолютное большинство из них было обусловлено тем, что:

¹ Приговор Богородицкого районного суда Тульской области № 1-1/2016 1-124/2015 от 18 января 2016 г. по делу № 1-1/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>.

² Автор более 30 лет посвятил следственной работе.

- они явились результатом введения вновь или совершенствования ряда институтов действующего УПК РФ. Так, Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ¹ следователи были из состава прокуратуры с последующим образованием Следственного комитета РФ, а для реализации данных изменений законодатель передал руководителю следственного органа полномочия по процессуальному руководству следователями с одновременным сохранением за прокурором надзорной функции за их деятельностью. Далее, законодателем в УПК РФ в качестве участников уголовного процесса были введены начальник подразделения дознания и начальник органа дознания, а также включен институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Существенные изменения в УПК РФ были внесены Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ², которым значительно расширен перечень следственных и иных процессуальных действий, осуществляемых в ходе проверки сообщения о преступлении; в досудебное производство введены сокращенная форма дознания, а Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ³ в связи с необходимостью реализации решений Европейского Суда по правам человека по делу «Бурдов» и «Бурдов 2 против Российской Федерации» в УПК включена норма-принцип — ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» в которую в последующие годы были внесены изменения еще 5 Федеральными законами с целью уточнения момента исчисления разумных сроков и ряд других нововведений;

- отдельные нормы УПК РФ сегодня содержат положения УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., не отвечающие современным потребностям;

- ряд норм принятого УПК РФ, как отмечено выше, явились результатом компромисса между представителями правоохранительных органов, с одной стороны, научного сообщества совместно с законодателем, с другой стороны. К ним следует отнести переходные положения, предусматривающие сохранение за прокурором до 1 января 2004 г.⁴ права санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, а также на продление срока содержания подозреваемых, обвиняемых под стражей⁵. Последнее послужило для Конституционного Суда РФ основанием для принятия Постановления

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 24. Ст. 2830.

² О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. С. 875.

³ О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательств РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

⁴ О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 177-ФЗ // Собрание законодательств Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4924.

⁵ О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Федеральный закон от 29.12.2001 г. № 183-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 53. Ст. 5019.

от 14.03.2002 № 6-П¹ о признании не соответствующим Конституции РФ положений уголовно-процессуального закона о санкционировании прокурором заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу, что обусловило внесение в УПК еще до вступления его в действие первых изменений².

С учетом этого позиция автора заключается в предложениях по обсуждению в научном сообществе и среди правоприменителей с последующим доведением до законодателя конкретных предложений, предусматривающих пересмотр отдельных процессуальных институтов. Эти изменения, по нашему мнению, должны быть направлены на:

- пересмотр положений ст. 162 УПК РФ о двухмесячном сроке предварительного следствия и возможности его продления фактически без ограничений (в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности) в силу их противоречия норме — принципу (ст. 6¹ УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 №11-П, не должен превышать по уголовным делам 4 лет. Более того, норма о двухмесячном сроке предварительного следствия «пришла» из УПК РСФСР, 1922 г.;

- увеличение первоначального (двухмесячного) срока содержания обвиняемого под стражей, в который, исходя из содержания ч. 1 и ч. 1¹ ст. 221 УПК РФ входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного решения по поступившему к нему уголовному делу (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) и еще 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ. В Италии, Испании, Франции и большинстве других европейских государств первоначальный срок ареста по судебному решению составляет до 6 месяцев с возможностью его сокращения по обращению прокурора или стороны защиты;

- исключение из УПК РФ института предъявления обвинения, нормы которого на протяжении десятилетий обеспечивали реализацию права обвиняемого на защиту путем допуска защитника к участию в уголовном деле именно с момента предъявления обвинения. В этой связи следует учитывать, что с принятием указанного выше Федерального закона № 23-ФЗ участие адвоката-защитника предусмотрено уже с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении. Более того, сегодня фактически нивелированы различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), кроме этапа окончания расследования уголовного дела. Среди аргументов и то, что в суд за период действия УПК РФ направлено более 5 млн уголовных дел, расследованных в форме дознания, без «классического» предъявления обвинения. Не предусматривали данного института и нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [6]. В большинстве государств Европы, а сегодня и в

¹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14.03.2002 № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Мартынова и С.В. Пустовалова».

² О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.

ряде государств бывшего постсоветского пространства данный институт отсутствует, поскольку с позиции Европейского Суда по правам человека обвинение это есть обоснованное подозрение¹;

- введение взамен сокращенного дознания протокольной формы предварительного расследования в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» (как это приведено выше в отношении осужденного З.) и признании им факта совершения преступного деяния. Данная форма расследования, по мнению автора, не должна предусматривать процедуру возбуждения уголовного дела, также предлагается законодательным путем ограничить перечень обязательных следственных действий при производстве дознания в протокольной форме допросом заподозренного в совершении преступления лица, а также потерпевшего. Закон должен предусматривать обязательное задержание такого лица по основаниям, предусмотренным ст. 91-92 УПК РФ на срок до 48 часов, в течение которых расследование должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд с учетом положений п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ суд продлевает срок задержания до 72 часов, в течение которых осуществляется судебное разбирательство.

В числе наиболее актуальных проблем, связанных с совершенствованием досудебного производства, автору видятся следующие:

- с одной стороны, не вызывает сомнений обоснованность реформирования Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ досудебного производства [7-9], о чем свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о результатах следственной работы, позволяющие сделать вывод о более высоком:

а) уровне процессуального контроля:

Период	Число оправданных судом лиц, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 — 2,0	524	1885 — 18,0	954
2013	509 — 1,3	250	654 — 5,8	411
2021	371 — 1,2	101	630 — 6,5	241

б) и, одновременно, об усилении надзорной деятельности прокурора к качеству расследования, что обеспечило многократное сокращение количества дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

¹ Решение от 15.08.1982 по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. М.: Норма, 2000.

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования и прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	Следователям МВД	Удельный вес (в %)	След. прокур. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследов.	В т.ч. след-м/уд.вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 - 4,0%
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	—
2021	17507	6,0	1847	2,1	6315	4518 — 1,2

- с другой стороны, необходимость исключения из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой двукратное (на 1,45 млн) на протяжении последних 15 лет снижение количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 2,3 млн (в 2015 г.) количества «отказных» материалов при фактической неизменности числа зарегистрированных сообщений о преступлениях [10].

	2006	2015	2017	2019	2020	2021
Зарегистрировано сообщений о преступлениях, млн	10,7	12,2	10,3	9,9	9,3	9,3
Возбуждено уголовных дел, млн	3,3	1,89	1,78	1,7	1,7	1,68
В т.ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях, %	30,8	15,5	16,8	17,1	18,4	18,1
Количество «отказных» материалов, млн	4,5	6,8	6,3	6,0	5,5	5,7

Исключение ст. 146 и 148 УПК РФ обусловлено и складывающейся с учетом решений Конституционного Суда Российской Федерации¹ и позиции Верховного Суда Российской Федерации [11] судебной практикой возбуждения уголовных дел, которая противоречит многолетней практике расследования и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 60 лет норме о возбуждении уголовного дела.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 г. № 343-О. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudbiblioteka.ru/ks>.

Относительно возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела. Для разрешения этой проблемы необходимо, по мнению автора, изменить редакцию пункта 4 части 1 статьи 140 УПК РФ, установив, что «по постановлению прокурора о направлении материалов в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании следователь, дознаватель незамедлительно (в течение 24 часов) возбуждает уголовное дело за исключением случаев, препятствующих началу его производства». Такие случаи предусмотрены ч. 1 ст. 24 УПК РФ (п. 3, 5, 6) и ч. 1 ст. 27 УПК РФ (п. 3–6).

В качестве самостоятельного прокуратурой выдвигается требование о возвращении прокурору полномочий по согласованию обращений следователей в суд о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу, поскольку передача этой функции руководителю следственного органа повлекла, по мнению прокуратуры, рост нарушений законности. По мнению автора, о необоснованности этих требований можно судить через приведенные статистические данные о числе заключенных под стражу граждан.

Сведения о числе заключенных под стражу подозреваемых, обвиняемых по ходатайствам следователя, дознавателя (за 2005-2008 гг., 2016-2020 гг.)

	2005	2007	2008	2016	2019	2020
Следоват. прокурат.	52026	—	—	—	—	—
Следоват. при прокуратуре	—	39586	36112	—	—	—
Следователям СК РФ	—	—	—	23613	19409	18938
Следователям ОВД	141174	128709	122671	75422	60118	53185
Дознавателям ОВД	28889	21666	16922	6796	4902	4043

Предложения автора по совершенствованию современного досудебного производства поддерживаются в российском научном сообществе и среди практикующих юристов. Задача сегодня состоит в разработке такой доктрины досудебного производства, которая будет реально отражать произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни российского государства изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше процессуальных институтов.

Комментируя реформы в сфере уголовного законодательства от 3 июля 2016 г. (в части декриминализации краж чужого имущества без квалифицирующих признаков с размером ущерба до 2 500 руб. (ч. 1 ст. 158 УК РФ), части побоев (ст. 116 УК РФ), фактов уклонения от уплаты «алиментов» (ст. 157 УК РФ), Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев отметил, что данные уголовно-правовые новеллы требуют законодательного продолжения. Поэтому в УК РФ

предлагается ввести «уголовно-наказуемый проступок», который является новым элементом в российской уголовно-правовой политике¹.

Данное обстоятельство, по мнению автора, следует учитывать и законодателю в случае реализации представленного А.Л. Кудриным 5 апреля 2017 г. на парламентских слушаниях в Совете Федерации РФ проекта Дорожной карты (2017-2025 гг.) совершенствования уголовной политики². При ее разработке следует учитывать, что в уголовном законодательстве сегодня в избытке присутствуют уголовно-правовые запреты, негативным последствием чего является то, что в России количество лиц, которые отбывают наказание в виде лишения свободы, на 100 тыс. населения составляет 630 человек, в то время как в скандинавских странах это число равно 88, в Италии — 78, во Франции — 100, Испании — 126 и т.д. [12].

На необходимость возвращения в уголовный закон уголовного проступка сегодня указывают С.В. Максимов [13], Е.В. Рогова и др., а также практикующие юристы (Б.Я. Гаврилов и др.) [14], предлагающие в своих публикациях дифференцировать уголовно наказуемые деяния в зависимости от их тяжести путем градации на преступления и уголовные проступки.

Вместе с тем существуют и иные точки зрения. Например, профессор Л.В. Головкин обосновывает позицию об отсутствии в России должных правовых оснований для этих изменений [15]. Аналогичную точку зрения высказывает и А.А. Толкаченко (заместитель Председателя Верховного Суда РФ (в почетной отставке)), отмечая, что «в современных условиях введение уголовного проступка ... и судопроизводство по нему не способны сами по себе оказать принципиального влияния на уголовную политику» [16].

Появление сегодня уголовного проступка в законодательстве уголовно-правового комплекса призвано соответствовать политике России о гуманизации не только уголовного закона, но и уголовно-процессуального закона, поскольку для их расследования и должна применяться протокольная форма расследования и, соответственно, отвечает требованиям социально-ориентированного государства о либерализации уголовной ответственности, в том числе снижении «уровня уголовной репрессии».

Необходимость возвращения в современное российское законодательство уголовного проступка автор аргументирует, во-первых, высоким уровнем показателя осужденных лиц (так, в 1992-2001 гг. ежегодно в суд направлялись уголовные дела в отношении более 1,5 млн граждан, к 2008 г. их число уменьшилось до 1,2 млн человек и за 2021 г. их число, хотя и сократилось до 723,6 тыс., однако криминализация общества остается значительной).

¹ Глава Верховного суда: Предлагаем внести в закон понятие «уголовный проступок» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/10/13/glava-verhovnogo-suda-predlagaem-vnesti-v-zakon-poniatiye-ugolovnyj-prostupok.html>.

² Парламентские слушания по вопросам развития уголовного законодательства [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/79098/.

Сведения о числе граждан, привлеченных к уголовной ответственности

Период	1999	2008	2010	2013	2014	2015	2019	2020	2021
Число обвин. (тыс.)	1553,0	1210,0	999,5	881,5	859,5	884,6	789,0	739,0	723,6

С учетом предложенного в октябре 2020 г. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», которым предусмотрен перевод более чем 100 составов преступлений, включая 22 вида преступлений экономической направленности, в уголовные проступки, чем, соответственно, в значительной мере будет снижен в отношении российских граждан уровень уголовной репрессии. Дело за российским законодателем.

Список литературы

1. Гаврилов Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 98-102.
2. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: монография. М.: Проспект, 2008. С. 37.
3. Александров А.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5 (5). С. 7-10.
4. Томин В.Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Горький, 1989. 112 с.
5. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74-82.
6. Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции 11 апреля 2019 г. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 65-73.
7. Гаврилов Б.Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 37-41.
8. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 18-25.
9. Гаврилов Б.Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 19-26.

10. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 74-78.

11. Кожокарь В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 20-22.

12. Радченко В.И. Как исправить тюрьму // Российская газета. 2009. № 4998.

13. Максимов С.В. УК на перепутье. Стоит ли форсировать работу над новым кодексом [Электронный ресурс] // Опубликовано на сайте «Российской газеты» 7 июня 2011 г.

14. Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Перспективы закрепления уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2-5.

15. Головкин Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые замыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1.

16. Толкаченко А.А. К обсуждению проекта федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или чем может помочь Постановление Пленума ВС РФ от 31.10.17 № 42 // Закон. 2018. № 1.

Е.Н. Петухов, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ГАРАНТИРОВАННОГО ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Проблема прав и обязанностей человека на протяжении многих столетий вызывала и вызывает значительный интерес у представителей юридической науки. Ее теоретическому обоснованию и многостороннему исследованию были посвящены многочисленные труды отечественных и зарубежных ученых.

В словаре В. Даля обязанность — это то, что подлежит безусловному выполнению по общественному или внутреннему побуждению [1].

В таком смысловом значении общего характера термин «обязанности» употребляется и интерпретируется в юридической среде с древних времен, начиная с М.Т. Цицерона, который написал целый трактат «Об обязанностях». Большое внимание обязанностям уделяли в своих трудах, и такие известные французы как Шарль Монтескье и Людвиг Даги. Еще можно назвать достаточно большой круг философов и ученых из других зарубежных стран в этом ряду.

Российские ученые также внесли значительный вклад в разработку сущности обязанностей. При этом они определяли общее понятие обязанностей в таком же контексте, как и вышеназванные зарубежные философы и юристы, а в части конкретики выработали свое. Из обобщения трудов таких российских ученых как Н.М. Корнуков [2, с. 35-37], Л.Л. Герваген [3, с. 91], И.В. Михайловский

[4, с. 250-283], Л.И. Петражицкий [4, с. 301-315], Б.Н. Чичерин [4, с. 81-102], С.Н. Братусь [5, с. 11], С.Ф. Кечекьян [6], С.С. Алексеев [7], Н.И. Матузов [8] и многих других, следует констатировать, что они, конкретизируя данную правовую категорию, под обязанностями понимали — вид и меру государственно-целесообразного, полезного поведения, призванного вносить порядок в жизнь. И с этим нельзя не согласиться — этому необходимо следовать.

Однако с начала 90-х гг. XX в. в России, когда на смену эпохи консерватизма пришла эпоха либерализма, особое место в работах ученых-юристов, как и в целом в мировоззрении российского общества стали занимать права, свободы и интересы личности, при этом незаслуженно забыли о важнейшем правовом институте — обязанностях человека как субъекта права. Забыто, что строгое и четкое исполнение субъектами права обязанностей, особенно уголовно-процессуальных, является необходимым условием реализации положений нормативных правовых актов, восстановления справедливости в обществе, обеспечения суверенитета и целостности государства, а также защиты прав, свобод и законных интересов каждого человека.

На данный пробел в уголовно-процессуальной науке справедливо указал В.М. Корнуков, верно отметив, что в теории уголовного процесса при анализе правового положения субъектов уголовно-процессуальной деятельности часто проявляется односторонность: раскрываются права, свободы, гарантии их осуществления, а обязанности, как правило, или вовсе опускаются, или просто перечисляются. При этом он верно указал на зависимость должного уровня уголовно-процессуальной дисциплины и строгого соблюдения законности в уголовном судопроизводстве от соответствующего теоретического и практического осмысления обязанностей всех субъектов уголовно-процессуальной деятельности [9, с. 81, 88].

К настоящему времени изменений с позиции увеличения внимания исследователей к проблеме уголовно-процессуальных обязанностей в достаточной степени не произошло. Работ, которые полностью были бы посвящены обязанностям участников уголовного процесса, на сегодняшний день нам известны только три. Л.Л. Кожевников посвятил свое кандидатское диссертационное исследование обязанностям обвиняемого [10], А.С. Санников провел исследование и подготовил учебное пособие, посвященное обязанностям участников со стороны обвинения [11] и А.В. Авилов в своем диссертационном исследовании раскрыл обязанность доказывания в уголовном судопроизводстве [12]. Нельзя не отметить в этом плане и заслуги Л.М. Володиной [13, с. 115-126] и О.И. Андреевой [14], которые уделяют в своих монографиях достаточно большое внимание сущности и предназначению обязанностям должностных лиц и органов государства в уголовном судопроизводстве, справедливо призывая дать им в уголовно-процессуальном законодательстве четкие формулировки и возложить за их неисполнение на указанных лиц ответственность.

Вслед за данными учеными мы, также проявляя научный исследовательский интерес к проблеме юридических обязанностей и изучая их сущность и вопросы средств обеспечения их исполнения достаточно глубоко на протяжении последних 4 лет, сформулировали авторское понятие данной правовой категории

в сфере уголовного процесса, которую определили как закрепленную в нормах уголовно-процессуального законодательства необходимую совокупность определенного вида, определенной меры и обеспеченных возможностью осуществления должных (правовых) действий участника уголовного процесса, за неисполнение (или ненадлежащее исполнение) которых предусматривается ответственность в виде претерпевания различного рода ущемлений прав и свобод данного участника.

На наш взгляд, уголовно-процессуальные обязанности, выступая основным обеспечительным ресурсом реализации интересов и прав участников в уголовном процессе, а также наряду с правами обеспечивая регулирование всех уголовно-процессуальных отношений как отдельные уголовно-процессуальные категории имеют право на самостоятельное теоретическое осмысление, законодательное регулирование и обеспечение их надлежащей практической реализации (то есть исполнения).

Необходимость обращения к обеспечению надлежащей практической реализации (исполнения) уголовно-процессуальных обязанностей вызвана потребностью анализа вопросов, связанных с рассмотрением и использованием организационно-правовых и иных средств обеспечения должного поведения участников уголовного процесса. Считаем, что решение обозначенной научно-исследовательской задачи лежит в плоскости изучения таких явлений как убеждение, принуждение, стимулирование, разъяснение, а также создание возможностей, условий и т.д.

Исходя из этой потребности в науке уголовного процесса возникает необходимость определения сущности надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, чтобы понять и раскрыть процесс исполняемости данных процессуальных категорий, а также осознать момент и степень их исполненности, от которых зависит качество решения задач и в итоге достижения целей уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, надлежащее исполнение уголовно-процессуальных обязанностей следует связать с такими критериями как субъект, способ, срок и цель. Отсюда надлежащим исполнением уголовно-процессуальных обязанностей следует считать точное и полное совершение обязанным участником уголовного процесса действий, предписанным законом способом с целью решения задач уголовного судопроизводства или достижения законных интересов этих участников в установленные сроки.

Однако в правоприменительной практике это только ожидаемый результат, так как существует проблема, обусловленная неисполнением и надлежащим исполнением уголовно-процессуальных обязанностей.

Как показывают результаты наших исследований (анкетирование, интервьюирование, опросы более шестисот участников уголовного судопроизводства), сложившаяся ситуация в сфере проблемы исполнения уголовно-процессуальных обязанностей применительно к правообязанным субъектам выражается в трех вариантах, из которых устанавливаются и причины неисполнения обязанностей.

Первый вариант: хочу, но не могу исполнить обязанность — почему?

- не понимаю содержание обязанности (что мне делать или ничего не делать?);
- не создана возможность исполнить обязанность;
- не знаю, как исполнять обязанность (должен совершить какие-то активные действия или воздержаться от совершения каких-либо действий?);
- нет условий для исполнения обязанности;
- имеются не преодолимые препятствия для исполнения обязанности;
- не могу найти ее в законодательстве.

Второй вариант: могу, но не хочу исполнить обязанность или просто игнорирую ее исполнение — почему?

- не в моих интересах исполнять обязанность;
- не знаю, зачем мне исполнять обязанность;
- имеются уважительные причины, позволяющие не исполнять обязанность;
- знаю, что мне ничего за неисполнение обязанности не будет (например, не предусмотрена ответственность);
- боюсь себе навредить больше, чем получу в виде ответственности за ее неисполнение;
- не получу какие-либо поощрения за исполнение обязанности, то есть нет стимулов исполнять обязанность;
- нет совести и чувства долга.

Третий вариант: не знаю, что на меня возложена обязанность, поэтому не знал, что нужно исполнять обязанность — почему?

- закон не знаю и, соответственно, о своих обязанностях тоже не знаю;
- мне никто не разъяснил, что на меня возложена обязанность.

Результаты изучения нами судебно-следственных материалов уголовных дел (изучено более трехсот) и материалов статистической отчетности правоохранительных органов с позиции анализа исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, закрепленных в нормах действующего УПК РФ, подтверждают эту негативную вариацию поведения участников уголовного процесса.

Например, как показывают результаты наших исследований, ежегодно при рассмотрении районными судами г. Барнаула уголовных дел однократное отложение слушания производится в 29,1% случаев; двукратное — в 14,5%; а на долю дел, отложение которых осуществляется 3 и более раз, приходится 11,4% случаев. При этом главной причиной отложения является неявка без уважительных причин участников судопроизводства — 81,1% случаев (из которых 43,2% — неявка потерпевших; 21,6% — неявка свидетелей).

Причинами неявки в суд являются:

- во-первых, нежелание лица участвовать в разбирательстве дела;
- во-вторых, ненадлежащее уведомление о дате и времени рассмотрения дела.

Оценивая исполнение обязанностей доказывания, уголовного преследования и правосудия, также наблюдается исходя из докладов Председателя СК РФ А.И. Бастрыкина [15] и Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева [16]

о результатах деятельности подчиненных им субъектов (соответственно следователей и судей) их ненадлежащее исполнение.

Например, о ненадлежащем исполнении обязанности доказывания и в целом ненадлежащем исполнении обязанности уголовного преследования следователями следственного комитета свидетельствуют уголовные дела, которые возвращаются судами на доработку ежегодно в количестве более 1000 штук.

О ненадлежащем исполнении уголовно-процессуальных обязанностей по уголовным делам судами указывают результаты судебного контроля вышестоящих судов, что свидетельствует по мнению Председателя Верховного Суда РФ о недостаточном качестве исполнения обязанности осуществления правосудия, так как в среднем за год только судами апелляционной инстанции отменяется за нарушение установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу обвинительных и оправдательных приговоров около 50 штук.

Такая же картина наблюдается, например, и в решениях Президиума ВС РФ за 2021 г.

Результаты интервьюирования более двухсот представителей органов расследования, прокуратуры и судов показывают, что такие положения дел порождают причины организационного, кадрового, морально-нравственного, материально-технического, правового и иного характера.

Как следствие, можно констатировать, что обязанности как компонент системы уголовного процесса функционируют не должным образом, то есть участвуют в регулировании уголовно-процессуальных отношений недостаточно эффективно.

Используя в своих исследованиях разработанный в науке криминалистики В.А. Образцовым и Л.В. Бертовским метод сравнительного анализа [17], связанный с модельной информацией, мы пришли к выводу о том, что возникла разни-

ца между существующей (запрограммированной в законодательстве) системой средств обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей и желаемой (необходимой) системой средств, которая в своем потенциале должна более эффективно обеспечивать надлежащее исполнение уголовно-процессуальных обязанностей.

Можно констатировать, что из данной проблемной ситуации вытекает проблема совершенствования организационных, процессуальных и иных средств обеспечения надлежащего исполнения обязанностей в уголовном судопроизводстве, которая, безусловно, требует своего разрешения в ходе исследования.

Руководствуясь логикой научного исследования, можно сформулируем центральный вопрос обозначенного исследования, исходя из сущности, определенной нами проблемы. Полагаем, что он может звучать следующим образом: какие теоретические положения создадут предпосылки обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей и позволят усовершенствовать правовое регулирование и организацию уголовно-процессуальной деятельности для повышения эффективности достижения социальной справедливости в обществе ресурсами уголовного процесса?

В данной ситуации мы видим потребность разработки уголовно-процессуальной наукой теоретического алгоритма, посредством которого уголовно-процессуальная теория была бы способна предложить правоприменительной практике эффективный способ организации уголовно-процессуальной деятельности для создания условий (возможности) надлежащего исполнения всех уголовно-процессуальных обязанностей.

В качестве обозначенного способа, гарантирующего обеспечение надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, по нашему мнению, должен стать механизм обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей (далее — механизм обеспечения). Исходя из этого, концепция гарантированного обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей представляет собой систему теоретических взглядов о модели механизма обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей и путях его совершенствования.

Переходя к содержательной характеристике структуры предлагаемого механизма обеспечения, используем функциональный подход в этом вопросе, предложенный А.С. Бахтой [18, с. 43].

Отсюда приходим к выводу, что внутреннюю структуру искомого механизма обеспечения должны составлять следующие основные элементы:

1. Нормы уголовно-процессуального законодательства, в которых устанавливаются предписания (обязанности) участников уголовного судопроизводства в виде совершения ими обязательных конкретных активных действий или соблюдения запретов (воздержание от определенных действий, поступков) — объективный элемент, подлежащий обеспечению;

2. Должностные лица и органы государства, осуществляющие производство по уголовному делу (дознатель, следователь, прокурор, суд) — субъективный элемент (субъекты обеспечительной деятельности);

3. Средства гарантирующего характера — инструментальный элемент (меры обеспечения).

Особо отметим, что полученные результаты исследования позволяют выделить два вида искомых средств инструментального характера и их разновидности в зависимости от выполняемых ими функций:

Первый вид — это средства-инструменты, выполняющие регулятивную функцию, направленную на установление способов и порядка правообеспечительной деятельности, к которым относятся: 1) средства-обережения; 2) средства-стимулы; 3) технические средства; 4) знания и возможности сведущих лиц и иных специальных субъектов как средства обеспечения; 5) организационные средства.

Второй вид — это средства-инструменты, выполняющие охранительную функцию, направленную на сдерживание противозаконного (не нормативного) поведения правообязанного субъекта уголовного судопроизводства, обусловленного страхом (угрозой) возможного применения в отношении такого субъекта мер правового принуждения либо фактом их непосредственного применения, к которым относятся: 1) уголовно-процессуальная ответственность; 2) дисциплинарная ответственность; 3) материальная ответственность; 4) уголовная ответственность; 5) неблагоприятные последствия.

Таким образом, средствами-инструментами, входящими в механизм обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей следует считать правовые явления, отвечающие свойствам этичности, научности, эффективности и экономичности, в чем мы солидарны с П.С. Элькиндр [19, с. 62-67], которые, будучи закрепленными в нормативных и иных правовых актах, функционируют как самостоятельные гарантии в виде инструментального элемента юридического воздействия (побуждения либо принуждения) целостной правообеспечительной системы (механизма обеспечения) в уголовном судопроизводстве для создания благоприятствующих условий, гарантирующих реальную возможность надлежащего исполнения субъектом уголовного процесса возложенных на него законодателем обязанностей.

Применяя в исследовании обозначенных нами элементов механизма обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей системный анализ, мы приходим к выводу, что структура данного механизма обеспечения состоит из системы разнообразных и разноплановых элементов, находящихся друг с другом в прямых и косвенных взаимосвязях, основными из которых являются функциональная и координационные связи.

Именно данные связи позволяют объединить такие разнородные элементы и действовать им как единый способ организации необходимых условий исполнения уголовно-процессуальных обязанностей.

На основании вышеизложенных рассуждений можно сформулировать понятие рассматриваемого механизма обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей как целостной системы.

Механизм обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей — это внутренне согласованная и самодостаточная система взаимосвязанных на координационной основе и взаимообусловленных между собой

единой целью должностных лиц и органов государства, осуществляющих производство по уголовному делу, императивных норм уголовно-процессуального законодательства, устанавливающих предписания в виде обязанностей участникам уголовного процесса и средств-гарантий, совместное функционирование которых создает оптимальные и эффективные условия, обеспечивающие реальную возможность исполнения надлежащим образом участникам уголовного судопроизводства возложенных на них законодателем уголовно-процессуальных обязанностей.

Безусловно, сформулированное нами понятие раскрывает назначение и сущность механизма обеспечения только на теоретическом уровне, однако для полной уверенности того, что названный ожидаемый результат будет достигнут, необходимо еще и знание реального способа эффективного применения этой теоретической конструкции в правоприменительной деятельности, посредством которого она должна найти свое воплощение на практике. То есть нужны конкретные ответы на вопросы о том, в каком виде теоретические знания о механизме обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей должны предстать перед правоприменителем и как он должен их использовать, чтобы организовать и осуществлять свою обеспечительную деятельность, направленную на создание оптимальных условий, в которых правообязанному лицу обеспечивается реальная возможность надлежащим образом исполнить возложенные на него законодателем уголовно-процессуальные обязанности.

Полагаем, что в сложившейся ситуации должностным лицам и органам государства, осуществляющим производство по уголовному делу, нам следует в качестве такого способа предложить ситуационное моделирование¹ [20], как метод правоприменительной деятельности в правообеспечительном процессе. Зная его сущность и используя его как методологическую основу уголовно-процессуальной практики, дознаватель, следователь, прокурор и суд имеют возможность на основе теоретических знаний о механизме обеспечения как системе постоянных, взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимодействующих элементов, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве, в ретроспективном и перспективном плане сформировать, соответственно, статическую (нормативную) и далее уже на ее основе — и динамическую (фактическую) модель данного механизма обеспечения.

При этом необходимо учитывать, что совокупность предписаний уголовно-процессуального законодательства, связанных с определением вида и меры уголовно-процессуальной обязанности, с субъектом ее исполнения и средствами

¹ Необходимо отметить, что идея ситуационного моделирования впервые была предложена советским, российским ученым-кибернетиком Д.А. Поспеловым. Основным элементом данного метода он предложил считать понятие «ситуация». При этом ученый ее определил как дискретную совокупность множества оперативных элементов, расположенных в определенных точках системы. Позднее он обозначил текущую ситуацию как совокупность всех сведений о структуре объекта и его функционировании в данный момент времени. В итоге, получилось, что ситуация — это «состояние», в которое входит комплекс связей между элементами объекта и их значениями.

обеспечения исполнения, а также внешних факторов, влияющих на обстановку, в которой субъекту, осуществляющему производство по уголовному делу, приходится осуществлять названную правообеспечительную деятельность, создавая оптимальные условия для надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, образует уголовно-процессуальную ситуацию¹ [21], которая характеризуется двумя состояниями:

1) запрограммированная (нормативная) модель поведения правообязанного субъекта и субъекта уголовно-процессуальной деятельности — абстрактное состояние;

2) фактическое состояние возникшего жизненного обстоятельства на конкретном этапе производства по уголовному делу, связанного с необходимостью исполнения определенной уголовно-процессуальной обязанности и организационно-правовой потенциал уголовно-процессуальной деятельности.

Значимость «ситуации», применительно к осуществлению любой правоприменительной деятельности и умение ее использовать в юридической науке точно обозначил С.И. Давыдов, который верно констатировал, что «только на основе анализа и оценки конкретной ситуации принимаются организационные, тактические и процессуальные решения, выбираются наиболее целесообразные средства, приемы и методы действий» [22, с. 384].

Анализ изучения положений уголовно-процессуального законодательства, в которых закреплены постоянные элементы механизма обеспечения, приводит к выводу о существовании на нормативном (абстрактном) уровне двух основных моделей исследуемого объекта:

1. Модель механизма обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей в ситуации, когда правообязанный субъект надлежащим образом исполняет возложенные на него законодателем уголовно-процессуальные обязанности добровольно.

2. Модель механизма обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей в ситуации, когда правообязанный субъект не желает добровольно надлежащим образом исполнять возложенные на него законодателем уголовно-процессуальные обязанности или исполняет их ненадлежащим образом, применяется принудительный порядок.

С учетом особенностей объекта исследования предложим свой поэтапный оптимальный алгоритм ситуационного моделирования, в который следует включить следующие 4 технологических этапа:

1) определение познавательной задачи моделирования с целью получения полной информационной базы знаний, необходимой для организации надлежащей обеспечительной деятельности;

2) создание ситуационной модели механизма обеспечения надлежащего исполнения конкретной уголовно-процессуальной обязанности по подобию ориги-

¹ Отдельно исследовать в нашей работе такое правовое явление как «ситуация», нет необходимости, так как этому феномену в юридических науках уделено достаточно большое внимание, особенно в криминалистике, где разработано целое научное направление «Криминалистическая ситуалогия».

нала (типовой базовой модели) на основе закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве предписаний;

3) изучение созданной ситуационной модели с целью выявления информационно «незаполненных» структурных элементов (или их недостаточностью) и связей между ними в базовой модели механизма обеспечения как системного объекта, исходя из складывающейся уголовно-процессуальной ситуации, образовавшейся в связи с необходимостью обеспечения надлежащего исполнения определенным участником уголовного процесса возложенной на него законодателем конкретной уголовно-процессуальной обязанности;

4) перенос полученных (выводных) знаний с созданной для исследования ситуационной модели механизма обеспечения на оригинал (базовую модель механизма обеспечения), то есть использование их для организации надлежащей обеспечительной деятельности с учетом объективных и субъективных факторов, способных существенно повлиять на динамику ситуации и соответственно существенно скорректировать количественный и качественный состав элементов базовой модели механизма обеспечения. В результате модель-оригинал содержательно обогащается до необходимого уровня, который гарантирует достижение цели ее предназначения.

Как мы видим, цель процесса ситуационного моделирования заключается в получении надлежащей информационной базы, необходимой для принятия обоснованных различного рода обеспечительных решений (процессуальных, тактического свойства, вспомогательно-технического и организационного характера) и на их основе совершения обеспечительных действий при создании оптимальных условий, в которых гарантированно возникает реальная возможность надлежащим образом исполнить участнику уголовного судопроизводства возложенные на него законодателем уголовно-процессуальные обязанности.

Основываясь на результатах анализа предписаний в уголовно-процессуальном законодательстве, а также на результатах подробного изучения материалов судебно-следственной практики, используя метод ситуационного моделирования как методологическую основу уголовно-процессуальной деятельности субъекта, осуществляющего производство по уголовному делу, можно конструировать типичные (фактические) ситуационные модели механизма обеспечения, возникающие по уголовным делам в связи с необходимостью надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей конкретного вида, которые должны распределяться в зависимости от правового статуса носителя обязанностей, а также его места в системе участников и роли в уголовном процессе по следующим однородным отдельным видовым группам: 1) служебные обязанности; 2) субъективные обязанности; 3) профессиональные обязанности; 4) общественные обязанности.

В зависимости от предложенных нами отдельных видов уголовно-процессуальных обязанностей, а также возможных вариантов сочетания структурных элементов механизма обеспечения их надлежащего исполнения выделяются несколько основных условных типовых (фактических) ситуационных моделей механизма обеспечения:

1. Типовая ситуационная модель механизма обеспечения надлежащего исполнения служебных (должностных) уголовно-процессуальных обязанностей. Она в большинстве случаев характеризуется отсутствием непосредственно закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве предписаний в виде обязанностей, возложенных на дознавателя, следователя, прокурора, суд, которые являются в данной модели механизма обеспечения одновременно такими элементами как субъективный элемент, выполняющий правообеспечительную функцию, так и правообязанный участник, который должен сам надлежащим образом исполнить предписание законодателя, которое для него образует служебный долг. Кроме того, в данной модели отсутствуют такие правовые обеспечительные средства как юридическая ответственность и не предусмотрено юридическое стимулирование.

2. Типовая ситуационная модель механизма обеспечения надлежащего исполнения субъективных уголовно-процессуальных обязанностей. Она характеризуется тем, что носителями и исполнителями уголовно-процессуальных обязанностей являются частные лица: потерпевший, частный обвинитель; подозреваемые; обвиняемый; подсудимый; гражданский ответчик; гражданский истец. Все указанные субъекты имеют в уголовном деле личный интерес и, соответственно, свою позицию в вопросе надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, то есть руководствуются выгодой для себя. Практически во всех случаях юридическими последствиями неисполнения данными участниками уголовного процесса возложенных на них законодателем уголовно-процессуальных обязанностей является применяемая в отношении их юридическая ответственность, которая в уголовном судопроизводстве — одновременно самое распространенное правовое средство обеспечения надлежащего исполнения властных предписаний (обязанностей) законодателя. Кроме того, в данную модель наряду со средствами обеспечения ущемляющего характера прав, свобод и интересов названных правообязанных субъектов могут входить еще и стимулирующие должное (нормативное) поведение средства обеспечения как правового, так и неправового характера, закрепленные в других, помимо уголовно-процессуального, отраслях права.

3. Типовая ситуационная модель механизма обеспечения надлежащего исполнения профессиональных уголовно-процессуальных обязанностей. Она характеризуется тем, что в основном правообязанными субъектами в данной ситуации являются лица, осуществляющие свою деятельность в уголовном судопроизводстве на профессиональной основе, однако при этом большинство из них не являются представителями органов государства. К ним можно отнести адвоката, эксперта, специалиста, переводчика. В большинстве случаев мотивом надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей для них является денежное поощрение (гонорар, выплаты по договору). В качестве средств обеспечения надлежащего исполнения данными участниками уголовно-процессуальных обязанностей может выступать правовая гарантия, относящаяся к иному законодательству, иногда даже конкурирующему с уголовно-процессуальным в сфере уголовного судопроизводства.

4. Типовая ситуационная модель механизма обеспечения надлежащего исполнения общественных уголовно-процессуальных обязанностей. Она характеризуется тем, что правообязанными лицами в данной ситуации являются в большинстве своем абсолютно не заинтересованные в исходе уголовного дела лица (иногда случайные и никаким образом не связанные с уголовным делом), у которых отсутствует мотивация к выполнению возложенных на них законодателем обязанностей. Как правило, они обременены частной, семейной жизнью, а также решением других, наиболее важных, чем участие в уголовном судопроизводстве, для них проблем. Либо, наоборот, правообязанными субъектами становятся заинтересованные лица, что ведет к риску недобросовестного исполнения ими уголовно-процессуальных обязанностей. Отсюда спектр включаемых средств обеспечения надлежащего исполнения такими субъектами уголовно-процессуальных обязанностей, как свидетель, присяжный, понятой, представитель, защитник (не адвокат), достаточно широк и неординарен, включая меры государственной безопасности.

Конструируемые модели-оригиналы и фактические модели в уголовном судопроизводстве с использованием метода нормативного моделирования и метода ситуационного моделирования, как справедливо отмечают Л.В. Бертовский и В.А. Образцов, выступают в процессе познания лишь как информационные ресурсы, которые подлежат изучению, оценке и сравнению [17, с. 21-24], в нашем случае, с целью организации правообеспечительного процесса, создающего необходимые условия для надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей. Поэтому правоприменителя следует вооружить еще одним значимым методом познания на теоретическом и практическом уровне — сравнительным модельным анализом.

Наглядно видно, как верно отмечает Л.В. Бертовский, данный метод позволяет устанавливать сходство и различия сравниваемых объектов, один из которых чаще всего является мысленной моделью этого объекта познания — фактической моделью, а другой — типовой информационной моделью (стандартом), запрограммированной в нормах права. При этом определяются качественно-количественные характеристики и другие особенности исследуемого объекта, позволяющие принимать соответствующие правовые решения [23, с. 36].

В завершение сделаем вывод о том, что предложенный нами метод ситуационного моделирования в достаточной степени способствует в научно-исследовательской и правоприменительной деятельности процессу конструирования теоретической модели механизма обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей в виде оригинала (базовой модели) и ситуационной (фактической) модели, а в продолжение к нему — метод сравнительного модельного анализа далее позволяет устанавливать значимую информацию о пробельности или недостаточности элементов в структуре модели-оригинале механизма обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, а также информацию о недостающих обеспечительных средствах или несовершенных (неэффективных) уже существующих обеспечительных средствах в данной нормативной модели. Что позволяет на основе полученных

знаний осуществлять поиск новых наиболее эффективных обеспечительных средств (правового, организационного, технического, стимулирующего и т.п. характера), которыми модель обогащается либо ими заменяются существующие в ней несовершенные средства. В итоге модель механизма обеспечения становится полной и способной в ходе ее функционирования как целостное правовое образование — механизм, с учетом влияющих на него факторов внешних систем, эффективно обеспечить создание необходимых условий, в которых возникает реальная возможность надлежащим образом исполнить участнику уголовного процесса предписание законодателя в виде обязанности.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 2. И-О. 1981. 779 с.
2. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 4-е изд. С.-Пб.: Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, 1897. 364 с.
3. Герваген Л.Л. Обязанности как основание права. С.-Пб.: Тип. ж. д. изд. А.Ф. Штольценбурга, 1908. 208 с.
4. Русская философия права: философия веры и нравственности: антология / сост. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филипова; автор и рук. проекта академик В.П. Сальников. СПб.: Алетейя, 1997. 399 с.
5. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 367 с.
6. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / отв. ред. М.С. Строгович. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.
7. Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. 320 с.
8. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права: монография. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. 512 с.
9. Корнуков В.М. Личность в уголовном судопроизводстве: проблема обязанностей // Советское государство и право. 1988. № 7. С. 81-88.
10. Кожевников Л.Л. Обязанности обвиняемого: Понятие, виды, проблемы правовой регламентации и обеспечения условий надлежащего выполнения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. 22 с.
11. Санников А.С. Обязанности участников уголовного судопроизводства стороны обвинения в досудебном производстве: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2013. 92 с.
12. Авилов А.В. Субъекты обязанности доказывания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 165 с.
13. Володина Л.М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 296 с.
14. Андреева О.И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 138 с.

15. [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1308329>; https://www.vsrfr.ru/press_center/video_archive/27607/. (дата обращения: 29.10.2019)
16. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYu_2017.pdf. (дата обращения: 29.10.2019 г.).
17. Бертовский Л.В., Образцов В.А. Выявление и расследования экономических преступлений: учебно-практическое издание. М.: Экзамен, 2003. 256 с.
18. Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 518 с.
19. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1976. 142 с.
20. Поспелов Д.А. Ситуационное управление: Теория и практика. М.: Наука, 1986. 284 с.
21. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. проф. Н.П. Яблокова. М.; Калининград, 1997. 248 с.
22. Давыдов С.И. Ситуационный подход в методологии оперативно-розыскной деятельности // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии / под ред. Т.С. Волчецкой; БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 382-387.
23. Бертовский Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 60 с.

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

*А.А. Балашова, к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России, полковник полиции, г. Иркутск*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Процесс доказывания — важнейшая часть уголовного судопроизводства. Именно посредством доказывания устанавливается виновность преступника, зависит квалификация преступного деяния, либо вовсе невиновность лица.

В век развития цифровизации растет уровень преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. И это относится не только к преступлениям экономической направленности, но и к так называемым общеуголовным преступлениям. Криминал активно использует сеть Интернет и, соответственно, компьютеры, смартфоны и иные электронные носители информации для совершения преступных деяний.

Следует отметить, что в настоящее время существует широчайший диапазон различных электронных носителей информации, имеющих разное назначение, технические характеристики, а также принципы действия. Таким образом, не существует и не может быть единого универсального процессуального порядка собирания содержащейся на них доказательственной информации [1, с. 77].

Важно помнить, что правильность собирания доказательственной информации с электронных носителей, а также ее хранение влечет за собой отсутствие проблем при рассмотрении уголовного дела в суде и, как следствие, не будет исключен из списка доказательств. Кроме того, справедливо отмечено, для того чтобы обнаруженные следы, а также иная значимая для дела информация стали допустимыми доказательствами, важно соблюдать процессуальные и технические правила работы с ними [2, с. 184].

В связи с этим законодатель указывает на то, что изъятие самого электронного носителя информации либо копирование с него информации необходимо осуществлять в присутствии специалиста. По данному поводу уже продолжительное время ведутся научные дискуссии. Как показывает практика, осуществить в полной мере данное требование по сей день не представляется возможным. И связано это со множеством различных причин, начиная от отсутствия специалистов в населенном пункте, заканчивая ненужностью его присутствия при изъятии, например, мобильного телефона либо флеш-карты.

Ранее нами уже рассматривался вопрос о видах информации, которые могут содержаться на электронных носителях, к ним мы отнесли:

- электронные документы;
- электронное сообщение;
- сайт в сети Интернет;
- страница сайта в сети Интернет (интернет-страница);
- доменное имя;

- системная информация;
- индивидуализирующая информация;
- программа для ЭВМ;
- база данных;
- электронная подпись;
- вредоносная программа;
- охраняемая компьютерная информация, содержащаяся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации [3].

С учетом увеличения роста преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, либо с их применением, перечисленные выше виды информации могут являться доказательством по уголовному делу. Но доказательства в данном случае имеют не совсем обычный формат, так как содержатся они в информационной сети. В связи с чем собирание доказательственной информации, содержащейся на электронных носителях, а именно ее изъятие и в дальнейшем хранение имеет определенные особенности, с которыми сталкиваются следователи.

Действующим в настоящее время Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации предусмотрено изъятие в ходе таких следственных действий как осмотр места происшествия, обыск, личный обыск, осмотр помещений, осмотр трупа, выемка. Электронные носители информации в качестве доказательств, или доказательственная информация, содержащаяся на них, входят в общее понятие доказательств и не имеют каких-либо отдельных норм, не являются отдельным видом доказательств, но тем не менее из-за специфических особенностей возникает ряд трудностей при работе с ними. И поэтому совершенно справедливо отмечено, что законодательное регулирование использования доказательств в электронной форме находится в стадии формирования, поэтому множество вопросов до сих пор остаются за гранью правового поля [4, с. 153].

Профессор Ю.В. Гаврилин в одной из своих работ, рассматривая признаки электронных носителей информации, выделил наличие неразрывной связи между носителем и самой информацией, хранящейся на нем. При этом автор отметил, что цифровая информация может находиться лишь на машинном носителе (дискете, магнитной ленте, лазерном диске, полупроводниковых схемах и др.), в самой ЭВМ (оперативной памяти), в их системе (оперативной памяти периферийных устройств) и их сети (буферная память устройств связи) [5, с. 49]. В связи с тем, что информация по своей природе нематериальна, то ее содержание не зависит от типа используемого материального носителя.

Очевидно, что изъятие информации с различного рода электронных носителей осуществляется легче и доступнее, чем изъятие информации, находящейся в сети.

В любой категории преступлений на сегодняшний день фигурируют электронные носители информации, сама же информация порой бывает чуть ли не единственным доказательством по уголовному делу. Вот почему ее изъятие и хранение должно проводиться по определенным правилам. Электронный носитель информации легко повредить и безвозвратно потерять информацию, хранящуюся на нем. Также если доказательственная информация содержится в се-

ти, она легко подлежит модификации или вообще удалению без восстановления и тогда стоит забыть о ней как о доказательстве.

Без надлежащей проверки ни одно доказательство, каким бы убедительным и безупречным оно ни казалось, не может быть положено в основу выводов по уголовному делу. Это относится и к электронным носителям информации. Проверить необходимо и содержание доказательства, и источник его получения в их неразрывном единстве. При этом нарушение указанных правил повлечет за собой тот факт, что доказательство, полученное с нарушением основных положений судопроизводства, хотя и не носящим преступного характера, недопустимо [6].

В настоящее время высказываются различные точки зрения по поводу электронных носителей информации как нового вида доказательств. Ряд ученых считают, что «электронные доказательства» должны быть выделены в законе в самостоятельный вид доказательств, и предлагают дополнить Уголовно-процессуальный кодекс дополнительной статьей «Электронные доказательства». Например, одним из мнений является то, что электронные доказательства не имеют одного из двух основных признаков письменных доказательств, и что в отличие от письменных документов электронные документы сами по себе недоступны человеческому восприятию [7, с. 46].

Обратим внимание на мнение В.Н. Григорьева и О.А. Максимова, которые полагают, что целесообразно выделить электронные носители информации в отдельный вид (источник) доказательства и определить его как «предмет, содержащий значимую для уголовного дела информацию, созданную не в процессе расследования (раскрытия) уголовного дела, восприятие которой невозможно без использования электронно-вычислительных средств» [8].

Точка зрения К.Б. Калиновского противоположна, он считает, что электронные доказательства — это данные, относимые к делу точно так же, как и любые другие процессуальные данные, которые свободно могут использоваться в качестве ориентирующей, тактической информации [9, с. 18].

Практически такую же позицию занимает и С.В. Зуев. По его мнению, несмотря на существенные особенности, электронная информация вполне может быть представлена в виде одного из традиционных доказательств — вещественного доказательства или иного документа [10].

Можно привести еще множество мнений уважаемых ученых, высказывающихся по данному вопросу, и, бесспорно, все мнения заслуживают внимания.

Но изучив опыт зарубежных стран, высказывания отечественных процессуалистов, а также наличие в действующем законодательстве специальных правил по работе с электронными носителями информации, предложение о введении понятия «электронное доказательство» нами не поддерживается, поскольку оно будет дублировать положения о работе с электронными носителями информации.

Существующие на сегодняшний день процессуальные формы позволяют использовать информацию на электронных носителях информации и в качестве вещественного доказательства, и в качестве иного документа.

Список литературы

1. Балашова А.А., Гаврилин Ю.В. Процессуальный порядок собирания доказательств на энергозависимых локальных электронных носителях информации // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2 (89). С. 77.
2. Ищенко Е.П., Костюченко О.Г. Современные технико-криминалистические средства, применяемые для обнаружения доказательств на электронных носителях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (97). С. 184.
3. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
4. Бондарева Г.В. Электронные доказательства в раскрытии и расследовании преступлений // Юрист – Правовед. 2020. № 3 (94). С. 153.
5. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 49.
6. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
7. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. М.: Прогресс, 2000. С. 46.
8. Григорьев В.Н., Максимов О.А. Некоторые вопросы использования электронных носителей информации при расследовании уголовных дел // Полицейская деятельность. 2018. № 1. С. 1-8. [Электронный ресурс]. URL: <https://nbpublish.com/>
9. Калиновский К.Б., Маркелова Т.Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18-19.
10. Зуев С.В. Электронные доказательства, используемые в уголовном процессе // Международная Ассоциация Содействия Правосудию: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iauaj.net/node/2666>.

С.В. Бурмагин, к.ю.н., доцент, ведущий научный сотрудник кафедры процессуального права и криминалистики Волгоградского государственного университета, г. Волгоград

МОТИВИРОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ КАК ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДА

Назначение (цели) суда в уголовном процессе заключается не только в рассмотрении и разрешении дела, охране и восстановлении прав и свобод личности, но и в создании надлежащих условий объективного судебного разбирательства, в соблюдении предусмотренного нормами права порядка судопроизводства, в обеспечении гарантий законного и обоснованного судебного решения, а в целом — в достижении справедливого и эффективного правосудия. Назначение уголовного суда предопределяет выполнение судом обеспечительной функции,

для осуществления которой суд наделяется соответствующими процессуальными полномочиями.

Уголовно-процессуальное законодательство возлагает на суд разнообразные обязанности сугубо обеспечительного свойства: разъяснять участникам судопроизводства их права, обязанности, ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ), создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ), обеспечивать право подозреваемого и обвиняемого на защиту (ч. 2 и ч. 3 ст. 16 УПК РФ), рассматривать и своевременно разрешать каждое ходатайство, заявленное участником судебного процесса (ст. 121-122 УПК РФ), своевременно вручать либо направлять заинтересованным лицам копии судебных решений и многие другие.

Среди обширного перечня обеспечительных по своему характеру полномочий суда выделяется обязанность мотивирования, любого принимаемого судом решения: постановления, определения, приговора. Данная обязанность вытекает из ч. 4 ст. 7 УПК РФ, устанавливающей требование мотивированности постановлений и определений суда, и ст. 305 и 307 УПК РФ, предписывающих суду первой инстанции мотивировать решения по каждому вопросу, разрешаемому при постановлении приговора. Аналогичные обязанности закон возлагает на суды вышестоящих инстанций (п. 7 ч. 3 ст. 389.28, п. 3 ч. 2 ст. 389.29, п. 3 ч. 2 ст. 389.11, п. 5 ч. 1 и п. 6 ч. 2 ст. 401.11, п. 5 ст. 412.7 и п. 6 ч. 1 ст. 412.8 УПК РФ).

Мотивированность судебного решения — одно из условий (наравне с законностью и обоснованностью) и одновременно один из критериев правосудности судебных решений, и ответственность за придание приговору или иному судебному решению необходимого свойства мотивированности всецело возложено на суд. Немотивированное (или мотивированное, но ненадлежащим образом) решение уголовного суда подлежит отмене или изменению на основании пунктов 3, 4 ст. 389.16 УПК РФ.

Мотивирование принимаемых решений как обеспечительная обязанность суда имеет разнообразные значения (аспекты): а) служит гарантией отправления уголовного правосудия на основе объективности и беспристрастности, законности и обоснованности, состязания и равноправия сторон; б) является средством обеспечения конституционных и процессуальных прав сторон в судебном производстве, включая право на обжалование судебного решения; в) выступает необходимой предпосылкой для надлежащей и эффективной проверки законности и обоснованности вынесенного решения вышестоящей судебной инстанцией.

В мотивировочной части судебного решения внешне выражается его обоснованность, поэтому мотивировка крайне важна для понимания сути и оснований принятого решения и его качественной оценки с позиции требований законности, обоснованности и справедливости. Мотивируя принимаемое решение, судьи «делятся» своим убеждением, доводят его до сведения сторон и широкой общественности. При этом мотивировка показывает всем окружающим насколько объективно и обоснованно судебское убеждение, насколько оправдан и правомерен основанный на нем выбор решения по тому или иному вопросу. Поэтому требование мотивированности имеет назначением не только подтвердить

выводы суда, но и убеждать в необходимости и правильности вынесенного судебного решения [1, с. 108].

Придание решению качества убедительности — важный аспект обязанности уголовного суда по мотивированию своих процессуальных решений, который в значительной степени актуализировался в связи с внедрением в российское судопроизводство международно-правовых стандартов справедливого правосудия, выводимых главным образом из положений ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их толковании и интерпретации Европейским Судом по правам человека (далее — ЕСПЧ). Одним из таких стандартов является надлежащая мотивированность (обоснование) судебного акта, достаточная для его понимания [2, с. 40; 3, с. 226-228; 4; 5; 6].

Согласно правовым позициям ЕСПЧ, обязанность судебного органа мотивировать свои решения вытекает из права быть выслушанным и услышанным судом, а также права на обжалование судебного решения, которые требуют от органов правосудия надлежащим образом указывать в принятых решениях основания, по которым они были вынесены (постановления ЕСПЧ: от 16.12.1992 г. по делу «Хаджианастасиу против Греции»; от 27.09.2001 г. по делу «Хирвисаари против Финляндии», от 11.01.2007 г. по делу «Кузнецов и др. против Российской Федерации»; от 15.01.2015 г. по делу «Малмберг и др. против Российской Федерации»). Выражаясь терминологией ЕСПЧ, «правосудие должно быть не только совершено, но и должно быть видно, что оно совершено» (Постановление ЕСПЧ от 17.01.1970 по делу «Делькур против Бельгии»).

Концепция мотивированности судебных решений, сформированная в практике ЕСПЧ, включает следующие положения:

- внутригосударственные суды обязаны приводить мотивы принятия своих решений, обосновывая не только заключительные, но и промежуточные решения, если последние затрагивают права и интересы участников судебного разбирательства;

- обоснование принимаемых решений должно быть достаточно полным и ясным для заинтересованных участников судебного процесса;

- суды должны надлежащим образом рассматривать (не игнорировать) замечания, доводы и доказательства, представленные сторонами, без предвзятости решая вопрос об их относимости к делу, соответственно, при мотивировании (обосновании) выносимых решений отражать свою оценку приведенных сторонами доводов и доказательств в мотивировке решения;

- пределы обязанности по мотивированию решения достаточно подвижны и могут меняться в зависимости от существа решения и конкретных обстоятельств дела, объем этой обязанности зависит также от внутригосударственного законодательства и национальных правовых традиций;

- обстоятельного ответа на каждый аргумент (довод) сторон не требуется, для степени мотивированности имеют значение существо и значимость доводов участников процесса (насколько четко и ясно они сформулированы), а также подкрепление их доказательствами.

Таким образом, главными целями мотивирования судебного решения на современном этапе являются: 1) демонстрация того, что суд выслушал стороны; 2) предоставление сторонам возможности (необходимых условий) обжаловать, а вышестоящему суду — проверить правосудность вынесенного судом решения; 3) обеспечение контроля над отправлением правосудия со стороны гражданского общества. Из данных положений вытекает, что одним из важных аспектов мотивированности (мотивирования) решений суда является приведение в его описательно-мотивировочной части ответов на существенные (юридически значимые и аргументированные) заявления и доводы сторон по рассмотренному судом делу — ответов, содержащих судебную оценку этих заявлений и доводов.

Если еще в конце XX в. на изломе эпох среди научных и практических работников превалировало мнение о том, что «мотивировка — это профессиональная работа судей, выполняемая для профессионалов из вышестоящего суда» [7, с. 13], то с провозглашением в Российской Федерации человека, его прав и свобод высшей ценностью и возложением на государство обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ) функции мотивированности судебных решений значительно расширились [8, с. 25; 9, с. 18-19; 10, с. 81-91], а значение мотивировки усилилось, особенно под влиянием конвенционных норм о правах человека, и выражается теперь не только в обслуживании ею интересов судебного надзора, но и, главным образом, в обеспечении реализации права на судебную защиту.

В то же время представляются неоправданными как абсолютизация обязанности суда отвечать на все доводы и аргументы лиц, участвующих в судебном разбирательстве, безотносительно к их существенности, так и сведение мотивировки судебного решения исключительно к оценке доводов сторон [11, с. 13; 118].

Исходя из положений ч. 4 ст. 7 УПК РФ, любое постановление и определение суда, а следовательно, и вынесенное в устной (протокольной) форме, должно быть обоснованным и мотивированным. Несмотря на отсутствие в уголовно-процессуальном законе прямого предписания мотивировать устные (протокольные) постановления и определения, данное требование не может быть поставлено под сомнение в силу действия вышеуказанной нормы общего действия. Оно подтверждено и соответствующим разъяснением Пленума Верховного Суда РФ (п. 6 постановления от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»). Несоблюдение нормативно-правового требования обоснованности и мотивированности судебных постановлений и определений, как правило, влечет нарушение иных принципов судопроизводства, ущемление уголовно-процессуальных и личностных прав участников судебного разбирательства: права на судебную защиту, на доступ к правосудию, на справедливое судебное разбирательство, на обжалование судебного решения и другие.

На основании указанных требований судья (председательствующий) обязан не только объявить результирующую часть устного решения суда, но и сообщить участникам судебного заседания мотивы и основания, как фактические,

так и юридические, принятого решения и при необходимости разъяснить его суть, а секретарь судебного заседания — занести все объявленное судьей в протокол судебного заседания, не ограничиваясь широко используемой на практике шаблонной записью «постановление вынесено и оглашено».

Между тем участники судопроизводства и наблюдатели зачастую сталкиваются с ситуациями, когда судьи значительно сокращают и без того упрощенную процедуру вынесения устных решений. В юридической печати приводится немало примеров немотивированности и произвольности устных (протокольных) решений по уголовным делам, особенно по важным для сторон и исхода дела вопросам, связанным с истребованием и исследованием доказательств [12, 13]. Ознакомление с реальными протоколами судебных заседаний подтверждает наличие этой проблемы.

Данная проблема — немотивированность, неразъяснение устных решений — в определенной степени нивелирована введением с 1 сентября 2019 г. обязательного аудиопроотолирования заседаний судов первой и апелляционной инстанций (ст. 259 УПК РФ в редакции Федерального закона от 29.07.2018 г. № 228-ФЗ), однако не ликвидирована полностью и продолжает сохраняться в следующих аспектах: а) закон не обязывает вести протоколирование с использованием средств аудиозаписи в кассационном и надзорном производствах, которые также включают в себя вынесение устных постановлений (определений) в ходе судебного заседания; б) аудиозапись стимулирует судей к устному обоснованию (объяснению на публике мотивов) принятого «на месте» решения и включения объявленной мотивировки в протокол судебного заседания, но не устраняет сложность фактического исполнения этих действий.

Сохранение актуальности обозначенных проблемных аспектов судебного правоприменения подтверждается результатами опроса 180 судей из 22 регионов Российской Федерации, осуществляющих уголовное судопроизводство. На вопрос, существуют ли на практике и, если да, то в чем выражаются проблемы обоснования и мотивирования устных постановлений и определений, выносимых в судебном заседании без удаления в совещательную комнату, значительная часть судей (44,4%) подтвердила, что такие проблемы существуют, и указала, что они связаны со сложностью устного формулирования оснований принятого решения (27,8% от числа опрошенных судей) или объяснения оснований и мотивов принятого решения участникам судебного заседания при его провозглашении (7,8%), а также с адекватным отражением в протоколе судебного заседания оснований и мотивов принятого в устной форме решения (8,9%). Примечательно также, что более 9,4% судей считают, что «устные решения не требуют обоснования и мотивирования» — данная позиция указывает на наличие изъянов в правовом сознании и воззрении части судейского корпуса, т.е. дополнительного, субъективного фактора, препятствующего надлежащей реализации обязанности уголовного суда мотивировать каждое процессуальное решение.

В заключение можно констатировать, что мотивированность как качественное состояние акта правосудия с необходимостью вытекает из социально-пра-

вой природы и предназначения судебной власти, призванной посредством правосудия обеспечивать верховенство права и защиту индивидуальных прав, свобод и законных интересов, разрешать юридические споры и нейтрализовывать конфликты правового характера, тем самым вносить в общественную жизнь упорядоченность и умиротворение. Только мотивированное, понятное и убеждающее в своей правоте судебное решение соответствует указанной роли, может претендовать на признание его легитимным актом судебной власти и свидетельствовать, что правосудие в конкретном деле не только вершилось, но и состоялось. Следовательно, мотивирование процессуального решения — обязанность суда, направленная на надлежащее осуществление уголовного правосудия, которая должна исполняться при вынесении любого решения, в том числе в устной форме.

Для более четкого нормативного выражения требования мотивированности устных (протокольных) постановлений и определений, однозначного восприятия его судебными органами и единообразной реализации при осуществлении правосудия представляется необходимым закрепление в уголовно-процессуальном законе правовых положений, аналогичных тем законодательным установлениям, которые во всех иных видах правосудия: гражданском, административном и арбитражном (ст. 225 ГПК РФ, ст. 199 КАС РФ, ч. 2 ст. 185 АПК РФ) обязывают суд указывать в протокольных определениях: вопрос, о котором выносится определение, мотивы, по которым суд пришел к своим выводам, ссылку на законы (и иные нормативные правовые акты), которыми суд руководствовался, и судебное постановление (вывод по результатам рассмотрения вопроса).

Список литературы

1. Муратова Н.Д. Правовая культура процессуальных решений // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3. С. 106-111.
2. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т.Г. Морщаковой. М.: Мысль, 2012. 583 с.
3. Справедливое судебное разбирательство в международном праве: юридический сборник / Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. Варшава, 2013. 279 с.
4. Васяев А.А., Князькин С.А. Мотивированность судебных решений — стандарт Европейского суда по правам человека // Адвокат. 2013. № 6. С. 27-32.
5. Шадарова А.Н. Развитие концепции мотивированности судебных решений в практике Европейского суда по правам человека // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2016. № 5. С. 3-8.
6. Султанов А.Р. Является ли немотивированное правосудие правосудием? // Российский судья. 2017. № 12. С. 29-33.
7. Козина Т.В. Судебное следствие и обоснованность приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 23 с.
8. Тузов Н.А. Мотивирование и преюдиция судебных актов: монография. М.: РАП, 2006. 152 с.

9. Пономаренко В.А. Мотивированность судебного решения в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.
10. Марочкін О.І. Мотивування процесуальних рішень слідчого: моногр. Київ: Національна академія прокуратури України, 2015. 214 с.
11. Писаревский И.И. Обоснованность и мотивированность приговора в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2019. 317 с.
12. Васяев А.А. Немотивированный отказ суда и судьи удовлетворить заявленное участниками процесса ходатайство — нарушение принципа законности в уголовном судопроизводстве // Портал «Мудрый юрист». [Электронный ресурс]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/24464-nemotivirovannyj-otkaz-suda-sudi-udovletvorit-zayavlennoe-uchastnikami>.
13. Пальчикова М.В. Недобросовестность рассмотрения ходатайств участников судебного разбирательства как основная проблема современного уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 163-168.

Г.К. Гаджимагомедов, следователь следственного отделения ОМВД России по Кумторкалинскому району Республики Дагестан, г. Махачкала

ОБЯЗАННОСТЬ ОСОБОГО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ ДОКУМЕНТОВ-ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Среди неисчерпаемых объектов уголовно-процессуальной науки особое место занимают доказательства. Здесь скрывается немало вопросов, прячущих в себе все еще не актуализированные аспекты сути как доказательств в целом, так и их отдельных разновидностей. Таким вопросом является и вопрос о документах, используемых в качестве доказательств. По нашему мнению, это самый загадочный вид или, как было больше свойственно советской теории доказательств, — источник доказательств. Этот источник в его нормативно-формальном выражении парадоксален. С одной стороны, он несет в себе заряд стабильности и надежно сохраняет историческую и процедурную преемственность, а с другой — содержит неисчерпаемый импульс технологического развития. Через этот источник в уголовно-процессуальное доказывание открыт вход для новых информационных технологий. И одновременно именно он весьма консервативен в части доказательственной сущности. Парадоксальность документов-доказательств не является изъяном. Напротив, это преимущество, которое обязывает науку проявить особый подход к их пониманию.

Современный уголовно-процессуальный закон опирается на концепцию общеизвестности понятия документа. В ст. 5 УПК РФ он не определяется, а ст. 84 УПК РФ содержит характеристику документов, подчеркивающую плюрализм присущих им свойств: «Документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном статьей 86 настоящего кодекса».

Однако несмотря на отсутствие в данной статье определения документа, она все же определяет сущность документа и показывает, что документы в уголовном процессе отражают в себе все общие тенденции развития указанного понятия и соответствующего ему феномена. Глядя на текст ст. 84 УПК РФ, можно легко обнаружить, что в уголовно-процессуальном законе нашло отражение развитие научно-технической мысли, сконструировавшей новые средства документирования информации, в том числе и «цифрописные».

О наличии понятийного прогресса в нормативном осмыслении документов-доказательств можно судить, опираясь на сопоставление анализируемой статьи с ее советским аналогом. В статье 88 УПК РСФСР ни о какой дифференциации документов в зависимости от способа формирования документальной информации не говорилось. Формулировка этой статьи достаточно проста: «Документы являются доказательствами, если обстоятельства и факты, удостоверенные и изложенные предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами, имеют значение для уголовного дела».

Почему позже случилась эта нормативная дифференциация форм документов-доказательств, вполне понятно. В те полвека, которые разделяют последний УПК РСФСР и первый УПК РФ, произошла еще одна информационная революция, связанная с развитием и внедрением в различные сферы продуктов информационных технологий. Классическая письменная форма документа еще более трансформировалась. Законодатель дает понять, что документ-доказательство может быть изготовлен и в неписьменной форме.

Неписьменная форма здесь вовсе не означает только отсутствие бумажной формы. Не следует смешивать понятия «неписьменный» и «небумажный» документ. Давно прошли те времена, когда между документом и деловой бумагой можно было ставить знак равенства. Теперь же определитель «неписьменный» означает не отсутствие бумажного носителя информации, а именно средство передачи этой информации не только в форме буквенной письменности.

И здесь очень важно уловить сущность самой идеи письменности, те эволюционные перемены, которые произошли в этом понятии на волнах научно-технического прогресса. Изначально письменность была орудием человека, способом фиксации и передачи его мыслей. Долгие века это была сокровенная форма интеллектуального мастерства человека. Важно подчеркнуть, что это была в первую очередь форма отчуждения человеческой мысли, инструмент отрыва ее от субъекта знания. Но, так или иначе, за письменностью всегда обнаруживался человек, как мыслящий субъект, живое слово этого человека. Эта идея (донесения слова и мысли человека) легко просматривается и в статье 88 УПК РСФСР.

И в этом ключе (антропогенного источника письменности) техника письма была вторична. Неважно, каким образом передавалась мысль — в буквенной форме, иероглифами, «пляшущими человечками» и т.д.; важен был лишь личный субъект, стоящий вначале этой информационной цепочки. Документ был лишь информационным мостиком между автором и читателем. И поэтому всякая форма отчуждения информации от человека и передача ее по информационной цепочке в конечном итоге называлась письменностью. Эта закономерность

прямо отражается и в названии неписьменных форм фиксации действительности — аудиозапись, видеозапись. Да и фотография в переводе с греческого языка буквально означает «светопись».

На первый взгляд, неписьменная форма документа внедряется в уголовное судопроизводство достаточно давно, еще со времен изобретения фотографии и звукозаписи. Но это все были формы вторичной письменности, которые актуализировались лишь в качестве приложения к неизменной описательной форме. Описательная форма была и есть главенствующей. В этой связи некоторые небуквенные формы фиксации информации даже представлялись определенным обременением для уголовного судопроизводства. К примеру, в советские времена допрос с применением звукозаписи занимал примерно в три раза больше времени, чем обыкновенный допрос, поскольку требовал и протоколирования, и повторного прослушивания записи.

В любом случае, все формы традиционной и нетрадиционной письменности, применяемые в уголовном процессе, так или иначе, были связаны исключительно с естественным интеллектом. За документом всегда скрывался человек. И даже те случаи, когда информация как бы создавалась прибором, едва ли можно уложить в исключения, поскольку прибор в конечном итоге можно было бы тоже представить лишь орудием человека. Интерпретатором показаний прибора выступал живой человек — специалист. Поэтому и какая-нибудь кардиограмма становилась документом вместе с ее буквенной и словесной расшифровкой сведущим лицом. Поэтому и плюрализм форм документа лишь предполагал спектр расширения человеческих возможностей по фиксации информации, но не заменял мыслящего субъекта. За этой технической информацией всегда стояло направленное человеческое внимание.

Скорее всего, именно этот плюрализм и зафиксирован в современном нормативном подходе, запечатленном в статье 84 УПК РФ. Законодатель не берется перечислить все возможные формы современного документирования: они обозначены им фразой — «в ином виде». Вместе с тем закон дает несколько примеров этого «иного вида»: материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, иные носители информации, полученные, истребованные и представленные в порядке, предусмотренном ст. 86 УПК РФ.

В данном нормативном описании понятие документа приравнивается к понятию носителя информации. Все, что может переносить информацию в ее отчужденном от субъекта виде, и есть, по мнению законодателя, документ. Этот подход перекликается и с общим пониманием документа, о котором мы уже рассуждали выше.

Широта формы презентации информации — это неизменный спутник документов-доказательств. Там, где эта форма предельно процедурно формализуется, документ обретает сугубо процессуальный статус. Причем данный процессуальный статус может толковаться как в широком межотраслевом контексте, так и в узком. В узком уголовно-процессуальном смысле таким статусом наделены протоколы следственных и судебных действий. Эти документы-доказательства выделились в уголовном процессе из общей документальной группы и достаточно жестко обособились в виде «касты» протоколов. И подоб-

ный подход, на наш взгляд, вполне оправдан. Он фиксирует сугубо процессуальную дифференциацию документов-доказательств, переход из безграничной зоны процессуальной свободы в зону формализации. Но между этими точками есть и важная нейтральная полоса, в которой и сосредоточена среда обитания документов-доказательств, обозначенных маркером «иные документы».

Понятие «свобода» в понимании сущности «инаковости» документов-доказательств, по нашему мнению, занимает существенное и важнейшее место. Думается, что В.А. Камышин вышел на концепт свободы в части трактовки документов-доказательств совсем не случайно. Это была своеобразная подсказка Вселенной о том, что иные документы — это не просто особенные документы, это особенные доказательства. Он поставил знак равенства между иными документами и свободным доказательством: «Свободное доказательство в уголовном процессе, то есть иные документы, — пишет он, это всякая значимая для дела и процессуально неформализованная социальная информация, зафиксированная на материальном носителе любым лицом и любым способом, допускающим его расшифровку, доброкачественность которой определяется по свободному усмотрению органа уголовного судопроизводства» [1, с. 6].

Квинтэссенцией этого определения выступает формула: «всякая значимая для дела и процессуально неформализованная социальная информация, зафиксированная на материальном носителе любым лицом и любым способом». По сути, в определении свободного доказательства три раза актуализируется концепт свободы: 1) любая информация, 2) фиксируемая любым способом и 3) любым лицом. Это и есть «трижды информационная свобода» — свобода содержания, свобода формы, свобода субъекта формирования.

Таким образом, документы-доказательства являются особенными потому, что они выступают свободным элементом достаточно консервативной системы доказательств. Причем элементом, свободным не только для самих себя, но и элементом, несущим свободу для всей системы доказательств. Несмотря на то, что «иные документы» не делают систему доказательств абсолютно свободной, они, вне всякого сомнения, делают ее более открытой.

В свое время И.Р. Дмитриев, под впечатлением от «свободного подхода», примененного В.А. Камышиным, подготовил диссертацию на тему «Свободный повод к возбуждению уголовного дела», где также говорил о том, что это свободный повод делает открытой систему поводов к возбуждению дела и позволяет ей улавливать максимальное число информационных сигналов. Цитата: «Свободный» повод для возбуждения уголовного дела — это такой элемент системы поводов, который позволяет этой системе улавливать максимальное число сведений о признаках преступления. Он представляет собой неформализованную информацию, зафиксированную способом, позволяющим проводить ее расшифровку и проверку. Термин «свобода» здесь подразумевает не только широкий информационный охват, но и возможность использования альтернативных методов формирования повода (форма «свободного» повода для возбуждения уголовного дела не должна пониматься как именно уголовно-процессуальная форма)» [2, с. 9].

Концепт свободы имеет в уголовно-процессуальной теории особое значение. Он позволяет глубже понять сущность ведущих уголовно-процессуальных явлений, в том числе и документов-доказательств. И совсем не случайно, что «свободный подход» в современной уголовно-процессуальной теории уже вылился и в более общую концепцию — принципа «процессуальной свободы». Ключевая идея «процессуальной свободы», по мнению ее сторонников, заключается в том, что в определенных случаях для достижения цели уголовного процесса может допускаться применение формальных и неформальных инструментов, не охватываемых имеющейся законной уголовно-процессуальной формой [3].

Возвращаясь к концепции В.А. Камышина, отметим, что для него идея «свободного доказательства» служит неким критерием, выделяющим «иные документы» в массиве всех документов, имеющих значение для уголовного дела. «Свободное доказательство», как было отмечено, предполагает свободу содержания и свободу формы. Подчеркнем, что речь идет о свободе лишь с точки зрения уголовно-процессуальной формы. В тех сферах, где этот документ формируется, к нему вполне могут быть предъявлены и строгие формальные требования. Здесь лишь важно другое. Документ представлен готовым доказательством, не нуждающимся в дополнительном уголовно-процессуальном форматировании. В данном случае появляется еще один нюанс свободы — это освобождение от необходимости формальной уголовно-процессуальной трансформации.

Однако концепт свободы весьма своеобразно проявляет себя и в самой сфере формирования документов-доказательств. В рамках «свободного доказательства» тоже происходит своя внутренняя информационная дифференциация по критерию свободы. С одной стороны, наблюдается дальнейшая формализация источников документальной информации при сохранении сектора формальной свободы. С другой стороны, и в рамках этой формальной свободы появляется сектор еще более свободной (в некотором смысле неведомой) формы. Эта тенденция отражает в себе и изменение общих подходов к определению документа, заключающихся в констатации открытости перечня форм и, таким образом, в эволюционной незавершенности понятия документа.

Выдвижение в зону определенной свободы, помечаемое маркером «инаковости», происходит в УПК РФ минимум дважды. Сначала в перечне источников доказательств определенная группа документов обозначается как «иные документы», а затем в персональной статье о документах (ст. 84 УПК РФ) мы видим намерение законодателя обозначить второй концепт свободы в виде «иной формы» носителя информации. В данном случае законодатель применительно к документам-доказательствам применяет все семантические оттенки значения слова «иной». Напомним, что в русском языке термин «иной» означает: 1) другой, отличающийся от этого; 2) некоторый, какой-нибудь, какой-то [4, с. 248].

Акцентируя внимание на подобной специфике «инаковости», А.Г. Маркелов подчеркивает, что «таким образом, неписьменный документ становится как бы «дважды иным» документом... Обращение законодателя к такому способу выражения своих предписаний — посредством слова «иные» — говорит не только о способах законодательной техники. Для этого имеются и более глубо-

кие причины, обусловленные природой самих документов, как письменных, так и неписьменных». «В перечне доказательств иные документы, — продолжает он, — указываются в последнем пункте (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), причем прилагательным «иные» они, по нашему мнению, отграничиваются от сведений, полученных сугубо процессуальным путем, т.е. в ходе активных следственных или судебных действий. Таким образом, иные документы производятся не по уголовно-процессуальным правилам, а по правилам, присущим другим сферам познавательной деятельности. Иные документы появляются в уголовном деле, как правило, в готовом виде, и не требуют процессуальной доработки» [5, с. 18-19].

Однако констатируя, что «иные документы» есть как бы дважды «иные», А.Г. Маркелов далее эту мысль развивать не стал, хотя сам по себе тезис «инаковости» представлялся ему, несомненно, интересным. Об этом мы можем судить хотя бы по той примете, что мысль об этом промелькнула еще и во введении к подготовленной им диссертации. Там он весьма вдохновенно дал понять, что документы-доказательства — особенные.

«Самой оговоркой «иные», — акцентирует внимание А.Г. Маркелов, — законодатель подчеркивает, что система документов-доказательств является открытой и развивающейся. Кроме того, определитель «иные» подчеркивает особенность данного источника информации. Оригинальность иных документов проявляет себя по-разному, например, способностью документов сохранять свою форму при вхождении в уголовный процесс. Кроме того, иные документы — это еще и универсальное средство сообщения системы доказательств с достоверительными системами иных сфер правоохранительной деятельности. Специфический характер иных документов оказывает влияние на развитие доказательственного права, на технику его законодательного оформления. Приведенные проявления «инаковости» иных документов-доказательств лишь небольшая часть их особенностей, имеющих как теоретическое, так и сугубо прикладное значение» [5, с. 3].

Мы же полагаем, что именно эта «инаковость», заключенная в термине «иные документы», ее многослойность и должна быть сегодня главным объектом юридической науки. Впрочем, им она и становится. Однако наука в данном направлении идет, по нашим оценкам, недалеко и достаточно поверхностно, не выдвигая особых гипотез о присутствии загадок «инаковости» документов-доказательств.

На первый взгляд, может показаться, что здесь действительно никакой загадки нет и, следовательно, искать нечего и в таком ракурсе слово «иные» в контексте с документами-доказательствами рассматривать как обыкновенный интеллектуальный инструмент, весьма часто встречаемый в случае расплывчатой классификации, не позволяющей делить некий объект на строго определенные классы. Говоря по-другому, в раздел «иные документы» включаются те документы, которые не попадают в раздел формализованных документов, изготавливаемых в рамках уголовного судопроизводства.

Данный подход лежит на поверхности и легко превращается в научный стереотип с заданным набором признаков, в которых констатируются видимые аспекты «инаковости» документов-доказательств.

Первый аспект. Разбор положений ст. 84 УПК РФ «Иные документы» и ст. 88 УПК РСФСР 1960 г. «Документы» позволяет констатировать, что закон традиционно отличает «иные документы» от протоколов следственных действий и судебных заседаний, которые по общему правилу также являются документами. Такое положение, прежде всего, касается процессуального порядка и правил происхождения и формирования этих двух самостоятельных видов доказательств.

И те, и другие обладают всеми признаками документа. Однако будучи сходными в способе фиксации, сохранения и передачи сведений, протоколы значительно отличаются от «иных документов» своим процессуальным режимом изготовления. Составлять иные документы возможно, в зависимости от их содержания и назначения, как до возбуждения дела, так и в любой стадии уголовного судопроизводства, вплоть до вступления приговора в законную силу. Несвоевременное представление документов само по себе не устраняет их доказательственной силы, если их содержание не опорочено [6].

Кроме того, если протоколы — это всегда письменные документы (причем письменные в самом традиционном смысле этого слова), составленные в соответствии с требованиями УПК РФ, то иными документами могут быть и бумажные, и любые другие материальные объекты, которые содержат информацию, выраженную знаками, позволяющими их логическую интерпретацию.

Второй аспект. Иными документами документы-доказательства являются и потому, что формируются они в иных (нежели уголовно-процессуальная) сферах деятельности. Из этих сфер они приносят и свою «бюрократическую» форму. Как правило, в качестве иных документов в материалах дела фигурируют различного рода письменные акты, изготовленные не в ходе процессуальной деятельности (справки, характеристики, акты ревизии, инвентаризаций, акты документальных проверок, договоры, ведомости, расписки, завещание и др.), но используемые в процессе как источники доказательств.

Третий аспект. «Иные документы» именуется иными и потому, что составляются они лицами, которые не осуществляют уголовное судопроизводство [7, с. 221].

Четвертый аспект. Несколько иным документ представляется в контексте вещественных доказательств. Статья 81 УПК РФ определяет вещественные доказательства как предметы, которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления, либо были объектами преступных действий и т.д. По сути, вещественное доказательство есть в некотором смысле «говорящая вещь». Если документ обладает признаками, указанными в законе, то он может рассматриваться и как вещественное доказательство. Но вещественное доказательство выделяет в документе преимущественно материальную форму, вписывающуюся в определенный криминальный сюжет. «Иные документы» упор делают на содержании. Однако вряд ли можно отрицать, что законодатель использует понятие «документ» как предмет, на котором однозначно зафиксирована человеческая мысль. Поэтому статусы «вещественных доказательств» и «иных документов» не вступают в отношения взаимоисключающей конкурен-

ции и могут содержать в себе признаки и личного, и вещного источника доказательств.

Приведенные доводы, естественно, не исчерпывают всех нюансов особого научного подхода к документам-доказательствам. Этот подход требует широкого нормативного и доктринального представления о документах-доказательствах, сложившихся как в рамках отечественного уголовного судопроизводства, так и за его пределами (в отраслевом и географическом смысле).

Список литературы

1. Камышин Б.А. Иные документы как «Свободное» доказательство в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998.
2. Дмитриев И.Р. «Свободный повод» для возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005.
3. Лугинец Э.Ф. Идея «процессуальной свободы» в современном уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
5. Маркелов А.Г. Иные документы как доказательства в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004.
6. Научно-практический комментарий к ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Спарк, 1997.
7. Баяхчев В.Г. Иные документы: Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Мозякова. М., 2002.

О.С. Головачук, к.ю.н., доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В УПК РФ потерпевшему посвящена ст. 42. В части 1 указанной статьи закреплено понятие данного участника уголовного процесса. На сегодняшний день это может быть как физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также и юридическое лицо в случае, если в результате преступления пострадала его деловая репутация и причинен вред имуществу. Статус потерпевшего по конкретному уголовному делу лицо приобретает с момента вынесения следователем, дознавателем или судьей соответствующего постановления (о признании потерпевшим) либо определения, если вопрос решается судом. Только после этого лицо может реализовывать процессуальные права, которые закон предоставляет потерпевшему, а также на него возлагаются и определенные процессуальные обязанности.

Права потерпевшего перечислены в ч. 2 ст. 42 УПК РФ. Действующий закон, учитывая положение о том, что одной из задач уголовного судопроизвод-

ства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), наделил данного участника большим объемом прав. Так, ч. 2 ст. 42 УПК РФ содержит 23 пункта, каждый из которых раскрывает содержание одного из прав, которые законодатель закрепил за потерпевшим.

Ранее законодатель признавал за потерпевшим только следующие права; представлять доказательства; заявлять ходатайства; знакомиться с материалами дела с момента окончания предварительного следствия; участвовать в исследовании доказательств на судебном следствии; заявлять отводы; приносить жалобы на действия лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, а также приносить жалобы на приговор или определения суда и постановления судьи (ч. 2 ст. 53 УПК РСФСР).

Таким образом, если сравнивать действующий УПК РФ и его предшественника, то можно сделать вывод, что перечень прав потерпевшего существенно дополнен.

Это позволяет потерпевшему, с одной стороны, самому активно участвовать в производстве по делу (представлять доказательства, выступать в прениях, поддерживать обвинение и т.д.), с другой — требовать надлежащего выполнения процессуальных обязанностей должностными лицами (например, приносить жалобы на действия или бездействие дознавателя, следователя или суда; обжаловать итоговое решение по делу в апелляционном, кассационном или надзорном порядке и др.).

Обязанности же потерпевшего в отличие от его прав урегулированы не столь подробно. Прежде всего, следует отметить, что законодатель вообще избегает термина «обязанность», заменяя его оборотом «не вправе».

В соответствии с ч. 5 ст. 42 УПК РФ потерпевший не вправе:

- 1) уклоняться от явки по вызову дознавателя, следователя или в суд;
- 2) давать заведомо ложные показания или отказываться от дачи показаний;
- 3) разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в порядке ст. 161 УПК РФ;
- 4) уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие; или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования.

Конечно, по сравнению с УПК РСФСР, где в статье 53 ничего не говорилось об обязанностях потерпевшего (речь шла, как было отмечено ранее, только о его правах), это можно считать определенным шагом вперед в направлении должной правовой регламентации статуса участника уголовного судопроизводства. Но, как справедливо отмечает О.А. Зеленина, уголовно-процессуальный закон должен закреплять определенный баланс прав и обязанностей участников уголовно-процессуальных правоотношений [3, с. 82]. В данном же случае, на наш взгляд, этот баланс отсутствует, мы видим явное смещение в сторону закрепления процессуальных прав. Это касается не только потерпевшего, но и иных участников как со стороны обвинения (например, гражданский истец),

так и со стороны защиты (гражданский ответчик; статьи, посвященные подозреваемому и обвиняемому, вообще не упоминают обязанностей этих участников). Но ведь юридические обязанности по своей сути императивны и их невыполнение повлечет за собой применение мер государственного принуждения [3, с. 83]. Поэтому столь важно максимально полно в соответствующих статьях, которые раскрывают правовой статус отдельных участников, определить и их круг обязанностей, а не только прав. Ведь неслучайно ч. 1 ст. 11 УПК РФ говорит о том, что должностные лица, осуществляющие производство по делу, обязаны разъяснить участникам уголовного судопроизводства как их права, так и обязанности, а также ответственность, которая наступит в случае их неисполнения.

Если обратиться к уголовно-процессуальному законодательству наших ближайших соседей — Республик Беларусь и Казахстан, то можно увидеть, что они при определении правового статуса потерпевшего используют термин «обязан». Так, в соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК Республики Беларусь потерпевший обязан:

- 1) являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс;
- 2) давать показания по требованию органа, ведущего уголовный процесс, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 1 части третьей статьи 60 УПК;
- 3) представлять имеющиеся у него предметы, документы, а также образцы для сравнительного исследования по требованию органа, ведущего уголовный процесс;
- 4) подвергаться освидетельствованию по требованию органа, ведущего уголовный процесс, в случае совершения в отношении его тяжкого или особо тяжкого преступления;
- 5) подвергаться по требованию органа, ведущего уголовный процесс, амбулаторной экспертизе для проверки способности правильно воспринимать и давать показания об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, если есть веские основания сомневаться в наличии у него такой способности, а также для установления его возраста;
- 6) подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс;
- 7) не разглашать сведения об обстоятельствах, ставших известными ему по уголовному делу, если он был предупрежден об этом органом уголовного преследования или судом [1].

В УПК Республики Казахстан (ч. 8 ст. 71) обязанности потерпевшего урегулированы менее подробно. В частности, он обязан: явиться по вызову органа, ведущего уголовный процесс, правдиво сообщить все известные по делу обстоятельства и ответить на поставленные вопросы; не разглашать сведения об обстоятельствах, известных ему по делу; соблюдать установленный порядок при производстве следственных действий и во время судебного заседания [2].

Но в обоих из приведенных примеров видно, что речь идет о совокупности неукоснительных для исполнения данным участником требований [4, с. 133] и последствием их игнорирования, что вполне закономерно, будет применение мер уголовно-процессуальной ответственности.

Таким образом, представляется необходимым использовать в тексте ст. 42 УПК РФ термин «обязан», исключив применяемый на сегодняшний день оборот «не вправе», что будет соответствовать общетеоретическим представлениям о содержании правового статуса участника правоотношения как совокупности прав и обязанностей, в том числе в уголовном судопроизводстве. Кроме того, предлагаем дополнить ч. 5 ст. 42 УПК РФ следующими обязанностями потерпевшего:

- 1) соблюдать порядок во время производства следственных действий, участником которых он является, а также порядок в зале судебного заседания;
- 2) не препятствовать ходу предварительного расследования.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.05.2021 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения 25.06.2022).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03. 2022 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения 25.06.2022).

3. Зеленина О.А. К вопросу о законодательной регламентации процессуальных обязанностей участников уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1(49). С. 81-89.

4. Ижнина Л.П., Абазалиев И.М. Структурный анализ процессуального положения участника уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 130-135.

С.И. Давыдов, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Е.Н. Петухов, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Т.В. Юринова, ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ СУДОМ ОБЯЗАННОСТИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НАД ДОСУДЕБНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Чтобы в целом обеспечить надлежащее исполнение судом обязанности правосудия по уголовным делам во всех его проявлениях (судебный контроль над досудебным производством; разрешение уголовного дела по существу; проверка законности, обоснованности и справедливости решений суда вышестоящими судебными инстанциями), необходимо использовать, как верно установлено

в юридической литературе, посвященной исследованию проблем уголовного правосудия, достаточно большое количество средств разного характера: кадрового, финансового, материально-технического, управленческого, информационно-методического, научного, социального, организационного и иного [1, с. 247]. Все они, бесспорно, важны, так как направлены на обеспечение создания необходимых условий для надлежащего исполнения судом обязанности правосудия по уголовным делам.

С учетом сказанного, безусловно, все они заслуживают и рассмотрения с позиции их реализации, однако в рамках одной статьи это сделать, естественно, невозможно, поэтому мы остановимся только на тех средствах, которые связаны с обеспечением исполнения судом обязанности правосудия в одном из его основных направлений — судебном контроле над досудебным производством по уголовному делу [2, с. 309].

Как показывает анализ норм действующего уголовно-процессуального законодательства, в ходе осуществления данного судебного контроля суду предписано надлежащим образом исполнить две уголовно-процессуальных обязанности: 1) рассмотрение федеральным судом районного уровня или военным судом соответствующего уровня ходатайства органов расследования (дознавателя или следователя) о разрешении ограничения прав и свобод личности либо проверки законности действий данных органов, ограничивших указанные права и свободы по собственному усмотрению в исключительных случаях в ходе производства следственных действий и избрания мер процессуального принуждения по уголовному делу (ч. 2 ст. 29, и ст. 105.1, 106, 107, 108, 114, 115, 165 УПК РФ, др.); 2) рассмотрение федеральным судом районного уровня жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования, поступивших от участников досудебного производства по уголовному делу (ст. 46 Конституции РФ, ч. 3 ст. 29 и ст. 125 УПК РФ, др.).

Результаты анкетирования правоприменителей и изучения практики судебной деятельности в досудебном производстве по уголовным делам наглядно свидетельствуют о существовании достаточно большого количества разнородных трудностей, связанных с обеспечением надлежащего исполнения судом обязанности судебного контроля за следствием и дознанием по различным направлениям их уголовно-процессуальной деятельности. Однако особую тревогу вызывают проблемы правового и организационного характера, возникающие при реализации средств обеспечения надлежащего исполнения судом обязанности рассмотрения ходатайств следователя, дознавателя об избрании мер процессуального принуждения и о производстве следственных действий, от которых зависит создание необходимых условий суду, дающим ему возможность правильно оценить законность и обоснованность запрашиваемых решений¹. Отсутствие обозначенной возможности может привести к нарушению конституционного права личности на свободу, на собственность, незаконно ограничить реализацию иных законных прав и интересов.

¹ По данным вопросам опрошено путем анкетирования 519 представителей правоохранительных органов, из них: 163 судьи, 200 следователей, 156 дознавателей и изучено по специальной программе исследования (кодировочный лист) — 937 материалов уголовных дел.

Проблема заключается в том, что на основании рекомендаций еще Пленума Верховного Суда РФ 2004 г.¹ и положений действующего УПК РФ (например, ч. 3 ст. 108 УПК РФ, ч.ч.1 и 5 ст. 165 УПК РФ) уже на протяжении около 20 лет на практике сложилась ситуация, когда орган предварительного расследования, обращаясь с ходатайством об избрании, о продлении срока применения меры пресечения или иной меры уголовно-процессуального принуждения, а также о разрешении проведения следственного действия, связанных с ограничением конституционных прав и свобод личности, направляет в суд конкретно определенное количество документов из материалов уголовного дела, то есть не все уголовное дело. Изучение практики показывает, что обычно в перечень предоставляемых суду документов, наряду с самим ходатайством, входит их стандартный набор, состоящий из следующих наименований: копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о привлечении лица в качестве обвиняемого, копии протоколов допросов подозреваемых, обвиняемых, сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, документы, подтверждающие необходимость применения меры принуждения или проведения следственного действия. Такой набор документов, по запросу Д.А. Воронова, проводившего исследование в данной сфере, например, подтвердил Центральный районный суд г. Тюмени [3, с. 87]. То есть в суд никогда ранее не представлялись и, как показывают наши исследования материалов правоприменительной практики в современный период, тоже не представляются уголовно-процессуальные документы, содержащие в себе основные обвинительные доказательства, подтверждающие причастность рассматриваемого лица к совершению преступления. Хотя ради справедливости заметим, что Пленум Верховного Суда РФ в 2016 г. на установление причастности данного лица к совершению преступления все-таки указал судам². Однако механизм обеспечения судов такими документами не определил, а как справедливо отмечается учеными-исследователями в науке уголовного процесса, их роль имеет определяющее значение для принятия законного и обоснованного судебного решения по обращению следователя или дознавателя.

Достаточно авторитетно в юридической литературе огласил эту позицию А.А. Чувилев применительно к основаниям избрания мер пресечения: «По общему правилу основанием применения меры пресечения — заключения под стражу — является совокупность доказательств, одни из которых (первая группа) уличают обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, а другие (вторая группа) устанавливают обстоятельства, указывающие на необходимость изоляции лица от общества в интересах судопроизводства» [4, с. 12].

Без предоставления органами предварительного расследования суду документов, подтверждающих все указанные основания, как справедливо отмечает

¹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 23.12.2008) // Российская газета. 2004. 25 марта. (Позднее по вопросам непосредственного применения мер пресечения было принято отдельное постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, в котором уже не было указаний на перечень обозначенных ранее документов.)

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016. № 23 // Гарант.

Н.В. Азаренок, рассуждая также об избрании заключения под стражу: «Складывается парадоксальная ситуация — следователь формирует свое внутреннее убеждение об избрании заключения под стражу на основе всего имеющегося доказательственного материала, а от суда требуется решить ту же задачу, но на базе лишь части этих материалов. Такого несоответствия в советское время не было, так как следователь и прокурор (тогда он санкционировал избрание данной меры пресечения и ему предоставлялось все уголовное дело. — уточнение Е.П.) располагали одним и тем же объемом доказательственной информации, что позволяло двум правоприменителям оценить правовую ситуацию с единых позиций» [2, с. 31].

В результате можем констатировать, что суду не созданы необходимые условия для надлежащего исполнения обязанности рассмотрения ходатайства следователя или дознавателя. Из-за отсутствия полной доказательственной информации (дефицита) у суда нет возможности оценить всю сложившуюся по уголовному делу правовую ситуацию и сформировать свое внутреннее убеждение о принятии правосудного (законного, обоснованного и справедливого) решения по обращению к нему указанных субъектов.

Безусловно, складывающаяся ситуация приводит к формальному подходу при выполнении судом обязанности всесторонне проверить законность и обоснованность обращенного к нему ходатайства органов следствия или дознания. В итоге, как следствие, прослеживается негласное поощрение неэффективной работы органов расследования, в том числе и даже злоупотребления этими органами правом, так как они уже на этапе обращения в суд должны собрать и представить ему доказательства, подтверждающие причастность лица к совершению преступления, а также необходимость применения к нему меры процессуального принуждения или, например, законность и обоснованность принудительного его помещения в медицинский или психиатрический стационар для производства стационарной судебной экспертизы.

Примером ненадлежащего исполнения судом обязанности судебного контроля за решениями органов расследования является уголовное дело № 616817, возбужденное (04.10.2016), расследуемое и затем прекращенное (28.11.2018) отделом дознания отдела полиции № 9 «Первомайский» УМВД России по г. Новосибирску в отношении гражданки Д., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ. По данному уголовному делу на основании обращения дознавателя названного отдела 12.10.2018 г. и поддержанного надзирающим прокурором, о помещении подозреваемой Д. в Государственную Новосибирскую клиническую психиатрическую больницу № 3 для проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы Первомайский районный суд г. Новосибирска 15.10.2018 г. постановил разрешить поместить подозреваемую Д. в названное медицинское учреждение.

Указанное решение Первомайского районного суда г. Новосибирска подозреваемой Д. и ее адвокатами было обжаловано в апелляционную инстанцию — Судебную коллегия по уголовным делам Новосибирского областного суда. В ходе рассмотрения жалобы апелляционной инстанцией было выявлено формальное отношение Первомайского суда к выполнению уголовно-процессуаль-

ной обязанности по проверке законности и обоснованности обращения органа дознания, так как, по нашему мнению, он руководствовался только желанием удовлетворить интересы представителей стороны обвинения — дознавателя и прокурора. Соответственно, по этой причине при рассмотрении обращения дознавателя в судебном заседании судья Первомайского районного суда не вникал в сущность сложившейся правовой ситуации по уголовному делу, в итоге оставил без внимания следующие значимые обстоятельства:

– 28.08.2018 г., когда в отношении Д. проводилась амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза, заключением которой руководствовался дознаватель при назначении стационарной судебно-психиатрической экспертизы и ходатайстве в суд о помещении Д. в медицинский стационар, она находилась в процессуальном статусе свидетеля. По УПК РФ в отношении свидетеля можно назначить экспертизу только с его согласия, а так как Д. согласия не давала, поэтому ее назначение и подготовленное экспертом заключение незаконны;

– дознавателем не собраны и, соответственно, не представлены в суд данные, указывающие на странности в поведении Д., которые бы вызывали сомнения в ее вменяемости: нет пояснений родственников, соседей о ее психическом и физическом состоянии здоровья, нет данных, свидетельствующих о наблюдении ее врачом-психиатром, нет медицинских документов (например, амбулаторной карты), в которых бы были отражены психические или физические заболевания;

– к моменту обращения дознавателя с ходатайством в суд (12.10.2018) и, соответственно, на день принятия судом решения (15.10.2018) установленный законом срок давности привлечения Д. к уголовной ответственности уже истек. Согласно закону, лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления (в данном случае — 04.10.2016) небольшой тяжести истекло 2 года (п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ). В материалах уголовного дела имеется ходатайство подозреваемой Д. от 08.10.2018 о прекращении уголовного дела в отношении ее.

Кроме того, установлено, что в судебном заседании вместо дознавателя, направившего ходатайство, принимал участие другой дознаватель, личность которого судом не устанавливалась. Однако в постановлении суд отразил факт непосредственной дачи в судебном заседании пояснений дознавателем, который направил ходатайство, что не соответствует действительности. Можно предположить, что судья заранее подготовил свое решение, а к проведению судебного заседания отнесся как к необходимой формальности.

21.11.2018 апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда данное постановление Первомайского районного суда г. Новосибирска было отменено, а также было вынесено новое судебное решение об оставлении без удовлетворения ходатайства дознавателя о помещении Д. в медицинский психиатрический стационар.

Критически оценил работу судов в данном направлении, в ходе пленарного выступления на заседании Совета судей РФ в мае 2022 года и Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев. Он совершенно справедливо на примере разрешения ходатайств в судах об избрании и продлении сроков применения

меры пресечения в виде заключения под стражу, по сути связал сложившуюся ситуацию с формальным подходом, когда судьи принимают «на веру» позицию обратившихся к ним представителей органов предварительного расследования и согласовавших ее соответственно ведомственных начальников и руководителей, а также поддерживавших ее прокуроров. Как результат, по озвученным им данным в первом квартале 2022 г. судами рассмотрено 24649 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из них удовлетворено 22194 ходатайства, или 90%, что на 1015 ходатайств больше, чем в первом квартале прошлого года. Кроме того, судами рассмотрено 50047 ходатайств о продлении срока содержания под стражей, из них удовлетворено 48491 ходатайство, или 97%, что на 3753 ходатайства больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом Председатель Верховного Суда РФ потребовал существенно снизить количество случаев санкционирования судами избрания меры пресечения — заключения под стражу [5].

Полагаем, что в данной ситуации призыв «высокого руководителя» судебной власти к своим подчиненным не должен быть правовой основой принимаемых решений судьями в ходе выполнения ими служебных уголовно-процессуальных обязанностей при осуществлении судебного контроля над досудебным производством. Здесь требуется принять правовое решение об установлении правильной организации деятельности органов расследования при обращении в суд с ходатайством, которое позволит усовершенствовать средства обеспечения создания необходимых условий надлежащего исполнения судом обязанности судебного контроля над досудебным производством. При этом необходимо учитывать, что рассмотрение судом обращений дознавателя или следователя должно осуществляться по правилам состязательности, поэтому у стороны защиты есть безусловное право на ознакомление со всеми материалами, направленными стороной обвинения в суд вместе с ходатайством об избрании, продлении мер уголовно-процессуального принуждения или проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права участников этих действий. Однако, как верно отмечает П.В. Седельников, также необходимо соблюдать и режим доступа участников уголовного процесса к материалам досудебного производства с учетом мер, принимаемых законодателем в целях обеспечения тайности предварительного расследования и безопасности участников процесса [6, с. 32]. Отметим, что за сохранение документов, содержащих основные доказательства виновности обвиняемого до окончания расследования уголовного дела в ходе проведенного нами анкетирования, высказались 100% опрошенных дознавателей, следователей, руководителей следственных органов и прокуроров¹.

Для разрешения сложившейся спорной ситуации, чтобы не нарушать права участников стороны защиты в судебном заседании на ознакомление с материалами дела в тех пределах, которые им могут быть представлены на данном этапе

¹ По данному вопросу нами опрошено путем анкетирования 514 представителей правоохранительных органов, из них: прокуроров — 120; руководителей следственных органов — 38; следователей — 200; дознавателей — 156.

уголовного судопроизводства, и соблюсти законные интересы участников стороны обвинения, исходя из необходимости сохранения ими сведений, составляющих тайну предварительного расследования на этом этапе досудебного производства, а также создать суду необходимые условия, в которых он будет иметь возможность, располагая достаточным объемом доказательственного материала по уголовному делу, надлежащим образом исполнить обязанность судебного контроля за законностью и обоснованностью запрашиваемых решений органами расследования нами предлагается решение организационного характера, смысл которого заключается в подготовке и передаче дознавателем или следователем при обращении за санкционированием принимаемых ими решений об избрании мер уголовно-процессуального принуждения или о производстве следственных действий в суд двух экземпляров документов, обосновывающих это обращение. Один экземпляр предназначается для ознакомления стороны защиты и других заинтересованных участников судебного заседания, а второй с включением в него документов, содержащих доказательства обвинения предназначен для суда¹ [7].

Список литературы

1. Еникиев З.Д., Шамсутдинов Р.К. Проблемы уголовного правосудия в современной России: монография. Уфа: РИО БашГУ, 2006. 278 с.
2. Азаренок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 547 с.
3. Воронов Д.А. Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения участников уголовного судопроизводства: монография. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2010. 175 с.
4. Чувилев А.А., Сергеев А.И., Даньшина Л.И. Применения органами расследования меры пресечения в виде заключения под стражу: учебно-практическое пособие. М., 1975. 89 с.
5. Выступление Председателя Верховного Суда РФ — Лебедева В.М. на Совете судей РФ 24 мая 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrp.ru/files/31149/> (дата обращения: 17.06.2022).
6. Сидельников П.В. Доступ участников уголовного процесса к материалам досудебного производства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 32.
7. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Пределы ознакомления защиты с материалами, представленными в суд для решения вопросов о применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2016. № 15. С. 8-12.

¹ В юридической литературе этот правомерный подход называют — использование «закрытого конверта», который в настоящее время применяется в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ с целью обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства [7].

А.Г. Исаенко, начальник отдела по координации деятельности в сфере профилактики правонарушений Министерства по делам юстиции и региональной безопасности Республики Хакасия, г. Абакан

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА

Современный этап развития Российской Федерации характеризуется интенсивными преобразованиями системы уголовной юстиции. Серьезные изменения происходят в сфере правового регулирования уголовного судопроизводства, в том числе в части регламентации деятельности его участников. Почти пятнадцать лет назад УПК РФ закрепил правовой статус такого относительно нового участника процесса, как руководитель следственного органа. Прошедшие полтора десятилетия показали эффективность и оправданность подобного решения в целом. Вместе с тем многочисленные научные дискуссии вокруг этой процессуальной фигуры, а также неоднократные законодательные уточнения процессуального статуса руководителя следственного органа свидетельствуют о том, что предложенная нормативная модель изначально была далека от совершенства. Этот вывод подтверждают и многочисленные практические проблемы, возникающие в ходе практического досудебного судопроизводства с участием руководителя следственного органа.

Проблемы совершенствования процессуального статуса начальника следственного органа имеют своим источником ключевое противоречие уголовного процесса — между объективностью цели уголовного судопроизводства и субъективностью средств достижения этой цели. Таким образом, научно-практическая потребность в оптимизации статуса названного участника уголовного процесса по-прежнему остается актуальной. Интересы правоприменительной практики требуют уточнения имеющихся и разработки новых юридических конструкций. Однако разработка научно обоснованной концепции совершенствования процессуального статуса руководителя следственного органа не может опираться только на метод проб и ошибок, на преимущественно эмпирическое усмотрение практической целесообразности.

В основу усовершенствованной модели процессуального статуса руководителя следственного органа должны быть положены глубокие теоретико-методологические разработки, обосновывающие целесообразность как ведомственного процессуального контроля в уголовном процессе, так и особой группы профессионалов, призванных реализовывать эти контрольные полномочия. В рамках новой концепции актуально рассмотреть и разрешить ряд проблем, порождаемых противоречиями, окружающими сферу практической реализации полномочий руководителя следственного органа. Среди этих противоречий особо выделяются противоречия, возникающие в ходе соприкосновения процессуальных и организационно-административных функций руководителя следственного органа. Специального исследования требуют и отдельные методологические нестыковки, связанные с аккумулярованием прикладных и руководящих

процессуальных полномочий, а также целый ряд других важных практических и теоретических вопросов.

Необходимо принимать во внимание тот факт, что появление руководителя следственного органа в кругу участников уголовного процесса говорит не о новой концепции процессуальной самостоятельности органа расследования, а лишь о некоторых несущественных переменах в весьма «древней» общей концепции процессуальной самостоятельности органов и лиц, ведущих предварительное следствие.

Потребность в глубоком изучении процессуального статуса руководителя следственного органа обусловлена тем, что эта процессуальная фигура в уголовном процессе сама по себе весьма противоречива. Эта противоречивость вызвана целым рядом факторов: правовых, организационных, идеологических и прочих. Противоречивость процессуального статуса этого участника предопределяется и качественной трансформацией его идеологических и методологических предпосылок. Многие факторы, исторически определяющие место органов и лиц, производящих предварительное расследование, в иерархии участников процесса в настоящее время утратили свою актуальность. Однако законодатель не отреагировал на это должным образом.

Глубокое понимание сущности процессуальной фигуры руководителя следственного органа требует особого идеологического взгляда на его обязанности. По нашему мнению, помимо собственно юридических обязанностей у руководителя следственного органа есть обязанности особого рода. Условно мы назвали их принципиальными обязанностями.

Предпосылки этих обязанностей коренятся в ключевых концепциях теории уголовного судопроизводства и особом понимании уголовно-процессуальных принципов.

Первая принципиальная обязанность руководителя следственного органа заключается в эвристической поддержке следователей.

Эта обязанность опирается на положение, согласно которому следственная власть в уголовном процессе принадлежит совокупному субъекту, включающему в себя следователя и его руководителей, и контролеров. Распределение полномочий между ними — это не вопрос о существовании или отсутствии принципа независимости и самостоятельности следователя. Это вопрос о процессуально-управленческих формах реализации этого принципа.

Исторически и методологически предрасположенным к процессуальному руководству этапом является досудебное производство. Предрасположенность досудебного производства к появлению функции процессуального руководства обусловлена тем, что досудебное производство имеет ярко выраженный исследовательский характер. Именно этот исследовательский характер и является основной предпосылкой, формирующей потребность в фигуре, осуществляющей процессуальное руководство именно на досудебном этапе. Процессуальное руководство является специфической гармонизирующей силой, которая минимизирует субъективные издержки процессуальной самостоятельности следователя, не позволяет этой самостоятельности (помноженной на неопытность) перерасти в произвол.

Обязанность эвристической поддержки следователей исходит из того, что через ведомственные формы процессуального контроля реализуется идея «коллективизации» познания по уголовному делу как средство объективизации полученной информации. Потребность в руководителе следственного органа конкретизируется именно в рамках этой методологической концепции.

Вторая принципиальная обязанность руководителя следственного органа заключается в усилении процессуальной независимости следователя и следственного органа.

По нашему мнению, руководитель следственного органа не ограничивает независимость и самостоятельность следователя. Он, как это ни парадоксально, усиливает процессуальную самостоятельность, только самостоятельность уже не следователя-индивида, а самого органа предварительного следствия за счет системной объективизации процессуальной самостоятельности отдельных следователей. Получается своеобразный системный эффект, когда целое образует нечто большее, нежели простая сумма частей.

Фигура руководителя следственного органа служит для поддержки и стимулирования самостоятельной роли следователя. «Процессуальный руководитель» сродни научному руководителю по диссертации. Он призван не ущемлять компетенцию следователя, демонстрируя свое служебное и интеллектуальное превосходство, а повышать его профессиональную компетентность, а если придется, то и восполнять ее своим личным опытом и умениями.

Процессуальное руководство как сущность процессуального статуса руководителя следственного органа есть средство воплощения идеи формирования истинного решения. Руководитель следственного органа, не посягая на внутреннее убеждение следователя, корректирует познание по уголовному делу и по существу, и по форме. Подобно тому, как научный руководитель диссертации воплощает в себе минимум две роли — оппонента и вдохновителя, руководитель следственного органа через процессуальное руководство формирует следственный орган как единую структурную целеустремленную единицу расследования.

В современных условиях процессуальная самостоятельность органа расследования должна рассматриваться шире, чем процессуальная самостоятельность отдельного следователя. Она должна складываться из процессуальной самостоятельности следователя, но в границах, скорректированных процессуальным статусом руководителя следственного органа. Подобный подход оправдывается единством задач органа предварительного расследования, среди которых важнейшая задача — создание оснований объективности результатов познания по уголовному делу.

Принцип процессуальной независимости следователя должен рассматриваться не только как организационно-управленческий принцип. Независимость (самостоятельность) следователя подразумевает, что следователь должен быть независим и от тех человеческих изъянов, пороков и несовершенств, которые могут поставить под сомнение его процессуальную чистоту (этическая сторона принципа). Таким образом, в реальной жизни возникает проблема многостороннего воплощения идеи процессуальной независимости следователя. В рамках уголовного процесса реализуется лишь организационно-управленческая сторо-

на, устанавливающая границы процессуальной самостоятельности следователя и процедуру ее законного ущемления.

Третья принципиальная обязанность руководителя следственного органа заключается во внедрении продуктивной функциональной состязательности на предварительном следствии.

На стадии предварительного расследования картину преступления воссоздают не индивиды, а коллективы. А всякий коллектив нуждается в руководстве. Это управленческая аксиома. Руководитель следственного органа является и контролером, и помощником, субъектом направляющим, а при необходимости — и осаждающим самовластие следователя. Допущение процессуального руководства на стадии предварительного расследования способствует конвергенции управленческих и сугубо уголовно-процессуальных начал работы следственных подразделений. Абсолютно нелогично и непрактично, что при наличии административного подчинения своему руководителю следователь бы полностью выпадал из-под его процессуального контроля и был вне зоны действия руководящего процессуального ориентирования.

Через специфическое взаимодействие исходных начал процессуальной самостоятельности и процессуального руководства на этап предварительного расследования проникают элементы состязательности особого рода, состязательности между руководителем следственного органа и подчиненными ему следователями. Сама идея несогласия (с соответствующими процедурными последствиями) является очень показательным элементом в системе процессуального руководства. Кроме того, через процессуальное руководство на досудебный этап в усеченном виде проникает и концепт «инстанционности», весьма приветствуемый в судебных стадиях.

Четвертая принципиальная обязанность руководителя следственного органа — посредничество между следователями и надзирающими за следствием субъектами.

В полномочиях руководителя органа расследования прослеживается четкая «дипломатическая миссия». Он выполняет роль посредника в общении с контролирующими органами иной ведомственной принадлежности. В одном случае он выступает своеобразным рецензентом решений следователя, требующих судебного одобрения. Подобное полномочие весьма ценно с прагматической точки зрения. Оно позволяет установить наиболее благоприятные формы взаимодействия с судом, поскольку формируют единую политику аргументации решений, учитывающую, в том числе, и специфические предпочтения суда в части обоснования решений.

Во взаимодействии с прокурором начальник органа расследования выступает единственным субъектом, уполномоченным на деловое общение. Статус руководителя следственного органа позволяет сделать подобное взаимодействие наиболее оптимальным, представительным и, как следствие, результативным.

Пятая принципиальная обязанность руководителя следственного органа — создание в подчиненном подразделении атмосферы сотрудничества.

Применительно к взаимодействию руководителя следственного органа и следователей, законодатель применяет старинный королевский управленче-

ский принцип — «*primus inter pares*» («первый среди равных»), согласно которому, король признавался «руководителем» без права возвышения над своими подчиненными. Принцип «*primus inter pares*» предусматривает особую позитивную форму взаимодействия руководителя органа расследования с подчиненными ему следователями. По своей сути это должно быть взаимодействие, основанное на началах сотрудничества.

Шестая принципиальная обязанность руководителя следственного органа — быть ярким представителем следственной власти.

Понятие следственной власти прочно входит в юридический обиход. Центральное место занимает проблема подлинного субъекта этой власти. Обилие мнений по данному вопросу можно свести в два подхода: первый — органом судебной власти видит следователя, второй — сам следственный орган. Данные позиции, как правило, принято противопоставлять. Однако есть третий срединный путь понимания, который более гармонично выражает носителя следственной власти. Для этого в число субъектов, претендующих на следственную власть, необходимо включать фигуру руководителя следственного органа.

Организационно-структурный подход к пониманию следственного органа, определяющий место органа в некоторой автономной системе, фиксирующий его функциональное предназначение, является важным, но не единственным. Он представляет, скорее, оболочку понятия следственного органа, но не его внутреннее содержание. Есть еще один не менее актуальный взгляд на понимание следственного органа — взгляд субъектный, наполняющий понятие живым содержанием. Согласно этому подходу, идентификация следственного органа опирается на личностное наполнение этого понятия. Здесь на первый план выделяется не правоохранительная структура, а субъект, наделенный следственной властью или же претендующий на нее.

Руководитель следственного органа призван воплотить в своем процессуальном статусе две линии реализации следственной власти — власть следственную в трактовке уровня следователя и власть следственную в концепции «умной власти». Именно этот двойственный вариант следственной власти в стадии предварительного расследования и реализует важнейшая процессуальная фигура руководителя следственного органа. Руководитель следственного органа является одновременно и исследователем, и оппонентом. С одной стороны, он создает необходимое управленческое напряжение для быстрого движения дел, а с другой — выступает рецензентом и фильтром, в какой-то мере замедляющим это движения ради качества расследования.

Седьмая принципиальная обязанность руководителя следственного органа — обеспечение единства законности и технологии.

Руководитель следственного органа обеспечивает единство законности в рамках своего подразделения, не подменяя прокурора, являясь дополнительным субъектом этой высокой миссии. Причем руководитель следственного органа компетентен не просто формировать единство законности, но и создавать предпосылки для создания процессуального единства подразделения. Индивидуальные следственные органы (следователи) сплачиваются в единый следственный орган, который олицетворяет следственную власть в ее высоком

смысле. Следственный орган — это не просто цех, это еще и особая школа, в рамках которой проходят обучение и становление следователи. Без руководителя этой школы такая обучающая среда создана быть не может. Руководитель следственного органа воплощает собой фигуру главного наставника.

В.И. Качалов, д.ю.н., профессор, профессор Российского государственного университета правосудия, г. Москва

ОБЯЗАННОСТИ СУДА, РЕАЛИЗУЕМЫЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ВОПРОСОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Уголовно-процессуальная деятельность суда в стадии исполнения приговора, осуществляемая в судебном заседании, направлена на защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод либо правовых интересов участников уголовного судопроизводства и иных субъектов уголовно-процессуальных отношений и представляет собой осуществление правосудия [1, с. 145-147]. Это означает, что в данной стадии производства по делу суд может реализовывать все те полномочия и нести те же обязанности, что и при рассмотрении уголовного дела по существу с учетом специфики и процессуальных возможностей стадии исполнения приговора.

Одним из вопросов, нуждающихся в разрешении применительно к данной стадии процесса, является вопрос о процедуре назначения и подготовки к судебному заседанию. На данную проблему неоднократно указывалось учеными-процессуалистами [2, с. 30; 3, с. 12]. Действующее законодательство РФ не предусматривает в качестве отдельного этапа судебного производства при разрешении вопросов, предусмотренных ст. 397 УПК РФ, этап назначения и подготовки к судебному заседанию, однако в п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» указывается на круг вопросов, подлежащих разрешению при подготовке к судебному заседанию в стадии исполнения приговора, что подтверждает наличие данного этапа. Полагаем, что этап назначения судебного заседания в данном случае очень важен, поскольку от качественного его осуществления зависит и результативность самого заседания. Содержание данного этапа производства по делу должны составлять изучение судьей поступивших в суд материалов, осуществление подготовительных действий. Важнейшим элементом данного этапа является своевременное извещение участников судебного разбирательства.

Следует согласиться с В.В. Николюком в вопросе о том, что подготовительный этап уголовно-исполнительного судопроизводства должен завершаться вынесением одного из следующих постановлений: о назначении материалов к рассмотрению в судебном заседании; о возвращении материалов для надлежащего оформления и дополнительной проверки; об отказе в принятии материалов к рассмотрению; о направлении материалов по подсудности [4, с. 204].

В постановлении о назначении судебного заседания суд обязан разрешить следующие вопросы: 1) о месте, дате и времени начала судебного заседания; 2) о вызове в судебное заседание заинтересованных лиц, а также иных лиц, права и законные интересы которых затронуты при производстве по данному уголовному делу; 3) о рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании в случаях, предусмотренных ст. 241 УПК РФ; 5) о форме участия в судебном заседании осужденного.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ не в полной мере конкретизировало процессуальный порядок судебного заседания при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, а также процессуальные полномочия участников судебного заседания. Поскольку в стадии исполнения приговора разрешаются наиболее важные вопросы, затрагивающие права и законные интересы участников уголовно-процессуальных правоотношений, порядок разрешения данных вопросов должен быть приближен к порядку рассмотрения дел в судебном заседании судом первой инстанции.

В науке уголовного процесса были высказаны предложения о моделировании структуры судебного разбирательства при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, по аналогии с рассмотрением уголовного дела по существу. А.А. Крымов пишет о том, что судебное заседание по рассмотрению вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора, должно состоять из четырех элементов: 1) подготовительной части; 2) судебного следствия; 3) заключения прокурора; 4) вынесения и оглашения решения суда [5, с. 256-257].

Полагаем, что в силу значимости рассматриваемых вопросов в первую очередь для осужденного в контексте общих задач уголовного судопроизводства и задач конкретного судебного разбирательства, важнейшей из которых является обеспечение прав и свобод участников данного вида производства, в том числе и осужденного, после заключения прокурора должен структурно следовать этап заключительного слова осужденного, предшествующий вынесению и оглашению судебного решения. Подобного рода структурирование судебного заседания позволит упорядочить уголовно-процессуальную деятельность его участников, более полно исследовать весь спектр обстоятельств, связанных с разрешением вопросов, возникающих при исполнении приговора.

При разрешении вопросов, предусмотренных ст. 397 УПК РФ, в действующем УПК РФ не предусмотрены виды решений суда по заявленным ходатайствам и представлениям. На отсутствие данных видов решений суда обращал внимание целый ряд ученых-процессуалистов [6, с. 12; 7, с. 82-83]. Безусловно, отсутствие в УПК РФ видов решений суда по разрешению вопросов, предусмотренных ст. 397 УПК РФ и связанных с исполнением приговора, является спорным. Однако разноплановый и многочисленный характер вопросов, подлежащих разрешению при исполнении приговора, не позволяет четко определить конкретный вид соответствующего процессуального решения: он заложен в правовой природе вопросов, подлежащих корректировке при исполнении приговора, и вытекает из заявленных ходатайств либо представлений.

Поэтому и конкретизировать их в виде определения перечня видов решений в действующем УПК РФ не представляется возможным. В любом случае реше-

ния, принимаемые на данном этапе производства по делу, должны, как и все иные процессуальные решения, отвечать требованиям законности, обоснованности, мотивированности и быть справедливыми. Об этом указывается и в п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора». Несоблюдение данных требований влечет за собой отмену решения.

Так, судом первой инстанции при рассмотрении ходатайства осужденного о пересмотре приговоров в соответствии со ст. 10 УК РФ не был разрешен вопрос о применении ФЗ РФ от 29 июня 2009 года № 141-ФЗ, а применены лишь положения ФЗ РФ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. Кроме того, судом были разрешены не все доводы, которые были заявлены осужденным, и им не была дана надлежащая правовая оценка. Данные нарушения послужили основаниями для отмены Президиумом Волгоградского областного суда постановления Тракторозаводского районного суда г. Волгограда от 23 июля 2015 г. в отношении К. [8].

В науке уголовно-процессуального права была высказана и точка зрения о том, что безусловным пробелом закона является то, что в нем не определены полномочия судьи по поступившему в суд ходатайству, представлению [6, с. 212]. А.А. Крымов пишет о том, что суд должен быть наделен дополнительными полномочиями, связанными с необходимостью возвращать несоответствующим образом оформленные материалы дела, а также вызывать в судебное заседание лиц, которые имеют отношения к рассматриваемым вопросам [5, с. 257]. Полагаем в данном случае излишним детализировать уголовно-процессуальный закон. На наш взгляд, судья может использовать при рассмотрении вопросов, возникающих в стадии исполнения приговоров, полномочия, аналогичные предоставленным ему при рассмотрении уголовного дела по существу с учетом специфики данной стадии процесса.

Таким образом, в стадии исполнения приговора суд может реализовывать все те полномочия и нести те же обязанности, что и при рассмотрении уголовного дела по существу с учетом специфики и процессуальных возможностей стадии исполнения приговора.

Список литературы

1. Качалов В.И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений. М.: Юстиция, 2017. 298 с.
2. Скиба А.П. Проблемы уголовно-процессуального регулирования освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного // Вестник института: Преступление, наказание, исправление. 2016. С. 27-31.
3. Тябина Ю.А. Уголовно-процессуальные отношения в стадии исполнения приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 27 с.
4. Николюк В.В. Уголовно-исполнительное производство в СССР. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. 256 с.
5. Крымов А.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: монография. М.: Проспект, 2017. 464 с.

6. Николук В.В. Вопросы исполнения приговора в УПК РФ // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / отв. ред. проф. П.А. Лупинская, Г.В. Дашков. М., 2002.

7. Тулянский Д.В. Стадия исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.

8. Постановление президиума Волгоградского областного суда от 16 января 2016 года № 44у-1/2016 // Обзор апелляционной и кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда за первое полугодие 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.wld.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=57

О.В. Качалова, д.ю.н., доцент, профессор Российского государственного университета правосудия, г. Москва

ОБЯЗАННОСТИ СУДА В СТАДИИ ПОДГОТОВКИ К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ

Обязанности суда в стадии подготовки к рассмотрению уголовного дела в особом порядке обусловлены спецификой данной формы разрешения уголовного дела. Помимо вопросов, подлежащих выяснению по поступившему в суд уголовному делу, предусмотренных ст. 228 УПК РФ (подсудно ли уголовное дело данному суду; вручены ли копии обвинительного заключения или обвинительного акта; подлежит ли избранию, отмене или изменению мера пресечения, а также подлежит ли продлению срок запрета определенных действий, домашнего ареста или срок содержания под стражей; подлежат ли удовлетворению заявленные ходатайства и поданные жалобы; приняты ли меры по обеспечению исполнения наказания в виде штрафа; приняты ли меры по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, или возможной конфискации имущества, подлежит ли продлению срок ареста, наложенного на имущество; имеются ли основания проведения предварительного слушания), суд обязан выяснить, есть ли основания для назначения уголовного дела к рассмотрению в особом порядке судебного разбирательства, а именно:

- имеется ли в деле ходатайство обвиняемого о согласии с предъявленным обвинением и рассмотрении уголовного дела в особом порядке;
- совершено ли преступление небольшой и (или) средней тяжести;
- есть ли возражения у государственного или частного обвинителя и потерпевшего;
- обоснованно ли обвинение и подтверждено ли оно собранными по делу доказательствами.

И если первые три вопроса носят по сути формальный характер и не представляют сложностей в установлении, то для того чтобы установить обоснованность обвинения и его подтвержденность собранными по делу доказательствами

ми, суд должен тщательно и внимательно ознакомиться с материалами уголовного дела [3, с. 56-58].

Гносеологические аспекты деятельности судьи на стадии назначения судебного разбирательства в особом порядке концептуальным образом отличаются от тех, которые реализуются в судебном разбирательстве, а также от тех, которые имеют место при подготовке к рассмотрению дела в общем порядке [2, с. 172-178].

Стадия назначения судебного разбирательства в общем порядке не идентична стадии назначения судебного разбирательства в особом порядке и с точки зрения задач, и с точки зрения сущности. Если в ходе подготовки к рассмотрению уголовного дела в общем порядке главная задача судьи — убедиться в отсутствии препятствий и достаточности оснований для рассмотрения дела по существу, выяснить, «соблюдены ли органами дознания и предварительного следствия требования уголовно-процессуального закона, регулирующего досудебное производство, нет ли обстоятельств, препятствующих либо исключających его рассмотрение судом», то, готовясь рассмотреть уголовное дело в особом порядке, судья помимо этого должен убедиться в достаточности доказательств, подтверждающих обоснованность обвинения, а по сути и виновность обвиняемого.

Фактически судья уже на этом этапе несет ответственность за вынесение будущего справедливого судебного решения по данному делу. Изучив материалы уголовного дела, судья должен оценить собранные по делу доказательства с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, определить их содержание, проверить подтвержденность обвинения собранными по делу доброкачественными доказательствами, не содержащими процессуальных изъянов, прийти к выводу о том, что совокупность собранных по делу доказательств является достаточной для вынесения обвинительного приговора. Невыполнение этого признается фундаментальным нарушением уголовно-процессуального закона, поскольку объективно сопряжено с нарушением права подсудимого на справедливое судебное разбирательство и тем самым предопределяет невозможность вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора.

Особенности познавательной деятельности судьи при ознакомлении с материалами дела в подготовке к его рассмотрению в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, заключается в следующем:

- у судьи на данном этапе формируется внутреннее убеждение о возможности вынесения в отношении лица обвинительного приговора в особом порядке;
- предметом юридического познания на данном этапе является не только установление достаточности оснований для назначения судебного заседания, но также достаточности доказательств, подтверждающих виновность лица в совершении преступления;
- судья знакомится лишь с письменными доказательствами и иными материалами дела в условиях отсутствия состязательности и непосредственности, а способом проверки доказательств в данном случае выступают другие доказательства, имеющиеся в уголовном деле.

Значение стадии назначения судебного разбирательства в особом порядке становится практически равнозначным значению судебного следствия, проводимого в общем порядке, поскольку именно на данном этапе формируется внутреннее убеждение в виновности обвиняемого и готовность вынести обвинительный приговор. Усложненная деятельность суда выполняет компенсаторную функцию применительно к усеченному порядку судебного следствия, осуществляемого в особом порядке. В таких условиях вопрос о процессе ознакомления судьи с материалами уголовного дела, поступившими в суд с ходатайством обвиняемого о рассмотрении его дела в особом порядке, приобретает очень важное значение. Регулировать законодательным образом процесс ознакомления судьи с материалами уголовного дела и формирования его внутреннего убеждения невозможно, да и не нужно, однако определяющую роль в данном случае должен сыграть нравственный стержень судьи, а также его ориентир на принципы уголовно-процессуального права, в основе которых лежат важнейшие мировоззренческие идеи — законность, презумпция невиновности (особенно в части, определяющей необходимость толкования неустранимых сомнений в пользу обвиняемого и недопустимость постановления обвинительного приговора, основанного на предположениях), всесторонность, объективность и полнота исследования обстоятельств дела и др.

Ознакомление судьи с материалами дела должно быть достаточно полным и глубоким, чтобы судья мог вовремя обнаружить возможные недостатки предварительного расследования либо установить иные обстоятельства, имеющие значение для дела (истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности и иные основания для прекращения дела и т.д.). В ситуации с особым порядком судебного разбирательства недостатки предварительного расследования могут быть обнаружены только на этапе подготовки к судебному заседанию, возможность устранить их в ходе судебного следствия отсутствует.

Для того чтобы сделать вывод о том, что обвинение обоснованно, необходимо установить следующее:

- обвинение подтверждается совокупностью собранных по делу доказательств. Необоснованность обвинения исключает возможность рассмотрения дела в особом порядке. При этом суд должен убедиться в доброкачественности каждого из доказательств, их непротиворечивости, определить их содержание, проверить подтвержденность обвинения собранными по делу доказательствами, не содержащими процессуальных изъянов, прийти к выводу о том, что совокупность собранных по делу доказательств является достаточной для вынесения обвинительного приговора;

- органами предварительного расследования дана правильная квалификация содеянному;

- отсутствуют основания для прекращения уголовного дела;

- в материалах дела не усматривается нарушений законодательства об оперативно-розыскной деятельности (провокации преступления, повторной проверочной закупки и т.д.).

В материалах дела отсутствуют жалобы на незаконные методы ведения расследования. В случае если из показаний обвиняемого или иных материалов дела усматриваются сведения либо жалобы о применении физического либо психологического насилия в отношении обвиняемого, суд обязан назначить рассмотрение уголовного дела в общем порядке, провести проверку данных обстоятельств либо поручить ее прокурору, а также дать оценку допустимости и достоверности полученных таким путем доказательств в ходе судебного следствия, проводимого в общем порядке.

В материалах дела не усматриваются иные нарушения уголовно-процессуального законодательства.

Отсутствуют основания для возвращения уголовного дела прокурору.

Таким образом, при назначении судебного заседания по рассмотрению уголовного дела в особом порядке суд должен разрешить следующие вопросы:

- подсудно ли уголовное дело данному суду;
- вручены ли копии обвинительного заключения или обвинительного акта;
- подлежит ли избранию, отмене или изменению мера пресечения, а также подлежит ли продлению срок запрета определенных действий, домашнего ареста или срок содержания под стражей;
- подлежат ли удовлетворению заявленные ходатайства и поданные жалобы; приняты ли меры по обеспечению исполнения наказания в виде штрафа;
- приняты ли меры по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, или возможной конфискации имущества,
- подлежит ли продлению срок ареста, наложенного на имущество;
- имеются ли основания проведения предварительного слушания, в том числе основания для возвращения уголовного дела прокурору и основания прекращения уголовного преследования;
- имеется ли в деле ходатайство обвиняемого о согласии с предъявленным обвинением и рассмотрении уголовного дела в особом порядке;
- совершено ли преступление небольшой и (или) средней тяжести;
- есть ли возражения у государственного или частного обвинителя и потерпевшего;
- обоснованно ли обвинение и подтверждено ли оно собранными по делу доказательствами:
 - дана ли органами расследования правильная квалификация;
 - в материалах дела не усматривается нарушений законодательства об оперативно-розыскной деятельности (провокации преступления, повторной проверочной закупки и т.д.); являются ли собранные по делу доказательства относимыми и достоверными;
 - в материалах дела отсутствуют жалобы на незаконные методы ведения расследования;
 - в материалах дела не усматриваются иные нарушения уголовно-процессуального законодательства.

Список литературы

1. Астафьев А.Ю. К вопросу о совершенствовании процедуры рассмотрения уголовных дел в особом порядке // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 26-32.
2. Качалова О.В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография. -М.: Юрлитинформ, 2015. 204 с.
3. Сердюков С.В. Ускоренное судебное разбирательство: необходимость, реальность, перспектива (вопросы теории и практики): монография. М.: Юркнига, 2006. 128 с.

П.В. Кондрашин, аспирант кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы Красноярского государственного аграрного университета, судья в отставке, г. Красноярск

ВЫДЕЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРАВО ИЛИ ОБЯЗАННОСТЬ?

Согласно ст. 154 и 239.1 УПК РФ, установлена возможность выделения уголовного дела в отдельное производство как на этапе предварительного следствия, так и в предварительном слушании, в суде.

Возможность принятия такого решения закон допускает только при условии, что это не будет влиять на всесторонность и объективность рассмотрения как выделенного, так и основного дела. Последнее обстоятельство носит крайне субъективный и оценочный характер [1], поскольку выделение уголовного дела является правом, а не обязанностью суда (следователя, дознавателя), то оценку влияния на всесторонность и объективность можно всегда трактовать в свою пользу, то есть как выгодно для лица (органа), в чьем производстве находится уголовное дело.

Также остается открытым вопрос о том, в какой степени суд, еще не приступив к рассмотрению уголовного дела по существу, может уже решить, скажется ли выделение из одного дела в отдельное производство другого на всесторонность и объективность разрешения этих дел [2].

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 154 УПК РФ выделение уголовного дела в отдельное производство для завершения предварительного расследования допускается, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 19 апреля 2010 года № 8-П указал, что «суд в целях обеспечения справедливости правосудия вправе разрешить в ходе предварительного слушания вопрос о выделении уголовного дела на основе предварительной оценки, по внутреннему убеждению, совокупности собранных доказательств. Иное означало бы, что не суд, а следователь или дознаватель — вопреки вытекающим из статьи 118 (часть 1) Конституции РФ

прерогативам суда — принимали бы окончательное решение о том, отразится ли выделение уголовного дела на всесторонности и объективности рассмотрения и разрешения дела по существу [3].

С учетом этой позиции Конституционного Суда РФ указание в ч. 2 ст. 154 УПК РФ на обязанность следователя (дознателя) при выделении уголовного дела в отдельное производство решать вопрос о влиянии данного процессуального решения на всесторонность и объективность разрешения уголовного дела мы считаем излишней. Органы расследования в данном случае должны решать вопрос только о влиянии на всесторонность и объективность предварительного расследования.

Уголовно-процессуальный закон содержит исчерпывающий перечень условий, при которых суд (следователь или дознаватель) вправе выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело.

Так, в практике встречаются уголовные дела, по которым обвиняется более десяти, а то и двадцати лиц. Поэтому эти дела представляют большую сложность в рассмотрении их по существу в организационном плане, поскольку необходимо обеспечить явку не только всех подсудимых, но и их защитников (так как их участие в деле обязательно).

Для примера, в одном из районных судов г. Красноярска с 06 сентября 2021 г. находится на рассмотрении уголовное дело в отношении 40 подсудимых¹. До настоящего времени по организационным причинам не удалось провести ни одного судебного заседания. Этими причинами являются неявка кого-либо из участников процесса, участие которого обязательно (в основном это подсудимые и защитники). По делу было более 50 отложений судебного заседания, из них все из-за неявки участников процесса.

Еще одно уголовное дело в отношении 15 подсудимых рассматривалось Ачинским городским судом Красноярского края около 10 месяцев [4]. Уголовное дело в отношении 10 подсудимых рассматривалось Красноярским краевым судом около двух с половиной лет [5].

При личной беседе с судьями, рассматривавшими эти уголовные дела, и их помощниками выяснилось, что основными причинами, по которым откладывались судебные заседания и, соответственно, было длительное рассмотрение дела, имелись неявки кого-либо из участников процесса, участие которых обязательно (в основном, как и указывалось выше, это подсудимые и защитники).

Нормы УПК РФ, предусматривающие возможность выделения уголовного дела в отдельное производство, являются частью механизма, гарантирующего каждому судебную защиту его прав и свобод и предполагающего обязанность органов предварительного расследования и суда осуществлять производство по уголовному делу в разумный срок и без неоправданной задержки (статья 46, часть 1, Конституции РФ, статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статья 6.1 УПК РФ) [6].

¹ Само уголовное дело не указывается, поскольку на настоящий момент оно не рассмотрено по существу.

Также необходимо учесть, что длительное рассмотрение уголовного дела может привести к окончанию сроков привлечения к уголовной ответственности, в связи с чем лица могут уйти от заслуженного наказания за совершенные преступления.

Поэтому, по нашему мнению, необходимо при поступлении в суд групповых уголовных дел, где обвиняется большое количество лиц, ввести обязанность рассмотрения вопроса о выделении уголовного дела (либо уголовных дел) в отдельное производство для уменьшения срока разрешения дел по существу.

При этом нужно указанный вопрос разрешать при назначении судебного заседания без предварительного слушания, чтобы избежать необоснованных отложений судебных заседаний, оставив возможность обжалования решения о выделении уголовного дела (уголовных дел).

Этой позиции придерживается и П.Е. Кондратов: «О выделении уголовного дела в отдельное производство судья в стадии подготовки к судебному заседанию выносит постановление» [7].

Согласно мнению Б.Т. Безлепкина, с введением в УПК РФ ст. 239.1 законодатель реализует идею о новом подходе к разделению больших, массивных уголовных дел. Теперь при назначении судебного заседания для разрешения уголовного дела по существу вопрос о выделении из него другого дела должен быть решен в обязательном порядке, будь это районный суд или суд субъекта РФ [8].

Судебная практика уже идет по этому пути. Так, по уголовному делу в отношении 18 подсудимых было принято решение о выделении уголовного дела в отношении О. в отдельное производство и оставлении в производстве Ленинского районного суда г. Красноярск, в отношении Ш., О., К., Г., О., М., К. уголовное дело выделено в отдельное производство и направлено по подсудности в Центральный районный суд г. Красноярск, в отношении О., Б., О., О. уголовное дело выделено в отдельное производство и направлено по подсудности в Свердловский районный суд г. Красноярск, в отношении С., М., Ч. уголовное дело выделено в отдельное производство и направлено по подсудности в Березовский районный суд Красноярского края, уголовные дела в отношении В., К., К. выделены в отдельные производства и направлены по подсудности в Центральный районный суд г. Красноярск. Судом указанное решение было мотивировано тем, что объединение в одно производство уголовных дел в отношении 18 обвиняемых сделало уголовное дело громоздким, а также препятствует реализации права тех обвиняемых, которые заявили ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства; с учетом сложившейся в настоящее время на территории Красноярского края эпидемиологической обстановки, с учетом числа участников уголовного судопроизводства (одномоментно порядка 50 человек, а также подлежащих вызову в судебное заседание (порядка 100 человек) соблюдение санитарно-гигиенических требований, эпидемиологической безопасности участников судопроизводства представляется проблематичным [9].

При этом возникает вероятность изменения как территориальной, так и предметной (родовой) подсудности.

Однако есть и другая сторона выделения уголовного дела (уголовных дел). Так, несовершеннолетний Л. обвинялся в совершении трех преступлений,

предусмотренных п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (совершены им единолично), и одного преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (совершено им в группе лиц). Уголовное дело в отношении Л. было выделено в отдельное производство по основаниям, предусмотренным ст. 154 УК РФ еще на этапе предварительного следствия. В результате чего уголовное дело в отношении Л. рассматривалось Кировским районным судом г. Красноярска, поскольку три преступления были совершены им одним на территории Кировского района г. Красноярска, а уголовное дело в отношении соучастников было рассмотрено Октябрьским районным судом г. Красноярска, так как преступление в составе группы лиц было совершено в Октябрьском районе г. Красноярска [10].

В данном случае имеется возможность таким путем вполне на законных основаниях произвольно изменять территориальную или предметную подсудность, выделив уголовное дело в отдельное производство. Поэтому необходимо, на наш взгляд, в таких случаях при поступлении уголовного дела в суд проверять обоснованность выделения уголовного дела и при имеющейся возможности решать вопрос о возвращении уголовного дела прокурору в порядке, предусмотренном п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, для соединения уголовных дел в одно производство для рассмотрения его надлежащим и компетентным судом в дальнейшем.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что в уголовно-процессуальном законе, а именно в ст. 227 УПК РФ, установить обязанность суда при поступлении больших групповых уголовных дел рассмотреть вопрос о выделении уголовного дела (дел) в отдельное производство с учетом подсудности без проведения предварительного слушания, ввести отдельное основание для выделения уголовного дела по большим групповым делам, а само выделение уголовного дела (дел) оставить на усмотрение суда (как право суда), исходя из конкретных обстоятельств дела. При этом также ввести обязанность следователей (дознавателей) по большим групповым делам при ознакомлении сторон с материалами дела разъяснять им возможность выделения судом дела (дел) по этому основанию с указанием в протоколе ознакомления с материалами дела их позиции по этому вопросу.

Список литературы

1. Корнуков В.М., Артамонова Е.А. Волеизъявление обвиняемого в системе факторов, определяющих подсудность уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2019. № 2. С. 31-35.
2. Белкин А.Р. Процессуальные тонкости стадии подготовки к судебному заседанию. III. Проведение предварительного слушания (продолжение) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 32-47.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 года № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовное дело № 1-5/2018 // Архив Ачинского городского суда Красноярского края.

5. Уголовное дело № 1-3/2010 // Архив Красноярского краевого суда.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 года № 96-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сугрובה Дениса Александровича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 154 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев; Верховный Суд Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд., перераб. и доп. / Б.Т. Безлепкин. М.: Проспект, 2021.
9. Уголовное дело № 1-143/2021 // Архив Центрального районного суда г. Красноярска.
10. Уголовное дело № 1-371/2018 // Архив Кировского районного суда г. Красноярска.

Л.П. Климович, д.ю.н., к.э.н., профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета, г. Красноярск
Н.Г. Логинова, к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университет, г. Красноярск

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ — ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ ОКАЗАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Преступления экономической направленности относятся к одним из наиболее распространенных, посягающих на общественные отношения. Указаниями Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» установлены критерии, согласно которым преступления могут быть отнесены к категории экономической направленности. Анализируя данный документ и учитывая результаты судебной практики, далее раскроем специфичные признаки таких преступлений.

Во-первых, как правило, такое преступление совершается в определенной сфере экономической деятельности (ОКВЭД¹ дает их детализацию), следовательно, вид совершаемых субъектом хозяйственно-экономических операций формирует специфику их документального оформления, и именно в содержании документов финансового, управленческого, налогового и иных видов учетов находят отражение признаки противоправных действий. Следует отметить, что

¹ ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности: утв. приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст. (ред. 23.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2022).

к категории таких преступлений относятся и те, которые совершаются под видом какой-либо экономической деятельности в определенной сфере. Во-вторых, субъект преступления — специальный, наделенный определенными полномочиями. Это могут быть: должностные, материально ответственные и иные лица, выполняющие на предприятиях, в учреждениях и организациях независимо от форм собственности и организационно-правовых форм организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в процессе осуществления ими производственно-хозяйственной или финансовой деятельности; либо субъекты, не наделенные указанными полномочиями, но имеющие доступ к предмету преступного посягательства для выполнения трудовых обязанностей по роду деятельности или службы; выполняющие обязанности по охране имущества или объекта, в котором оно хранится, без материальной ответственности. В-третьих, в каждом конкретном случае имеют особенности, способ и механизм совершения преступления, требующие для их установления применения специфических методов анализа судебно-экономической информации.

Перечисленные выше обстоятельства указывают на необходимость обязательного обращения при производстве по уголовным делам экономической направленности к специальным экономическим знаниям. Это подтверждают и результаты анкетного опроса следователей, расследующих преступления в сфере экономической деятельности, проведенного в 2021 г. на территории Красноярского края (рис.).

Результаты анкетного опроса следователей, расследующих преступления в сфере экономической деятельности, проведенного на территории Красноярского края

И если стороной обвинения специальные знания в этой области используются активно, то сторона защиты, в свою очередь, при оказании юридической

помощи не всегда в полном объеме использует свои возможности в этом направлении. Между тем защитник, исходя из его функции в уголовном процессе, несмотря на некоторые законодательные ограничения, наделен правом пользоваться всеми доступными средствами, направленными на защиту, способствующими установлению смягчающих или исключаяющих ответственность своего доверителя. Так, в соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат может привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи [1]. Корреспондирующие предписания содержатся и в п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ — защитник вправе привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 УПК РФ. В этой связи возможность обращения адвоката к помощи специалиста очевидна, и этот вопрос должен, во всяком случае, решаться положительно.

На наш взгляд, отсутствие активности и результативной деятельности в этом направлении, нередко связано с тем, что зачастую адвокаты не располагают даже минимальным объемом знаний в области экономики, что затрудняет их обращение к специалистам в этой сфере, когда требуется не просто умение сформулировать вопрос, задачу для такого субъекта, но и понять суть ответа специалиста и на его основе выстроить свою тактику действий. Этой негативной тенденции способствует и то обстоятельство, что государственные образовательные стандарты последнего поколения по направлению подготовки (специальности) Юриспруденция, и образовательные программы подготовки юристов в ведущих вузах страны не предусматривают обязательное обучение таким экономическим и экономико-правовым дисциплинам как Экономика организации, Основы бухгалтерского учета, Судебная бухгалтерия. Не изучают будущие юристы такие предметы, раскрывающие алгоритмы применения специальных знаний в правоприменительной деятельности, как «Судебная экспертиза», «Участие специалиста в уголовном процессе», либо объем часов на изучение таких специальных дисциплин, например, Криминалистики, катастрофически мал. Между тем именно они закладывают основы, навыки оптимального выбора стратегии и тактики взаимодействия со специалистом в решении профессиональных задач юриста. Недостаточный объем таких знаний или их отсутствие в ходе образовательной подготовки фактически формирует будущих юристов, не имеющих требуемой объективной компетенции как в вопросах выявления, раскрытия преступлений, так и защиты по уголовным делам в сфере экономической направленности. И в этой связи уже в ходе практической деятельности потребуется дополнительная узкоспециализированная подготовка (как правило, в формате повышения квалификации), и приобретение личного профессионального багажа знаний и опыта, так называемой профессиональной компетентности, в данной сфере.

Опираясь на ранее проведенные и опубликованные исследования, подготовленные с целью разъяснения отдельных вопросов, связанных с обращением адвоката-защитника к помощи специалиста¹, остановимся более подробно на

¹ Подр.: Климович Л.П., Логинова Н.Г., Ожегова А.Е. Оценка заключения эксперта защитником // Адвокатская практика. 2021. № 3. С. 60-64; Климович Л.П., Логинова Н.Г., Кривоко-

вопросах использования специальных знаний адвокатом при формировании и отстаивании позиции защиты по уголовным делам о преступлениях экономической направленности.

Следует отметить, что использование в качестве средства защиты помощи специалиста в рассматриваемых нами условиях возможно различными процессуальными способами и зависит от того, в какой из стадий уголовного процесса она применяется. Безусловно, что такие способы ограничены в стадии возбуждения уголовного дела и наиболее разнообразны в стадии предварительного расследования и судебного разбирательства. С учетом многообразия процессуальных способов привлечения специальных знаний адвокатом можно их классифицировать. Классификация — метод, традиционно применяемый с познавательной целью в различных областях научной деятельности и практики. Профессор В.Е. Жеребкин отмечал, что она «...дает возможность охватить изучаемые предметы единой основой, установить не только место каждого из них, но и связать друг с другом, раскрывает их внутренние закономерности» [2, с. 60]. Практическое значение классификации процессуальных способов использования адвокатом специальных знаний в сфере экономической деятельности состоит в том, что помогает уяснить особенности и различные аспекты защиты в правоприменительной деятельности по рассматриваемому направлению.

По нашему мнению, классификацию процессуальных способов привлечения специальных знаний защитником можно провести по двум критериям: по собственной инициативе адвоката и использование адвокатом доказательств, полученных стороной обвинения или судом.

Собирание и представление сведений посредством использования специальных экономических знаний может происходить по собственной инициативе адвоката.

К наиболее распространенным способам относится заявление ходатайства о необходимости обращения к эксперту. В большинстве случаев это связано с назначением и производством одной, нескольких или комплексной судебной экспертизы экономического класса. Данный способ может применяться с целью установления обстоятельств, смягчающих или оправдывающих, а также исключаящих преступность деяния. Несмотря на то, что окончательное решение об удовлетворении ходатайства защитника о назначении экспертизы (оставлении его без исполнения) принимает следователь, адвокату надлежит иметь общие знания о родах (видах) судебных экономических экспертиз, задачах, решаемых ими. Ведомственными приказами о порядке назначения и производства судебных экспертиз предписано обращение к экспертам своего ведомства, если оно располагает возможностями производства назначаемой экспертизы.

Перечень родов (видов) выполняемых судебных экспертиз напрямую коррелирует с перечнем экспертных специальностей, по которым в ведомстве проводится аттестация экспертов на право самостоятельного производства экспер-

тиз конкретного рода (вида)¹. Любая из экономических экспертиз решает свои задачи, требует постановки конкретных вопросов, не выходящих за рамки экспертной специальности, исследует содержание конкретных фактов и операций, зафиксированных в различных источниках учетно-экономической информации хозяйствующего субъекта, документах.

Поручение производства судебных экспертиз в негосударственные судебно-экспертные организации и частным экспертам всегда требует обоснования. С целью формирования внутреннего убеждения и аргументирования правовой позиции адвокат может воспользоваться услугами независимого эксперта (специалиста). Но в ситуации обращения к негосударственным судебным экспертам для проведения экспертизы по инициативе защитника потребуются предоставление бухгалтерских и иных документов организации, на основе которых эксперт сможет провести исследование и ответить на поставленные вопросы. Если органы предварительного расследования обладают широкими процессуальными полномочиями истребования бухгалтерских и иных документов, сведений о движении денежных средств по счетам кредитных организаций, получения информации по запросам в ФНС России и иные ведомства и организации, то процессуальные ресурсы защитника в сборе аналогичной информации для целей экспертного исследования крайне ограничены информацией, предоставляемой

¹ В перечень экспертных специальностей, по которым в МВД РФ проводится аттестация на право самостоятельного производства судебных экспертиз, отнесены следующие: 6.1 — бухгалтерская (исследование содержания записей бухгалтерского учета); 14.1 — налоговая (исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов); 25.1 — финансово-аналитическая (исследование финансового состояния); 26.1 — финансово-кредитная (исследование соблюдения принципов кредитования): Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России: приказ МВД РФ от 09.01.2013 № 2 (ред. от 16.11.2020). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.05.2022). В судебно-экспертных учреждениях Министерства Юстиции РФ перечень экспертных экономических специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз, включает только две специальности: 17.1 — исследование записей бухгалтерского учета (бухгалтерская экспертиза); 18.1 — исследование показателей финансового состояния и финансово-экономической деятельности хозяйствующего субъекта (финансово-экономическая экспертиза): Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : приказ Минюста РФ от 27.12.2012 № 237 (ред. 28.12.2021). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.05.2022). Следователи Следственного комитета РФ при назначении судебных экспертиз руководствуются приказом, которым предусмотрены следующие экономические экспертизы: бухгалтерская экспертиза (по специальности «Исследование содержания записей бухгалтерского учета»), налоговая экспертиза (по специальности: «Исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов»), финансово-аналитическая экспертиза (по специальности: «Исследование определения финансового состояния»): Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экспертиз: приказ СК России от 24.07.2020 № 77. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.05.2022).

подзащитным и полученной по адвокатскому запросу. Если подзащитным является бухгалтер, руководитель организации, то с целью разрешения конкретного вопроса в ходе экспертизы ими могут быть предоставлены сведения об операциях, содержащиеся в системе автоматизированного бухгалтерского учета организации, к которой у таких лиц имеется доступ.

В этой связи можно сделать вывод, что решение защитника о назначении независимой экономической экспертизы вряд ли позволит получить новую доказательственную информацию по делу, если документальных данных для проведения исследования будет недостаточно. Более рациональным и результативным, на наш взгляд, будет обращение к специалисту за разъяснениями, с целью его допроса и дачи им заключения по конкретным вопросам, что является самостоятельным процессуальным способом обращения адвоката к специалисту и вытекает из положений ст. 58 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 159 УПК РФ подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела, а частью 2.2 этой же статьи не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами.

Практика показывает, что в судебных стадиях уголовного процесса имеются отдельные положительные примеры удовлетворения ходатайств, заявленных стороной защиты по делам экономической направленности. Очевидно, что этому способствуют положения п. 4 ст. 271 УПК РФ, согласно которым суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон.

Так, по уголовному делу по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ, судом удовлетворено ходатайство стороны защиты об участии специалиста — бухгалтера для допроса и приобщения в качестве доказательства его заключения — бухгалтерского исследования. Также по ходатайству защиты к материалам уголовного дела приобщено заключение специалиста (исследование), выполненное доцентом кафедры Нефтегазового дела и нефтехимии Дальневосточного федерального университета¹. При рассмотрении уголовного дела в отношении К., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 176, ч. 2 ст. 176, ч. 1 ст. 145.1, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159 УК РФ, судом положительно разрешено ходатайство стороны защиты и привлечении в качестве специалиста и допросе бухгалтера, которая показала, что заключения первичной и повторной судебных бухгалтерских экспертиз

¹ Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска от 20.11.2017 по делу № 1-23/2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/maCwgfn344du/> (дата обращения: 01.05.2022).

не в достаточном объеме ответили на поставленные вопросы, поскольку не были исследованы все необходимые документы бухгалтерской отчетности¹.

Доказывание невиновности или «меньшей» виновности возможно и через заявление ходатайства о привлечении специалиста в сфере экономической деятельности (бухгалтера, аудитора, ревизора, специалиста по налогообложению, специалиста по оценочной деятельности, финансового аналитика и др.) к допросу как подозреваемого (обвиняемого), так и иных участников, потерпевших, свидетелей, что также не вступает в противоречие с действующей регламентацией деятельности защитника. Допрос с участием такого специалиста способствует достижению полноты и объективности данных при производстве по уголовному делу и позволяет установить обстоятельства, значимые для доказывания, в том числе и невиновности подзащитного. Как правило, такие обстоятельства связаны с содержанием документов и иных источников учетно-экономической информации о совершенных финансовых и хозяйственных операциях, изъятых на стадии возбуждения уголовного дела и в ходе его расследования. Именно участие специалиста в допросе обеспечит правильную оценку содержания ответов подзащитного на предъявленные ему в процессе допроса документы — доказательства, своевременную корректировку в ходе допроса вопросов к подозреваемому (обвиняемому), а также точность записи в протоколе допроса его ответов на поставленные вопросы».

Использование адвокатом доказательств, полученных стороной обвинения или судом, в тактических целях. В соответствии с п. 11 ч. ст. 47 УПК РФ обвиняемый обладает правом ознакомления с постановлением о назначении экспертизы и постановки собственных вопросов эксперту, а также знакомиться с заключением эксперта. В силу специфики рассматриваемой категории уголовных дел адвокат не имеет возможности оказания полноценной юридической помощи (если только он сам не обладает соответствующими знаниями в сфере экономической деятельности) в постановке вопросов эксперту, равно как и в ознакомлении с заключением эксперта. При таких обстоятельствах выход из ситуации видится в привлечении соответствующего специалиста. Несмотря на то, что прямого дозволения законодателя на этот счет нет, системный анализ положений уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод о том, что в этом случае необходимо руководствоваться п. 3 ч. 1 ст. 58 УПК РФ. Привлечение сведущего лица для оказания консультативной помощи в постановке вопросов эксперту и оценке содержательной стороны исследования, представленного в заключении эксперта, безусловно, будет способствовать реализации принципа обеспечения квалифицированной юридической помощи при производстве по уголовному делу о преступлении экономической направленности.

С целью отыскания оправдывающих и смягчающих ответственность обстоятельств адвокат может обратиться к специалисту за рамками процессуальных отношений. Например, для формирования внутреннего убеждения о целесообразности инициирования перед органами предварительного расследования (су-

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Орска от 20.11.2012 по делу № 1-17/2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cUO8QYvtuyN8/> (дата обращения: 01.05.2022).

дом) назначения экспертизы; при подготовке к участию в следственном действии, например, допросе лиц, проводивших ревизии, документальные проверки, представивших заключения в рамках производства экспертиз экономического класса. Полученные таким образом сведения могут способствовать и аргументации в заявляемом ходатайстве как о прекращении уголовного дела по тем или иным основаниям, так и о переквалификации на менее тяжкий состав преступления, например, в связи с изменением размера имущественного вреда, причиненного в результате совершения преступления экономической направленности.

Завершая рассмотрение обозначенной проблематики, полагаем, что установленный к настоящему времени законодательный запрет на отказ в удовлетворении ходатайства стороны защиты о привлечении специальных знаний в какой бы то ни было форме — допрос специалиста, приобщение заключения, оказание консультативной помощи специалиста при производстве процессуального или следственного действия на любой из стадий уголовного судопроизводства — является важным и при принятии защиты по преступлениям в сфере экономической деятельности, способствует оказанию квалифицированной юридической помощи по уголовным делам рассматриваемой категории.

Список литературы

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. 31.07.2020 № 268-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Жеребкин В.Е. Логика: учебное пособие. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1968. С. 60.

В.В. Козлов, преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России, г. Барнаул

РАЗЪЯСНЕНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОБЯЗАННОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ, ДОЗНАВАТЕЛЯ

Закрепленные в Конституции Российской Федерации правовые гарантии обуславливают широкую правообеспечительную функцию современного отечественного уголовно-процессуального законодательства, в котором установлены такие принципы, как охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту. В свете этого среди ученых и правоприменителей со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ и по сей день не теряют актуальности вопросы правового регулирования и практической реализации обязанностей следователя (дознавателя) по разъяснению и обеспечению прав участников уголовного судопроизводства.

Один из таких вопросов заключается в сложной законодательной технике, с которой нормы, определяющие права участников уголовного судопроизводства, введены в уголовно-процессуальный закон.

Согласно основополагающему правилу части 1 ст. 11 УПК РФ, должностные лица, осуществляющие расследование уголовного дела обязаны разъяснять участникам уголовного судопроизводства, в том числе подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю их права и обеспечивать возможность осуществления этих прав. На деле реализация данного принципа в части разъяснения прав осложнена тем, что права того или иного участника определяются во множестве статей УПК РФ, рассредоточенных по всей его структуре, при этом избилуя отсылочными нормами.

Так, помимо предусмотренных в части 2 ст. 42 УПК РФ прав, потерпевший имеет право присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту, право выражать согласие с рассмотрением дела в особом порядке, право возражать против производства дознания в сокращенной форме, заявить гражданский иск и др.

Аналогичным примером является наличие у обвиняемого во много раз больше прав (защитительных позиций), чем установлено в ст. 47 УПК РФ, поскольку отразить в одной норме все права обвиняемого (подсудимого) представляется фактически невозможным [1, с. 119-122, 11].

Другим вопросом является отсутствие детального законодательного регулирования обязанностей следователя и дознавателя не только разъяснить, но и обеспечить их реализацию.

Основываясь на анализе уголовно-процессуального законодательства, некоторые авторы приходят к выводу, что у следователя и дознавателя напрямую не предусмотрено обязанности обеспечения прав человека в ходе уголовного преследования, так как такого не предписано в нормах, непосредственно определяющих их процессуальный статус [5, с. 19-22].

В ряде случаев ученые обращают внимание на отсутствие должного механизма реализации таких обязанностей.

Так, в работах исследователей обращается внимание на номинальный характер обязанности следователя (дознавателя) материализовывать право потерпевшего знать о предъявленном обвиняемому обвинении. Помимо того, что данная обязанность не предусмотрена ни в ст. 42, ни в гл. 23 УПК РФ, законом не предусмотрена возможность потерпевшего незамедлительно получить копию такого постановления. Фактически данное право обеспечивается только по окончании расследования при ознакомлении с материалами уголовного дела, что лишает потерпевшего на стадии предварительного расследования возможности выразить свою позицию относительно объема обвинения и квалификации преступления [10, с. 59-62].

Ряд обязанностей следователя (дознавателя) вытекают из общей канвы обеспечения прав человека, однако вовсе не предусмотрены законом. Примером тому является отсутствие в законе обязанности следователя (дознавателя) при производстве следственного действия в случаях, не терпящих отлагательств,

разъяснить заинтересованным лицам право на участие в судебном заседании, проводимом в соответствии с частью 5 ст. 165 УПК РФ, сообщить о суде, в который будут направлены документы для рассмотрения законности и обоснованности следственного действия, а также обеспечить доведение информации о дате, времени и месте судебного заседания [2, с. 32-38].

Рассматриваемые особенности уголовно-процессуального закона явно не способствуют в полной мере реализации принципа охраны прав и свобод человека в практической деятельности. В силу формального подхода, а зачастую и по причине недостаточной юридической грамотности, следователи, дознаватели не осуществляют исчерпывающих действий по обеспечению соответствующих прав участников.

В то же время анализ позиций Конституционного Суда РФ показывает, что требование части 1 ст. 11 УПК РФ имеет всеобъемлющее значение относительно гарантий всех возможных прав участников уголовно-процессуальных отношений, а не только прямо указанных в специальных нормах, где законодатель далеко не во всех случаях обращает внимание на необходимость их разъяснения и обеспечения.

Так, относительно вышеуказанного примера об особенностях реализации принципа охраны прав и свобод человека при проверке законности производства следственного действия в случаях, не терпящих отлагательств, Конституционный Суд РФ указал, что для обеспечения права, предполагающего возможность участвовать в судебном заседании, заявлять отводы и ходатайства, знакомиться с позициями других участников судебного заседания, давать объяснения по рассматриваемым судом вопросам, следователь в силу требований части 1 ст. 11 УПК РФ обязан при производстве такого следственного действия разъяснить заинтересованным лицам их права, в том числе право заявить ходатайство об участии в судебном заседании по проверке его законности, обеспечить возможность их осуществления и указать суд, в котором будет проводиться судебное заседание [7].

Следует выделить два ключевых момента, при которых следователь, дознаватель обязан разъяснить участникам уголовного судопроизводства их права и принять меры по их обеспечению. Первый — при наделении лица определенным процессуальным статусом (статусом потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей), второй — перед производством следственного действия (права разъясняются лицам, участвующим в его производстве).

В первом случае, по мнению автора, следователю, дознавателю следует разъяснять все права, составляющие процессуальный статус того или иного участника с целью дальнейшей их реализации на всем этапе уголовного судопроизводства.

Учитывая вышеуказанные сложности, обусловленные отсутствием полного перечня всех прав, сконцентрированных в одной норме УПК РФ, считаем целесообразным разработку таких перечней применительно к каждому участнику.

В настоящее время подобная практика применяется в подразделениях следствия и дознания, однако не является однообразной и повсеместной. Так, следователями, дознавателями, помимо прав, предусмотренных в части 2 ст. 42 УПК РФ, при первом же вызове на допрос потерпевшему разъясняются иные (отдельные) права, о чем составляется соответствующий протокол.

В то же время, несмотря на данную положительную тенденцию, следует отметить, что при составлении таких протоколов имеют место и злоупотребления. В ряде случаев разъяснение отдельных прав фактически превращается в побуждение участника к преждевременному отказу от их осуществления, что фиксируется в протоколе. Таким образом, зачастую пользуясь юридической неграмотностью лиц, следователь (дознаватель), формально слагает с себя обязанность и ответственность по обеспечению определенных прав участников при дальнейшем расследовании уголовного дела.

В качестве примера можно привести результаты проведенного в ходе настоящей работы изучения практики следственных подразделений органов внутренних дел, где после наделения потерпевшего данным статусом сразу же разъясняются такие права, как право знакомиться с постановлениями о назначении судебных экспертиз, заключениями эксперта, право знакомиться с материалами уголовного дела, заявлять гражданский иск и др., о чем составляется протокол. При этом в подавляющем большинстве изученных «протоколов разъяснения отдельных прав» зафиксировано нежелание потерпевшего воспользоваться такими правами, независимо от того, возникнет ли в будущем необходимость их реализации или нет.

Полагаем, что выражение отношения к намерению пользоваться тем или иным правом подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика в подобных протоколах необходимо исключить, ограничившись лишь их разъяснением.

Во втором случае при производстве конкретного следственного действия, соглашаясь с мнением С.Б. Россинского, полагаем, что следователь (дознаватель), реализуя требования части 5 ст. 164 УПК РФ, обязан в полном объеме разъяснить права лишь временным (локальным) субъектам, участие которых ограничивается рамками данного следственного действия (свидетель, специалист, понятой и др.). Относительно таких участников, как подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, в повторном разъяснении полного перечня прав, составляющих их процессуальный статус, необходимость отсутствует и следует разъяснить только те права, которые вытекают из содержания производимого следственного действия, что также требует разработки унифицированных перечней подобных прав применительно к каждому его участнику [8, с. 110-111].

Наиболее остро стоит вопрос, касающийся обязанности следователя и дознавателя разъяснить права лицам, являющимся участниками проверки сообщения о преступлении и обеспечить их реализацию. Особое значение реализации прав данных участников ученые связывают с предусмотренной УПК РФ возможностью осуществления доказательной деятельности на данном этапе уголовного судопроизводства [9, с. 47].

Часть 1.1 ст. 144 УПК РФ обязывает следователя, дознавателя обеспечить участникам проверочных действий осуществление предусмотренных кодексом прав в той части, в которой затрагиваются их интересы. Среди ученых сформировалась позиция, согласно которой участники проверочных действий вправе реализовать весь комплекс прав, которые имеются у аналогичных участников предварительного расследования (например, лицо, в отношении которого подано заявление, реализует права подозреваемого, заявитель — права потерпевшего) [3, с. 69]. Однако ввиду отсутствия законодательного закрепления по аналогии с другими участниками процессуального статуса данных лиц, которыми могут быть заявитель, очевидец, лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, практические работники оказываются в затруднительной ситуации относительно определения перечня прав, подлежащих разъяснению, а также плохо представляют реальный механизм их обеспечения. В частности, это касается обеспечения права пользоваться услугами защитника (адвоката). Несмотря на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о том, что лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении, обладает правом на защиту [6], уголовно-процессуальный закон и, главным образом, подзаконные акты в полной мере не обеспечивают реализацию данного права, что приводит к невозможности участия «бесплатного» защитника (адвоката) до возбуждения уголовного дела [4, с. 141-143].

На основании изложенного следует сделать вывод о наличии при досудебном производстве по уголовным делам проблемных вопросов, касающихся реализации обязанности следователя и дознавателя разъяснить права того или иного участника и обеспечить их осуществление.

Полагаем, что решением обозначенных проблем может являться комплексное принятие мер как со стороны совершенствования законодательства, так и со стороны практической реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в части разъяснения участникам уголовного судопроизводства их прав и обеспечения возможности их осуществления.

В специальных нормах уголовно-процессуального законодательства, на наш взгляд, необходимо продублировать, а в ряде случаев восполнить пробелы, касающиеся обязанностей следователя (дознателя) разъяснить и обеспечить определенные права участников правоотношений. Также следует оптимизировать нормы раздела 2 УПК РФ, определяющих процессуальный статус участников с целью включения в них более полного перечня прав, либо снабжения их соответствующими отсылочными нормами.

Кроме того, считаем целесообразным осуществление разработки и повсеместное внедрение в деятельность следственных подразделений и подразделений дознания единых полных перечней предусмотренных УПК РФ прав каждого из участников уголовного судопроизводства, в которых, помимо перечисления самих прав, следует раскрывать их содержание с целью обеспечения понимания участником своего процессуального статуса и возможности его реализации. Аналогичные перечни следует разработать и применять в отношении участвующих в следственных действиях лиц, делая акцент на разъяснение тех прав, кото-

рые вытекают из содержания следственного действия, а также в отношении лиц, участвующих в производстве проверочных действий до возбуждения уголовного дела.

По мнению автора, планомерное совершенствование законодательной и практической деятельности в указанных направлениях будет способствовать созданию условий для качественного выполнения следователем (дознавателем) обязанностей по реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина и обеспечивать достижение назначения уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Васяев А.А. Разъяснение и обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого — обязанность следователя, дознавателя, прокурора, суда // Современное право. 2011. № 5. С. 119-122.
2. Кальницкий В.В. Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 32-38.
3. Кальницкий В.В. О следственных действиях в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2015. № 1. С. 69.
4. Козлов В.В. К вопросу об обеспечении права на защиту на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 141-143.
5. Мельников В.Ю. Необходимость создания механизма обеспечения, реализации и защиты прав человека в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2013. № 2. С. 19-22.
6. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. По жалобам граждан Арбузовой Елены Николаевны, Баланчуковой Александры Васильевны и других на нарушение их конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1076-О-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Россинский С.Б. Следственные действия: монография. М: Норма, 2018. С. 110-111.
9. Ряполова Я.П. Уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела: монография. Курск: Университетская книга, 2016. С. 47.
10. Смирнова И.С. Асимметрия прав потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого) // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2. С. 59-62.
11. Тюрин О.В. 976 прав обвиняемого в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, или 976 защитительных позиций: монография. М: Экзамен, 2007. С. 318.

Н.Р. Крысина, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, г. Саранск

КВАЛИФИЦИРОВАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СВИДЕТЕЛЮ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Право свидетеля на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном судопроизводстве обеспечивает адвокат, участие которого при производстве по уголовному делу предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом РФ [1] (п. 6 ч. 4 ст. 56, ч. 5 ст. 189, ч. 6 ст. 192). Адвокат в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [2] оказывает квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и законных интересов, а также обеспечения доступа к правосудию. Квалифицированная юридическая помощь адвоката является гарантией реализации и защиты прав и законных интересов свидетеля, которые могут быть ограничены, в том числе незаконно, при производстве по уголовному делу [3, с. 43; 4, с. 8].

Также в соответствии с принципом охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ч. 1 ст. 11 УПК РФ) суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять участникам уголовного судопроизводства, в том числе свидетелю, их права и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Это положение уголовно-процессуального закона также выступает процессуальной гарантией обеспечения права свидетеля на получение квалифицированной юридической помощи. Однако анализ правоприменительной практики позволяет выявить многочисленные нарушения закона, допускаемые должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, при обеспечении права свидетеля на получение квалифицированной юридической помощи адвоката. Так, при производстве предварительного следствия по уголовному делу на дополнительном допросе свидетеля В. с участием адвоката К. следователь задал следующие вопросы свидетелю: «Кто Вам нанял адвоката по уголовному делу? Кто оплачивал услуги Вашего адвоката?». Аналогичные вопросы следователь задал при дополнительном допросе по данному уголовному делу и свидетелю М. [4]. Такие вопросы свидетелю грубо нарушают положения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, в соответствии с которым условия соглашения об оказании юридической помощи, порядок его заключения, составляют адвокатскую тайну, соблюдение которой гарантировано государством для адвоката и его доверителя. В соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» «никто не вправе требовать от адвоката и его доверителя предъявления соглашения об оказании юридической помощи для вступления адвоката в дело». Данный запрет, совершенно очевидно, действует и когда адвокат уже вступил и участвует в производстве по уголовному делу. Игнорирование следователем положений закона, в том числе установленных запретов, как показывает приве-

денный пример, нарушает право свидетеля на квалифицированную юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

Другой пример: при производстве предварительного следствия по уголовному делу на дополнительном допросе свидетеля А. с участием адвоката К. следователь в протоколе допроса после каждого ответа свидетеля указывал: «Ответ на вопрос дан при консультации адвоката» [5]. В соответствии с уголовно-процессуальным законом (ч. 5 ст. 189, ч. 2 ст. 53 УПК РФ) адвокат свидетеля, участвующий в производстве допроса свидетеля, вправе в рамках оказания юридической помощи свидетелю давать ему в присутствии следователя краткие консультации. Факт дачи адвокатом кратких консультаций доверителю в ходе следственного действия обычно не находит отражения в протоколе следственного действия. Дача консультаций — это неотъемлемый элемент оказания адвокатом квалифицированной юридической помощи. Приведенный пример наглядно показывает, что деятельность адвоката по оказанию квалифицированной юридической помощи свидетелю не воспринимается некоторыми должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, как важная гарантия обеспечения прав и законных интересов свидетеля, а консультации с адвокатом фактически ставятся в вину свидетелю.

УПК РФ недостаточно урегулирован процессуальный статус адвоката свидетеля как участника уголовного процесса, его права и обязанности. Часть 5 ст. 189 УПК РФ закрепляет права адвоката при допросе свидетеля по аналогии с правами защитника подозреваемого, обвиняемого: «Если свидетель явился на допрос с адвокатом, приглашенным им для оказания юридической помощи, то адвокат присутствует при допросе и пользуется правами, предусмотренными ч. 2 ст. 53 настоящего Кодекса. По окончании допроса адвокат вправе делать заявления о нарушениях прав и законных интересов свидетеля. Указанные заявления подлежат занесению в протокол допроса». Таким же образом закреплены права адвоката свидетеля при очной ставке (ч. 6 ст. 192 УПК РФ). Однако права адвоката свидетеля не могут быть ограничены указанными в ч. 2 ст. 53 УПК РФ аналогичными правами защитника. Свидетель имеет право на квалифицированную юридическую помощь адвоката во всех ее проявлениях, не запрещенных законом. Так, адвокат свидетеля имеет право участвовать во всех следственных и иных процессуальных действиях, проводимых в отношении или с участием свидетеля. Указание в УПК РФ на возможность участия адвоката только в допросе свидетеля и очной ставке с участием свидетеля, не является ограничением для участия адвокат свидетеля в иных следственных, а также процессуальных действиях в отношении или с участием свидетеля. Адвокат свидетеля вправе заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Оказывая квалифицированную юридическую помощь свидетелю, адвокат вправе реализовать права, предусмотренные п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Указанные основные процессуальные права объективно необходимы адвокату для реализации функции оказания квалифицированной юридической помощи свидетелю при производстве по уголовному делу.

Адвокат также оказывает квалифицированную юридическую помощь лицам, которые пока не имеют процессуального статуса свидетеля при проверке сообщения о преступлении. В соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняется их права, в том числе право пользоваться услугами адвоката, и обеспечивается возможность осуществления этих прав. Указанная норма, непосредственно закрепившая обеспечение конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи на стадии возбуждения уголовного дела, была введена в 2013 г. [6], но и до этого право лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении, на квалифицированную юридическую помощь адвоката на практике реализовывалось на основании положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и непосредственно ст. 48 Конституции РФ. Адвокат участвовал с доверителем при получении объяснений, заявлял ходатайства в интересах доверителя, обжаловал незаконные действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении.

Процессуальный статус адвоката, оказывающего квалифицированную юридическую помощь лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, остается не урегулированным УПК РФ и на практике выявляется путем применения норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Так, адвокат реализует права, предусмотренные п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», а также основные процессуальные права:

- право участвовать в производстве следственных, процессуальных действий, производимых с участием доверителя при проверке сообщения о преступлении;
- право знакомиться с протоколами следственных, процессуальных действий, произведенных с участием доверителя при проверке сообщения о преступлении;
- право заявлять ходатайства;
- право заявлять отводы;
- право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении.

Указанные основные процессуальные права необходимы адвокату для реализации функции оказания квалифицированной юридической помощи лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении.

Отсутствие непосредственного законодательного закрепления в УПК РФ процессуального статуса адвоката свидетеля, его прав и обязанностей, а также процессуального статуса адвоката, оказывающего квалифицированную юридическую помощь лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, может привести к необоснованному ограничению процессуальных возможностей адвоката, затруднить выполнение функции оказания квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства.

Если обратиться к уголовно-процессуальному законодательству стран СНГ, то наиболее перспективным при регулировании права свидетеля на получение юридической помощи в уголовном судопроизводстве представляется УПК Республики Беларусь, который закрепляет право свидетеля «приглашать адвоката для получения юридической помощи при производстве процессуальных действий с его участием» (п. 6 ч. 2 ст. 60) [7], в отличие от УПК РФ, непосредственно закрепляющего участие адвоката свидетеля при допросе и очной ставке. Также УПК Республики Беларусь с 2018 г. дополнен ст. 60.1 «Адвокат свидетеля», которая регулирует процессуальный статус данного участника уголовного судопроизводства, в частности, права адвоката свидетеля:

- 1) оказывать юридическую помощь свидетелю при производстве процессуальных действий с участием этого свидетеля;
- 2) с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, задавать вопросы этому свидетелю;
- 3) заявлять отвод переводчику, участвующему в допросе этого свидетеля;
- 4) знакомиться с протоколом следственного и иного процессуального действия, при проведении которого он оказывал юридическую помощь свидетелю, и вносить письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе указанного действия;
- 5) знакомиться с записями в кратком протоколе, протоколе судебного заседания показаний этого свидетеля или соответствующей частью, звуко- или видеозаписи хода закрытого судебного заседания, получать копию звуко- или видеозаписи допроса этого свидетеля в ходе открытого судебного заседания.

Также УПК Республики Беларусь, в отличие от УПК РФ, устанавливает основания и порядок отвода адвоката свидетеля (ст. 87).

Аналогичное урегулирование процессуального статуса адвоката свидетеля в УПК РФ будет способствовать совершенствованию законодательного регулирования и правоприменительной практики по вопросу оказания квалифицированной юридической помощи свидетелю в российском уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 11.06.2022 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Мухудинова Н.Р. Адвокат свидетеля, законный представитель несовершеннолетнего свидетеля в российском уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2010. № 6. С. 43-45.
4. Протокол дополнительного допроса свидетеля В. от 29.07.2021 г. Протокол дополнительного допроса свидетеля М. от 31.07.2021 г. / Уголовное дело № 12002890012000047 // Чамзинский МСО СУ СК РФ по РМ. 2021 г.

5. Протокол дополнительного допроса свидетеля А. от 11.08.2021 г. / Уголовное дело № 12002890014000068 // Третье следственное управление ГСУ СК РФ. 2021 г.

6. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ (в ред. от 28.12.2013 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. УПК Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-3 (в ред. от 26.05.2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958&doc_id2=30414958#pos=5;-98&pos2=1297;-96.

С.М. Курбатова, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск

ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАУЗАЛЬНО-АССОЦИАТИВНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ СИСТЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ (КОМПЕНСАТОРНЫЙ ПОДХОД)

Уголовное судопроизводство, представляя собой «процедуру (порядок, форму) производства по уголовным делам: последовательность стадий и условий перехода дела из одной стадии в другую, условия, характеризующие производство в конкретной стадии, основания, условия и порядок производства следственных и судебных действий, содержание и форму решений, которые могут быть вынесены» [1], предопределяет системность уголовно-процессуальной деятельности. Особенности системы уголовного судопроизводства обусловлены его сущностью, целью, назначением, содержанием уголовно-процессуальной деятельности и многими другими факторами [2, с. 12-13]. При этом, пишет Ю.А. Фролов, «осмысление системности организации уголовного судопроизводства, методологическое обоснование основных направлений и задач системного анализа становятся возможными лишь на основе выявления ключевых для системного подхода положений и требований, использования единого унифицированного набора понятий и терминов, описывающих в науке системные процессы. Такой подход также предполагает системное рассмотрение уголовного судопроизводства во всем многообразии и противоречивости его сущностных проявлений» [3]. Это же обуславливает детерминизм уголовного судопроизводства как системы, основанной на том, что:

– структура уголовного судопроизводства представляет собой совокупность взаимосвязанных между собой процессуальных институтов и подинститутов, выстроенных с учетом специфики его предмета;

– базовые категории уголовного процесса, такие как цель, функции, принципы, задачи и др., отражаются в содержании норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих производство по уголовному делу,

и реализуются в конкретных процессуальных действиях участников уголовного судопроизводства, что обуславливает их взаимосвязь между собой;

– уголовное судопроизводство, являясь разновидностью деятельности, имеет свои начало и окончание, осуществляется во времени и пространстве, а его законодательная регламентированность в Уголовно-процессуальном кодексе РФ предопределяет стадийность и последовательность осуществления уголовно-процессуальной деятельности;

– соблюдение прав и законных интересов каждого отдельного участника уголовного судопроизводства обеспечивает верховенство закона вообще в данной сфере общественных отношений.

А императивный метод правового регулирования, характерный для данной отрасли права, направлен на обеспечение закономерности реализации уголовно-процессуальных норм, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, при производстве по конкретным уголовным делам. Как отмечает по поводу императивности А.Н. Дудина, «императивность в праве — это имманентный признак (свойство) права и правовых норм, выраженный в строго повелительно-побудительном характере регулятивно-охранительного воздействия на поведение участников правоотношений, с целью направления субъекта к действию поступать только должным образом в определенных нормативных границах согласно законодательно-правовой модели либо воздержаться от совершения действий, обеспеченный силой государственного принуждения, а также угрозой применения санкций в случае нарушения нормативного предписания» [4, с. 11], и называет в числе отличительных признаков «выражение велений в форме юридических обязанностей или запретов, обозначающий, что веления призывают участников правоотношений к совершению правомерных действий либо к воздержанию от совершения неправомерных действий» [4, с. 13].

Учитывая же публичный характер уголовно-процессуального права, а также то, что, согласно ч. 1 ст. 21 УПК РФ, «Уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель», а функцию правосудия реализует суд (п. 48 ст. 5, гл. 5 УПК РФ), то категория уголовно-процессуальных обязанностей приобретает особое значение в связи с их закреплением в нормах уголовно-процессуального законодательства в отношении органов государственной власти и должностных лиц, обеспечивающих достижение публичных интересов в уголовном судопроизводстве, а в затем и реализации при производстве по уголовным делам [5].

Таким образом, в контексте системности уголовного судопроизводства, можно говорить о присутствии ему детерминизма¹, выражающемся в том числе во взаимосвязи и взаимообусловленности одних процессуальных действий другими, и относить его к детерминированным системам [6], а с учетом доминирова-

¹ Детерминизм — учение о причинной обусловленности и закономерности явлений, об определяемости одних событий или состояний другими // Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/детерминизм>.

ния императивного метода правового регулирования — и о каузальности¹, когда появление в процессе производства по уголовному делу определенного обстоятельства (причины) влечет за собой последствия (следствие). Особенно очевидно это в институте уголовно-процессуальных обязанностей, где императивность проявляется в полной мере, что позволяет говорить об особом значении процессуальных обязанностей должностных лиц, которые реализуют государственно-властные полномочия по осуществлению функций правосудия и обвинения.

Данного рода обязанности являются, как пишет Е.Н. Петухов, «правовыми средствами, которые гарантируют обеспечение осуществления уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства» [7, с. 58]. Особенно это актуально в отношении обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями [8].

Относительно процессуального статуса данной категории участников производства по уголовному делу приходится констатировать, что он в настоящее время законодательно не определен, что порождает целый ряд проблем, касающихся нарушения и (или) создания условий для нарушения их процессуальных прав и законных интересов. Для их решения мы предлагаем использование компенсаторного подхода, суть которого сводится к тому, что «участникам уголовно-процессуальных отношений, которые в силу имеющихся у них ограниченных возможностей не могут надлежащим образом самостоятельно реализовывать свои права и исполнять обязанности, должны быть предоставлены процессуальные средства, с помощью которых можно компенсировать (максимально стремиться к этому) то неравное положение, в котором они оказываются по сравнению с другими участниками. С помощью этого подхода необходимо разрабатывать и юридически закреплять как сами процессуальные средства компенсаторного характера, так и механизм их использования в уголовном судопроизводстве, применяя его в дальнейшем уже через правоприменительную деятельность, в т.ч. и с возложением на соответствующие органы государственной власти и их должностных лиц обязанностей по содействию его реализации» [9, с. 124].

Содержание данных обязанностей должно коррелировать виду и степени выраженности ограниченных возможностей конкретного участника.

Так, *по виду* ограниченные возможности можно подразделить на:

- 1) физические (проблемы со слухом, с речью, опорно-двигательным аппаратом и т.д.);
- 2) когнитивные (связанные с возрастом, физиологическими состояниями, уровнем образования и т.д.);
- 3) смешанные.

По степени выраженности (проявления):

¹ Каузальность (лат. *causalis*) — причинность; причинная взаимообусловленность событий во времени, при которой при воздействии одного объекта (причина) происходит соответствующее ожидаемое изменение другого объекта (следствие) // Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/каузальность>).

1) низкая степень (лица, страдающие бессонницей, испытывающие постоянные страх, нервозность, болеющие простудными заболеваниями без осложнений, имеющие незначительные отклонения по норме слуха, зрения, речи и т.п.);

2) средняя степень (например, это такие участники как слабовидящие, слабослышащие, лица с серьезными дефектами речи, перенесшие грипп и другие вирусные заболевания с осложнениями, беременные и женщины в состоянии послеродовой депрессии, лица, достигшие совершеннолетия, но имеющие задержку в развитии, лица пожилого и более раннего возраста, в начальной стадии деменции, и др.);

3) высокая степень (несовершеннолетние, лица старших возрастных групп, лица, имеющие психические заболевания, не исключая вменяемость, тяжелобольные, болезнь которых оказывает влияние на уровень деятельности когнитивных функций, и т.д.).

Наличие у участника уголовного судопроизводства ограниченных возможностей, которые влияют на его способность осуществлять свои процессуальные права и обязанности, есть не что иное, как юридически значимая причина, порождающая процессуальное следствие в виде предоставления ему уголовно-процессуальных средств компенсаторного характера.

С правовой точки зрения подобные ограниченные возможности участников уголовного судопроизводства являются юридическим фактом для уголовно-процессуальных правоотношений, в которых они участвуют. То есть они имеют свойство каузальной детерминации, под которой в юриспруденции понимается «зависимость, суть которой заключается в том, что определенные факторы в силу необходимости порождают те или иные правоприменительные отношения, способствуют их возникновению, развитию и существованию. В правоведении подобные обстоятельства называются юридическими фактами (составами)» [10].

При этом необходимо понимать, что наличие у конкретного участника уголовного судопроизводства определенных ограниченных возможностей не означает, что это будет изначально подтверждено документом, имеющим юридическое значение, но тем не менее ограниченность в имеющихся возможностях может проявляться визуально и наблюдаться должностным лицом, осуществляющим производство по уголовному делу.

Соответственно, нужно говорить о двух группах подобных процессуальных обязательств у органов государственной власти и должностных лиц, реализующих уголовно-процессуальные функции в уголовном судопроизводстве:

– формализованные — императивно закрепленные в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ. Применительно к этим обязанностям речь идет об их каузальности: выявление у участника уголовно-процессуальных правоотношений наличия обстоятельств, влияющих на его способность быть полноправным участником, с точки зрения возможности самостоятельной реализации его процессуальных прав и обязанностей, императивно должно порождать необходимость выбора и применения соответствующих процессуальных средств компенсаторного характера.

– неформализованные — морально-нравственные, являющиеся результатом уровня развития личностных характеристик должностного лица и влияющие

на его позицию по отношению к социально уязвимым категориям населения, чувство внутреннего долга и совести, а также на качество выполнения своих профессиональных обязанностей. Данные обязанности носят ассоциативный характер, они позволяют должностному лицу, в чьем ведении находится производство по уголовному делу на данном этапе, произвести предварительную оценку наличия и выраженности у определенного участника уголовного судопроизводства ограниченных возможностей, влияющих на его уголовно-процессуальную дееспособность (причина) и применить процессуальные меры реагирования (следствие); речь идет о разновидности социальных технологий, о значимости для юриспруденции вообще и уголовного судопроизводства в частности пишут Л.А. Воскобитова и В.И. Пржиленский [11]. Исключением будет являться ситуация, когда будет установлено, что ограниченных возможностей у данного лица нет либо они есть, но не оказывают влияние на его возможность реализовывать свой процессуальный статус.

В заключение обобщим и отметим:

- уголовное судопроизводство, с учетом ряда особенностей, относится к детерминированным системам;
- это проявляется в том числе в специфике содержания процессуальных обязанностей должностных лиц, реализующих функции обвинения и правосудия в процессе производства по уголовному делу, в котором участвуют лица с ограниченными возможностями, что позволяет говорить о каузальности и ассоциативности этих обязанностей, когда появление в процессе производства по уголовному делу определенного обстоятельства в качестве ограниченных возможностей (причины) влечет за собой последствия в виде предоставления процессуальных средств компенсаторного характера (следствие);
- тем самым можно выделять формализованные и неформализованные обязанности должностных лиц, которые реализуют государственно-властные полномочия в уголовном судопроизводстве, где первые относятся к законодательно закрепленным в уголовно-процессуальных нормах, а вторые отражают уровень морально-нравственных качеств личности данных субъектов.
- реализация данных обязанностей отражает сущность компенсаторного подхода, обеспечивая тем самым соблюдение процессуальных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями.

Список литературы

1. Малахова Л.И. О понятии и содержании уголовного судопроизводства. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-i-soderzhanii-ugolovnogo-sudoproizvodstva>
2. Шаталов А.С., Крымов А.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция». М.: Проспект, 2019.
3. Фролов Ю.А. Система уголовного судопроизводства: история и современные тенденции развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 370 с.

4. Дудина А.Н. Императивные нормы права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 239 с.
5. Петухов Е.Н. Обязанности субъектов, обеспечивающих достижение публичных интересов в уголовном судопроизводстве // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2020. № 4 (6). С. 97-103.
6. Тверезовская Н.Т., Тарнавская Т.В. Классификация систем // Психология, социология и педагогика. 2012. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2012/05/547>.
7. Петухов Е.Н., Ханов Т.А. Уголовно-процессуальные обязанности как гарантия осуществления уголовно-процессуальных прав // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2017. № 2 (6). С. 57-60.
8. Бертовский Л.В., Курбатова С.М. Об обязательном назначении судебной экспертизы несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства при наличии оснований полагать, что они больны наркоманией // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXV международной научно-практической конференции. В 2 частях. Ч. 2. Красноярск, 2022. С. 172-175.
9. Курбатова С.М. Теоретические основы уголовно-процессуального статуса лиц с ограниченными возможностями: проблемы теории и практики. Красноярск, 2021. 168 с.
10. Колесник И.В., Глазырина М.А. Основания, поводы и условия участия коллективных субъектов в правоприменительных отношениях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 25-31.
11. Воскобитова Л.А., Пржиленский В.И. Социальные технологии и юридическое познание. М.: Норма-Инфра-М, 2019. 192 с.

И.В. Лебедев, аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, г. Москва

НАРУШЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ, ДОПУСКАЕМЫХ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ, ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Понимание сущности процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства имеет большое значение для реализации их правомочий в ходе разрешения уголовного дела. Они тесно взаимосвязаны друг с другом, поскольку, определяя меру должного и меру возможного, ими формируется основа для всех отношений, возникающих между сторонами уголовного процесса.

Как отмечается в литературе, юридическим сообществом единодушно поддерживается идея о том, что уголовно-процессуальная обязанность представляет собой одну из разновидностей юридической обязанности [1, с. 137]. Наиболее исчерпывающее понятие данного правового феномена было предложено Пред-

седателем Верховного Суда РФ В.М. Лебедевым. Он указывает, что под уголовно-процессуальной обязанностью следует понимать меру поведения участника уголовного судопроизводства, установленную юридической нормой в качестве обязательной, и исполнение которой обеспечивается возможностью применения к нему мер государственного принуждения [2, с. 108].

Аналогичный подход к пониманию уголовно-процессуальной обязанности можно встретить в работах Л.Л. Кожевникова и С.И. Вершининой [3-4]. Используемые авторами определения хотя формально и отличаются друг от друга, однако все же тождественны в понимании основных структурных элементов, присущих данному правовому явлению. Во-первых, уголовно-процессуальные обязанности выступают в качестве обязательного элемента процессуального статуса участников уголовного судопроизводства. Во-вторых, они могут как напрямую указывать на действия, которые участники процесса должны совершить, так и могут определять рамки их возможного поведения. В-третьих, субъекты уголовно-процессуальных отношений, нарушившие данные обязанности, могут быть принуждены к их исполнению при помощи мер государственного принуждения.

Тем не менее в рамках действующего законодательства не раскрывается понятие уголовно-процессуальных обязанностей. В тексте УПК РФ также отсутствуют положения, предусматривающие их исчерпывающий перечень. В связи с этим следует согласиться с позицией ряда авторов о том, что законодатель определяет уголовно-процессуальные обязанности сторон путем включения в правовые нормы следующих терминов: «обязан», «может/не может», «не должен», «не в праве», «запрещается» [1, 5].

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что под уголовно-процессуальными обязанностями понимаются меры должного поведения, закрепленные в различных нормах УПК РФ, предусмотренные для всех субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, устанавливающие рамки их возможной деятельности или обязывающие их совершить определенные действия или воздержаться от них, обеспеченные возможностью применения к их нарушителю мер государственного принуждения.

Указанные обязанности, как было отмечено ранее, характерны для всех участников уголовного судопроизводства, в том числе и для стороны защиты. Значимость соблюдения данных процессуальных обязанностей особенно остро стоит при рассмотрении дела в суде с участием присяжных заседателей, поскольку в рамках данного типа уголовного судопроизводства в особой форме реализуются принцип состязательности сторон, позволяющий им различными способами отстаивать свои позиции, но в то же время, открывающий возможности для злоупотреблений, которые могут повлиять на выносимый присяжными вердикт.

Закрепленная в Уголовно-процессуальном кодексе РФ модель суда присяжных предусматривает, что решение вопросов о факте совершения преступления и виновности лица в его совершении, возложено на коллегия присяжных заседателей. Согласно положениям статей 334, 335 и 336 УПК РФ, полномочия председательствующего сведены к контролю за соблюдением сторонами порядка и регламента судебного процесса, пресечению допускаемых ими нарушений, а также разъяснению присяжным существа правовых норм или других неясных

для них вопросов или понятий. Приведенные нормы свидетельствуют о том, что единственным субъектом, на которого возложено установление фактических обстоятельств уголовного дела, выступает коллегия присяжных заседателей. Указанная особенность составляет основу данной формы судопроизводства, и обуславливает поведение сторон, действия которых концентрируются на убеждении присяжных в истинности отстаиваемой ими позиции. [6, с. 101]. В связи с этим особое значение приобретают стадии судебного следствия и прений сторон, где присяжные заседатели и стороны напрямую взаимодействуют друг с другом.

УПК РФ в ст. 334 и 335 закрепляет порядок проведения судебного следствия с участием присяжных заседателей. Положения статьи 334 УПК РФ предусматривают, что судебное разбирательство с участием присяжных направлено на установление фактических обстоятельств уголовного дела в пределах 3 основных вопросов: 1) имело ли место событие преступления; 2) образуют ли действия лица состав преступления; 3) виновно ли лицо в совершении преступления. В пункте 20 Постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2005 года № 23, отмечается, что судебное разбирательство, в соответствии со статьями 252 и 334 УПК РФ, должно проводиться в пределах предъявленного подсудимому обвинения [7].

Статья 335 УПК РФ подробно регламентирует порядок проведения судебного следствия. Начинается оно с выступлений государственного обвинителя и защитника, в рамках которых они излагают свои позиции по предъявленному обвинению и устанавливают порядок исследования доказательств. В положениях данной статьи, а также пунктах 20-24 названного Постановления Пленума закрепляется ряд особенностей, присущих рассмотрению дела на данной стадии судопроизводства с участием коллегии присяжных. Во-первых, в ходе судебного следствия запрещается исследовать доказательства, не относящиеся к фактическим обстоятельствам уголовного дела или выходящие за пределы судебного разбирательства, устанавливаемые в соответствии со статьями 252 и 334 УПК РФ. Во-вторых, вопросы о недопустимости доказательств не подлежат рассмотрению в присутствии присяжных заседателей. В-третьих, запрещается изучение процессуальных решений, вынесенных на этапе предварительного следствия, а также в их присутствии не обсуждаются и не разрешаются процессуальные вопросы, связанные с обеспечением судебного разбирательства. В-четвертых, стороны ограничены в возможности представлять и исследовать информацию о личности подсудимого. Допускается исследование только тех данных, которые необходимы для установления отдельных признаков состава преступления. При этом прямо запрещается исследовать факт привлечения подсудимого к уголовной ответственности, признание его алкоголиком или наркоманом, а также другие данные, которые могут вызвать предубеждение у присяжных.

Руководствуясь приведенными нормами, можно заключить, что на стороны в рамках судебного следствия возложены обязанности по представлению и исследованию доказательств, относящихся к предмету доказывания, установленному в ст. 252 и 334 УПК РФ, с учетом особенностей, предусмотренных ч. 7 и 8 ст. 335 УПК РФ. Однако как свидетельствует судебная практика, стороной защиты зачастую допускаются нарушения при выполнении данных процессуальных обязанностей. В апелляционных определениях, изученных за 2021 г., судами выявлены следующие нарушения:

1) сторона защиты сообщала в присутствии присяжных заседателей сведения о личности подсудимого или сведения, характеризующие подсудимого и (или) потерпевшего (Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 21.12.2021 № 55-699/2021);

2) стороной защиты в присутствии коллегии присяжных выражались сомнения в относимости и достоверности доказательств, собранных на предварительном следствии (Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 21.12.2021 № 55-699/2021);

3) сторона защиты ставила под сомнение законность проведения следственных и иных процессуальных действий на стадии предварительного расследования, допустимость полученных доказательств, а также заявляла о незаконности действий государственного обвинителя (Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 13.10.2021 № 55-647/2021);

4) стороной защиты оглашалась или выяснялась информация, которая не относится к установлению фактических обстоятельств дела, а также информация, которая не была предметом судебного разбирательства в присутствии присяжных заседателей и не относится к их компетенции (Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 21.12.2021 № 55-699/2021).

Уголовно-процессуальные обязанности стороны защиты на этапе прений сторон с участием присяжных заседателей закреплены в ст. 336 УПК РФ. Согласно ей, прения происходят в общем порядке, но с некоторыми особенностями. Так, ч. 2 указанной статьи предусматривает, что они должны проводиться только в рамках вопросов, разрешаемых коллегией присяжных, в соответствии со ст. 334 УПК РФ. Положения ч. 3 устанавливают, что стороны не могут ссылаться на доказательства, признанные недопустимыми или не исследованные в судебном заседании. В приведенном выше Постановлении Пленума ВС РФ также содержатся нормы, посвященные порядку проведения прений сторон в суде с участием присяжных заседателей. Так, в п. 25 указывается, что прения должны проводиться с учетом особенностей полномочий присяжных и содержания вопросов, которые ставятся перед ними (предусмотренных ст. 334 УПК РФ). Крайне интересным представляется положение абзаца 2, предусматривающего, что именно председательствующий определяет рамки прений сторон, руководствуясь требованием закона и вопросами, подлежащими разрешению присяжными.

Таким образом, на стороны в рамках данной стадии уголовного судопроизводства возложены уголовно-процессуальные обязанности по анализу и оценке доказательств, представленных на этапе судебного следствия, и обсуждение вопросов виновности или невиновности подсудимого, с целью установления обстоятельств, на основании которых присяжные смогли бы ответить на вопросы, закрепленные в статье 334 УПК РФ. В изученной судебной практике апелляционными судами были выявлены следующие нарушения:

1) сторона защиты ставила под сомнение полноту предварительного следствия или ставила под сомнение допустимость, достоверность, достаточность доказательств, собранных на предварительном следствии (Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 27.05.2021 № 55-310/2021);

2) сторона защиты обосновывала свою позицию путем указания на обстоятельства, которые не подлежат изучению в ходе судебного заседания, либо в ходе обоснования позиции ссылались на доказательства, признанные недопустимыми или не исследованные в судебном заседании (Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 29.11.2021 № 55-1587/2021);

3) сторона защиты обосновывала невиновность своего подзащитного с позиции того, что преступление могло быть совершено иным лицом (Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 28.10.2021 № 55-697/2021).

На третьем нарушении хотелось бы остановиться более подробно. Возможность обоснования стороной защиты позиции о невиновности подсудимого путем использования доводов, указывающих на то, что преступление совершено иным лицом, было предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ. В Определении от 25 ноября 2020 г. № 2634-О указано, что ст. 252 УПК РФ ни сама по себе, ни во взаимосвязи с нормами гл. 42 УПК РФ, не содержит положений, которые бы ограничивали право подсудимого приводить доказательства и доводы, опровергающие позицию стороны обвинения, в том числе свидетельствующие о своей непричастности к преступлению, а также о совершении преступления не им, а другим лицом. В противном случае это означало бы незаконное ограничение прав подсудимого, присяжных заседателей, отступление от презумпции невиновности, принципов состязательности и равноправия сторон, гарантируемых Конституцией РФ и Уголовно-процессуальным кодексом РФ [8].

Таким образом, с точки зрения действующего законодательства не является нарушением уголовно-процессуальных обязанностей отстаивание стороной защиты позиции, согласно которой виновным в преступлении называется иное (третье) лицо. Однако судебная практика не в полной мере восприняла разъяснения Конституционного Суда РФ, о чем свидетельствуют апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 10.02.2022 № 22-131/2022, апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 27.09.2021 по делу № 55-703/2021, в которых в качестве основания для отмены приговора приводилось использование описанной тактики стороной защиты.

В рассмотренных выше положениях ст. 335 и 336 УПК РФ также содержится третий элемент уголовно-процессуальной обязанности — возможность применения к лицу, не исполняющему данные обязанности, мер государственного принуждения. Так, ч. 3 ст. 336 УПК РФ предусматривает, что в случаях если участник прений сторон в ходе своего выступления выходит за пределы, установленные ст. 334 и 336 УПК РФ, то председательствующий прерывает его выступление и разъясняет присяжным, что озвученные обстоятельства не должны быть приняты ими во внимание при вынесении вердикта. Пункт 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23, раскрывая положения ст. 335 УПК РФ, регламентирующей порядок проведения судебного следствия, предусматривает, что председательствующий в случае, если стороной будет предпринята попытка ознакомления присяжных с обстоятельствами, не входящими в предмет доказывания по уголовному делу, с недопустимыми доказательствами или если коллегии присяжных будет навязано разрешение вопросов,

не входящих в их компетенцию, может вынести замечание, удалить из зала судебного заседания или наложить денежное взыскание на сторону, допустившее такое нарушение.

Руководствуясь данными положениями, можно заключить, что в качестве мер принуждения стороны защиты к исполнению ее уголовно-процессуальных обязанностей выступает:

- 1) принудительная остановка выступления защитника или подсудимого и разъяснение присяжным, что обстоятельства, озвученные ими, не должны учитываться при принятии решений;
- 2) вынесение замечания;
- 3) наложение денежного взыскания;
- 4) отложение слушания по уголовному делу с уведомлением адвокатской палаты о поведении защитника (в случае неоднократности нарушений).

Судебная практика свидетельствует, что указанные меры принуждения активно используются судьями, и, как правило, именно обилие нарушений, допускаемых стороной защиты, является главным основанием для отмены приговора, постановленного на основе вердикта присяжных заседателей [9-10].

Подводя итоги вышеизложенному, хотелось бы отметить, что, по мнению автора, нарушение стороной защиты ее уголовно-процессуальных обязанностей, в подавляющем большинстве случаев происходит не из-за сознательного нежелания следовать установленным правилам поведения (хотя, бесспорно, существуют и такие ситуации), а из-за того, что указанные обязанности напрямую не отражены в УПК РФ, а вытекают из существа норм, регулирующих конкретные стадии или аспекты разрешения уголовного дела. Указанное обстоятельство приводит к тому, что у стороны защиты зачастую отсутствует понимание особенностей судопроизводства с участием присяжных, а следовательно, и своих процессуальных обязанностей. Суды, в свою очередь, указанные нормы толкуют в ограничительном ключе, пытаются выработать строгие правила поведения, не позволяющие сторонам в полной мере реализовывать те преимущества, которыми обладает данная форма судопроизводства. В связи с этим хотелось бы заключить, что процессуальные права и обязанности стороны защиты в рамках рассмотрения дела в суде присяжных нуждаются в более глубокой разработке и правовой регламентации как на уровне УПК РФ, так и на уровне постановлений Пленума Верховного суда, что поспособствует более широкому применению данного правового института.

Список литературы

1. Давыдов С.И., Петухов Е.Н. «Скрытые» уголовно-процессуальные обязанности профессиональных участников стороны обвинения и суда в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1(41). С. 137-142.
2. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В.М. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 1060 с.

3. Кожевников Л.Л. Обязанности обвиняемого: понятие, виды, проблемы правовой регламентации и обеспечения условий надлежащего выполнения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. 24 с.

4. Вершинина С.И. Обязательность порядка судопроизводства как основа российского уголовного процесса // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 4(19). С. 19-21.

5. Зеленина О.А. К вопросу о законодательной регламентации процессуальных обязанностей участников уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. № 1 (49). С. 81-89.

6. Хорошева А.Е. Проблемы реализации принципа состязательности в суде присяжных // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-1 (66). С. 101-104.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2006. № 1. Январь.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2020 № 2634-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ерохина Игоря Игоревича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/400118970/>? (дата обращения: 09.06.2022).

9. Обзор апелляционной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за первое полугодие 2020 г.: утвержден Президиумом Пермского краевого суда 28 августа 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=258381&#Rw4So7TusdxwHJeI> (дата обращения: 09.06.2022).

10. Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) за первое полугодие 2020 г.: утвержден Президиумом Верховного Суда Республики Саха (Якутия) 31 июля 2020 г. // СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/74477707/>? (дата обращения: 10.06.2022).

*А.С. Мананников, аспирант Алтайского государственного университета,
г. Барнаул*

НЕОСТОРОЖНОЕ РАЗГЛАШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ КАК НЕВЫПОЛНЕНИЕ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ПО ЕЕ СОХРАНЕНИЮ

Привлечение лиц к ответственности за неосторожное разглашение ГТ способствует повышению уровня соблюдения законодательства о ГТ, при этом положительного результата можно добиться, даже не наказывая таких разгласителей сурово, поскольку факт возбуждения уголовного дела и осуждения одного

из сотрудников организации за РГТ является эффективным способом профилактики таких преступлений.

Например, А.В. Наумов, С.С. Босхолов, С.В. Борисов и А.В. Жеребченко считают, что РГТ может быть только умышленным. Иные специалисты, включая В.М. Лебедева, придерживаются позиции, что РГТ может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности [1, с. 1050-1051].

Причина разногласий по данному вопросу кроется в том, что 24.05.1996 (вступление в действие УК России) была ограничена сфера уголовной наказуемости за неосторожность путем указания в ч. 2 ст. 24 УК России, что «деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей особенной части...». Однако 25.06.1998 Федеральным законом № 92-ФЗ в УК России внесены изменения, после которых часть вторая статьи 24 стала звучать иначе: «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Изменив указанное положение, законодатель разделил все деяния, предусмотренные особенной частью УК России, по субъективной стороне на три вида: совершаемые только умышленно; совершаемые как умышленно, так и по неосторожности; совершаемые только по неосторожности. С того времени содержание вины устанавливается путем толкования уголовного закона с учетом особенностей объективной стороны преступления, включенных в число признаков его состава и иных обстоятельств.

Как отмечает Э.А. Жалинский, «25.06.1998 в ст. 24 внесены весьма тонкие изменения. Проблема связана с тем, что в этой статье содержалось указание о возможности признания деяния неосторожным только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части (это почти дословно повторяло § 15 УК ФРГ). Оно исключало возможность признания деяния преступлением, когда, по мнению правоприменителя, деяние могло быть совершено как умышленно, так и неосторожно, но в законе на это указаний не было. Новая редакция говорит о деянии, «совершенном только по неосторожности» [2, с. 74].

Правильность указанной трактовки подтверждает Н.Ф. Кузнецова, которая писала: «По моему предложению, поддержанному нашей кафедрой и экспертами Комитета по законодательству Госдумы РФ, редакция ч. 2 ст. 24 была изменена. В уголовно-правовой литературе можно встретить критику новой редакции данной статьи как неясной. Между тем текст новации достаточно ясен: если в диспозиции норм названа вина в форме неосторожности, то квалифицировать по ней умышленное преступление нельзя. Если форма вины в статье не указана, значит возможна квалификация содеянного и как умышленного, и как неосторожного» [3, с. 57].

Большая часть специалистов считает, что умолчание законодателя о форме вины допускает совершение преступления как умышленно, так и по неосторожности, если только вывод об умышленном совершении преступления не следует из смысла уголовного закона.

Верховным Судом Российской Федерации позиция по данному вопросу высказана, например, в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», где говорится, что «нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ может быть совершено лицом как умышленно, так и по неосторожности».

Соответственно, изменения, внесенные в УК России Федеральным законом от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ, привели к тому, что ч. 1 ст. 283 УК России, в которой не указывается на умышленную форму вины; не указывается только на неосторожную форму вины — совершается как умышленно, так и по неосторожности.

Для указания формы вины законодателем применяются технико-юридические приемы.

1. Прямое указание на умышленный или неосторожный характер преступления (ч. 1 ст. 111, ст. 109 УК России).

2. Использование в конструкции статьи:

– формального состава преступления;

– терминов: «заведомость», «совместность», «злостность», «незаконность», «угроза», «посягательство», «принуждение», «уклонение», «неоднократность», «системность»;

– указания на мотив или цель преступления (ст. 155, ст. 281, ст. 285);

– указания на то, что действия совершаются под угрозой, с применением насилия или принуждения (ст. 131, ст. 132).

В остальных случаях деяние может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Следует учитывать, что в УК России немало таких преступлений. Например, ст. 228.2 «нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ»; ст. 344 «нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне»; ст. 215 «нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики»; ст. 217 «нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах»; ст. 219 «нарушение требований пожарной безопасности»; ст. 274 «нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей»; ст. 344 «нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне».

Иностраный опыт криминализации деяний, связанных с РГТ, говорит о том, что ответственность за указанное преступление, совершенное по неосторожности, предусматривают УК значительного числа зарубежных государств.

1. Государства, уголовные кодексы которых предусматривают ответственность за разглашение ГТ по неосторожности в отдельной статье: Белоруссия (умышленное — ст. 373 УК, неосторожное — ст. 374); Латвия (ст. 95 УК); Швеция (ст. 9 гл. 19 УК).

2. Государства, уголовные кодексы которых предусматривают ответственность за разглашение ГТ по неосторожности в части или пункте статьи о разглашении: Литва (ч. 2 ст. 125 УК), ФРГ (ч. 2 пар. 97 УК), Польша (пар. 3 ст. 265 УК), Швейцария (ч. 3 ст. 267 УК), Армения (ч. 2 ст. 306 УК), Аргентина

(ст. 223 УК), Болгария (ст. 359 УК), Нидерланды (ст. 98b УК), Турция (ч. 4 ст. 136; ч. 4 ст. 137 УК), Дания (ч. 2 ст. 109 УК); Норвегия (ст. 90 УК).

Кроме того, обращает на себя внимание УК Грузии, который в тексте ч. 1 ст. 320 говорит об ответственности за «Умышленное или по неосторожности разглашение государственной тайны ...».

Несмотря на существование различных точек зрения по вопросу о форме вины при разглашении ГТ, норма, закрепленная в ст. 283 УК России, предусматривает уголовную ответственность за разглашение ГТ по неосторожности. При легкомысленном РГТ виновный предвидит абстрактную возможность восприятия посторонним лицом ГТ, но полагает, что в данном случае разглашения не произойдет, рассчитывая, что результат будет предотвращен каким-то конкретным обстоятельством (мнимая компьютерная грамотность, внимательность). При РГТ по небрежности лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), а именно то, что ГТ станет достоянием других лиц, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности, к которым обязывают требования значительного числа нормативных правовых актов в сфере защиты ГТ, с которыми лицо знакомится, а также подписываемые обязательства, должно было и могло предвидеть эти последствия.

В целях совершенствования нормы и устранения трудностей, возникающих в ходе ее применения, учитывая опыт зарубежного законодательства целесообразно предусмотреть ответственность за умышленное и неосторожное разглашение в разных частях ст. 283 УК России.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. С. 1050-1051.
2. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. С. 57.
3. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 74.

А.Ф. Олчёнов, адвокат Московской городской коллегии адвокатов «Сокальский, Филиппов и партнеры», г. Москва

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫЗОВА ГРАЖДАН ДЛЯ ДАЧИ ОБЪЯСНЕНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

После принятий изменений, внесенных в ст. 144 УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, одной из важнейших тем является проблема обеспечения прав лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Отсутствие определенного процессуального статуса участников процессуальных действий законодатель принял попытку компенсировать обеспечением возможности реализовывать права в той

части, в которой производимые процессуальные действия и решения затрагивают их интересы.

В ч. 1 ст. 144 УПК РФ закреплено, что при проверке сообщения о преступлении должностные лица вправе получать объяснения. Получение объяснения является одним из самых распространенных проверочных действий. Уголовно-процессуальный закон не предусматривает специальных правил вызова граждан для дачи объяснения [1, с. 135-138].

Возможность получать объяснение закреплено в ч. 1 ст. 144 УПК РФ словосочетанием — при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения. В соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности. Процесс получения объяснения по существу аналогичен порядку производства допроса, но специфика стадии возбуждения уголовного дела не допускает мер государственного принуждения. На законодательном уровне процессуальный порядок вызова граждан для дачи объяснения не закреплен. Согласно п. 4 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 28.12.2010 г. № 403 «О следственном комитете Российской Федерации» [2, с. 15], сотрудник Следственного комитета вправе вызывать должностных и иных лиц для объяснения. В п. 3 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [3, с. 900] содержится аналогичная норма. Собственная следственная и адвокатская практика позволяют сделать вывод о том, что для вызова граждан используются формы повесток, которые аналогичны по содержанию повесткам о вызове на допрос свидетеля. Так, при проведении проверки незаконных действий должностных лиц при приемке работ по муниципальным контрактам (капитальный ремонт теплосетей в с. Онгудай Республики Алтай в 2018 г.) следователем направлена повестка о вызове на опрос [4, с. 15]. Данная повестка содержит ссылки на нормы ст. 188 УПК РФ, регулирующих порядок вызова свидетеля и потерпевшего, разъяснения о том, что вызываемый вправе пригласить защитника, и предупреждение о том, что в случае неявки в срок без уважительных причин на основании ст. 113 УПК РФ гражданин может быть подвергнут приводу либо на основании ст. 118 УПК РФ на него может быть наложено денежное взыскание. Аналогичная по форме повестка была вручена вызываемому лицу при проведении проверки по факту хищения бюджетных средств (Кокоринское сельское поселение в 2021 г., Республика Алтай) [5, с. 21]. Применение повесток о вызове на допрос при проведении проверок видится некорректным.

В уголовно-процессуальном законе целесообразно предусмотреть следующие правила вызова на опрос, которые должны соответствовать правилам ст. 188 УПК РФ с учетом особенностей стадии возбуждения уголовного дела. Как приведено выше, на практике граждане для опроса вызываются повестками, что является неприемлемым и носит признаки неправомерного принуждения. Более уместным было бы направление уведомления о вызове для дачи объяснения с указанием времени и места опроса, с указанием повода (краткого изложения сообщения о преступлении) вызова; с разъяснением прав, указанных в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5

настоящего Кодекса, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 УПК РФ.

В практической деятельности возникает вопрос — если вызов для дачи объяснения не обеспечен принудительностью, то каким образом получить объяснение? В уголовно-процессуальной науке идея принудительного характера получения объяснения является давним дискуссионным вопросом. Некоторые исследователи выступают против принудительного характера данного проверочного действия. А.М. Косенко отмечает: «В практической деятельности граждане вызываются для опроса повестками, что противоречит добровольному характеру участия граждан в проверочных действиях» [6, с. 77]. В.Г. Стаценко, наоборот, полагает необходимым предусмотреть в уголовно-процессуальном законе порядок вызова для дачи объяснения, фиксации, что даст возможность использовать полученные сведения как доказательство [7, с. 91]. С.И. Давыдов и А.П. Пинчук считают убедительными и подкрепленными практической деятельностью предложения о распространении действия ст. 113 УПК РФ «Привод» и на лиц, подлежащих опросу, сделали выводы о целесообразности распространения ст. 307, 308 УК РФ, а также ст. 113 УПК РФ на получение объяснения, закрепить понятие «получение объяснений» и включить в УПК РФ нормы о распространении правил допроса на данное проверочное действие [8, с. 101].

Учитывая специфичность стадии возбуждения уголовного дела, а именно зачастую условие информационной недостаточности для принятия того или иного процессуального решения, с мнением вышеуказанных авторов, выступающих о более четкой регламентации получения объяснения, нельзя не согласиться. Доводы более чем убедительны, но при придании опросу всех признаков допроса происходит фактическая подмена указанного проверочного действия следственным — допросом. Получение объяснений является самым распространенным проверочным действием, следовательно, при фактическом стирании грани между опросом и допросом возможен уклон в пользу принудительного характера получения объяснения, что может привести к злоупотреблениям со стороны должностных лиц, осуществляющих процессуальную проверку. Полагаем, что при возможном дальнейшем законодательном закреплении понятия проверочного действия «получения объяснения (опрос)», обязательно рассмотреть вопрос процессуального механизма участия адвоката в данном проверочном действии. И было бы правильным в целях соблюдения прав граждан на законодательном уровне распространить п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ (к недопустимым доказательствам относятся показания подозреваемого или обвиняемого данные в отсутствие защитника) на получение объяснения, а также применять правила ст. 50 УПК РФ (приглашение, назначение и замена защитника, оплата его труда) на данное проверочное действие.

Список литературы

1. Быков В.М., Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Казань, 2006.
2. Собрание законодательства РФ. 2011. № 1.

3. Собрание законодательства РФ. 2011. № 7.
4. Материал проверки КРСП № 94 (от 28.10.2020) // Архив СУ СК России по Республике Алтай.
5. Материал проверки КРСП № 222 (от 02.02.2022) // Архив ОМВД России по Кош-Агачскому району.
6. Косенко А.М. О процессуальной форме получения объяснений // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 75-79.
7. Стаценко В.Г., Шепелева Ю.Л. Проблемы производства проверки сообщения о преступлениях // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 90-93.
8. Давыдов С.И., Пинчук А.П. Получение объяснений как проверочное действие на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правовой регламентации // Сибирский юридический вестник. 2020. № 3 (90). С. 96-102.

Е.Н. Петухов, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул
Р.Р. Юлдошев, к.ю.н., доцент, начальник факультета № 1 «Подготовка руководящих кадров в сфере правоохранительной деятельности и силовых структур Республики Таджикистан» Академии МВД Республики Таджикистан, подполковник милиции, г. Душанбе

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ОБЯЗАННОСТЕЙ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И НАДЗОРА ЗА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Обращаясь к проблеме исполнения прокурором обязанности уголовного преследования в ходе досудебного производства, необходимо обратиться к анализу ст. 37 УПК РФ, в которой законодатель определил статус данного субъекта в досудебном и судебном производстве по уголовному делу. При этом законодатель в данной норме предписал прокурору одновременно исполнять две уголовно-процессуальные обязанности: прокурорский надзор и уголовное преследование. Относительно сущности обязанности уголовного преследования прокурора в судебном разбирательстве по уголовному делу в среде ученых-юристов и правоприменителей существует единодушие его понимания — это только поддержание государственного обвинения (прокурорского надзора за судом нет). Однако касаясь роли прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса, следует отметить, что существует проблема относительно соотношения его обязанностей уголовного преследования и прокурорского надзора, более того, признание уголовного преследования вообще не относится к числу общепризнанных. Отметим, что и формулировка ч. 1 ст. 37 УПК РФ дает основание для определенных сомнений в обозначенном вопросе, поскольку между уголовным преследованием и прокурорским надзором законодатель в анализируемом положении поставил соединительно-разделительный союз «а также». То есть для того чтобы

одновременно исполнять раздельно названные обязанности, необходимо разделить и все полномочия прокурора на две группы. Правовая логика исследования уголовно-процессуального статуса прокурора в соотношении с сущностью уголовного преследования, понятие которого определено законодателем в п. 55 ст. 5 УПК РФ, а также практически стопроцентный (2% респондентов воздержались) отрицательный ответ, которые дали в результате анкетирования по этому вопросу сами прокуроры, свидетельствуют о том, что такое разделение невозможно, нет оснований¹.

Такой же результат получил И.В. Маслов в ходе интервьюирования практических работников, которые засвидетельствовали, что прокурорами в ходе досудебного производства осуществляется исключительно надзорная деятельность, так как они не совершают каких-либо действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление [1, с. 199], которые ему предписывает законодатель (ч. 2 ст. 21 УПК РФ).

Складывающаяся таким образом ситуация в уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовному делу приводит нас к поддержанию позиции группы ученых-исследователей: В.А. Лазаревой, Т.Ю. Цапаевой, С.Н. Алексеева и других по вопросу о соотношении уголовного преследования и прокурорского надзора, которые, рассматривая уголовный процесс как единое целое, пришли к выводу о том, что эта целостность обуславливает целостность и единство правового статуса (функции) прокурора на всем его протяжении: «логика требует, чтобы он оставался единым на всех ступенях процесса» [2, с. 21; 3, с. 69; 4].

Действующий Генеральный прокурор РФ И.В. Краснов современный статус прокурора тоже унифицировал, заявив, что прокурор из участника уголовного преследования, обладающего ранее всеми полномочиями по самостоятельному возбуждению и расследованию уголовных дел, после 2007 г. трансформировался в субъект, только надзирающий за органами предварительного расследования [5]. Его позиция в полной мере реализуется им в приказах, в которых содержатся предписания исключительно по осуществлению подчиненными ему прокурорами надзора [6, 7].

Полагаем, что уже этих доводов достаточно, чтобы предложить законодателью изменить статус прокурора в досудебном производстве, закрепив в уголовно-процессуальном праве фактически реализующийся на практике статус прокурора как представителя надзорного органа, основным предназначением которого в соответствии с Конституцией РФ (ч. 1 ст. 129 гл. 7) является исполнение обязанности прокурорского надзора за соблюдением Конституции и исполнением законов органами предварительного расследования с целью обеспечения законности осуществляемой ими уголовно-процессуальной деятельности (ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Таким образом, в частности, исключив его из субъектов исполнения обязанности уголовного преследования в ходе досудебного производства по уголовному делу.

¹ По данному вопросу опрошено путем анкетирования 120 прокуроров, функционирующих на территории Сибирского федерального округа РФ.

Руководствуясь призывом Л.А. Воскобитовой о необходимости усиления и укрепления средств обеспечения надлежащего исполнения прокурором указанной обязанности надзора, поскольку она служит гарантом всесторонности, полноты и объективности всего предварительного расследования [8], рассмотрим проблему реализации наиболее важного из указанных средств обеспечения ее надлежащего исполнения и сформулируем рекомендации по его совершенствованию.

Исследования практики показали, что наиболее значимым средством механизма обеспечения надлежащего исполнения прокурором уголовно-процессуальной обязанности надзора в досудебном производстве, использование которого позволяет создать ему необходимые условия для правильной правовой оценки решений, действий (бездействия) следователя и дознавателя с целью оперативного реагирования на допущенные этими субъектами правонарушения является своевременное и полное получение надзирающим прокурором всей необходимой информации о состоянии расследования уголовного дела на любом его этапе.

По единодушному мнению опрошенных нами прокуроров, существующие способы получения информации прокурором о состоянии и ходе расследования по поднадзорному ему уголовному делу не позволяют своевременно обеспечивать необходимый уровень законности действий и решений органов предварительного расследования¹.

Считаем, что в целях повышения скорости и полноты информированности прокурора необходимо идти по пути поиска современных эффективных средств механизма обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальной обязанности прокурорского надзора за следствием и дознанием. В обозначенном направлении, учитывая достаточно активный процесс цифровизации современного уголовного судопроизводства, предлагаем новое средство обеспечения информированности надзирающего прокурора — цифровые технологии. Правовая основа для этого уже в России имеется в виде указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [9] и в виде приказа Генерального прокурора РФ от 14.09.2017 № 627 об утверждении «Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года» [10].

На наш взгляд, для решения поставленной задачи необходимо в уголовный процесс внедрить такие цифровые технологии как блокчейн (системы распределенного реестра).

Блокчейн (англ. blockchain или block chain) — это распределенная база данных, у которой устройства хранения данных не подключены к общему серверу. Эта база данных хранит постоянно растущий список упорядоченных записей, называемых блоками. Каждый блок содержит метку времени и ссылку на предыдущий блок. Чаще всего копии цепочек блоков хранятся и независимо друг от друга обрабатываются на разных компьютерах [11].

¹ По данному вопросу опрошено путем проведения анкетирования 120 прокуроров, функционирующих в Сибирском федеральном округе РФ.

Принцип и порядок применения цифровой технологии блокчейн в уголовном судопроизводстве достаточно подробно описал в своей работе Л.В. Бертовский: «Любое уголовное дело можно представить, как совокупность процессуальных и иных документов, содержащих уголовно-релевантную информацию, а также отражающих ход и результаты расследования события, имеющего признаки преступления. Каждый документ, в цифровом варианте (конечно, все документы, находящиеся в уголовном деле, должны быть переведены в цифровой формат, включая фото- и видеоизображения объектов-вещественных доказательств, фигурирующих в деле) и есть такой блок. У этого блока есть метка: дата и время внесения этого документа.

Изначально считается обязательным запрет на любое изменение документов задним числом, потому что нужно, чтобы сведения о времени, последовательности, участниках процессуальных действий и т.д. не допускали разных толкований и оставались в исходном виде.

Безопасность в технологии блокчейн обеспечивается через децентрализованный сервер, проставляющий указанные метки времени, и одноранговые сетевые соединения. В результате формируется база данных, которая управляется автономно, без единого центра. Это делает цепочки блоков очень удобными для регистрации событий (например, фиксации поступивших документов, протоколов проведенных следственных действий, получение решения суда об избрании или продлении меры пресечения, внесения медицинских записей) и операций с данными, управления идентификацией и подтверждения подлинности источника.

Это позволяет вывести соблюдение требований ч. 1 ст. 88 УПК РФ о том, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, на качественно новый уровень.

К записям могут получить доступ только следователь, у которого есть один закрытый ключ, и руководитель, у которого есть другой. Затем к этой информации получают доступ только те, кому один из этих пользователей предоставит свой закрытый ключ. Например, судебной-экспертному учреждению, в случае назначения экспертизы или если судебная экспертиза производится вне экспертного учреждения, в порядке ч. 4 ст. 199 УПК РФ эксперту, или суду, в случае возникновения необходимости в осуществлении судебно-контрольных действий в стадии предварительного расследования, а также прокурору, при осуществлении надзора, или адвокату (которому предоставлено право знакомиться с протоколами следственных действий, проводимых с участием его подзащитного) в процессе осуществления защиты подозреваемого или обвиняемого, или другим участникам уголовного процесса. Вышеуказанные управомоченные (кому предоставлено право работать с файлами) лица видят все содержимое папки с уголовным делом (никаких скрытых файлов), ее можно быстро просмотреть: кто, когда и в какие подпапки загружал документы.

Но при этом у всех разный уровень доступа к данным файлам. Кто-то может лишь просматривать список документов в каждой папке. А кто-то (адресат конкретного документа) может знакомиться или скачивать данные себе. Причем никто другой не сможет получить доступ к файлу — только тот, кому он предназначен» [12, с. 229].

Полагаем, что внедрение в уголовное судопроизводство и использование данной цифровой технической системы позволит существенно повысить скоростной уровень информированности, а соответственно, обеспечит постоянно высокую степень осведомленности прокурора о состоянии законности осуществляемого следователем и дознавателем расследования по уголовному делу. Достигается желаемая цель — появляется эффективное техническое средство механизма обеспечения надлежащего исполнения прокурором обязанности надзора за органами предварительного расследования.

Однако в вопросе окончательного обеспечения надлежащего исполнения прокурором обязанности надзора в досудебном производстве необходимо идти дальше, чтобы снять установленные законодателем препятствия реализации акта прокурорского реагирования на выявленные им нарушения уголовно-процессуального законодательства следователем, если руководитель следственного органа либо сам следователь не согласны с требованиями прокурора. А трудности действительно возникают, так как в соответствии с ч. 6 ст. 37 УПК РФ, в случае несогласия руководителя следственного органа либо следователя с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор вправе обратиться с требованием об устранении указанных нарушений к руководителю вышестоящего следственного органа. В случае несогласия руководителя вышестоящего следственного органа с указанными требованиями прокурора прокурор вправе обратиться к Председателю Следственного комитета Российской Федерации или руководителю следственного органа федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти). В случае несогласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации или руководителя следственного органа федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор вправе обратиться к Генеральному прокурору Российской Федерации, решение которого является окончательным. Путь к окончанию рассматриваемой обязанности прокурора законодатель установил не близкий, да и, как верно отмечает З.Ш. Гатауллин, прокурор выступает как проситель [13, с. 225]. Полагаем, что существование такой сложной конструкции не оправданно и не «по чину» прокурору роль просителя устранения нарушения закона, процесс исполнения данной обязанности нужно существенно сократить.

Предлагаем в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства вывести взаимодействие надзирающего прокурора и следователя на субординационный (иерархический) уровень связи в их процессуальных отношениях, исключив из этих правоотношений посредников. То есть необходимо в вышерассматриваемую статью УПК РФ внести изменения, устанавливающие их непосредственную связь путем закрепления в ней права надзирающего прокурора — напрямую требовать от следователя незамедлительного устранения выявленных им нарушений законодательства и, соответственно, прямой коррелирующей этому праву прокурора обязанности следователя — безусловно ис-

полнить требование прокурора, изложенное письменно в акте прокурорского реагирования в указанный им срок, без согласования с руководителем (предусмотреть только обязательное уведомление последнего).

Список литературы

1. Маслов И.В. Уголовно-процессуальные функции участников досудебного производства: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 347 с.
2. Цапаева Т.Ю. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии. Самара: Самарский университет, 2004. 140 с.
3. Алексеев С.Н. Надзор за соблюдением прав и свобод участников уголовного процесса в системе конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина, и полномочий прокурора (досудебные стадии): дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002.
4. Лазарева В.А. Вопрос о соотношении предварительного расследования и судебного разбирательства в свете состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования. Сборник научных статей, посвященных 35-летию юридического факультета. Самара: Самарский университет, 2006. Вып. 2. С. 386-397.
5. Главное дело прокурора // Российская газета 2020. 21 января.
6. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Приказ Генпрокуратуры России от 19.01.2022 № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 455-462.
9. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года») // Законность. 2017. № 12.
11. Что такое блокчейн? [Электронный ресурс]. URL: <https://coinspot.io/beginners/chto-takoe-blokchejn-rasskazhem-prostymi-slovami/>
12. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 6. С. 226-230.
13. Гатауллин З.Ш. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном судопроизводстве // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 221-225.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ФОРМА ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ

«Вначале было слово». Эту великую формулу, символически обозначающую первый шаг на пути божественного творения мира, когда-то знали все. Многие знают ее и сегодня. Но совсем немногим приходит в голову мысль о том, что в этой короткой библейской фразе сформулирован глубочайший эвристический принцип, пронизывающий и стимулирующий науку во все времена и у всех народов. Этот принцип в свое время поэтично и афористично выразился во фразе: «Достаточно найти нужное слово и это слово становится творцом».

Именно это нужное слово начинает творить и теорию, и право, и практику. Оно позволяет иначе смотреть на привычные явления, видеть в них неведомую ранее суть. Это слово помогает создавать и новые сущности, рисовать образы грядущих проектов. По сути, новое слово, выходя на научную арену, способно не только более точно обозначать реальность, но и конструировать пути ее преобразования. И не столь важно, что творящее слово может оказаться как созидательным, так и разрушительным. В любом случае, оно выступает важнейшим исследовательским инструментом, прокладывающим новые пути познания и призывающим истину на свет. Вся удачная и неудачная, увековеченная и забытая научная терминология в конечном итоге и есть история триумфа и драмы нужных творящих слов.

По «принципу животворящего слова» строятся и тематические научные конференции. В центр обсуждения помещается проблема, которая кодируется словесной формулой, приглашающей ученых к дискуссии. Именно эта формула мотивирует исследователей развернуть знакомое им явление с неизвестной стороны или вообще впервые прикоснуться к материи, которая как раз и обозначается этим словом. Для многих исследователей животворящее слово может оказаться паролем к неведомым мирам, может стать помощником для того, чтобы разобраться в явлениях, о которых они и предполагать не могли или не смели. Творящее слово может притянуть к себе и другие новые слова. Ведь, как известно, «нужное слово ты сам себе не скажешь».

Сегодня научному сообществу предложено посмотреть на уголовно-процессуальный мир через «лупу» формулы «уголовно-процессуальные обязанности». Организаторы конференции, среди которых мой давний соратник и единомышленник Евгений Николаевич Петухов, постарались облегчить (а может, и усложнить) задачу участников. В разосланном приглашении они конкретизировали тему предстоящих дебатов десятками «наводящих» направлений. Тем самым организаторы показали, как много им дало творящее слово — «уголовно-процессуальные обязанности», сколь много новых отраслевых и межотраслевых нюансов открывает оно. Однако созыв международной конференции, несомненно, означает и тот факт, что инициаторы форума осознают, что и этот обширный перечень предложенных для обсуждения проблем далеко неполный срез про-

блемы уголовно-процессуальных обязанностей в целом. Коллективное исследование этой проблематики находится лишь вначале. И конференция — первый, но самый важный шаг. Нужное слово найдено, и процесс заинтересованного научного творчества пошел.

В том, что «уголовно-процессуальные обязанности» — это именно нужное слово, я не сомневаюсь. В концептуальном прицеле конференции действительно находится актуальная проблема. Во-первых, актуальная в том методологическом смысле, что это именно классическая проблема, отражающая «знание о незнании». Кроме того, это крупнейшая научная проблема, связывающая уголовное судопроизводство с насущными потребностями общества. Проблема эта не спекулятивная, не философская, а самая животрепещущая. Кроме того, проблематика, зашифрованная в слове «уголовно-процессуальные обязанности» имеет глубочайший идеологический смысл. Указанные обязанности можно презентовать и в качестве маркера одного из важнейших концептологических «волокон», раскрывающих историческую и технологическую сущность уголовного судопроизводства.

Поясним, что мы подразумеваем под этим нашим очередным терминологическим изобретением. Термин «уголовный процесс», как известно, может нести в себе много значений. В разных контекстах им принято обозначать: отрасль государственной деятельности (уголовное судопроизводство, отрасль права (уголовно-процессуальное право), отрасль юридической науки (до недавнего времени специальность 12.00.09), учебную дисциплину. В некоторых вузах уголовный процесс олицетворяет название кафедры. Все эти сущности, прикрывающиеся общим именем «уголовный процесс», — близкие экзистенциальные родственники. Они связаны прочными нитями взаимодействия и взаимной обусловленности. По сути, все эти имена в разных контекстах звучат как единое эхо друг друга: в них все значения уголовного процесса перекликаются.

Тем не менее обучаемым мы с первой лекции внушаем, что есть в понятии уголовного процесса и главная сущность. Это понимание уголовного процесса как отрасли государственной деятельности. Слово «деятельность» — это ядро (квинтэссенция) сущности понятия уголовного процесса. Все остальное, именуемое уголовным процессом, работает на эту деятельность: и право, и наука, и учебный процесс, и одноименная кафедра. Наука постигает сущность, ищет лучшие формы процесса; стремится, чтобы деятельность была более эффективной. Научные достижения закрепляются в праве и через процедуру наполняют правоприменительную деятельность. Кафедра с методической самоотдачей создает на этой основе базу для учебной дисциплины и преподает все лучшее и полезное студентам и курсантам.

Казалось бы, все просто и предельно логично. И никаких более иных ипостасей уголовному процессу добавить нельзя. Однако подобная градация смыслов уголовного процесса может быть названа лишь предваряющей. Каждое это значение в конечном итоге может быть также подвергнуто сущностной дифференциации. Концептуализация понятия «уголовный процесс» приводит к тому, что в нем акцентируются различные аспекты сущности, которые обретают статус самостоятельных концептов. На их основе появляются концепции уголов-

ного процесса как правоотношений, как уголовного иска, как средства защиты личности, «самоограничения государства» и т.д.

Творящее слово «уголовно-процессуальные обязанности» позволяет посмотреть и дальше, и глубже. Оно помогает понять, что именно это слово и было в самом начале уголовного процесса. По сути, оно и лежало в основе уголовного процесса как некоего замысла. Именно «обязанности» позволили выделить отрасль уголовного судопроизводства из общего права. И случилось это в момент осознания розыскной (инквизиционной) модели уголовного процесса.

Сто пятьдесят лет назад Ю. Глазер очень четко прописал роль и место «уголовно-процессуальных обязанностей» в истоках розыскной идеи. Он же дал понять, что переход от обвинительного типа уголовного процесса к розыскному как раз и представляет переход к уголовному процессу, где приоритетом являются уголовно-процессуальные обязанности.

«В уголовном правосудии, — пишет он, — речь идет о чем-то высшем, нежели благо частных лиц; что для него область, ограниченная, с одной стороны, желанием всякого человека избежать наказания, с другой — требованием удовлетворения потерпевшим, слишком тесна. Но это осознание оставалось на втором плане... Эта идея получила название инквизиционного или розыскного начала, потому что возложение на судью обязанности расследования по долгу службы было ее первым и важнейшим следствием» [1, с. 63].

«Карательная власть, — указывает тот же автор, — может найти надлежащее применение только тогда, когда, сосредоточившись в руках государства, она будет преследовать исключительно публичные цели, требует также полной независимости хода процесса от деятельности сторон — о розыскном начале» [1, с. 80].

Таким образом, розыскное начало, которое сегодня так еще глубоко не понято и не реабилитировано после демократической перестройки уголовного процесса, дает важнейшее методологическое и идеологическое основание для разработки полноценной научной концепции — «уголовный процесс как форма исполнения обязанностей государства перед обществом».

Так одно лишь нужное слово «уголовно-процессуальные обязанности» явилось прологом перспективного научного направления. Однако было бы неверным считать, что наука додумалась до этого только сегодня. Новое, как водится, это хорошо забытое старое. И в этой связи, говоря о якобы новой концепции и предвкушая творческое наслаждение от того, что нам открылась цель, которую до нас никто не видел, нам непременно следует внимательно посмотреть на творческое наследие. И этот внимательный и почтительный взгляд на вклад предшественников позволил нам обнаружить, что основы для подобной концепции заложены даже в рамках нашей научной школы, более того, они заложены нашим Учителем профессором Валентином Тимофеевичем Томиным. Более тридцати лет назад он четко и внятно смотрел на уголовный процесс через призму обязанностей. Но не тех, что спрятались внутри самого уголовного процесса и обнаруживают себя лишь конкретным участникам производства по уголовному делу. А тех обязанностей, что уголовный процесс призван исполнять перед обществом в целом.

Первый постулат, который мы выявили в работах нашего Учителя, заключается в том, что уголовный процесс можно позиционировать как юридическую форму принятия на себя государством обязанностей по защите общества и каждого отдельного гражданина от преступных посягательств. Сам факт существования уголовного процесса в государстве означает, что государство на себя эту обязанность приняло официально. Уголовно-процессуальный кодекс как раз и представляет собой форму договора между государством и обществом по поводу этой государственной обязанности. Идея государственных обязанностей незримо пронизывает и каждый принцип уголовного процесса. А в некоторых важнейших принципах идея обязанностей более чем рельефно обнаруживает себя, является ядром принципа. Так происходит, например, с принципом публичности, квинтэссенцию которого составляет обязанность государственных органов соответствующим образом откликаться на обнаружение признаков преступления. В исторической ретроспективе эта публичная обязанность как раз и является предпосылкой создания уголовного процесса. Уголовный процесс является лишь адекватной формой исполнения этой обязанности.

Существо этой обязанности подробно и ярко В.Т. Томин объяснил в своих работах. Обязанность государства перед обществом состоит в обеспечении социальной справедливости. Уголовный процесс должен обеспечивать эту справедливость в отведенном ему секторе. В.Т. Томин пишет: «Ключ к справедливости в юриспруденции — в равноправии, в равных правах и обязанностях, в их сочетаемости, в воздаянии за равное равным. Уголовная юстиция оправдывает свое название, видимо, только в том случае, если, с одной стороны, уголовное наказание не угрожает невиновным, а с другой, не уходят от уголовной ответственности виновные» [2, с. 3].

И тут же В.Т. Томин остро (как он сам уточнил, «без недомолвок») формулирует проблему: «Современное уголовное судопроизводство несправедливо. Даже очень несправедливо» [2, с. 3]. Причем проблема эта формулируется не только применительно к отечественному уголовному процессу. По мнению В.Т. Томина, эта проблема планетарного масштаба. «Ничуть не легче от того, что буржуазное судопроизводство еще более несправедливо, чем социалистическое» [2, с. 3].

Чуть ниже суть несправедливости уголовного процесса становится более четкой. «Беда уголовного процесса в стране (впрочем, как и во всем мире), — указывает В.Т. Томин, — в том, что, декларируя в качестве принципа неотвратимость ответственности лиц, совершивших преступления, в реалиях оно обеспечивает привлечение к ответственности едва ли за одно из каждых десяти нарушений существующих уголовно-правовых запретов» [2, с. 13].

Как видим, наш Учитель ставит знак равенства между несправедливостью уголовного процесса и невыполнением уголовно-процессуальных обязанностей. Он буквально дает понять, что беда несправедливости уголовного процесса заключается в «невыполнении государством принятой на себя обязанности перед гражданами» [2, с. 14].

Гений Валентина Тимофеевича заключается не только в том, чтобы красиво ставить проблемы и изящно конкретизировать противоречия. Профессор

В.Т. Томин всегда предлагал свое видение решения этих проблем. Однако сама проблематизация несправедливости уголовного процесса через призму уголовно-процессуальных обязанностей для нас тоже крайне интересна. И первая глобальная проблема заключается в том, а может ли быть уголовное судопроизводство справедливым в принципе. В состоянии ли оно выполнить перед гражданами те обязательства, которые оно на себя взяло в те незапамятные времена, когда заключило с обществом уголовно-процессуальный договор.

В.Т. Томин не напрасно употребляет для оценки государственных обязательств такой термин как «декларация». Уголовный процесс, который реально выполняют все обязательства перед гражданами в полном объеме, он вообще относил к первому в мире юридическому чуду, о котором он мечтал, но которое при его жизни так и не изобрели [2, с. 18].

Закономерен вопрос, каким образом можно приблизиться к этому чуду. А то, что подлинная неотвратимость наказания действительно из разряда чудес, говорит и первое противоречие уголовного процесса, сформулированное профессором, как противоречие между «потребностями общества в обеспечении социальной справедливости и возможностями правоохранительной системы» [2, с. 15].

В.Т. Томин отвергает решение этой проблемы за счет увеличения штатной численности правоохранительной системы, поскольку этот внешне простой способ таит в себе массу негативных последствий. Таких, например, как снижение авторитета правоохранительной системы в целом. По его мнению, здесь должны быть задействованы не только экстенсивные, но в первую очередь интенсивные пути совершенствования средств.

Кроме того, В.Т. Томин предлагает предметно поработать с самими обязательствами государства. По сути, ставится вопрос онтологической оценки этих обязательств применительно к конкретным социальным условиям. Надо заметить, что в ходе своих рассуждений ученый попутно предлагает хорошие исследовательские инструменты, способы соединения сухой теории с жизнью.

Так, он говорит: «Кроме принципа присутствуют и конкретные социальные условия» [2, с. 72]. Это очень полезное правило понимания принципов уголовного процесса. И совсем неважно, что оно было сформулировано в отношении принципа процессуальной независимости следователя. Это правило вполне может быть зачислено в разряд всеобщих исследовательских рекомендаций. Да и указанный принцип — это тоже одна их форм исполнения обязательств государства перед гражданами, поскольку процессуально независимый следователь — это также часть процессуальной формы надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей.

Таким образом, всякий принцип уголовного процесса должен оцениваться в конкретных социальных условиях. Для науки и практики в первую очередь актуальны проблемы реализации красиво описанных теорией принципов. Вот и принцип неотвратимости наказания, как выражение центрального концепта обязанностей государства перед обществом в форме уголовного процесса, в практическом ключе должен пониматься с оглядкой на конкретные социальные условия. А условия эти, как показывают история и география, таковы, что данный принцип никогда еще не был реализован полностью. Следовательно,

и взятые на себя обязательства — защищать общество от всех преступлений и каждого преступника карать по заслугам — так и не исполнены.

И здесь поднимаются во весь рост идеологические проблемы и вопросы. Как быть государству? Должно ли оно брать на себя только посильные обязательства или же обязано выстраивать уголовный процесс под высокие и пока недостижимые обещания? Вправе ли вообще брать государство на себя заведомо невыполнимые обязанности, замахиваясь на привлечение всех виновных к ответственности и не привлечение к суду всех невиновных. Ключевое слово здесь — «всех». Насколько уместны подобные телеологические амбиции государства в области уголовного процесса, провозглашаемые уголовно-процессуальным законом. Нужно ли эти амбиции заявлять в качестве целей или же их следует старательно прятать в более скромные формулировки?

Какой путь здесь истинный, а какой ложный? Или истина, как всегда, посередине? Что здесь важнее — идеология или прагматизм? Идеология требует амбиций, обещаний, образа мечты? Прагматизм стремится к корректировке идеологических установок и материального сокращения объема задач! Так намечаются два пути: 1) убавление обязанностей — декриминализация и 2) сокращение пунктов цели — «деамбицизация».

На декриминализацию как способ смягчения противоречия между потребностями общества в обеспечении социальной справедливости и возможностями правоохранительной системы указывает и В.Т. Томин. Этот способ, на наш взгляд, вполне оправдан. Государство нередко и с некоторой легкостью набирает новые обязанности, конструируя все новые уголовно-правовые запреты. Без всякого преувеличения можно сказать, что это любимый инструмент государственной политики. Создается иллюзия, что сам факт пополнения Уголовного кодекса новой статьей способен изменить социальную обстановку. Государство делает это для острастки, для мотивации граждан к законопослушному поведению. Такой подход, например, четко прослеживается в борьбе с экономическими преступлениями. Все процессуальные послабления говорят о том, что здесь важна не кара, а возвращение субъекта экономической деятельности в законное русло. Однако криминализация деяния сразу же порождает у государства и уголовно-процессуальные обязанности. Новые обязанности падают на плечи все тех же участников правоохранительной деятельности. А это шаг к диспропорции.

Второй путь мы условно назвали «деамбицизация» цели. Под этим условным термином, подразумевающим тенденцию, обратную телеологическим амбициям, мы обозначаем использование законодателем обтекаемых формулировок уголовно-процессуальных обязанностей. Это когда вместо желаемого результата в цель записывается скорее сам процесс, чем образ конечного результата.

«Деамбицизация», на наш взгляд, четко прослеживается в современной формулировке назначения уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ). Вот как выглядит эта формулировка: «1. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

2. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Чтобы понять все идеологические изъяны современной формулировки, достаточно сравнить ее с советской конструкцией (УПК РСФСР 1960 г.): «Статья 2. Задачи уголовного судопроизводства (часть первая): «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

В приведенном варианте государственное обязательство обращено к каждому гражданину, а не к аморфному сообществу. Здесь каждое слово на месте и звучит как присяга. Как торжественное государственное обязательство. Это полноценные телеологические амбиции.

Ради этих обязанностей и создана процессуальная деятельность, сконструирована ее процедурная форма. Сами по себе эти обязательства абстрактны, в том смысле, что принимаются они без учета нюансов конкретных уголовных дел. Задача уголовного процесса как формы исполнения обязанностей — закрепить все то, что пригодно в большинстве случаев. Уголовно-процессуальный порядок тогда лишь хорош, когда он позволяет максимально быстро и по возможности просто решать свои задачи. Уголовно-процессуальное право исходит из того, что оно создало инструмент для решения этих задач. И этот инструмент нужно применять так, чтобы получалось всегда — быстро и полно. Однако на деле получается это далеко не всегда. И это и есть беда уголовного судопроизводства.

Отсюда и происходит корректировка обязанности государства перед обществом на телеологическом уровне. Причем корректировка в сторону усиления нам неизвестна. Взятие повышенных государственных обязательств перед обществом в области борьбы с преступностью не наблюдается. Причина, на наш взгляд, не в том, что государство не интересуется запросы общества. Дело в том, что высокая телеологическая планка уже поставлена, и никакие другие мысли в голову не приходят. Телеологические амбиции государства — это не форма законодательной техники, как нам представлялось ранее. Это именно идеологическая сущность принципа неотвратимости наказания. Ее можно прятать за скромными формулировками закона, но изменить ее концептуальной сути нельзя.

Причем придумать нечто еще более амбициозное не получается. Не хватает размаха мышления. Это можно было бы сделать, если бы имелся четкий образ мечты. Но наши попытки помечтать были тоже очень скромными. Даже помечтать на уровне мечты особо не получается. Возможно, это не издержки нашего разума, а подтверждение того, что суть принципа неотвратимости наказания, как пролога к социальной справедливости уже ухвачена верно. И здесь нужны не столько формулировки, сколько инструменты ее воплощения. Хотя формулировки тоже важны. Отказ от амбициозных формулировок — это идеологическая форма уклонения от процессуальных обязанностей.

Гораздо активнее научная мысль работает в сторону убавления амбиций и, как следствие, сокращения обязательств. Но не всегда корректировку цели следует признавать за «деамбицизацию». Так, В.Т. Томин предлагал в формулировке цели уголовного процесса отказаться от требования полноты установления всех обстоятельств уголовного дела. Он писал: «Требование полного раскрытия преступления избыточно... Необходимым и достаточным является такой объем познания по делу, который обеспечивает конкретному лицу применение справедливой меры ответственности» [2, с. 22].

Поразмыслив над предложением нашего Учителя, мы поняли, что это процедурная, технологическая корректировка, которая не несет в себе отказ от сути обязательств государства перед обществом. Это лишь корректировка средств при неизменности цели и сохранении амбициозных обязательств.

Таковы некоторые наши мысли, к которым нас побудило животворящее слово «уголовно-процессуальные обязательства».

Список литературы

1. Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. Том 1. СПб., 1884.
2. Томин В.Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Горький, 1989.

Н.В. Пьянкова, заместитель начальника Казанского линейного управления МВД России на транспорте, начальник следственного отдела, г. Казань

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ КАК ОБЯЗАННОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Современное уголовно-процессуальное право на официальном уровне отрицает статусное признание идеи процессуальной независимости следователя. В главе 2 УПК РФ, закрепляющей принципы уголовного процесса, среди заявленных концептуальных положений идея процессуальной самостоятельности и независимости следователя или иного субъекта досудебного производства (в отличие от идеи независимости суда) не обнаруживается. Не обнаруживаем мы конкретных нормативных примет этой идеи и в разделе об общих условиях предварительного расследования. Таким образом, идея самостоятельности и независимости следователя не имеет официального документа, удостоверяющего ее «процессуальную личность». Концепция судебной реформы как условный юридический документ также удостоверяет не присутствие, а декларативность этой идеи.

И, тем не менее, само имя «принцип процессуальной независимости и самостоятельности следователя» (во всех его вариациях) нас не смущает. Равно как не смущает оно и многих других представителей уголовно-процессуальной науки. С какой бы стороны наука ни подходила к самостоятельности и независимости следователя, она, тем не менее, приходит к заключению о том, что в данной ситуации имеет дело именно с принципом уголовного процесса. Акси-

оматическое признание ценности идеи самостоятельности и независимости следователя означает не что иное, как констатацию ее принципиального статуса.

По нашему мнению, эта идея имеет полное право на принципиальный статус. Само имя «независимость и самостоятельность следователя» выражает существо исходной идеи процессуальной автономии органов предварительного расследования, заключающейся в необходимости распределения процессуальной власти между субъектами в определенных пределах, определяемых как самим субъектом, так и общими установками процессуальной власти.

Сущность же этой идеи можно понять посредством применения нового научного подхода, позволяющего трансформировать аксиому ценности самостоятельности и независимости следователя в теорию этой ценности. Изучив традиционные и инновационные теоретико-методологические схемы постижения сущности принципов отечественного уголовного судопроизводства, мы посчитали уместным сделать опору на сравнительно новое направление в уголовно-процессуальной теории, которое называется уголовно-процессуальной концептологией. Данное направление активно разрабатывается Нижегородской (Томинской) научной школой процессуалистов. По сути, все ее представители некоторым образом связаны с концептологией, поскольку, так или иначе, прикасаются к теме принципов.

Целенаправленно разработкой уголовно-процессуальной концептологии, как исследовательского инструмента, в настоящее время занимаются А.Н. Конев и М.П. Поляков [1, 2]. В их публикациях, посвященных этому направлению, звучит очень верный исследовательский призыв — обратить внимание на эвристический потенциал уголовно-процессуальной типологии.

Типология в содружестве с уголовно-процессуальной концептологией может сослужить хорошую службу в познании сущности принципа самостоятельности и независимости следователя. Для применения этого исследовательского инструмента имеются все необходимые предпосылки. По нашей гипотезе, основывающейся на осмысленных исторических фактах, идея процессуальной автономии возникает и конкретизируется в уголовно-процессуальный принцип самостоятельности и независимости следователя одновременно с оформлением и развитием розыскного (инквизиционного) начала уголовного судопроизводства.

Розыскное начало — это не просто констатация перемен в движущей силе процесса, это провозглашение новой идеологии уголовного судопроизводства, перевод процесса на профессиональные рельсы. Если состязательное начало (состязательный принцип) выражается в том, что в основе уголовного судопроизводства лежит самодеятельность сторон (т.е. частная инициатива), то розыскной принцип (инквизиционное начало) предусматривает отступление от этой самодеятельности сторон, замену этой самодеятельности особой деятельностью специальных государственных структур. Метафорично это можно сформулировать как переход от безвластия сторон к процессуальной власти следователя.

Через институционализацию специальных структур реализуется организационно-управленческий концепт розыскного начала; через технологию особой деятельности — эвристический концепт. В рамках уголовного судопроизводства розыскного типа данные концепты стремятся к гармоничному сосуществова-

нию, поскольку оба они есть выражение процессуальной власти. Процессуальная власть порождает и властный орган. В этом собственно и заключается квинтэссенция розыскного начала.

Мы считаем необходимым сделать акцент на теоретической допустимости и полезности универсального взгляда на субъект, воплощающего розыскные начала. Современная типология уголовного судопроизводства, рассматривающая розыскное начало не только в негативном, но и в созидательном ключе, позволяет несколько иначе посмотреть на сам следственный принцип; посмотреть в совокупности с теми органами, которые были призваны воплощать в жизнь новую поисковую технологию. Нам представляется, что в широком историческом смысле, отражающем развитие розыскного начала, все субъекты, распутывающие узлы уголовного дела в рамках поисковой технологии, могут быть концептуально объединены понятием (идеей) следователя (исследователя), трактуемом не в должностном (организационно-управленческом), а в сущностном (эвристическом) смысле.

При подобном подходе можно допустить, что имя «Следователь» обозначает не должность, а олицетворяет и субъективизирует уголовно-процессуальную функцию расследования. Эта функция порождает не только потребность в особом методе, но имманентно потребность в особом субъекте. В рамках розыскного типа уголовного судопроизводства функция расследования, прежде всего, функция реализации процессуальной власти через получение истинного знания. Функция обретения знания (установления истины) становится главной и, по сути, единственной функцией уголовного процесса розыскного типа. И то, что в теории уголовного процесса применительно к розыскному типу процесса названо слиянием функций обвинения и защиты, в действительности означает лишь растворение этих функций в ключевой функции расследования, определение им вспомогательной формальной роли.

В рамках нового подхода следователя можно представить не только как функцию, а еще и как некий концепт, как идею, которая воплощает субъектную сторону розыскного начала. Обозначим эту фигуру именем следователя с заглавной буквы — Следователь.

Нам представляется, что от современных исследователей ускользает важный момент, связанный с осознанием того, что переход уголовного процесса на розыскное начало был связан с важнейшей методологической перестройкой общества, с усилением позиций рациональных принципов жизненного устройства и последовательным вытеснением сакральной идеологии из ключевых институтов государства. Кроме того, розыск был прямым следствием существенного обновления принципов государственной власти, внедрением во власть технологии дисциплины (процедуры) [3]. Если в жизни общества эта смена происходила достаточно постепенно, то в уголовном процессе перемены наступили более резко. Рациональный инструментарий достаточно быстро занял ведущие позиции, иррациональные инструменты переместились в сектор судебного ритуала. Здесь важно заметить, что рациональные начала в уголовном процессе полностью не устранили из него иррациональной идеологии.

Концепт «Следователь» в отличие от концепта «Суд» никогда не имел сакральных оснований и, следовательно, статус следователя в современном уголовном судопроизводстве не имеет такого «мистического» шлейфа, как статус суда. Статус следователя (как и сам концепт «Следователь») всегда имел под собой рациональные основания. По сути, в имени «Следователь» и была заключена эта перестройка с иррациональных на рациональные основания. Неслучайно имена «судья» и «суд» в рамках церковной традиции освоения розыскных начал почитали уместным заменить словами «инквизитор» и «инквизиция», чтобы передать исследовательскую сущность учиняемого этими субъектами и органами дознания. Таким образом, слово «Следователь» можно рассматривать как воплощение нового принципа — приоритета рациональных оснований правосудия. Иными словами, право процессуальной власти на обретение истины опиралось на метод, предполагающий ее добывание, а не просто на автоматическое дарование этой власти вместе с помазанием на царство.

Фигура следователя есть прямое выражение и закономерное следствие, вытекающее из розыскного (инквизиционного) начала. И чтобы понять суть принципов следственной деятельности, нужно выяснить суть этого розыскного (инквизиционного) начала и вытекающие из него принципы, и, соответственно, разглядеть истоки принципа самостоятельности и независимости следователя уже в этом контексте. Сама связь этого принципа с указанным началом подтвердит и обоснованность претензий этой идеи на современный статус принципа всего уголовного процесса.

Так в чем же заключается суть этого начала? Ю. Глазер предельно четко обозначил истоки розыскной идеи. «В уголовном правосудии, — пишет он, — речь идет о чем-то высшем, нежели благо частных лиц; что для него область, ограниченная, с одной стороны, желанием всякого человека избежать наказания, с другой — требованием удовлетворения потерпевшим, слишком тесна. Но это осознание оставалось на втором плане... Эта идея получила название инквизиционного или розыскного начала, потому что возложение на судью обязанности расследования по долгу службы было ее первым и важнейшим следствием» [4, с. 63].

В этой цитате содержатся лишь предпосылки понимания, ключи же к приближению к сущности независимости содержатся в следующем тезисе: «Карательная власть может найти надлежащее применение только тогда, когда, сосредоточившись в руках государства, она будет преследовать исключительно публичные цели, требует также полной независимости хода процесса от деятельности сторон — о розыскном начале» [4, с. 80].

Как видим, в существо розыскного (инквизиционного) начала добавляется не только деятельность по должности *ex officio*, но и независимость этой деятельности от мнения и воли сторон. Важнейшее ключевое слово в «стартовом» понимании изначального замысла независимости это — «стороны». Именно независимость от сторон, от узкого частного интереса и создала в те времена новый процедурный облик уголовного судопроизводства. Идея публичности (как формула наличия власти) пришла в уголовное судопроизводство в одной связке с идеей процессуальной автономии субъекта, который будет эту публичную идею воплощать в жизнь.

Именно в этом, на наш взгляд, и заключается сущность идеи процессуальной самостоятельности и независимости следователя. Независимость следователя выражается в том, что он действует в уголовном деле по должности, то есть в силу властных полномочий, и не связан позицией сторон, касающейся возникновения, продолжения и окончания производства по делу. Идея независимости и самостоятельности следователя, само существо следственной власти именно в этом и заключается. Независимые процессуальные отношения со сторонами, а не с процессуальными начальниками (прокурором, руководителем следственного органа) — вот главный постулат процессуальной независимости и самостоятельности следователя, рассматриваемого в качестве концепта розыскной идеи. Процессуальная автономия как раз и выражает независимость субъекта процессуальной власти от тех субъектов, которые этой властью не наделены. Сам концепт «Следователь» может быть выражением совокупного субъекта следственной (процессуальной) власти, включающего в себя следователя по должности, так и его руководителей, и профессиональных контролеров. Распределение полномочий между ними — это уже не вопрос о сущности принципа независимости и самостоятельности следователя. Это вопрос о процессуально управленческих формах реализации этого принципа, то есть о формах распределения процессуальной власти.

Правильное историческое понимание концепта «Следователь» с присущим ему толкованием самостоятельности и независимости с позиций процессуальной власти ставит под серьезное сомнение нынешнюю нормативную конструкцию, помещающую следователя в число участников со стороны обвинения. Исходя из истинного понимания розыскного (инквизиционного) начала, следователь не должен и не может быть стороной в уголовном процессе, у него совершенно иные задачи, которые он должен решать самостоятельно вне рамок сугубо состязательных ограничений, вольно и невольно накладываемых принадлежностью к одной из сторон.

Следователь (и как концепт, и как реальная процессуальная фигура) — есть прямое организационно-управленческое и личностное воплощение розыскного (инквизиционного) начала, в котором изначально запрограммировано, что следователь должен быть не только самостоятельным и независимым от позиции сторон, но и то, что сам он стороной в уголовном процессе быть не должен ни при каких обстоятельствах. Быть стороной в уголовном процессе в контексте идеи процессуальной автономии означает быть в стороне от истины. Полагаем, что отступление от концептуальной сущности розыскной (инквизиционной) идеи в части понимания функциональной позиции следователя в уголовном процессе должно последовательно преодолеваться в теории и практике. Тот факт, что это положение номинально существует в отечественном законодательстве почти двадцать лет, ничего не меняет.

Пытаясь применить к пониманию сущности принципа самостоятельности и независимости следователя концептуально-типологический подход, мы неминуемо попали в «объятия» и другого — технологического — подхода. Несмотря на то, что сам уголовный процесс давно и без всяких сомнений называют технологией, попытки осмысленного технологического подхода к сущности судопро-

изводства и его отдельных элементов появились совсем недавно [5]. И, тем не менее, даже общие конуры и свидетельства применения этого подхода позволяют предположить его неплохие эвристические перспективы.

Наиболее подходящим в инструментальном смысле нам представляется методологический опыт Е.Г. Васильевой, попытавшейся представить различные концепции организации уголовного судопроизводства в виде трех технологий — исковой, поисковой и смешанной. Суть предложенного подхода она выразила в формулировке: «Описание этой технологии как она есть сама по себе, в отсутствии каких бы то ни было аксиологических суждений» [6, с. 337].

Несмотря на внешнюю простоту, эта формула позволяет решать сложные исследовательские задачи. Она весьма практична в плане построения нужной теории объекта, в том числе и для теоретической характеристики принципа самостоятельности и независимости следователя.

Указанный принцип можно рассматривать не только как аксиологический постулат (принцип-ценность), но в первую очередь как технологический канон (принцип-метод). По нашему мнению, технологически-инструментальная сущность и является основанием для констатации ценности этого принципа. В современных доктринальных оценках принципа самостоятельности и независимости следователя, как мы уже заметили, аргументация, опирающаяся на априорную значимость этого принципа, значительно превосходит его сущностные методологические характеристики. Но без этих характеристик ухватить суть этого принципа не просто сложно, а практически невозможно.

Именно поисковая технология привела с собой рациональные способы установления истины и фигуру следователя-исследователя. Подчеркнем, что совсем неважно, что исследователь первоначально являлся по должности судебным чиновником. Наименование должности не отменяет сущности концепта «Следователь» и присущие ему атрибуты властно-исследовательской миссии, которые во все времена неуничтожимо проявляют себя принципами деятельности следователя, в первую очередь принципом его самостоятельности и независимости. Из нацеленности поисковой технологии на лучшую реализацию главной и вечной идеи уголовного процесса — установления объективной истины по делу — прямо следует, что принцип самостоятельности и независимости следователя также тесно и напрямую связан с объективной истиной. Отсюда и тесная родственная связь этого принципа с принципом свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению.

Суть идеи самостоятельности и независимости следователя заключается в том, что следователь, во-первых, независим в уголовном процессе от сторон, а, во-вторых, сам стороной в уголовном процессе не является. Императивное законодательное причисление следователя к стороне обвинения в современном уголовном процессе полноценной стороной его так и не осуществилось, а лишь заложена почва для многих практических проблем и злоупотреблений.

Но думается, что сама по себе идея самостоятельности и независимости следователя может быть понята только на более высоком уровне. Указанная независимость не сводится к независимости от каких-либо субъектов (тех же сторон, начальников или контролеров) и их воли, хотя это тоже важный фактор.

Идея самостоятельности и независимости следователя и суда изначально приходит на волне публичности, то есть на волне новой процессуальной власти. В контексте поисковой технологии она означает не право, не привилегию. Эта идея означает обязанность лица, реализующего исследовательскую функцию, быть независимым от внешних обстоятельств и руководствоваться только стремлением установить по делу истину. Таким образом, принцип процессуальной автономии — это не только принцип организации процессуальной власти, но и принцип этический.

Можно говорить о том, что принцип самостоятельности и независимости следователя возникает вместе с поисковой технологией уголовного процесса, но в то же время он не является ее следствием. Поисковая технология может рассматриваться как результат подбора инструмента, адекватного цели (установлению истины). Поэтому принцип самостоятельности и независимости следователя в контексте поисковой технологии имеет достаточно парадоксальный генезис. С одной стороны, независимость субъекта исследования (расследования) актуализируется в рамках поисковой технологии, вводящей в процессуальную сферу рациональные научные методы постижения истины, с другой — именно потребность в самостоятельности и независимости субъекта исследования притягивает в зону уголовного судопроизводства поисковую технологию.

Таким образом, принцип самостоятельности и независимости следователя есть идея, неотъемлемо присущая сути поисковой технологии уголовного процесса. Без этого принципа не может быть самой этой технологии. Вместе с тем данный принцип, выражающий в том числе и идею внутренней свободы исследователя, не препятствует и не противоречит идее процессуального руководства и контроля. Все это внешние ограничения, а принцип самостоятельности и независимости следователя имеет внутренний источник. Эти нюансы следует учитывать при реализации анализируемого принципа через систему соответствующих правоотношений, складывающихся как в сфере познания по уголовному делу, так и в сфере процессуально-административных отношений власти-подчинения.

Список литературы

1. Конев А.Н. Идеологический (концептологический) анализ «идейного» понятия принципа уголовного процесса // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46).
2. Поляков М.П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45).
3. Фуко М. Надзирать или наказывать: Рождение тюрьмы. М., 2018.
4. Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. Том 1. СПб., 1884.
5. Смолин А.Ю. О роли технологического подхода в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38).
6. Васильева Е.Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование: монография. М., 2013.

Д.А. Рябинин, к.ю.н., старший инспектор четвертого отдела управления кадров Главного военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции, г. Москва

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ СУБЪЕКТОМ ПОИСКОВО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ

За последние годы правоохранительные органы России нередко сталкиваются с криминальными проявлениями в религиозной и околорелигиозной сферах жизни общества. Одной из форм этих проявлений стали религиозно-культурные, ритуальные и другие преступления, связанные с причинением физического, имущественного или морального вреда гражданам и совершаемые членами религиозно-мистических сект, террористических групп и иных движений, отдельными религиозными фанатиками по религиозным мотивам, под видом исполнения религиозных обрядов, а также с иной мотивацией, обусловленной религиозным фактором.

В ходе расследования таких преступлений субъектам поисково-познавательной деятельности¹ приходится сталкиваться порой с абсолютно безнравственными и бездуховными противоправными действиями, которые затрагивают самые глубокие человеческие эмоции. При этом одна из основных задач следователя состоит в том, чтобы несмотря на выявленные факты преступных действий — убийства людей и животных, совершения физического и сексуального насилия, осквернения священных объектов, могил, откровенно антихристианские, расистские постулаты вероучений отдельных религиозных групп, оставить за рамками расследования личные верования, эмоции и моральные суждения, не допустить их вмешательства в ход и результаты расследования, не допустить в своей деятельности совершения различного рода действий, которые прямо ограничивают или нарушают права граждан, связанные с выражением ими свободы вероисповедания.

При производстве следствия по таким преступлениям его результаты напрямую будут зависеть от того, насколько следователь умело и профессионально организовал работу с представителями религиозных организаций, последователями религиозных культов, смог наладить конструктивное общение как с фигурантами по делу, так и с иными верующими.

Необходимо помнить, что, выполняя служебные обязанности по раскрытию и расследованию преступлений, следователь независимо от того, является ли он верующим человеком или атеистом, должен руководствоваться не только нормами закона, но и соблюдать установленные той или иной религией канонические запреты и ограничения, которые касаются:

¹ Здесь и далее по тексту автором под субъектами поисково-познавательной деятельности понимаются сотрудники органов следствия и органов дознания.

– возможности участия в конкретных следственных действиях субъекта поисково-познавательной деятельности определенного пола (например, в случае если объектом осмотра будет являться алтарь православного храма, то участие в нем женщин является недопустимым, даже если женщина — следователь);

– возможности применения в храме служебно-розыскной собаки (в православном и мусульманском храмах — не допускается; в католическом храме и иудаистском храме — допустимо только с разрешения настоятеля);

– правил ношения одежды (в православном храме женщины должны быть в головном уборе, а мужчины — без, нежелательно появление женщины в храме в брюках, в коротких юбках, в блузках без рукавов, с косметикой на лице; в католическом храме женщины могут не иметь головного убора, мужчины могут не снимать головной убор; в мусульманском храме запрещается находиться в обуви, женщинам и мужчинам быть с непокрытой головой и обнаженными частями тела; в буддийском храме следует находиться без головного убора; в иудаистском храме мужчинам запрещается находиться без головного убора, а женщинам находиться в брюках либо с обнаженными частями тела);

– правил благочестивого поведения в культовом здании (нельзя шуметь, громко разговаривать, допускать оскорбляющие религиозные обычаи и устои реплики, первым здороваться за руку со священником, женщинам-следователям или другим участникам уголовного судопроизводства здороваться за руку с мужчинами-мусульманами или прикасаться к их одежде (то же правило действует и в иудаистском храме); нарушать молитвенные церемонии, немусульманам входить в мусульманскую мечеть во время коллективной молитвы; в период поста Рамадан есть, пить и курить в присутствии мусульман и т.д.);

– правил изъятия вещественных доказательств (берутся в руки и изымаются только с разрешения настоятеля без нарушения интерьера храма);

– правил обращения к церковным священнослужителям в соответствии с установленными иерархией, статусом и рангом;

– совершения иных действий, которые могут быть расценены как святотатство, т.е. грубейшее нарушение церковных устоев (прикасание к Святым Сосудам, предметам, находящимся на Святом Престоле в алтаре православного храма и др.) [1, с. 105-106].

Неукоснительное соблюдение установленных церковью правил безусловно будет способствовать налаживанию делового контакта следователя со священно- и церковнослужителями различных религиозных конфессий, последователями религиозных учений.

Избежать подобных нарушений поможет своевременное привлечение к расследованию преступления соответствующих специалистов в области религиозных культов. Однако необходимо учитывать, что, как правило, лица, привлекаемые в качестве таких специалистов, принадлежат к определенным религиозным конфессиям, вследствие чего нецелесообразно обеспечивать их присутствие во время проведения следственных действий в качестве участвующего лица, поскольку это может негативно сказаться на ходе проведения следственного действия, спровоцировать конфликтную ситуацию.

Следственные действия в здании храма или на его территории представляется целесообразным проводить с участием настоятеля данного храма или другого священника в качестве представителя администрации (п. 6 ст. 177 УПК РФ). При необходимости следователь просит настоятеля церкви отменить намеченное богослужение в определенной части храма на весь период проведения запланированного следственного действия (положительно может быть решен вопрос о проведении церковной службы, например, в другом приделе храма).

В качестве понятых для производства следственных действий в культовом здании рекомендуется приглашать лиц, знакомых с основами вероисповедания той религии, к которой относится сам культовый объект. При этом в целях соблюдения объективности расследования преступления не следует привлекать в качестве понятых священнослужителей, поскольку они прямо или косвенно могут быть заинтересованы в исходе дела.

В случае необходимости производства следственных действий в помещении, занимаемом религиозной организацией, по возможности следует избегать начала их проведения во время совершения богослужебных мероприятий, что может быть расценено верующими как попытка воспрепятствования их религиозной деятельности.

Следует избегать повального изъятия в ходе проведения следственных действий всех обнаруженных предметов культовой принадлежности, религиозных книг, журналов и записей, которые не имеют каких-либо особенностей. Изъятие без необходимости таких предметов и документов, которые имеются практически в каждом доме, может также оскорбить религиозные чувства верующих.

Изъятие у верующих определенных предметов и вещей (например, разного рода религиозных книг: Евангелия, Библии и т.п.) может быть истолковано последними как святотатство, нарушение свободы их вероисповедания, преследование за религиозные убеждения, унижение человеческого достоинства по религиозному признаку, оскорбление их религиозных чувств и использовано последними для разжигания чувства религиозного фанатизма, что предопределяет развитие остроконфликтной ситуации. Зачастую последователями религиозных культов совершаются и различного рода провокационные демонстративные действия (отказ добровольно выдать искомое, устраивание истерик, выкрикивание оскорблений, обвинение в «произволе», ссылка на знакомство с высокопоставленными должностными лицами и т.п.) с целью помешать планомерному проведению следственного действия и спровоцировать следователя на ответные меры. В этих случаях от следователя требуется только терпеливое и тактичное отношение к таким лицам, проявление самообладания и выдержки, уважительного отношения к религиозным чувствам верующих, предметам культа, религиозной литературе и т.д. Следователю при исполнении обязанностей категорически не рекомендуется вступать в полемику с верующими на религиозные темы, поскольку они затрагиваются ими исключительно в провокационных целях.

Особой подготовки требует проведение с участием представителей религиозных групп такого следственного действия, как допрос.

Перед проведением допроса членов религиозной группы необходимо с привлечением специалиста получить сведения о структуре и руководителях культа, основных догматах вероучения, особенностях проведения обрядовых действий, практике повседневной деятельности, наличии степеней посвящения, системы поощрений и наказаний, применении приемов, связанных с психологическим изменением личности и ее переориентацией на конкретные «ценности».

Это позволит во время допроса показать свою осведомленность аспектами деятельности религиозной группы, получить данные о ее руководящем составе и многом другом. Незнание же таких основ нередко приводит к тому, что следователь не может войти в необходимый психологический контакт с допрашиваемым лицом, не фиксирует или не отмечает в протоколе допроса важные обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу, в частности, позволяющие установить религиозный мотив совершенного преступления, поскольку просто не придает им должного значения [1, с. 128].

Вызов на допрос должен быть осуществлен исходя из данных о личности вызываемого лица, степени его участия в отправлении религиозного культа, при этом субъект поисково-познавательной деятельности должен по возможности организовать вызов допрашиваемого для дачи показаний в удобное для него время.

В служебном помещении, в котором планируется провести допрос члена религиозной группы, не должны находиться предметы, содержащие религиозную символику, способные вызвать его негативную реакцию или усиление степени религиозного фанатизма [2, с. 150].

Нормы нравственности обязывают следователя во время допроса верующих вести себя предельно тактично, использовать только этически выверенную религиозную терминологию и установленные нормы поведения, не допускать использования ненормативной лексики. Необходимо проявлять максимально корректное отношение к допрашиваемому адепту, его убеждениям, продемонстрировать интерес к его личности, убеждениям и увлечениям, помочь ему разобраться в сложившейся у того жизненной ситуации, по возможности напомнить ему о положительных моментах в его жизни до вступления в религиозную организацию.

Достижение психологического контакта с допрашиваемым — членом религиозного культа может быть обеспечено только этичным поведением следователя, демонстрацией им уважительного отношения к личности допрашиваемого, обращением к собеседнику по имени-отчеству или имени, которым он пользуется в культе, постоянным соблюдением следователем прав и законных интересов допрашиваемого, активным его слушанием.

Вместе с этим во время допроса категорически не рекомендуется вступать в дискуссию с допрашиваемым, полемизировать на тему его религиозных убеждений, пытаться его переубедить, указать на ошибки или явные несуразности, абсурдность принимаемого им вероучения [3, с. 86]. Абсолютно недопустимым следует признать поведение следователя, связанное с высказыванием угроз в адрес допрашиваемого, ироничными рассуждениями относительно вероисповеда-

ния последнего, критикой его убеждений, насмешками над ним, поскольку такие действия будут способствовать лишь отчуждению верующего, его замкнутости и враждебности по отношению к следователю.

Таким образом, строгое соблюдение следователем этических требований при исполнении им специфических профессиональных обязанностей, связанных с расследованием преступлений в религиозной сфере, знание им правил, канонов и установок, присущих той или иной религии, религиозному течению, умение наладить психологический контакт с верующими, правильно подобрать и применить тактические приемы, направленные на сглаживание и нейтрализацию возникшей конфликтной ситуации, своевременное привлечение в качестве специалистов авторитетных священнослужителей и иных лиц, обладающих соответствующими познаниями в области религиозных культов, позволяет избежать следственных ошибок, в кратчайшие сроки установить истину по делу, принять по нему законное и обоснованное решение.

Список литературы

1. Бертовский Л.В., Рябинин Д.А., Хвьяля-Олинтер А.И. Проблемы теории и практики расследования убийств, совершенных по религиозным мотивам: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 224 с.
2. Холопов А.В. Методика расследования ритуальных убийств: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 224 с.
3. Перов В.А. Выявление, квалификация и организация расследования преступлений, связанных с псевдорелигиозным экстремизмом и финансированием экстремистской деятельности: учеб.-методич. пособие. М.: Юрлитинформ, 2016. 176 с.

А.Ю. Смолин, начальник редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ В СВЕТЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К СУДОПРОИЗВОДСТВУ

Ключевым принципом уголовного судопроизводства является принцип публичности (официальности). Сущность данного принципа сводится к обязанности государства, в лице специальных органов обеспечить неотвратимость наказания по каждому совершенному преступлению. Ключевое слово в понятии принципа публичности — «обязанность». Это крайне важное слово в плане методологии и идеологии. Ключевая принципиальная обязанность распределяется между органами, ведущими уголовный процесс в виде многочисленных и разнообразных уголовно-процессуальных обязанностей. Немало обязанностей, диктуемых принципом публичности, достается и другим участникам уголовного процесса, даже тем, кто действует не по должности, а в силу других мотивов. Однако государство, принимая на себя эту публичную обязанность и распределяя между участниками процесса, неминуемо обязуется вооружить их и надлежа-

щими инструментами. По сути, государственное обязательство воздать каждому преступнику по заслугам и обеспечить тем самым полнейшую социальную справедливость трансформируется в обязанность государства превратить уголовный процесс в полноценную технологию.

Таким образом, технологический подход к уголовному судопроизводству в плане теоретического понимания и практического устройства уголовного процесса объективно предопределен самой сущностью процесса. В контексте трактовки уголовного процесса как формы исполнения уголовно-процессуальных обязательств «ключик технологичности» открывает новые двери не только к пониманию уголовно-процессуальной формы, но и к постижению самого технологического подхода.

Наиболее глубоко и взвешенно сущность современного уголовного процесса как формы исполнения обязанностей может быть понята только в рамках технологического подхода. Технологический подход акцентирует свое внимание на первейшее обязанности уголовного процесса, обязанности устанавливать истину. Наш подход предлагает рассматривать уголовный процесс в первую очередь как технологию непосредственного установления истины. Причем слово «технология» мы здесь употребляем не в простом отождествлении ее с любой упорядоченной деятельностью. Для нас технология есть деятельность с четко прогнозируемым результатом. Для технологии не существует того противоречия, на которое обращал внимание профессор В.Т. Томин — между «потребностями общества в обеспечении социальной справедливости и возможностями правоохранительной системы» [1, с. 15].

Технология — это не констатация некой возможности, как удачи: это констатация возможности стопроцентного результата. Концепция «уголовный процесс как технология» не допускает даже малейшей неопределенности. С точки зрения концепции уголовное судопроизводство (в отличие от гражданского и арбитражного) — не спор сторон и не компромисс. Это алгоритм неизменного и обязательного достижения цели — установления истины.

Технологический подход не отрицает процессуальной формы, он просто иначе понимает ее. Технология неминуемо превращает уголовно-процессуальную форму в алгоритм. И это совсем не случайно, поскольку по замыслу своему форма публичного уголовного процесса генетически устремлена к алгоритмизации. Подчеркнем, что к этому ее побуждает обязательство государства обеспечить неотвратимость ответственности за каждое совершенное преступление. Уголовный процесс в широком смысле и есть этот алгоритм реализации этой обязанности, неизбежно ведущий к установлению истины.

Данный алгоритм для дотехнологического процесса условно ассоциируется со всякой процедурой, регламентируемой законом. Для уголовного процесса, ставшего полноценной технологией, это будет алгоритм с программным кодом, законодательной регламентации не поддающимся. Источником истины в рамках уголовно-процессуальной технологии будет система разноуровневых алгоритмов, включающая в себя комплекс необходимых (обязательный аспект) и достаточных (факультативный аспект) компонентов. Эта система позволит обеспечить неизменное достижение объективной истины по всем без исключения со-

держащим признаки преступления деянием. И таким образом, древнее обязательство государства перед обществом будет наконец выполнено.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предлагает правоприменителю лишь отдельные условно-технологичные элементы процессуального метода. Последние в большинстве своем не гарантируют реализацию искомой цели, хотя и нередко являются инструментами установления вполне достоверных данных. Указанные элементы одновременно имеют процессуальную и непроцессуальную (организационную, тактическую) природу.

Технологический подход, опирающийся на возможности цифровизации, дает основания для разработки теоретической концепции автоматизированного процесса неизменного достижения цели уголовного судопроизводства при помощи программного алгоритма. Данный алгоритм, базирующийся на широком арсенале оцифрованных данных, способен предложить участнику, ведущему уголовное судопроизводство, подбор оптимального варианта действий и лучшее решение в каждой конкретной «условно новой» судебной-следственной ситуации. Для правоприменителя, физически не способного оперировать подобным массивом процессуальных ситуаций и корреспондирующим им действий и решений, это огромное подспорье. Человек в силу ограниченности своего мышления вынужден группировать схожие индивидуальные ситуации в типовые, в границах которых ему предстоит принимать решение, руководствуясь человеческим усмотрением. Программному алгоритму нет необходимости искусственно группировать судебные-следственные ситуации в категории и использовать для принятия решения усмотрение. «Машина» может оперировать ими всеми одновременно и выдавать стопроцентный результат, не нуждающийся в муках человеческого выбора. У машины нет проблем с возможностями. Поэтому снимается и то противоречие, связанное с исполнением обязанностей, о котором говорил В.Т. Томин.

Указанный алгоритм, использующий цифровые технологии, способен реализовать многовековую мечту об объективном уголовном процессе. Концептуально решение проблемы объективности в уголовном процессе предполагает наличие исчерпывающего набора исходной процессуально-значимой информации и единственно верный вариант ее эвристической и юридической интерпретации. Решение обозначенной проблемы принципиально невозможно субъективными человеческими средствами. Для автономного алгоритма, являющего собой искусственный интеллект, это ординарная задача.

На наш взгляд, только цифровизация способна дать уголовному процессу статус полноценной технологии. Только цифровизация снимет противоречие невыполнимых обязанностей. Все процессуальные и непроцессуальные (в том числе чисто технические) инновации, добавляемые в уголовно-процессуальную форму и опосредуемую ею деятельность за всю историю их эволюции, ощутимо не приблизили уголовный процесс к состоянию подлинной технологии. Они лишь способствовали повышению его экономичности, удобства для граждан и правоприменителей.

Даная ситуация наиболее заметна на схеме интерпретации процессуально значимой информации посредством человеческого разума. Эта схема не претер-

пела никаких заметных изменений с момента зарождения уголовного процесса до настоящего времени. Так называемые формальная и свободная оценка процессуально значимой информации при тщательном анализе не выглядят, как различные схемы ее интерпретации. Это всего лишь разные вариации степени ограничения процессуальной свободы при помощи одного и того же инструмента — человеческого разума и обусловленного им личного усмотрения, поскольку и формальная, и свободная система оценки сконструирована человеком и им же оперируется. Трансформации постепенно подвергается лишь сфера формирования исходного набора процессуально значимой информации. По мере эволюции уголовного процесса этот набор становится все обширнее, его элементы достовернее, а сам процесс технологичнее. Используемого же при этом процессуального метода описываемая трансформация практически не затрагивает.

Человеческий интеллект имеет свои пределы, которые могут быть расширены только при помощи искусственного интеллекта. Последний делает доступной идеальную технологическую модель уголовного судопроизводства, сконцентрированную в программном алгоритме. Именно эта модель и перестает отождествлять себя с процессуальной формой как таковой. Отсюда и парадоксальный вывод, который может быть уместен только в цифровую эпоху. Альфа и омега современной уголовно-процессуальной формы — уголовно-процессуальный закон — уже не является необходимым элементом, вдыхающим формальную юридическую силу. Точнее меняется содержание закона. Он не описывает процедуру, а лишь легитимирует технический алгоритм. Концепция технологической эволюции судопроизводства, исключая влияние «человеческого фактора» на принятие важнейших решений, предполагает отождествление самого закона с алгоритмом, фактически означающую трансформацию первой во второй.

И это не наши чисто умозрительные фантазии. Это будни эпохи цифровизации. Отчетливо заявляющие о себе сегодня в различных сферах общественной жизни системы автоматизированного принятия решений, включающие в себя основные аспекты объективного познания действительности (нацеленность на аккумулирование исчерпывающего набора исходной информации и единственно верный вариант ее интерпретации) наиболее экономичными средствами, в полной мере актуальны и для сферы уголовного судопроизводства.

Пройдя необходимый эволюционный этап в виде системы поддержки принятия решений правоприменителем («технология в руках человека»), уголовно-процессуальная технология подошла к отметке, за которой человеку уже нет должного места. Технология цифрового уголовного процесса неминуемо предполагает удаление из нее человеческого фактора. Повышение надежности системы должно привести к появлению полностью автономного алгоритма («технология вместо человека»). Кардинальное решение проблемы видится в исключении человека, как принимающего решение субъекта. В рамках современной идеологии уголовного судопроизводства такой вариант видится запредельным. Однако это единственный вариант полного исполнения государством взятых на себя обязанностей.

Модель идеальной технологии представляет систему аккумуляции исходной информации, состоящую из алгоритмов достоверного установления правдивости показаний, аудиовизуального восстановления последовательности событий и идентификации личности, включая как получение информации о геопозиционировании любого человека в определенное время, так и установление круга лиц, находившихся в заданное время в заданном месте. Подобная система должна прийти на смену традиционным следственным действиям (как в процессуальном, так и в криминалистическом аспекте) и оперативно-розыскным мероприятиям. Она позволиткратно увеличить возможности правоохранительной системы по исполнению уголовно-процессуальных обязанностей.

Уместен вопрос, насколько та технология, о которой мы пишем, способна обеспечить выполнение обязанностей по обеспечению прав личности. Технологизация уголовного процесса с использованием цифровых технологий не вступает в противоречие с потребностью ограничения прав личности на тайну частной жизни, поскольку такое ограничение приводит к снижению необходимости в ограничении иных прав личности. К тому же право на тайну частной жизни связано только с субъективными переживаниями и их ограничение не причиняет никаких физических неудобств. Если предположить, что субъект-правоприменитель из системы будет со временем удален, то и доступа к информации о частной жизни других людей он иметь не будет. Соответственно, и проблема такая перестанет существовать.

Технология уменьшает количество субъектов, а следовательно, уменьшается и количество делегированных им уголовно-процессуальных обязанностей. Технология меняет функциональное содержание уголовного судопроизводства. Отпадает, к примеру, необходимость как в стороне защиты, так и в субъекте, придающем легитимный характер выводам обвинения. Сама идея сторон и соответствующих им функций становится неактуальной.

Уголовно-процессуальные функции превращаются в функции искусственного интеллекта. Эти функции и должен вобрать в себя единый автономный самоорганизующийся субъект, способный обеспечить реализацию уголовно-процессуальных обязанностей. Помимо прочего этот тезис предполагает и отсутствие разделения судопроизводства на стадии (по крайней мере, в традиционном понимании этих стадий). При этом само по себе сосредоточение правосудия в руках одного субъекта (подавно, если речь идет о субъекте-человеке) не превращает уголовный процесс в истинную технологию. Более того, подобная концентрация в целом не является обязательной характеристикой технологии как таковой. Однако уголовному процессу достичь состояния технологии иным путем, по мнению автора, не представляется возможным.

В контексте технологического подхода уголовно-процессуальная истина нуждается не в доказывании, а в констатации. А это приведет к пересмотру обязанности (бремени) доказывания. Сопутствующая традиционному судопроизводству потребность в оценке процессуально значимой информации, в частности в процедуре доказывания (в первую очередь в значении убеждения кого-то

в чем-то), в целом обусловлена недостаточностью исходной информации и (или) неверной ее интерпретацией.

Технологический подход к уголовному судопроизводству также предполагает его нацеленность на максимальную унификацию алгоритма выполнения обязанностей по установлению истины, отрицающей какую бы то ни было дифференциацию в зависимости от национальных, культурных, религиозных, политических, экономических, социальных и иных различий, как ничего не добавляющую в дело достижения истины, а в ряде случаев, наоборот, отдаляющую от нее. Различные же алгоритмы непосредственного познания истины в зависимости от категории познаваемого преступного события технологический подход в целом не отрицает, однако для идеальной технологической модели процесса такая дифференциация со временем, вероятно, будет становиться все менее актуальной.

Таким образом, технология приблизит уголовный процесс (в плане исполнения уголовно-процессуальных обязанностей) к идеальной системе, когда внешне средства будут минимизированы, а возможности достижения цели при этом максимальны.

Список литературы

1. Томин В.Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Горький, 1989.

М.Ю. Степушов, оперуполномоченный отдела № 7 Управления экономической безопасности и противодействия коррупции Главного управления МВД России по Нижегородской области, г. Нижний Новгород

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ОБВИНЯЕМЫМ, ЗАКЛЮЧИВШИМ ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Оперативно-розыскное обеспечение играет важную роль в достижении целей досудебного производства, являясь продолжением деятельности по раскрытию совершенного преступления и изобличению его виновника.

Главной целью досудебного производства является правильное установление фактических обстоятельств уголовного дела, то есть достижение объективной истины. Оперативно-розыскная деятельность является одной из гарантий достижения этой цели.

Со времени появления института досудебного соглашения о сотрудничестве достижение указанной цели стало происходить согласительным путем. Между тем, по мнению некоторых ученых, сама природа соглашения, на основе которого обвиняемый оказывает содействие органу предварительного следствия в доказывании, содержит противоречие с концепцией объективной истины. Объективная истина не может быть договорной, допускающей компромисс сторон,

а вместе с тем и отход, уступку со стороны следственно-обвинительной власти, которая обязана быть объективной. Поэтому есть сущностное противоречие между институтом, предусмотренным гл. 40.1 УПК РФ, и концепцией объективной истины, которой проникнуто предварительное следствие и даже более того — весь современный отечественный уголовно-процессуальный строй [1].

Как представляется, оперативно-розыскная деятельность *смягчает* это противоречие и позволяет обеспечить достижение объективной истины через реализацию досудебного соглашения, заключенного между прокурором и стороной защиты.

Речь идет о решении целого ряда взаимосвязанных проблем с помощью оперативно-розыскной деятельности. Первая проблема связана с определением: 1) оптимального кандидата из числа подозреваемых/обвиняемых на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве; 2) его договороспособности и полезности в плане сотрудничества; 3) предмета будущего соглашения, то есть круга вопросов, по которым с данным обвиняемым было бы полезным сотрудничество; 4) возможных мер, обеспечивающих контроль и выполнение обвиняемым условий соглашения.

Вторая проблема связана с реализацией досудебного соглашения о сотрудничестве — выполнении своих обязательств обвиняемым по получению доказательств по делу, но также и доказательств в отношении иных лиц, совершивших или готовящих преступления. Оперативно-розыскная деятельность позволяет надлежащим образом реализовать соглашение и не допустить злоупотреблений со стороны обвиняемого и его защитником данным механизмом, то есть не дать обмануть орган предварительного следствия и прокуратуру.

По уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью, по которым автору статьи неоднократно доводилось участвовать в осуществлении оперативного сопровождения, было несколько случаев участия оперуполномоченных в разрешении вышеуказанных проблем.

Характерной чертой этих уголовных дел является многочисленный состав обвиняемых, поскольку незаконная банковская деятельность осуществляется всегда группой лиц, выполняющих различные криминальные роли.

Следствие инициирует перед прокурором в установленном законом порядке ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с теми лицами, которые наиболее осведомлены о фактических обстоятельствах и способны дать изобличающие показания в отношении наибольшего числа обвиняемых.

В свою очередь, следователя об этом информируют оперуполномоченные, которые раскрывают эти преступления и обладают всей полнотой информации. Именно оперуполномоченный по согласованию со следователем первоначально предлагает сотрудничество с прокурором обвиняемому, который уже затем обсуждает со своим защитником поступившее предложение.

Именно по такой схеме происходило заключение досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу № 11701220089000250, возбужденному 11.09.2017 СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области по признакам преступления, предусмотренного п.п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ в отношении Шу-

рашова Д.П., Вершининой В.Ю, Чибрикиной И.С., Шульгиной О.А., Воробьевой Т.В., Хуторной К.Ю., Ермаковой Е.В., Плескова О.Б., Баданиной Я.В., Землянкиной Е.С., Толстиковой И.П., Дерябиной С.А., Гуськова О.Н., Однолеткова Е.И. С последним прокурором было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Этот выбор был сделан на основе оперативной информации относительно роли Однолеткова Е.И. как с «организатора», его способности и готовности оказать конкретное содействие в изобличении других обвиняемых по делу.

Однолетков Е.И. принял участие в ряде следственных и оперативно-розыскных мероприятий, что позволило полно и всесторонне расследовать уголовное дело в отношении других обвиняемых и в дальнейшем рассмотреть его судом.

Почти во всех случаях обвиняемые, сотрудничавшие со следствием, и осужденные в рамках уголовных дел, которые были выделены в отношении них, подтвердили свои показания в суде и помогли изобличить других подсудимых по основному уголовному делу. И задачей оперативно-розыскного сопровождения такого рода дел является поддержание у осужденного «досудебщика» понимания того, что ему необходимо дать показания против своих подельников и предмет показаний.

В практике нижегородских правоохранительных органов был случай невыполнения в ходе судебного разбирательства по выделенному уголовному делу № 11801220089000138 в отношении обвиняемого Э.О. Пигалова в совершении преступлений, предусмотренных ст. 172 ч. 2 п. «а, б», 173¹ п. «б» УК РФ. Пигалов Э.О. нарушил условия досудебного соглашения, поскольку после предъявления Э.О. Пигалову обвинения по ст. 172 ч. 2 п. «а, б» и 173¹ ч. 2 п. «б» УК РФ, последний не дал показаний о совершении указанных преступлений им лично, а также другими обвиняемыми по данному уголовному делу, а воспользовался в ходе допроса ст. 51 Конституции РФ. Это повлекло прекращение судом судебного разбирательства в особом порядке и возвращение судом данного уголовного дела Кстовскому городскому прокурору для соединения с основным уголовным делом в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ¹.

В ходе проведения дополнительного предварительного следствия по уголовному делу с обвиняемым Пигаловым Э.О. были проведены по поручению следователя оперативно-розыскные мероприятия, в ходе которых он обещал дать правдивые показания по уголовному делу в суде, что будет зачтено государственным обвинителем как смягчающее вину обстоятельство и предложено суду. В дальнейшем Кстовским городским судом Нижегородской области в отношении Пигалова Э.О. и других лиц уголовное дело было рассмотрено по существу, и подсудимый Пигалов Э.О. дал признательные показания, которые позволили вынести обвинительный приговор по данному уголовному делу.

Приведенные и другие примеры убеждают в том, что оперативно-розыскное сопровождение имеет важное значение в применении такого уголовно-про-

¹ Постановление Кстовского городского суда от 4 апреля 2019 года о возвращении уголовного дела № 1-127/201 прокурору для соединения уголовным дел / Уголовное дело № 1-127/201 (№ 11801220089000138) по обвинению Пигалова Э.Л. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 172 ч. 2 п.п. «а, б» и 173.1 ч. 2 п. «б» УК РФ / Кстовский городской суд Нижегородской области.

цессуального инструмента установления фактов по уголовному делу, как досудебное соглашение о сотрудничестве.

Список литературы

1. Александров А.С., Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 216 с.

О.А. Сухова, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, адвокат Адвокатской палаты Республики Мордовия, г. Саранск

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА НА СТАДИИ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ [1] защитник призван осуществлять защиту прав и законных интересов своего подзащитного и оказывать ему юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В качестве защитников по уголовным делам в основном выступают адвокаты. Наличие у защитника статуса адвоката подчеркивает профессиональную основу оказания им квалифицированной юридической помощи доверителю по уголовному делу, поскольку именно на адвоката законом возложен целый ряд профессиональных обязанностей, неисполнение которых чревато как соответствующими процессуальными последствиями (в том числе ввиду нарушения права доверителя на защиту), так и наступлением дисциплинарной ответственности для самого адвоката.

Защита прав и законных интересов лица, в отношении которого вынесено, но не вступило в законную силу решение суда первой инстанции, осуществляется адвокатом-защитником на стадии апелляционного производства. В рамках этой стадии он обязан обеспечить реализацию права подзащитного на апелляционное обжалование и пересмотр не вступившего в законную силу приговора или иного судебного решения. Это право осуществляется адвокатом-защитником как посредством подачи апелляционной жалобы на указанное судебное решение, так и участия адвоката-защитника в заседании суда апелляционной инстанции. Защитник вправе и должен в необходимых случаях подать свои возражения на поступившие апелляционные жалобы или представления других участников уголовного процесса, удовлетворение которых может ухудшить положение его подзащитного.

Действующий уголовно-процессуальный закон (ст. 389.1 УПК РФ) к числу участников, обладающих правом апелляционного обжалования, относит защитника только осужденного или оправданного. В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство

в суде апелляционной инстанции» [1], с учетом положений ч. 1 ст. 123, ч. 1 ст. 127, ст. 389.1, ч. 1 ст. 389.2, ч. 1 ст. 401, ст. 444, ч. 9 ст. 463 УПК РФ уточняется, что судебные решения могут быть обжалованы в апелляционном порядке также защитниками подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, лица, уголовное дело в отношении которого прекращено, лица, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера, лица, в отношении которого принято решение о выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора [2].

Адвокат-защитник вправе составить апелляционную жалобу на решение суда первой инстанции как от своего имени, так и от имени, и за подписью своего доверителя (по просьбе последнего). Однако во втором случае апелляционная жалоба будет считаться поданной самим осужденным (оправданным и т.п.). УПК РФ не запрещает подачу одной апелляционной жалобы адвокатом-защитником совместно со своим подзащитным, что на практике реализуется достаточно часто.

Несмотря на то, что адвокат-защитник является самостоятельным участником уголовного процесса и способен осуществлять предоставленные ему законом полномочия в полном объеме, он может быть ограничен в реализации права апелляционного обжалования, если его подзащитного состоявшееся судебное решение устраивает. При решении вопроса о подаче апелляционной жалобы от собственного имени и, тем самым, инициировании стадии апелляционного производства, защитник должен исходить из воли своего подзащитного. Исключения могут составлять случаи, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя, что следует из ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» [3, с. 66-67].

Участие защитника на стадии апелляционного производства гарантирует осужденному (оправданному и другим участникам, в отношении которых вынесено судебное решение) соблюдение его прав и законных интересов в суде апелляционной инстанции. Исходя из совокупности положений ст. 53, 389.13 УПК РФ, можно констатировать, что в рамках рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке защитник вправе выступить с целью обоснования доводов в защиту своего доверителя, изложенных в апелляционной жалобе, либо возражений относительно доводов других участников уголовного процесса, подавших апелляционные жалобу или представление, заявить ходатайство об исследовании судом апелляционной инстанции ранее исследованных судом первой инстанции доказательств, а также представить новые доказательства (в подтверждение доводов, изложенных в собственной апелляционной жалобе и/или жалобе подзащитного, либо для опровержения доводов, приведенных в апелляционных жалобах или представлениях других участников), а также вправе в ходе судебного следствия в апелляционном порядке непосредственно участвовать в исследовании ранее исследованных в суде первой инстанции и вновь представленных доказательств, заявлять ходатайства о дополнении судебного следствия. Кроме того, согласно ст. 389.14 УПК РФ защитник на стадии апелляционного производства участвует в прениях сторон.

Следует отметить, что права защитника, реализуемые при апелляционном обжаловании и в ходе рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции, так или иначе, нашли свое закрепление в УПК РФ в отличие от его обязанностей на стадии апелляционного производства, которые в уголовно-процессуальном законе не конкретизированы. Между тем указанные обязанности явно обозначаются применительно к адвокату-защитнику в контексте положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [4] и обусловлены самим профессиональным статусом адвоката. Согласно ст. 1, 2 данного Федерального закона адвокат осуществляет адвокатскую деятельность, т.е. оказывает квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию. Оказание юридической помощи осуществляется адвокатом на основе принципа законности (ч. 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами (ст. 7 указанного Федерального закона).

Исходя из этого, адвокат в рамках осуществляемой им функции оказания квалифицированной юридической помощи не только вправе, но и обязан обжаловать в апелляционном порядке судебное решение, если права и законные интересы его доверителя нарушены либо затрагиваются этим решением, а он уверен, что имеются основания для отмены или изменения этого решения в благоприятную для подзащитного сторону. Обязанность адвоката-защитника обжаловать приговор суда вытекает как из общих положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», так и напрямую предусмотрена в п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката [5], согласно которому такая обязанность возникает: 1) по просьбе подзащитного, 2) если суд не разделил позицию адвоката-защитника и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просили адвокат и (или) подзащитный; 3) при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам. Последние два случая обжалования приговора, указанные в п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, как полагаем, становятся обязательными для адвоката-защитника лишь при условии дачи на это согласия подзащитного. Если последний против апелляционного обжалования, и отсутствуют основания усматривать самооговор с его стороны, то адвокат-защитник не уполномочен подавать апелляционную жалобу вопреки интересам доверителя.

Иными словами, подача апелляционной жалобы адвокатом-защитником является одновременно и его правом, и его обязанностью, реализация которых, однако, зависит от воли подзащитного. Самостоятельно, независимо от воли последнего, обжаловать решение суда первой инстанции адвокат-защитник вправе лишь при условии, если он уверен в самооговоре его подзащитного (п. 3 ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»). Однако именно адвокат после вынесения решения суда первой инстанции, исходя из его содержания и наличия или отсутствия апелляционных оснований для его от-

мены или изменения, с целью оказания квалифицированной юридической помощи обязан не только разъяснить подзащитному право апелляционного обжалования и последствия его реализации (не реализации), но и постараться убедить в необходимости принесения апелляционной жалобы, если он — профессиональный защитник — усматривает для этого реальные основания, способные поставить под сомнение правосудность этого решения суда.

Учитывая изложенное, полагаем, что подача апелляционной жалобы на судебное решение — это, прежде всего, право адвоката-защитника, переходящее в обязанность лишь в случае наличия волеизъявления на ее принесении со стороны подзащитного.

Как следует из п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату. Это положение, как полагаем, способно «защитить» адвоката от своего же доверителя в случае, если он передумает и решит сам подать апелляционную жалобу. Наличие указанного письменного заявления не позволит привлечь адвоката к дисциплинарной ответственности.

Вместе с тем обязанностью адвоката-защитника является не просто фактическое принесение апелляционной жалобы, а составление качественной, соответствующей всем установленным ст. 389.6 УПК РФ требованиям апелляционной жалобы, а также подача ее в предусмотренные законом сроки и порядке (ч. 11 ст. 108, 389.2, 389.3 УПК РФ), нарушение которых не только сказывается на правах и законных интересах подзащитного, но и умаляет авторитет адвоката как профессионального защитника.

Будучи профессиональным субъектом апелляционного обжалования, адвокат обязан составлять юридически грамотные, глубоко обоснованные и максимально мотивированные апелляционные жалобы, в полном объеме использовать весь предоставленный ему потенциал законных средств и способов для того, чтобы реализация права апелляционного обжалования увенчалась успехом. В силу особого профессионального статуса адвоката составленная им апелляционная жалоба должна быть процессуальным средством, не только иницирующим апелляционное производство и способствующим устранению нарушений, допущенных в рамках предшествующей рассмотрению уголовного дела в апелляционном порядке процессуальной деятельности, но и предупреждающим возможность нарушения закона судом апелляционной инстанции, в который она подается.

Надлежащее составление апелляционной жалобы адвокатом — это одновременно и соблюдение с его стороны требований закона, и показатель его компетентности, правовой культуры и добросовестности. Недопустимо, чтобы в собственной жалобе адвокат допускал нарушения правовых предписаний, излагал в ней доводы, не основанные на законе, прибегал для ее обоснования к незаконным средствам защиты прав своего доверителя. Апелляционная жалоба в исполнении адвоката должна отличаться юридической и языковой грамотностью, конкретностью, логической последовательностью и официальным стилем изложения ее содержания, максимальными убедительностью и обоснованностью, обстоятельной мотивировкой. Апелляционная жалоба адвоката должна

быть спокойной и выдержанной по своему тону, но вместе с тем не терять ясности позиции. Обязательным условием жалобы профессионального апеллятора является ее исключительная тактичность, в связи с чем адвокату надлежит избегать при ее составлении некорректных выражений, в том числе в адрес участников процесса. Указанные требования продиктованы положениями Кодекса профессиональной этики адвоката.

УПК РФ в ст. 389.6 закрепил перечень обязательных реквизитов апелляционной жалобы, несоблюдение которых субъектами обжалования препятствует рассмотрению уголовного дела в апелляционном порядке и влечет возвращение такой жалобы для пересоставления с назначением судьей срока для устранения допущенных нарушений. Данные реквизиты, прежде всего, призваны дисциплинировать апеллятора в составлении такого важного для защиты нарушенных прав процессуального документа, которым является апелляционная жалоба, инициирующая стадию апелляционного производства, поэтому относиться к ним адвокат обязан со всей серьезностью. Содержание же апелляционной жалобы, а именно доводы с критической оценкой судебного решения, которыми обосновывается просьба апеллятора, могут излагаться последним в свободной форме, но в то же время не должны выходить за рамки обстоятельств уголовного дела или конкретного вопроса, по которому вынесено обжалуемое судебное решение.

Самостоятельный выбор конкретных аргументов для мотивировки апелляционной жалобы, способов их приведения, последовательности изложения позиции по делу является проявлением свободы апелляционного обжалования. Между тем самим профессиональным статусом адвоката обусловлена необходимость предъявления повышенных требований к составлению им апелляционной жалобы, не позволяющих недобросовестно, некомпетентно осуществлять возложенные на него законом обязанности.

Повышенные требования к содержанию апелляционной жалобы адвоката необходимы постольку, поскольку адвокат — профессиональный апеллятор, который стоит на страже интереса своего доверителя и обязан осуществить надлежащую защиту его прав и законных интересов посредством собственной реализации права апелляционного обжалования. Для составления наиболее убедительной и мотивированной апелляционной жалобы ему необходимо обладать знаниями не только норм материального и процессуального права, но и норм международно-правовых актов, решений Конституционного Суда РФ, постановлений Пленума Верховного Суда РФ, а также знаниями относительно тенденций складывающейся апелляционной и кассационной практики.

В том случае, когда адвокат-защитник является инициатором возбуждения апелляционного производства (посредством подачи апелляционной жалобы), именно на него законом возлагается обязанность обосновать необходимость самого апелляционного пересмотра судебного решения, в том числе обязанность изложить в апелляционной жалобе доводы, указывающие на основания для отмены или изменения судебного решения (п. 4 ч. 1 ст. 389.6 УПК РФ).

Практика свидетельствует о многообразии вариантов написания адвокатами-защитниками апелляционных жалоб. Вместе с тем отсутствие жестких зако-

нодательных требований относительно объема и содержания апелляционной жалобы вовсе не позволяет адвокату ограничиваться лишь лаконичными просьбами об отмене или изменении приговора, не приводить аргументы правового и фактического характера, не делать ссылки на нормы права и доказательства, подтверждающие доводы жалобы.

Исходя из ч. 1 ст. 389.6 УПК апелляционная жалоба адвоката должна содержать конкретные доводы с указанием апелляционных оснований отмены либо изменения судебного решения, предусмотренных ст. 389.15 УПК РФ. В отличие от апелляционных жалоб непрофессиональных участников уголовного процесса для апелляционной жалобы адвоката «непростительно» наличие в ней надуманных и абсурдных аргументов, отсутствие мотивировки, неотражение конкретных апелляционных оснований и ссылок на нормы закона.

Доводы в обоснование неправосудности судебного решения должны излагаться адвокатом в апелляционной жалобе посредством критического анализа обстоятельств уголовного дела, доказательств, на основе которых они установлены, выводов суда по тому или иному вопросу, подлежащему разрешению, критической оценки процедуры производства по делу, а также путем анализа дополнительно представленных доказательств для подтверждения собственной позиции. Исходя из этого, адвокат-апеллятор должен привести в жалобе аргументы логического, фактического и правового характера, по которым он считает приговор незаконным, необоснованным и (или) несправедливым. Приведенные в апелляционной жалобе доводы фактического порядка должны излагаться со ссылками на материалы уголовного дела; доводы о допущенных по делу нарушениях материального и процессуального закона должны подкрепляться ссылками на соответствующие нормы закона. Причем адвокат вправе касаться в апелляционной жалобе лишь тех нарушений по делу, которые затрагивают права и законные интересы его доверителя.

Мотивировка апелляционной жалобы адвоката-защитника обязательна не только потому, что этого требует закон, а потому, что в этом должен быть заинтересован сам адвокат-апеллятор. Чем более мотивирована жалоба адвоката, чем подробнее в ней излагается суть каждого допущенного по делу нарушения, чем более аргументировано утверждение адвоката-апеллятора о неправосудности судебного решения, тем более велика вероятность того, что судом апелляционной инстанции будут восприняты доводы жалобы и вынесено обоснованное решение по ним.

Адвокат в силу своего профессионального статуса в апелляционной жалобе должен указать исчерпывающий перечень допущенных по делу нарушений материального и процессуального права, которые привели суд к неправильным выводам по делу, дать каждому из них в отдельности критическую оценку, квалифицировать их с точки зрения оснований к отмене либо изменению судебного решения. Этому должно предшествовать внимательное изучение состоявшегося судебного решения, а также протокола судебного заседания. Адвокату, особенно если он не принимал участия в качестве защитника на предшествующих стадиях уголовного процесса, при составлении апелляционной жалобы следует тщательно изучить материалы уголовного дела, что позволит ему подготовиться наибо-

лее качественную с позиции всех законодательных критериев апелляционную жалобу.

При подаче апелляционной жалобы адвокат-защитник обязан соблюдать требования ч. 1.1 ст. 389.6 УПК РФ, согласно которым в случае заявления с целью подтверждения доводов жалобы ходатайства об исследовании судом апелляционной инстанции доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции, лицо, подавшее апелляционную жалобу, должно отразить это в жалобе и привести перечень свидетелей, экспертов и других лиц, подлежащих в этих целях вызову в судебное заседание. Если заявляется ходатайство об исследовании доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции (новых доказательств), то это лицо обязано обосновать в апелляционной жалобе невозможность представления этих доказательств в суд первой инстанции (ч. 1.1 ст. 389.6 УПК РФ). В этом случае адвокат-апеллятор также должен указать в апелляционной жалобе способы получения новых доказательств, причины, в связи с которыми возникла необходимость их представления.

Несоблюдение приведенных выше законодательных требований при реализации права апелляционного обжалования адвокатом может существенным образом отразиться на правах и законных интересах доверителя, которые могут остаться без защиты или быть недостаточно защищены. В случае же когда возможность представления новых доказательств появилась позднее чем за 5 суток до начала заседания суда апелляционной инстанции (т.е. за пределами установленного ч. 4 ст. 389.8 УПК РФ срока) либо в день рассмотрения уголовного дела этим судом, обязанностью адвоката, как полагаем, является подтверждение уважительности причин несвоевременного заявления ходатайства об исследовании доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции (новых доказательств). Такое ходатайство, на наш взгляд, должно быть подано адвокатом в суд апелляционной инстанции незамедлительно в форме отдельного документа до начала заседания суда апелляционной инстанции.

В просительной части апелляционной жалобы адвокату необходимо изложить адресуемую суду апелляционной инстанции просьбу о принятии мер по устранению допущенных по делу нарушений закона, т.е. изменении либо отмене решения суда первой инстанции. Полагаем, что в своей просьбе адвокату следует конкретно сформулировать вид желаемого решения суда апелляционной инстанции из предусмотренных уголовно-процессуальным законом (ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ). При отражении в апелляционной жалобе просьбы изменить приговор надлежит конкретизировать, в какой именно части и каким образом (изменить квалификацию, смягчить назначенное наказание и др.). При изложении адвокатом просьбы об отмене приговора следует указать желаемые последствия такой отмены (вынесение нового приговора, направление на новое судебное рассмотрение либо прокурору, прекращение уголовного дела). Просительная часть апелляционной жалобы должна логически и юридически вытекать из ее мотивировочной части и полностью ей соответствовать.

Значимость составления и подачи адвокатом-защитником апелляционной жалобы в строгом соответствии с УПК РФ повышается ввиду того, что доверитель, интересы которого защищает адвокат, как правило, не обладает юридиче-

скими познаниями и не способен самостоятельно составить апелляционную жалобу, которая бы не только отвечала требованиям уголовно-процессуального закона, но и была мотивированной, обоснованной, способной подвергнуть сомнению правосудность обжалуемого судебного решения.

Согласно ч. 4 ст. 389.8 УПК РФ адвокатом-защитником на решение суда первой инстанции может быть подана дополнительная апелляционная жалоба, которая, однако, подлежит рассмотрению при условии ее поступления в суд апелляционной инстанции не позднее чем за 5 суток до начала судебного заседания. Подача дополнительной апелляционной жалобы — одно из важных средств адвоката-защитника, которое может быть использовано им с целью приведения новых и дополнительных аргументов в обоснование позиции о неправомерности судебного решения, представления новых доказательств, вызова новых свидетелей и т.д. Поэтому в тех случаях, когда адвокат-защитник в первоначальной жалобе не смог в полном объеме изложить свою позицию, обосновать необходимость исследования ранее исследованных судом первой инстанции или новых доказательств, принесение дополнительной апелляционной жалобы является его обязанностью, которую он к тому же должен реализовать с соблюдением указанного в ч. 4 ст. 389.8 УПК РФ срока.

Исходя из ч. 3 ст. 389.8 УПК РФ адвокат-защитник, подавший апелляционную жалобу, вправе отозвать ее до начала заседания суда апелляционной инстанции. На практике случаи реализации этого права адвокатом-защитником частыми не являются, но даже в этих редких случаях суды апелляционной инстанции не требуют от защитника обосновать причины отзыва апелляционной жалобы, поскольку такая обязанность не предусмотрена в УПК РФ. Между тем, несмотря на статус защитника как самостоятельного субъекта апелляционного обжалования, указанное право может быть реализовано адвокатом-защитником только при условии согласия подзащитного, в интересах которого была подана апелляционная жалоба. В этой связи следует согласиться с мнением Д.В. Шарповой о необходимости закрепления в УПК РФ требования, согласно которому «защитник при отзыве апелляционной жалобы будет обязан представить суду письменное заявление подзащитного о согласии с отзывом апелляционной жалобы и указанием на то, что ему понятны последствия отзыва жалобы» [6, с. 181].

В том случае, когда адвоката-защитника и его подзащитного полностью устраивает состоявшееся в отношении последнего судебное решение, однако на него другими участниками по уголовному делу были поданы апелляционная жалоба и (или) апелляционное представление, которыми ставится под сомнение его правосудность, как полагаем, у адвоката-защитника возникает обязанность подать на них письменные возражения в установленный судьей в порядке ст. 389.7 УПК РФ срок с изложением аргументов об отсутствии оснований для отмены или изменения этого судебного решения.

Обращаем внимание на то, что ни на законодательном уровне, ни на уровне Кодекса профессиональной этики адвоката не закреплена обязанность защитника всегда участвовать в заседаниях суда апелляционной инстанции. Так, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 389.12 УПК РФ участие защитника в судебном заседании апелляционной инстанции обязательно в случаях, указанных в ст. 51 УПК РФ.

Согласно ч. 3 ст. 389.12 УПК РФ неявка лиц, своевременно извещенных о месте, дате и времени заседания суда апелляционной инстанции, за исключением лиц, участие которых в судебном заседании обязательно, не препятствует рассмотрению уголовного дела.

Полагаем, что отсутствие указанной обязанности является существенным упущением со стороны законодателя, которое оказывает влияние на качество защиты интересов осужденного, что, по сути, делает гарантию оказания ему квалифицированной юридической помощи на стадии апелляционного производства односторонней. Целесообразно было бы в УПК РФ предусмотреть как обязанность подачи адвокатом-защитником апелляционной жалобы, возникающую наряду с правом обжалования в случае согласия или просьбы подзащитного, так и возложить на защитника обязанность последующего участия в заседании суда апелляционной инстанции. При этом для обеспечения непрерывности осуществления защиты интересов доверителя в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» следует закрепить, что в случае участия в суде первой инстанции адвоката по назначению и подачи им апелляционной жалобы на состоявшееся судебное решение именно он должен участвовать в заседании суда апелляционной инстанции, а не другой защитник, назначенный судом апелляционной инстанции (за исключением случаев, когда это невозможно по уважительным причинам).

Основная задача адвоката-защитника при реализации им права апелляционного обжалования и в ходе рассмотрения уголовного дела в суде апелляционной инстанции — подвергнуть сомнению законность, обоснованность и справедливость судебного решения в отношении подзащитного, убедить суд апелляционной инстанции в наличии по делу нарушений, являющихся апелляционными основаниями для отмены или изменения обжалованного судебного решения.

Учитывая то, что на стадии апелляционного производства осуществляется судебное следствие, в рамках которого могут исследоваться ранее исследованные судом первой инстанции и вновь представленные сторонами доказательства (ст. 389.13 УПК РФ), адвокат-защитник с учетом регламентации в УПК РФ апелляционного порядка рассмотрения уголовного дела, казалось бы, способен и обязан добиваться повторного рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции в отношении его подзащитного с самого начала, с последующим вынесением по уголовному делу нового приговора (если для этого не имеется препятствий) в благоприятную для подзащитного сторону. Между тем в адвокатской среде можно часто услышать мнение о том, что судебное следствие в апелляционной инстанции по уголовным делам фактически отсутствует, что оно сведено к формальной процедуре, в связи с чем затрудняется осуществление защитительной адвокатской деятельности и понижается уровень гарантий прав и законных интересов подзащитного при пересмотре не вступившего в законную силу решения суда первой инстанции.

Приведенное мнение адвокатов небеспочвенно. Действительно, регламентированный в действующем УПК РФ (гл. 45.1) апелляционный порядок, в том числе порядок исследования доказательств (ст. 389.13 УПК РФ), в равной степени, с одной стороны, предоставляет возможность повторного непосредственного

исследования доказательств судом апелляционной инстанции, а с другой стороны, позволяет на законных основаниях ограничиться достаточно формальной и поверхностной проверкой правосудности вынесенного судом первой инстанции решения. Так, согласно ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ, с согласия обеих сторон суд апелляционной инстанции вправе рассмотреть апелляционную жалобу или представление без проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции. В соответствии с ч. 5 ст. 389.13 УПК РФ свидетели, которые ранее были допрошены судом первой инстанции, подлежат допросу, если суд апелляционной инстанции признает это необходимым. Фактически рассмотрение уголовного дела в таком случае сводится к докладу председательствующего, заслушиванию выступлений сторон и судебным прениям, что не характерно для апелляционного производства с точки зрения его правовой природы и назначения.

Между тем даже в рамках указанных законодательных ограничений адвокат-защитник должен использовать все, как прямо предусмотренные, так и не запрещенные законом, способы, для того чтобы непосредственное исследование доказательств в суде апелляционной инстанции состоялось, а не «опускать руки», обосновывая это тем, что «все равно откажут». Иначе адвокат демонстрирует пассивность, правовой нигилизм и профессиональную слабость, которые недопустимы для защитника и, входя в привычку, формируют соответствующее отношение к нему суда.

Необходимость исследования доказательств, которые ранее уже исследовались судом первой инстанции, может быть мотивирована адвокатом-защитником тем, что суд первой инстанции неверно воспринял, оценил те или иные доказательства, допустил неточности или искажения при отражении их содержания, при сопоставлении их с другими доказательствами и т.п. Часто такая необходимость возникает тогда, когда на этапе принесения апелляционной жалобы и в стадии апелляционного производства появляется новый защитник, имеющий иной, либо «свежий» взгляд на исследованные в суде первой инстанции доказательства.

Как верно отмечает В.С. Мардоян, в профессиональные обязанности защитника в данном случае входят не только знание уголовно-процессуальных норм, но и владение навыками применения тактических особенностей порядка повторного исследования доказательств [7, с. 107].

В ч. 6 ст. 389.13 УПК РФ говорится о том, что ходатайства сторон об исследовании доказательств, в том числе ходатайства об исследовании доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции (новых доказательств), и о вызове в этих целях в судебное заседание свидетелей, экспертов и других лиц разрешаются судом в порядке, установленном положениями ч. 1, 2 ст. 271 УПК РФ. Из этих законодательных положений вытекает и то, что ходатайство о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов должно быть обосновано лицом, заявившим это ходатайство.

Таким образом, в случае заявления адвокатом-защитником ходатайств о повторном исследовании ранее исследованных судом первой инстанции доказательств или об исследовании вновь представленных стороной защиты доказа-

тельств на него возлагается обязанность аргументировать необходимость исследования в суде апелляционной инстанции этих доказательств, а также обязанность обосновать в апелляционной жалобе и в суде апелляционной инстанции невозможность представления новых доказательств в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от стороны защиты (ч. 1.1 ст. 389.6, ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ). При этом если адвокат-защитник настаивает на вызове для допроса свидетеля (или эксперта, специалиста), которые ранее допрашивались в суде первой инстанции, в своем ходатайстве он должен обосновать, будут ли показания этого свидетеля (или эксперта, специалиста) иметь значение для признания неправосудным обжалуемого судебного решения, что может сообщить этот свидетель (или эксперт, специалист) нового или иного в отличие от показаний, данных им при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции. Вызов нового свидетеля или специалиста для допроса, представление каких-либо новых документов или предметов в качестве доказательств в суд апелляционной инстанции должны быть в достаточной степени аргументированы адвокатом-защитником как с точки зрения их необходимости, так и отсутствия реализации такой возможности в суде первой инстанции.

В УПК РФ не конкретизировано, должна ли сторона, ходатайствующая о производстве тех или иных судебных действий, которые не проводились в суде первой инстанции по инициативе сторон, но которые способны повлечь появление по уголовному делу новых доказательств (например, о допросе эксперта или специалиста при наличии в материалах уголовного дела их письменных заключений, производстве первоначальной, дополнительной или повторной экспертизы и др.), обосновать, почему такие ходатайства не были заявлены в суде первой инстанции. Полагаем, что такой обязанности у сторон нет, так как в данном случае идет речь о возможности появления в результате указанных судебно-следственных действий таких доказательств, о которых стороны не знают и знать не должны. Однако это не снимает с них обязанности мотивировать свое ходатайство. Так, если эксперт или специалист не были допрошены в суде первой инстанции, однако исследовались их письменные заключения, адвокат-защитник обязан обосновать в ходатайстве необходимость их допроса именно в суде апелляционной инстанции, которая может быть связана с тем, что суд первой инстанции в приговоре неверно интерпретировал либо исказил выводы заключения эксперта или специалиста. Назначение судебной экспертизы в суде апелляционной инстанции (в том числе дополнительной или повторной) на практике является редким явлением. Однако в случае заявления адвокатом-защитником ходатайства о ее производстве он обязан обосновать необходимость ее производства, указать конкретные для этого основания, сформулировать вопросы для разрешения эксперта.

Аналогично тому адвокат-защитник обязан обосновать и ходатайство об исключении доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, что вытекает из ч. 1 ст. 271, ч. 6 ст. 389.13 УПК РФ.

Таким образом, адвокат-защитник должен не только полностью владеть знаниями УПК РФ относительно порядка повторного исследования доказательств в суде апелляционной инстанции, особенностей представления в этот

суд новых доказательств, но и быть способным пользоваться ими, уметь правильно выстроить тактику защиты интересов доверителя в ходе судебного следствия в этой судебной инстанции.

Участие в суде апелляционной инстанции предполагает и выступления адвоката-защитника с целью обоснования позиции стороны защиты о неправомерности (или правомерности) решения суда первой инстанции и возражений относительно позиции стороны обвинения. В соответствии с ч. 4 ст. 389.13 после доклада председательствующего или одного из судей по рассматриваемому в апелляционном порядке уголовному делу адвокат-защитник (как и другие участвующие по делу лица со стороны защиты и со стороны обвинения) в начале судебного следствия вправе выступить со своими аргументами, а после окончания судебного следствия — в прениях сторон в порядке ст. 389.14 УПК РФ.

В нормах УПК РФ невозможно найти указания на обязательность участия защитника в прениях сторон как в суде первой, так и апелляционной инстанции. Между тем, как следует из Определения Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 2873-О, «прения сторон есть обязательная часть судебного разбирательства, и адвокат, принявший на себя защиту подсудимого, обязан участвовать в судебных прениях в любом случае, независимо от позиции по этому вопросу самого подзащитного, с тем чтобы обеспечить оказание ему квалифицированной юридической помощи и в своей защитительной речи дать объяснение всем тем обстоятельствам и доводам, которыми опровергается или ослабляется предъявляемое подсудимому обвинение, а также требовать от суда принятия мер по предотвращению нарушения прав и законных интересов своего подзащитного. Отказ адвоката от выступления в прениях означает невыполнение профессиональным защитником своей процессуальной функции» [8]. Конституционный Суд РФ при этом исходил из положений п. 6 ч. 4 ст. 6, п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 10, ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также из Разъяснения Экспертно-методической комиссии Совета Федеральной палаты адвокатов в связи со случаями невыполнения адвокатами-защитниками своих профессиональных обязанностей, нарушающего права доверителей на защиту, от 23 марта 2011 г., согласно которому к числу обязанностей адвоката-защитника, которые он должен выполнять в интересах подзащитного на основании требования ст. 292 УПК Российской Федерации независимо от воли подзащитного, относится и участие в прениях сторон [9, с. 127].

В связи с этим полагаем, что выступление адвоката-защитника в начале судебного следствия в суде апелляционной инстанции по доводам принесенной им и его подзащитным апелляционной жалобы и (или) с возражениями относительно апелляционной жалобы (представления) противоположной стороны, а также его участие в судебных прениях на стадии апелляционного производства являются его обязанностью, которую он должен исполнять с целью обеспечения права на защиту своего доверителя. Адвокат, осуществляющий защиту интересов доверителя в суде апелляционной инстанции, должен хорошо владеть навыками произнесения устной речи или даже красноречием, умением убеждать суд и других участников процесса.

Несмотря на то, что адвокат-защитник свободен самостоятельно определять, в каком объеме ему необходимо привести доводы в обоснование позиции стороны защиты в ходе своего выступления в суде апелляционной инстанции (как в начале судебного следствия, так и в прениях сторон), как построить это выступление, какое время ему потребуется для того, чтобы надлежаше и полноценно изложить все имеющиеся у него аргументы, однако он не вправе в рамках своей речи выходить за пределы обстоятельств рассматриваемого уголовного дела, ссылаться на неисследованные или признанные недопустимыми в суде первой или апелляционной инстанции доказательства (ч. 5 ст. 292, ч. 1 ст. 389.13 УПК РФ). Исходя из ч. 1 ст. 389.14 УПК РФ, адвокат-защитник обязан выступать в судебных прениях в пределах, в которых уголовное дело рассматривалось в суде апелляционной инстанции.

Говоря об указанных обязанностях адвоката-защитника, нельзя не обратить внимание на то, что апелляционное производство, неоднократно подвергавшееся реформированию за время действия УПК РФ, до сих пор характеризуется наличием «конвейерного» способа рассмотрения уголовных дел. Суды апелляционной инстанции по-прежнему чаще всего стремятся как можно быстрее рассмотреть уголовное дело, не желая «напрасно» тратить время, поскольку решение по апелляционной жалобе ко дню судебного заседания, как правило, уже фактически принято. Как полагаем, именно по этой причине на практике вышестоящий суд в лице председательствующего ограничивает выступление адвоката-защитника по времени, прерывая его, запрещая повторять то, что изложено в апелляционной жалобе, указывая на необходимость озвучивать лишь те аргументы, которых нет в жалобе, тем самым показывая свое нежелание слушать защитника и вникать в содержание излагаемых им доводов.

Между тем заранее известный каждому адвокату подход вышестоящего суда заставляет адвоката-защитника при подготовке к выступлению в суде апелляционной инстанции подстраиваться под искусственно созданные временные ограничения и максимально сокращать свою речь. В ходе выступления в заседании суда апелляционной инстанции эту ранее подготовленную речь адвокату приходится порой делать еще более короткой, упрощать, корректировать после нареканий председательствующего. На практике имеются примеры, когда под таким давлением «поспешного правосудия» в заседаниях судов апелляционной инстанции адвокаты-защитники по максимуму упрощают свое выступление, сводя его к фразе «доводы жалобы поддерживаю в полном объеме, прошу приговор отменить/изменить». Думается, что такими выступлениями, которые, безусловно, более импонируют суду, адвокаты лишь содействуют реализации «поспешного правосудия», демонстрируя непрофессиональный подход и нежелание отстаивать права и законные интересы своего доверителя с принципиальных позиций, что недопустимо.

В этой связи адвокату-защитнику нельзя забывать о том, что у него имеется право реагирования на незаконные действия председательствующего, нарушающего права стороны защиты — возражать против таких действий со ссылкой на то, что УПК РФ не устанавливает временных ограничений для выступления

в заседании суда апелляционной инстанции. Представляется, что адвокат обязан демонстрировать именно такую активную, принципиальную позицию.

Причиной «недовольства» суда апелляционной инстанции на практике часто является то, что речи защитников в судебных прениях сводятся либо к повторению ранее озвученных в рамках выступлений в ходе судебного следствия доводов, либо к дублированию доводов апелляционной жалобы. Думается, что адвокат должен четко разграничивать содержание своего выступления в начале судебного следствия и содержание своей защитительной речи в ходе судебных прений. В связи с этим ему следует качественно готовиться к заседанию в суде апелляционной инстанции, заранее продумать, какие доводы он будет приводить в ходе выступления в начале судебного следствия, а какие — в рамках прений сторон.

На практике для суда апелляционной инстанции личное участие защитника в судебном заседании, к сожалению, чаще всего является менее важным, нежели письменное изложение доводов в самой апелляционной жалобе, а результат рассмотрения уголовного дела, как правило, вовсе не зависит от красноречия адвоката в рамках своего выступления.

Между тем, когда адвокат-защитник в рамках выступления в заседании суда апелляционной инстанции устно излагает свои аргументы, основанные на содержании своей же апелляционной жалобы, он способен более доходчиво, конкретно донести до состава суда позицию стороны защиты, разъяснить смысл тех или иных доводов, которые могли быть не поняты или недостаточно поняты судьей-докладчиком. Выступление адвоката-защитника слушает весь состав суда вышестоящей инстанции, в том числе судьи, которые, полагаясь на докладчика, могут недостаточно знать материалы уголовного дела. В связи с этим своим выступлением защитник способен расставить акценты, обратить внимание на существенные аргументы своей апелляционной жалобы, а возможно, своим эмоциональным посылом инициировать более тщательное изучение судом апелляционной инстанции материалов уголовного дела. Именно по этим причинам нельзя пренебрегать предоставленной адвокату-защитнику возможностью проявить свое красноречие в вышестоящем суде [10, с. 542].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что к составлению по уголовному делу апелляционной жалобы либо возражений на апелляционную жалобу (представление) других участников, а также к своему участию в суде апелляционной инстанции адвокат-защитник должен относиться с исключительной ответственностью, для чего ему следует задействовать все свои знания, опыт, профессионализм, которые позволят максимально обеспечить защиту прав, свобод и законных интересов доверителя. Несмотря на то, что УПК РФ устанавливает для сторон целый ряд ограничений на стадии апелляционного производства, приведенные выше обязанности адвоката-защитника на этой стадии должны исполняться им безоговорочно. Только в таком случае адвокат-защитник способен честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно и активно защищать права, свободы и интересы своего подзащитного, как этого требует Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и УПК РФ.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174–ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 (ред. от 01.12.2015) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Сухова О.А. Сроки и субъекты апелляционного обжалования // Апелляционное производство в российском уголовном процессе: монография / Л.Д. Калинин, Е.И. Шигурова, О.А. Сухова и др.; под общ. ред. Л.Д. Калинин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 54-74.
4. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Кодекс профессиональной этики адвоката: Принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (ред. от 15.04.2021 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Шарапова Д.В. Полномочия адвоката-защитника в суде апелляционной инстанции // Пробелы в российском законодательстве. 2016. Вып. 2. С. 178-183.
7. Мардоян В.С. Адвокат-защитник как субъект доказывания в суде апелляционной инстанции // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 106-109.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сайгакова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и третьей статьи 50, частей первой и третьей статьи 51, части второй статьи 52, части второй статьи 248, части первой статьи 292, части первой статьи 293, статьи 294 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта «в» части третьей статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 2873-О // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
9. Разъяснения Экспертно-методической комиссии Совета Федеральной палаты адвокатов в связи со случаями невыполнения адвокатами-защитниками своих профессиональных обязанностей, нарушающего права доверителей на защиту, от 23 марта 2011 года // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2011. № 2. С. 125-136.
10. Сухова О.А. Проблемы выступления адвоката-защитника в заседаниях судов апелляционной и кассационной инстанций по уголовным делам // Материалы XXIV Научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва / сост. А.В. Столяров, отв. за выпуск П.В. Сенин. В 3 частях. Ч. 3. Саранск, 2021. С. 537-542.

Е.С. Черкасова, к.псих.н., доцент кафедры криминалистики Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, подполковник юстиции, г. Новосибирск

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Обязанности участников уголовного судопроизводства ставят вопрос о создании определенного перечня профессиональных компетенций, необходимых для выполнения деятельности, которые называются «модель профессиональной компетенции». Базовое понятие «профессиональная компетенция» включает в себя умения, знания, навыки в области уголовного судопроизводства, исходящие из специфики данной деятельности. Профессиональные компетенции сотрудника в уголовном судопроизводстве включают в себя психологическую компетентность, как обладающий чертами своеобразия психологический инструмент, обеспечивающий эффективное выполнение профессиональной деятельности. Предложенная автором «модель профессиональной компетенции участников уголовного судопроизводства» включает не исчерпывающий перечень компетенций, к которому относятся следующие:

1. Высокий уровень коммуникабельности, способности и навыки быстро устанавливать психологический контакт с незнакомыми людьми, вежливое и располагающее общение, внутренняя потребность в межличностном общении, наличие хорошо поставленной грамотной речи, способность к убеждению и влиянию. Данная компетенция является приоритетной по причине того, что в сфере уголовного судопроизводства реализация деятельности в целом во многом зависит от другого человека, тоже участника уголовного процесса, вне зависимости от его статуса, который может не иметь никаких коммуникативных данных. Понимание необходимости выполнения деятельности исключительно в поле профессиональных навыков «человек — человек» дает возможность осмысленного и целенаправленного приложения усилий именно к коммуникативной составляющей, так как именно от другого человека зависит масса необходимых информационных, логических, психологических и иных массивов, жизненно важных для грамотного и профессионального построения уголовного процесса. Важно понимать, что другие участники уголовного процесса зачастую не располагают ни мотивацией, ни необходимостью в установлении коммуникативных «мостиков», а часто реализуют поведенческие паттерны сопротивления и уклонения от процесса взаимодействия.

2. Правовое мышление — это сформированная система информационно-правовой насыщенности, которая сложилась у ее обладателя благодаря установкам профессионального назначения. Начало формирования правового мышления относится к старшему подростковому возрасту, продолжение формирования — к обучению на факультете юриспруденции. Без данной компетенции реализация уголовного процесса и судопроизводства невозможна. Поддержание должного

высокого уровня правового мышления является приоритетным при повышении квалификации сотрудников правоохранительных структур и суда, что представляет собой базу организации системы воспитания и образования кадров.

3. Морально-волевые качества и лояльность, выражающиеся в соблюдении морально-этических норм, соответствующих нормативно-правовой базе конкретной правоохранительной структуры и судопроизводства. Каждая правоохранительная структура имеет свой свод этических и моральных требований по отношению к участникам уголовного процесса. Запретительный характер к неэтичному поведению, требования к обязательному поведению составляют примерно одинаковый свод правил и норм. Приоритетное значение в этом отводится уважительному, внимательному, эмпатичному отношению к участникам уголовного процесса и коллегам.

4. Когнитивные способности, включающие в себя развитие на уровне выше среднего таких процессов, как память, внимание, творческое мышление, способность представлять и анализировать информационные массивы, логическое мышление, воображение, способность к обдуманному принятию решений. Профессиональный отбор кадров в правоохранительные структуры занимается диагностикой когнитивных способностей и конкретных характеристик для обеспечения высокоинтеллектуального действующего состава структур. Требования, предъявляемые к конкретным когнитивным характеристикам, должны соответствовать представленности на уровне выше среднего для качественного выполнения профессиональной деятельности. Индивидуальные когнитивные характеристики, присущие конкретному сотруднику, являются его индивидуальной когнитивной «планкой», к повышению которой в ходе реализации профессиональной деятельности необходимо стремиться постоянно, развивая свой багаж знаний, навыков, общего развития.

5. Созидательные и творческие способности, характеризующиеся готовностью к принятию и созданию принципиально новых идей, отклоняющихся от традиционных или принятых схем мышления и входящие в структуру одаренности в качестве независимого фактора, способности решать проблемы, возникающие внутри статичных систем. Данная компетенция отвечает за возможность формировать и поддерживать разнообразие версий по устанавливаемому в ходе уголовного процесса событию, сопоставлять факты, нюансы, подробности, «видеть» не состыковки и разногласия.

6. Способность к выполнению профессиональной деятельности в регламентированном стиле управления (авторитарном), способность четко выполнять поставленные задачи и приказы, следовать правовым нормам, методическим рекомендациям, инструкциям, отсутствие внутреннего сопротивления в ситуации подчинения, понимание и соблюдение субординации. На современном этапе развития общества далеко не все молодые сотрудники, приходящие на службу в правоохранительные системы, обладают способностью к выполнению задач и приказов в рамках авторитарного стиля управления. Понимание того факта, что кроме как авторитарным никаким иным стилем управления в уголовном процессе быть не может, достигается далеко не всеми. Как следствие — недоволь-

ство, обиды, непонимание, конфликты. Важно также разграничивать авторитарный стиль управления от тоталитарного, что в ряде случаев имеет место при управленческой безграмотности руководителей. Суть уголовной процессуальной деятельности состоит в жестком правовом регламентировании, соблюдении сроков и закона, а также достаточного количества нормотворческой и документально-творческой деятельности, которая не подразумевает попустительский, либеральный или демократический стили управления.

7. Способность к обучению, навыки в получении новой информации, ее поиску, синтезу, усвоению и воспроизведению, использование полученных знаний в процессе выполнения профессиональной деятельности, стремление к повышению профессиональной компетенции. Данная компетентность имеет прямую взаимосвязь с когнитивными способностями, но в качестве ее отличительной характеристики можно выделить внутреннюю мотивацию к развитию, самосовершенствованию и прогрессу в интеллектуальном и общекультурном планах.

8. Смешанная референция, выражающаяся в сочетании ориентации на мнение коллег и руководства, участников уголовного процесса, профессионализма и умения аргументировать, отстаивать и продвигать собственную точку зрения в рамках установленных правовых норм [1, с. 96]. Наличие персональной ответственности, способности отстаивать свое аргументированное мнение, проявление принципиальности и воли позволяют сделать смешанную референцию важным компонентом модели профессиональной компетенции в уголовном судопроизводстве.

9. Стрессоустойчивость, совокупность личностных качеств, позволяющих человеку переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки (перегрузки), обусловленные особенностями профессиональной деятельности, без особых вредных последствий для деятельности, окружающих и своего здоровья. Всем известно, что область профессиональной деятельности в системе уголовного судопроизводства зачастую связана с высокими стрессовыми нагрузками, возложенными на конкретных сотрудников. Индивидуально-психологические характеристики и навыки по контенированию негативных событий, людей и явлений важны при осознанном выборе данной профессии. Игнорирование нагрузки, убежание от проблем неадекватного реагирования, компенсация стрессового воздействия за счет аддиктивного поведения — все это не является эффективным, часто приводит к увольнению сотрудников или появлению психологических и психофизиологических проблем. Обучение навыкам самостоятельной психологической самопомощи, саморегуляции, способность обратиться к компетентным психологам и медикам для разрешения возникающих проблем — все это относится к способности принять ответственность за свое психологическое и физическое благополучие.

10. Способность к самостоятельной работе, инициативность, высокая степень самостоятельности, наличие реальной зоны ответственности. При условии адекватного прохождения адаптации в начале профессиональной деятельности, далее — сотрудник должен быть морально и психологически готов не только к самостоятельному выполнению работы, но и самостоятельному принятию про-

цессуальных и иных решений [2, с. 43]. Осознанный подход к деятельности, самостоятельность, отсутствие инфантильного поведения, желания переложить ответственность на плечи руководителя или коллеги свидетельствуют о сформированности зоны личной ответственности в работе.

11. Сформированная мотивация выполнения профессиональной деятельности обеспечивает долгосрочность нахождения сотрудника внутри структуры, является основой выполнения профессиональной деятельности, является источником профессионального развития и компетенции. Мотивационная основа выполнения деятельности в области юриспруденции и уголовного судопроизводства должна содержать «ядро мотивов», включающих несколько основных компонентов, отвечающих на вопрос: «Почему я хочу этим заниматься?». От ответов на этот вопрос зависит многое: качество деятельности, способность вкладываться в получение результата, интерес и воля, а также ряд индивидуальных мотивов, которые присущи каждому, когда человек выбирает деятельность.

12. Сочетанный характер личностных качеств и свойств, соответствие таких свойств темперамента, как экстраверсия, нейротизм, следующим акцентуациям характера: гипертимия, эмотивность, демонстративность (в допустимых пределах). Отсутствие следующих выраженных показателей по дистимии, циклотимии, неуравновешенности, аффективно-экзальтированной акцентуации. Данная компетенция имеет узкопсихологический характер, направленный на подробное и качественное изучение индивидуально-психологических характеристик сотрудника. Несмотря на то, что данным вопросом должна заниматься система профессионального психологического отбора на службу, эту компетенцию есть смысл самостоятельно изучить каждому. Созданный посредством психологических техник и тестов психологический портрет способен оказать сотруднику неоценимую помощь как в понимании себя, так и в понимании своих способов реагирования на стрессовые и неоднозначные ситуации, повысит уровень психологической компетенции и требовательности к себе.

13. Сформированные навыки самоорганизации, способность в установленный срок выполнять порученную деятельность, ответственность в межличностных коммуникациях, способность удерживать информацию в актуальном плане сознания. Организация индивидуального тайм-менеджмента — это важная характеристика выполнения деятельности. Изучение вопросов самоорганизации, управления своими ресурсами, способность прогнозирования и планирования собственной временной нагрузки является важным при выполнении многозадачной деятельности, которая в большинстве своем жестко регламентирована законом. Пустая трата времени, неспособность четко планировать и отслеживать свою активность, непонимание организации собственного биологического функционирования и еще многие другие нюансы в тайм-менеджменте однозначно являются помехой в качественном выполнении работы.

Вышеуказанные профессиональные компетенции, включенные в «Модель профессиональной компетенции участников уголовного судопроизводства» способны оказать важное значение при формировании профессиограммы сотрудника в области уголовного судопроизводства. Понимание включенных компетен-

ций и их характеристик позволит в значительной мере улучшить качество уголовного процесса в целом.

Список литературы

1. Юридическая психология: учебник / В.В. Романов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 525 с.
2. Черкасова Е.С. Социальный интеллект и адаптация к профессиональной деятельности // Философия образования. 2006. № 3 (17). 348 с.

А.Е. Чечетин, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры ОРД Барнаульского юридического института МВД России, г. Барнаул

И.Д. Шатохин, к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского юридического института МВД России, г. Барнаул

ОБ ИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Конституция Российской Федерации гарантировала каждому судебную защиту его прав и свобод, установив, что решения и действия органов государственной власти и должностных лиц могут быть обжалованы в суде (ч. 1 и 2 ст. 46). Юридическое содержание указанного конституционного права включает в себя корреспондирующую ему обязанность суда как органа государственной (судебной) власти обеспечить реализацию данного субъективного права [1, с. 449]. Таким образом, на суды Российской Федерации возложена конституционная обязанность по обеспечению права граждан на судебную защиту.

Однако выполнение этой обязанности в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) осуществляется далеко не лучшим образом. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты анализа материалов обращений в Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд, КС РФ), который показал, что почти 40% всех жалоб на нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) связаны с нарушением права на судебную защиту, т.е. с неисполнением судами своей конституционной обязанности.

При этом наиболее проблемный характер носят попытки лиц, попавших в сферу ОРД, оспорить законность и обоснованность судебных решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), ограничивающих их конституционные права. Так, имевший статус свидетеля по уголовному делу гр. И. оспорил в кассационном порядке в президиум областного суда законность судебного постановления на прослушивание его телефонных переговоров. Однако в рассмотрении его обращения было отказано со ссылкой на то, что данное постановление суда самостоятельному обжалованию не подлежит, а его законность и обоснованность может быть проверена только одновременно с итоговым

судебным решением. Более того, автору жалобы было разъяснено, что он вообще не относится к лицам, имеющим право на обращение в суд кассационной инстанции¹. В материалах другого обращения в Конституционный Суд приводился факт отказа Верховного Суда России в проверке законности судебного решения на проведение гласного обследования жилища, который был мотивирован тем, что промежуточные судебные решения могут обжаловаться только одновременно с итоговым судебным решением².

Приведенные примеры весьма типичны для судебной практики и их можно привести множество как из жалоб в Конституционный Суд, так и из юридической прессы [2]. Отсюда следует, что в судах общей юрисдикции достаточно распространено представление о невозможности самостоятельного обжалования судебного разрешения на проведение ОРМ.

Основной причиной этого является отсутствие законодательного механизма обжалования таких решений, поскольку ст. 9 Закона об ОРД, регламентирующая порядок вынесения судебных решений об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ, не предусматривает даже самой возможности обжалования таких судебных актов. При этом часть третья ст. 5 указанного закона закрепляет право заинтересованных лиц на обжалование лишь действий должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, но не судебных решений, на основании которых такие действия осуществлялись.

Учитывая отсутствие законодательных предписаний о порядке обжалования судебных решений о проведении ОРМ Конституционный Суд в своем Определении от 15 июля 2008 г. № 460-О-О установил, что право на судебную защиту в сфере ОРД не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах и выступает как гарантия в отношении всех конституционных прав и свобод, а потому гражданин не лишается возможности обжалования как самих судебных решений на проведение ОРМ, так и действий оперативно-розыскных органов. Вместе с тем Конституционным Судом указывалось на особенность процедуры получения судебного разрешения на проведение ОРМ, на которую не распространяются в полной мере правила, действующие в судебном разбирательстве по уголовному делу, поскольку в ней не может быть открытости, гласности и состязательности сторон в силу негласного характера ОРМ, а судебное решение вступает в силу непосредственно после его вынесения. В связи с этой особенностью у проверяемого лица не возникает право на оспаривание судебного решения в апелляционном порядке, что не исключает возможность подачи жалобы в порядке надзорного производства³. В своих последующих решениях Конституционный Суд указывал на недопустимость оставления без рассмотрения кассаци-

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 3025-О. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision221354.pdf> (дата обращения: 11.05.2022).

² Архив Конституционного Суда Российской Федерации. Материалы обращения № 2376/15-01/17 от 01.03.2017.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1809-О-О. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision86986.pdf>. (дата обращения: 11.05.2022).

онной жалобы на судебное решение о проведении ОРМ, если заявитель не смог представить его заверенную копию¹. Таким образом, органом конституционного контроля признается возможность обжалования таких судебных решений в уголовно-процессуальном порядке, предусмотренном для кассационного и надзорного производства.

Верховный Суд Российской Федерации по этому вопросу также определил свою позицию, которая нашла отражение в Информации о рассмотрении судами материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ от 5 июня 2014 г. № 9/5829. В этом документе со ссылкой на решения Конституционного Суда разъяснено, что постановление судьи о разрешении проведения ОРМ может быть обжаловано в вышестоящий суд в порядке глав 47.1 и 48.1 УПК РФ, т.е. в кассационном и надзорном порядке. Однако такое разъяснение не носит нормативного характера, а потому не решает обозначенной нами проблемы.

На отсутствие в Российской Федерации правового механизма обжалования судебных решений на проведение ОРМ обращал внимание и Европейский Суд по правам человека в Постановлении от 18 сентября 2014 г. по делу «Аванесян против Российской Федерации».

Отреагировав на это решение ЕСПЧ Минюст России в 2018 г. подготовил проект о дополнении Закона об ОРД ст. 9.1, которая предусматривала бы особый порядок обжалования судебных решений на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан. Однако этот в целом неплохой проект, видимо, не нашел поддержки у уполномоченных должностных лиц и не был даже внесен на рассмотрение Государственной Думы.

На смену ему в сентябре 2020 г. на федеральном портале проектов нормативно-правовых актов появился новый законопроект о внесении изменений в ст. 5 и 9 Закона об ОРД, который предусматривал дополнение ст. 9 Закона об ОРД новой частью, закрепляющей возможность обжалования судебных решений о проведении ОРМ в уголовно-процессуальном порядке. Однако и этот проект вскоре растворился в дебрях Интернета, сохранившись лишь на сайте Адвокатской газеты².

Таким образом, затронутая нами проблема оказалась замороженной, а продолжающие поступать в Конституционный Суд жалобы показывают, что сама по себе она вряд ли сможет разрешиться. В очередной жалобе на эту тему заявитель — привлеченный к уголовной ответственности экс-председатель Конституционного Суда одного из субъектов Российской Федерации — после четырех безуспешных попыток обжалования судебного решения о проведении ОРМ поставил под сомнение конституционность ст. 9 Закона об ОРД, которая, по его мнению, препятствует реализации права на судебную защиту. Конституционный Суд в Определении от 28 января 2021 г. № 46-О об отказе в принятии данной

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 2898-О. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision221030.pdf>. (дата обращения: 11.05.2022).

² [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/ca8/Proekt_O_vnesenii_izmeneniy_v_stati_5_i_9.pdf?ysclid=13tq7v8luw (дата обращения: 11.05.2022).

жалобы к рассмотрению в очередной раз воспроизвел сформулированную ранее правовую позицию о том, что общность публично-правовых отношений по поводу проверки информации о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении предполагает и общность процедур судебного контроля за законностью и обоснованностью судебных решений, санкционирующих проведение ОРМ, которые могут быть проверены в кассационном порядке, установленном нормами УПК РФ. Таким образом, можно констатировать неизменность позиции Конституционного Суда о возможности использования уголовно-процессуальной процедуры для оспаривания судебных решений о проведении ОРМ. Однако такой вариант представляется отнюдь не безупречным, поскольку он допускает возможность отмены вынесенного судебного решения с направлением материалов на новое судебное рассмотрение. В свою очередь такое решение является абсурдным для сферы ОРД, предусматривающей возможность обжалования уже завершенных решений и действий правоприменителей.

О его неэффективности для решения задачи судебного контроля в сфере ОРД можно судить не только по жалобам граждан в Конституционный Суд, но и по выступлениям представителей адвокатского сообщества, которые не могут понять механизм оспаривания судебных решений о проведении ОРМ. Так, в одной из интернет-публикаций описывался эксперимент, в ходе которого в Верховный Суд России были направлены три одинаковых жалобы на аналогичные судебные решения о проведении гласного обследования жилых помещений с небольшим временным интервалом, чтобы они попали на рассмотрение к разным судьям. В итоге были получены три разных ответа. Один судья вернул жалобу без рассмотрения, мотивировав это отсутствием заверенной копии обжалуемого судебного акта. Второй судья дал ответ, что такие судебные решения не подлежат обжалованию. И лишь третий судья, рассмотрев жалобу по существу, согласился с доводами заявителей, отменил обжалуемое решение и направил материалы на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции. Однако это решение, принятое в соответствии с положениями ст. 401.14. УПК РФ, создало в свою очередь тупиковую ситуацию для суда первой инстанции, который должен был решить вопрос о возможности выдачи разрешения на проведение ОРМ, завершеного более года назад [3].

Приведенный пример свидетельствует не только об отсутствии единого понимания порядка рассмотрения жалоб на судебные решения, выносимые в сфере ОРД, даже среди судей Верховного Суда, но и о непригодности общей уголовно-процессуальной процедуры кассационного обжалования применительно к рассматриваемым нами судебным решениям, которые весьма специфичны по своей природе. В связи с этим нельзя не согласиться с обсуждаемой в кругах процессуалистов идеей о необходимости дифференциации производств по различным видам промежуточных судебных решений, к числу которых относятся, в том числе, и судебные решения о проведении ОРМ. Порядок обжалования таких решений должен быть четко определен законодателем, чтобы конституционная обязанность обеспечения судебной защиты прав граждан получила свой механизм реализации. В условиях же действующего правового регулирования судебные решения о проведении ОРМ, несмотря на отсутствие в Законе об ОРД соот-

ветствующего правового механизма, могут обжаловаться заинтересованными лицами в уголовно-процессуальном порядке, а суды не вправе отказывать в рассмотрении таких жалоб по процедурным основаниям.

Список литературы

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 449.
2. Колоколов Н. Секретно неподконтрольно // ЭЖ-Юрист. 2017. № 13 (964). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eg-online.ru/article/340525/> (дата обращения: 11.05.2022).
3. Брестер А. Это очень тяжелый «пинг-понг», в который почти нет шансов выиграть. [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.ilpp.ru/obzhalovanie-orm/> (дата обращения: 11.05.2022).

В.С. Шишев, оперуполномоченный отдела по борьбе с преступлениями в сферах агропромышленного комплекса, потребительского рынка спирта, алкогольной и табачной продукции УЭБиПК ГУ МВД России по Краснодарскому краю, г. Краснодар

УНИФИКАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК КОНКУРИРУЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Проблема надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, берущая свое начало в амбициозных государственных обязательствах обеспечения всеобщей социальной справедливости в сфере борьбы с преступностью, по сути своей представляет целую систему взаимосвязанных проблем. Причем проблемы эти взаимосвязаны не только между собой, но и прочными нитями скреплены с другими ключевыми проблемными блоками, представляющими различные аспекты сущности отечественного уголовного судопроизводства. Сама технология исполнения уголовно-процессуальных обязанностей представляет собой сложное образование, поскольку объединяет в себе множество различных направлений. В этой технологии присутствуют элементы общей и предметной идеологии, методологии, этики, эстетики, техники процессуальной власти и т.д. Сама эта технология опирается на разные принципы, в числе которых можно выделять эвристические, управленческие, организационные и собственно технологические принципы.

Значительный интерес среди них представляют организационные принципы унификации и дифференциации. Мы считаем их организационными принципами исполнения уголовно-процессуальных обязанностей. Причем принципы эти связаны между собой особым образом — они находятся в бинарной оппозиции. В качестве методологического основания, позволяющего нам характеризовать унификацию и дифференциацию предварительного расследования подобным

образом, лежит установка, согласно которой сам уголовный процесс может быть представлен в качестве процедурной формы исполнения обязательств. Таким образом, и форма предварительного расследования есть инструмент работы с уголовно-процессуальными обязательствами.

Целью настоящей статьи является взгляд на унификацию и дифференциацию предварительного расследования с точки зрения их принципиального значения для организации досудебного производства. Для этого нужно прояснить сущность идей унификации и дифференциации уголовного судопроизводства в их диалектическом единстве. В свое время мы уже рассуждали по этому поводу. Полагаем, что наши мысли могут послужить и хорошим подспорьем в осмыслении унификации и дифференциации предварительного расследования в контексте проблем исполнения уголовно-процессуальных обязанностей [1].

В теории уголовного процесса анализируемые идеи позиционируются как конкурирующие и даже взаимоисключающие. Полагаем, что подобный взгляд на отношения указанных идей является неточным и, более того, принципиально неверным. Научное подчеркивание противоположности идей унификации и дифференциации носит по большей части идеологический характер. В технологическом же смысле конкуренция идей вовсе не предполагает, что какая-то из них может быть полностью исключена из сферы конструирования уголовного судопроизводства. Подобная категоричная постановка вопроса случается лишь в запале научных дискуссий, да и то в значительно смягченной форме.

Нередко за глобальные дискуссии о методологической сути дифференциации и унификации выдаются локальные теоретические споры о частных процедурных моментах указанных идей. В качестве примера можно привести легендарное противостояние М.С. Строговича и П.Ф. Пашкевича, имевшее место на страницах журнала «Социалистическая законность» в конце 70-х годов прошлого века. По сути, это был научный спор об уместности упрощения уголовно-процессуальной формы и исключения из нее важнейших процессуальных гарантий. Однако в историю уголовного процесса эта дискуссия была вписана как принципиальная полемика вокруг конкуренции методов унификации и дифференциации судопроизводства. Указанная дискуссия положила начало современной тенденции недоверчивого отношения к унификации и одобрительного подхода к дифференциации предварительного расследования.

Противоречивое отношение к этим методологическими принципам организации уголовного процесса является признаком того, что отсутствует их глубокое теоретическое понимание. На первый взгляд, унификация и дифференциация действительно ведут себя как конкурирующие противоположности. Но эта противоположность, образно говоря, из разряда той же природы, что и противоположность вдоха и выдоха — одно непременно предполагает другое. По нашему мнению, унификацию и дифференциацию можно обозначить не только как разные принципы организации судопроизводства, но и как постоянно сменяющиеся и предполагающие друг друга циклы конструирования уголовно-процессуальной формы. Иными словами, эти идеи можно представить как противоположности, но только как противоположности, находящиеся в диалектическом единстве; противоположности, которые себя взаимно обуславливают и не

могут существовать друг без друга. Не могут они существовать друг без друга и при исполнении уголовно-процессуальных обязанностей на стадии предварительного расследования.

На диалектическую сторону взаимоотношений этих идей указал профессор М.П. Поляков. По его заключению, дифференциация и унификация взаимодействуют подобно дуальным элементам знаменитой китайской монады — «инь» и «ян» [2]. Автор попытался раскрыть диалектику взаимодействия указанных явлений в русле принципа единства и борьбы противоположностей. Здесь же была предложена схема, которая может быть использована для объективного понимания сущности унификации.

Мы акцентируем внимание на понятии унификации, поскольку в современной юридической науке ему уделяется гораздо меньше научного внимания, нежели понятию дифференциации. К примеру, в весьма глубокой монографии сибирских авторов, посвященной дифференциации уголовного процесса, об унификации было сказано вскользь и лишь в контексте критического заявления, что ее сторонники «напрочь отвергали возможность дифференциации уголовного судопроизводства» [3, с. 5]. Бесспорно, изучение понятия дифференциации создает необходимый смысловой фон и для понимания унификации. Не напрасно эти идеи обычно исследуют комплексно [4, 5]. Вместе с тем понятие унификации предварительного расследования не может быть осознано со всей глубиной без уяснения различных оттенков самой идеи унификации, которых в теории сегодня обозначено немало. Однако констатация этих нюансов еще не привела к их систематизации и интегрированию в учение об унификации предварительного расследования.

На некоторые принципиальные аспекты унификации обращается внимание в указанной статье М.П. Полякова. «Нам представляется, — пишет он, — что общей животворящей идеей уголовно-процессуальной формы изначально служит именно унификация. Унификация уголовно-процессуальной формы — общее правило, дарованное «древними богами правосудия». Дифференциация же лишь исключение из правил. Но в наше время унификация и дифференциация поменялись местами. И на «процессуальном троне» находится именно дифференциация. Под прикрытием красивых теоретических обоснований того, что дифференциация есть благо, она плодит и множит уголовно-процессуальные формы и институты. И создается иллюзия того, что сама история уголовного судопроизводства есть эмпирическое доказательство того, что дифференциация есть единственная движущая сила развития уголовного процесса не только на его досудебном этапе, но и в целом» [2, с. 302].

Приведенная цитата интересна содержащимися в ней концептуальными положениями. Первое положение — уголовный процесс в основе своей есть выражение именно идеи унификации. Таким образом, осознав себя как форму исполнения государственных обязанностей, уголовный процесс и обозначил себя в качестве единой формы исполнения этих обязанностей. Таким образом, напрашивается исходная аксиома, согласно которой уголовный процесс задумывался как производство, призванное быть унифицированным по форме. В этом подходе есть практический смысл. Но смысл этот можно разглядеть только

с большой методологической высоты и огромной исторической широты. Если посмотреть с этих позиций на усилия человечества, то можно увидеть, что почти любой культуре присуще уголовное судопроизводство, как форма реагирования на преступление и исполнения обязательств по обеспечению социальной справедливости. Процедурные вариации, приверженность к состязательности или розыску и иные типологические особенности здесь не имеют принципиального значения. Главное — это потребность в единой форме исполнения обязанностей по защите граждан и общества от преступлений. Эта форма и именуется судопроизводством.

Подобная глобально-формальная унификация неизбежна и объективно предопределена, поскольку сама идея преступления (как некий элемент осознания и упорядочения общественной жизни) неизбежно влечет за собой появление особой формы воздаяния за преступное действие. Причем воздаяние это при всех возможных нюансах конкретного случая должно быть унифицированным по сути своей. То есть уголовный процесс (а изначально просто судебный процесс) возникает в пространстве, предполагающем единую форму правосудия. Подобно тому, как идея преступления неизбежно влечет за собой принцип наказания, применение наказания неизбежно предполагает появление судебной формы. И сама констатация того, что такая процедурная форма должна быть, вполне может рассматриваться как мысленный акт провозглашения унификации, как принципа организации процесса. Без процесса, облаченного в единую форму, власть не может реализовать свое право на наказание. Уголовно-процессуальная форма здесь и является специфической формой выражения власти. И здесь мы можем согласиться с М.П. Поляковым в том, что изначально программирует уголовно-процессуальную форму именно идея унификации. Поскольку обязанность государства перед обществом по воздаянию за каждое преступление не дифференцируется (слово «каждый» как раз и содержит в себе зерно унификации), постольку и организационный принцип унификации изначально является доминирующей идеей. Почему же вместе с идеей унификации неизбежно приходит и идея дифференциации?

Попробуем разобраться. По нашему мнению, в широком первоначальном представлении идея унификации может существовать лишь в отвлеченном концептуальном состоянии. Это касается и унификации предварительного расследования. Таким образом, ее можно понимать только как изначальный замысел. Как только единая уголовно-процессуальная форма начинает воплощаться в реальную жизнь и применяться к конкретным делам, включается потребность в ее дифференциации. Эту мысль можно развить и сформулировать взаимоотношение унификации и дифференциации парадоксальным образом, подчеркнув, что при определенном взгляде дифференциацию допустимо представить формой реализации общей идеи унификации. Возможно, слова «форма реализации» слишком остро обозначают проблему, но именно так и обстоят дела в сфере реального строительства уголовного судопроизводства — унификация всегда является предпосылкой дифференциации и одновременно (это тоже явный парадокс) выступает ее условным итогом.

Исторический экскурс позволяет увидеть следующее. Изначально уголовный процесс может рассматриваться как результат дифференциации общей судебной процедуры на процесс уголовный и гражданский. Этой дифференциации предшествовала градация правонарушений на уголовные преступления и гражданские деликты. Но даже в рамках далекой ретроспективы нетрудно заметить, что единый уголовный процесс, получившийся в итоге этой отраслевой дифференциации, тотчас же начинает делиться по «вертикали» и «горизонтали», то есть включает метод дифференциации.

Первое, что можно констатировать — уголовный процесс структурно делится на стадии с присущими им особыми формами решения стадийных задач. Подобная этапная организация есть не что иное, как следствие включения метода дифференциации, который отталкивается от предшествующей ему унификации. Далее мы наблюдаем, как эта дифференцированная система стадий начинает унифицировано работать в отношении почти всех уголовных дел. И это дает основание для того, чтобы представить уголовный процесс уже как процесс унифицированный, представляющий собой единообразную систему стадий. Но, глядя на каждую стадию индивидуально, мы легко обнаруживаем, что внутри этих стадий начинает творить свое дело дифференциация. В каких-то стадиях это творчество не особо заметно, в каких-то заметно очень хорошо. Дифференциация форм предварительного расследования как раз представляет яркий пример этой очевидности.

Но деление форм расследования на предварительное следствие и дознание как проявление метода дифференциации, является необходимым прологом к унификации производства в рамках этих форм. Иными словами, к этим дифференцированным формам начинает применяться метод унификации. Таким образом, можно говорить о том, что понятие унификации предварительного расследования может в различных контекстах наполняться как весьма широким, так и очень узким смыслом.

Представляется, что в этих «плавающих» пределах и следует толковать обыденное значение «унификации», очень часто принимаемое за основу научной интерпретации этого термина. О смысловом наполнении этого значения мы можем судить по разъяснению, предложенному «Википедией» — унификация (от лат. unus «один» + facio «делаю»; объединение) — используется в значении: приведение к единообразной системе или форме [6].

Однако современная наука очень редко применяет такой «плавающий» подход. По сложившейся традиции значение «приведение к единообразной системе или форме» применяется к унификации максимально широко, отчего случаются отдельные недопонимания между исследователями. Так, С.И. Гирько в одной из своих статей указывает на то, что рецензент незаслуженно упрекнул его в том, что он необоснованно применяет формулу «унификация ускоренного дознания», поскольку «термин унификация применяется в случае приведения отдельных процессуальных производств к единообразной системе или форме, то есть с точностью до наоборот» [7, с. 119].

Иными словами, оппонент С.И. Гирько приводит распространенную позицию, согласно которой об унификации предварительного расследования можно

говорить исключительно в широком масштабе, как об общем организационном принципе. Мы с этим не согласны. Нам ближе позиция С.И. Гирько, настаивающего на том, что такой узкий подход к трактовке «унификации» неприемлем, и что соответствующее понятие имеет и другие значения, раздвигающие рамки его интерпретации. Соглашаясь с этим, мы хотим сказать, что исходное понимание унификации как приведения формы к единству вполне применимо для понимания унификации отдельных институтов, производств и всего судопроизводства в целом. Унификация — это принцип организации исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, работающий на любом уровне предварительного расследования.

Подобный взгляд помогает лучше понять диалектическую связь унификации и дифференциации, представить их как переливающиеся и взаимно перетекающие явления. Исходя из этого, мы не можем полностью согласиться с М.П. Поляковым в том, что унификация является общим правилом конструирования уголовного судопроизводства, а дифференциация — исключение из него. Нам ближе позиция авторов, которые видят в унификации и дифференциации два полноценных метода организации уголовного судопроизводства [7, с. 70].

Формула взаимодействия этих равноправных и равноценных методов укладывается в классический закон материалистической диалектики — единства и борьбы противоположностей. Этот закон с вытекающими из него особенностями понимания общей идеи унификации следует положить в основание обновляемой теории унификации предварительного расследования. И достойное место в этой теории должны занять положения, позиционирующие унификацию и дифференциацию предварительного расследования как функционально конкурирующие организационные принципы исполнения уголовно-процессуальных обязанностей

Список литературы

1. Шишев В.С. Понятие унификации предварительного расследования в свете многомерности идеи унификации // // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 208-213.
2. Поляков М.П. Дифференциация и унификация как «инь» и «ян» современной проблематики предварительного расследования // Актуальные проблемы предварительного расследования: сборник научных статей по итогам Всероссийской конференции (18 октября 2018 г.). Н. Новгород, 2019. С. 298-304.
3. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М.С. Свиридова. Томск: Изд-во ТГУ, 2001.
4. Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
5. Цыганенко С.С. Общий и дифференцированные порядки уголовного судопроизводства: дис. ... канд. док. наук. СПб., 2004.
6. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Унификация#cite_note-bse-1

7. Гирько С.И. Унификация и дифференциация процессуальной формы применительно к ускоренному дознанию // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 1. № (1). С. 118-127.

8. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.

К.А. Шишпанов, начальник следственного управления МВД России по Республике Хакасия, г. Абакан

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ КАК ИСТОЧНИК ОБЯЗАННОСТЕЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В настоящее время ведется активная научная дискуссия по поводу места и роли в уголовном судопроизводстве как самого предварительного расследования, так и следователя, являющегося его центральной движущей фигурой. По этому поводу звучат самые различные предложения. Одни ученые предлагают понизить следователя до статуса оперативного работника, навсегда избавив его от функций, диктуемых целями предварительного расследования, другие, напротив, ратуют за то, чтобы возвысить статус следователя, трансформировав его в фигуру судебного следователя, обладающего более весомым процессуальным влиянием.

В этой связи традиционный и привычный участник уголовного процесса — следователь — становится ключевым субъектом в клубке различных функциональных противоречий. Эти противоречия вызывают заслуженное внимание у представителей науки уголовного процесса. Критическому анализу подвергаются и сами функции, которые приходится реализовывать следователю в современном уголовном процессе. Несмотря на то, что законодатель накрепко привязал следователя к функции обвинения, предложив забыть о прочих функциональных направлениях, не все ученые считают, что следователь должен исполнять исключительно эту функцию. И эти сомнения вызваны самой практикой уголовного судопроизводства.

Вопрос об истинных функциях следователя находится в центре дискуссий и окончательно не разрешен. До сих пор в научных кругах не выработано единой точки зрения на понимание самих процессуальных функций, а также функций, присущих именно следователю. Дебаты ведутся и вокруг темы основных и факультативных функций, свойственных и несвойственных следователю. И тем более до сих пор не сформирована научная концепция относительно системного понимания этих функций.

Следует акцентировать внимание на еще одном важном моменте: функциональная сторона деятельности следователя в последнее время рассматривается преимущественно в состязательном контексте. На наш взгляд, подобный подход есть своеобразная дань современному моменту, но никак не функциональной сути предназначения следователя. Очевидно, что вся система функций следователя

является производной от розыскного типа судопроизводства. Таким образом, налицо научная потребность в том, чтобы оценить систему функций следователя под преимущественно исследовательским (розыскным) углом.

В юридической науке поднимались самые разнообразные вопросы, касающиеся сущности и содержания следственной деятельности, а также статуса следователя и иных органов и субъектов расследования. Многие проблемы были разработаны досконально. Однако это не особо коснулось функционального анализа деятельности следователя. Несмотря на серьезную научную проработку вопросов функционирования следователя, системный подход к рассмотрению функций следователя в уголовном процессе осознанно и целенаправленно пока применялся не в полной мере. Наука в данном направлении следует преимущественно проторенным путем, причисляя следователя либо к триаде основных функций, либо только к функции предварительного расследования. Это слишком узкий подход, не отвечающий функциональной сущности деятельности следователя.

Вместе с тем научное знание о сущности и содержании функций следователя дает необходимое практическое знание о форме и структуре обязанностей, которые уголовное судопроизводство должно в силу принципа публичности возложить на следователя.

Для того чтобы четко очертить круг этих обязанностей, не взвалить на следователя ничего лишнего, равно как и не забыть о том, что ему выполнять необходимо, следует четко определиться в целом ряде теоретических положений, отражающих функциональную картину деятельности следователя. Именно эти положения мы и излагаем ниже.

Центральным вопросом о функциональном построении уголовного процесса выступает проблема основных функций. Сегодня в юридической теории ведущее место занимает концепция, укладывающая уголовно-процессуальную деятельность в три основных функции, — обвинения, защиты и разрешения дела. Однако эта концепция адекватно не отражает функциональной сущности отечественного уголовного судопроизводства. Стремление сторонников состязательной формы уголовного судопроизводства показать на доктринальном уровне, что три основных функции исчерпывают собой все основные направления уголовно-процессуальной деятельности, разбиваются о проблемы практического судопроизводства.

Трехзвенная система функций действительно является классической, но для уголовного процесса, понимаемого исключительно как судебное разбирательство. Именно в судебном заседании и конкретизируется этот функциональный треугольник. Досудебное же производство является весьма условным полем для классического выстраивания противоборства сторон. В чистом виде трехзвенная система функций там применена быть не может, поскольку монопольное право на этом этапе принадлежит функции предварительного расследования. Последняя же в этой неадекватной схеме в угоду принципу состязательности, с одной стороны, урезается до функции обвинения, а с другой — растягивается до функции защиты. В своеобразной форме на предварительном расследовании реализуется и функция разрешения уголовного дела.

Функция предварительного расследования может быть объявлена несуществующей в теории, но на практике она всегда проявляет себя абсолютно очевидно. Основная причина выведения функции предварительного расследования за скобки основных функций лежит в сфере современной идеологии уголовного процесса, которая пытается не просто игнорировать эту функцию, а предпринимает попытки ее изжить, чтобы она не мешала трансформации отечественного уголовного судопроизводства по схемам, чуждым его существу.

Однако следует помнить, что отечественный уголовный процесс является смешанным не только в технологическом, но и в идеологическом смысле. В нем в жесткой непримиримой конкуренции сосуществуют две идеологии — состязательная и розыскная.

Сторонники чистой состязательности настаивают на том, что принцип состязательности должен управлять не только судебными стадиями, но и досудебным производством. Но в реальной практике досудебное производство технологически не может быть местом полного воплощения состязательности. На досудебном этапе не может быть сторон в их классическом понимании. Какие-то элементы состязательности на досудебном этапе допустимы и полезны, однако постоянная конкуренция в процедуре установления значимых обстоятельств дела просто вредна для уголовного дела.

Досудебным производством движет розыскной технологический принцип, суть которого заключается в том, что должностное лицо устанавливает истину и одинаково выступает и на стороне обвинения, и на стороне защиты. И функциональным выражением розыскного принципа как раз и выступает функция предварительного расследования.

Именно поэтому функция предварительного расследования должна быть включена в систему основных функций уголовного процесса без всяких оговорок. Время, прошедшее после принятия УПК РФ, показало, что триада основных функций процесса, на которую делается указание в ст. 15 УПК РФ, не дает реальной функциональной картины отечественного уголовного процесса. Теоретическое признание этой функции, включение ее в образовательные стандарты и учебные программы позволит создать предпосылки для повышения практической эффективности досудебного этапа уголовного процесса и последующего рассмотрения уголовного дела в суде.

Научное осмысление функций следователя наукой сегодня осуществляется по двум направлениям. Условно их можно назвать функционально-аналитическим и функционально-синтетическим. Функционально-аналитическое направление пытается уяснить роль и потенциал участников уголовного судопроизводства через фрагментарно-структурированное представление о предмете посредством выведения из него системы различных функций. Функционально-синтетическое направление, напротив, стремится свести всю многогранную деятельность субъекта во всех ее красках и оттенках к одной главной функции. Оба эти направления весьма отчетливо проявляют себя и применительно к научной характеристике процессуальной фигуры следователя.

Функциональный подход к деятельности следователя во всем своем многообразии должен пристальное внимание уделять истинным основаниям системы

функций следователя. В современной действительности со следователем происходит странная ситуация, когда его второстепенные производные функции начинают претендовать на роль системообразующих. Именно поэтому функциональный подход к сущности деятельности следователя следует развивать, опираясь на новое знание о методологии и идеологии уголовного судопроизводства, а также на теорию уголовно-процессуальных обязанностей.

Предлагая смотреть на систему функций следователя как источник уголовно-процессуальных обязанностей, мы исходили из того, что в ходе развития уголовного судопроизводства постепенно сформировались две концепции функциональности следователя: первая — состязательная концепция монофункциональности; вторая — розыскная (инквизиционная) концепция полифункциональности следователя.

В состязательном типе уголовного процесса все многообразие функций следователя объективно сжимается в единственную функцию обвинения. Генетический полифункциональный потенциал следователя состязательным типом уголовного процесса игнорируется, точнее, не воспринимается на уровне «состязательного иммунитета». Это обстоятельство объясняет непреодолимое желание непременно превратить следователя в одну из сторон, без которой состязательное судопроизводство себя не представляет, — в сторону обвинения.

Концепция полифункциональности следователя рождается в обстановке, когда уголовное судопроизводство от обвинительного типа переходит в розыскной (инквизиционный) тип. В контексте розыскной технологии понятие сторон и значимость состязательного принципа отодвигается на второй план. Розыскной тип процесса порождает особого участника — следователя. Поэтому розыск порождает не смешение процессуальных функций, как это некритично сегодня на уровне аксиомы провозглашает юридическая доктрина, а полифункциональность центральной фигуры этого типа процесса — следователя. И этот следователь приводит в судопроизводство целый ряд новых функций и следующих за ними обязанностей.

Вместе со следователем приходит в уголовный процесс идея публичности, согласно которой следователь становится независимым от воли сторон, независимым он становится и от положения стороны. И одновременно обязанным совершать действия, нацеленные на реализацию уголовной ответственности. Это важнейшая установка, прямо вытекающая из розыскного начала. Поэтому всякий уголовный процесс, опирающийся на поисковую технологию (а отечественный уголовный процесс именно такой), не может в принципе причислять следователя к стороне обвинения. И в этой связи подход к функциональности следователя, имеющийся в УПК РФ, выглядит противоестественным, неслучайно все доводы в его поддержку носили психологический и идеологический характер.

В современном уголовном процессе нормативно провозглашенная монофункциональность следователя не отменяет эмпирических проявлений следственной полифункциональности, которая в свою очередь не может отрицать того факта, что процессуальный статус и миссия следователя формируют потребность иерархического построения множества функций вокруг одной системообразующей функции.

Имеющуюся полифункциональность следователя можно интегрировать в монофункциональность системы функций, в центре которой находится исследовательская функция, которая вытекает из основной функции уголовного процесса — функции предварительного расследования. Основную монофункцию уголовного процесса (предварительное расследование) можно представить как структурное выражение системы функций следователя. Когнитивная сторона ядра этой системы может быть выражена посредством терминологии — «инквизиционная функция». Слово «инквизиционный» в своей изначальной трактовке означает не что иное, как «исследовательский». Имя «инквизиционная функция» позволяет вернуться к истокам разыскного начала и, соответственно, запрограммировать эвристические обязанности следователя.

Следователь в современном уголовном процессе выполняет много функций. Все эти функции вполне возможно свести в единую систему. При тщательном изучении этой системы можно увидеть, что в ней есть элемент, который по праву может быть представлена как системообразующая функция. Это исследовательская функция, которая вытекает из основной функции уголовного процесса — функции предварительного расследования. Систообразующая инквизиционная функция задает курс устремленности следователя и предопределяет круг его обязанностей. Эта функция особенная и весьма позитивная. Особенность ее в том, что она не отрицает других основных функций и даже не конкурирует с ними. Она носит интегративный характер; это не только системообразующая функция в рамках системы функций следователя, но и синтетическая функция в рамках всего уголовного процесса.

Подчеркнем, инквизиционная функция не разрушает, не конкурирует, не отрицает других основных функций, более того, даже не вступает с ними в противоборство. Напротив, она объединяет в себе элементы и обвинения, и защиты, и разрешения уголовного дела. При этом само имя «инквизиционная функция» не эпатирует, а позволяет вернуться к истокам. Возвращение «инквизиционности» и взаимосвязанных с ней понятий в язык уголовно-процессуальной науки позволит снять важные методологические противоречия, которые возникли преимущественно вследствие идеологических причин. Очернение и принижение идеи инквизиционности понадобилось для того, чтобы обелить и возвысить идею состязательности. И не просто возвысить, а придать ей неконкурентные преимущества.

Инквизиционная функция особенная и весьма позитивная. Это не только системообразующая функция в рамках системы функций следователя, но и синтетическая функция в рамках всего уголовного процесса. Однако это специфический синтез. Это не слияние указанных функций, не перемешивание, это их попутное исполнение. Инквизиционная функция берет на себя роль функционального катализатора. Так, например, эта функция выполняет и защитную роль, когда следователь защищает невиновных тем, что изобличает виновных. Функция предварительного расследования через свою инквизиционную направленность в значительной мере реализует назначение уголовного процесса.

Следователь в уголовном процессе олицетворяет государственную службу. И в идеологическом смысле это имеет большое значение, в том числе и функци-

ональное. Именно с этих идеологических позиций сегодня и следует смотреть на функцию предварительного расследования и системообразующую инквизиционную функцию следователя. Через инквизиционную (исследовательскую) функцию следователя и открывается смысл профессии, смысл особого государственного служения, круг обязанностей, раскрывающих миссию следователя. Данная функция в статусе следователя является стержневой и системообразующей, а все прочие функции вращаются вокруг нее.

Ю.П. Шаплеров, к.ю.н., доцент, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, г. Могилев

ВЫНЕСЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПОЯВЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОБЯЗАННОСТИ

Вынесение постановления о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в его возбуждении является логическим финалом одноименной стадии уголовного процесса. Сегодня в УПК России и Беларуси включены нормы, в которых определяется порядок вынесения такого постановления, его структура и т.п., чего в уголовно-процессуальном законе не было еще ровно сто лет назад. Так, обязанность должностного лица органа уголовного преследования выносить постановление о возбуждении уголовного дела не предусматривалась как в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и предшествующих ему нормативных документах Российской империи, так и в первых декретах советской власти после 1917 г.

С принятием УПК РСФСР 1922 и 1923 гг., действие которых распространилось на территорию БССР, ситуация изменилась. В частности, несмотря на то, что УПК РСФСР 1923 г. в гл. VII «Возбуждение производства по уголовному делу» не содержал требований о необходимости вынесения соответствующего постановления, такое указание, касавшееся исключительно следователя, имелось в ст. 110, которая находилась в гл. IX «Общие условия предварительного следствия» названного кодекса. Данное обстоятельство С. Голунский в свое время пояснял тем, что в советском уголовно-процессуальном законе сохранилось «выработанное в буржуазном процессе деление предварительного расследования на дознание и предварительное следствие» и «ряд вытекающих из такого деления процессуальных ограничений для дознания» [1, с. 38]. Вместе с тем в 1920-е годы вынесение постановлений о возбуждении уголовного дела вошло и в практику большинства органов дознания [1, с. 39], видимо, в силу применения ими аналогии закона. Учитывая то обстоятельство, что подобный подход не основывался на буквальном толковании уголовно-процессуального закона, Народный комиссариат юстиции РСФСР в целях борьбы с формализмом при принятии решений о возбуждении уголовных дел своим циркуляром от 5 июля 1929 г. для констатации факта принятия указанного решения признал достаточным наличие на заявлении о преступлении следующей резолюции: «Возбудить уголовное дело по статье ... УК РСФСР» [1, с. 39; 2, с. 15]. Причем решение

народного комиссариата распространялось не только на органы дознания, но и на следователей, в связи с чем оно подверглось критике. И как следствие этого, по итогам выступления прокурора СССР А.Я. Вышинского на I Всесоюзном совещании прокурорско-следственных работников 23 апреля 1934 г. в п. 13 резолюции данного совещания было четко указано и в дальнейшем закреплено директивным письмом Прокурора СССР от 13 августа 1934 г. «О качестве расследования», что в целях недопущения необоснованного возбуждения уголовных дел начало расследования могло иметь место только в связи с вынесением следственным органом мотивированного постановления о возбуждении уголовного дела [1, с. 39; 2, с. 15], которое подлежало утверждению надзирающим прокурором [3, с. 157; 4, с. 100]. Последнее обстоятельство позволяло некоторым ученым в рассматриваемый период утверждать о некой привилегированности органов дознания по отношению к следователю, так как их постановления, исходя из буквального толкования положений названного директивного письма, прокурором не утверждались [4, с. 100]. Вместе с тем анализ архивных уголовных дел свидетельствует о том, что постановление дознавателя о возбуждении уголовного дела утверждалось начальником органа дознания и *санкционировались* прокурором [5, л. 1].

Позже для обеспечения единообразного понимания требований о процессуальном оформлении решения о возбуждении уголовного дела Прокурор СССР установил специальную форму данного постановления [2, с. 15], а в последующем соответствующие изменения были внесены и в УПК [6, с. 18]. Как указывал М.С. Строгович, в постановлении о возбуждении уголовного дела указывалось: 1) место и время вынесения постановления, название органа, принявшего решение; 2) повод к возбуждению уголовного дела; 3) основания к возбуждению уголовного дела, «т.е. указания на конкретные факты преступлений, о которых орган, возбуждающий дело, получил сведения»; 4) «юридические признаки ... состава преступления, т.е. соответствующая статья Уголовного кодекса» [3, с. 156]. Ну а правило об утверждении прокурором постановлений о возбуждении уголовных дел существовало практически до принятия Основ уголовного судопроизводства 1958 г. [7, с. 125].

На рассматриваемом историческом этапе также возникло и было нормативно сформулировано правило об облечении в форму постановления решения об отказе в возбуждении уголовного дела [3, с. 155].

Таким образом, подводя итог изложенному, необходимо указать, что именно 1920-1930-е гг. стали периодом возникновения обязанности следователя, органа дознания оформлять принятие решения о возбуждении уголовного дела, либо отказе в его возбуждении соответствующим постановлением.

Список литературы

1. Голунский С. О возбуждении уголовного преследования // Социалистическая законность. 1936. № 2. С. 38-42.
2. Швед А.И. Актуальные вопросы возбуждения уголовного дела в Республике Беларусь. Минск: Харвест, 2007. 432 с.

3. Строгович М.С. Уголовный процесс / Ин-т права АН СССР. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 311, [1] с.
4. Савицкий В.М. Вопросы расследования преступлений в связи с проектом УПК РСФСР // Советское государство и право. 1958. № 8. С. 99-105.
5. Уголовное дело № 6124 по убийству милиционера Славгородского РoМВД Суздалева В.А. от 12 марта 1949 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. Ф. 10. Д. 699.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР: официальный текст с изменениями на 15 апреля 1957 г. и с приложением систематизированных материалов. Минск: Редакция научно-технической литературы, 1957. 180 с.
7. Памятники российского права: в 35 т. Т. 29. Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР: учебно-научное пособие / под общ. ред. В.А. Лазаревой, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2016. 608 с.

А.Ю. Шуров, директор по экономической безопасности и режиму Государственного унитарного предприятия г. Севастополя «Севтеплоэнерго», г. Севастополь

РАЗЫСКНЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ИСТОЧНИК ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Всякий институт, всякая правовая норма несет в себе крупицу тех начал, на которые исторически опирается уголовное судопроизводство. Обязанность науки — тщательно и беспристрастно исследовать эти начала, ибо без их понимания невозможно двигаться к идеальной модели процесса. К сожалению, современной науке присуще асимметричное распределение научного внимания между состязательностью и розыском. Мода на состязательность, доминирующая последние тридцать лет, агрессивно препятствует проникновению тематики розыскных начал в сферы научного внимания. Данная тематика приветствуется преимущественно в критическом ключе. Несмотря на идеологические сдвиги и наметившиеся концептуальные перемены, наука по-прежнему работает в русле «преодоления розыскных начал» [1, с. 5] без глубокого их теоретического изучения. Наука избирательно подходит к розыскному типу процесса, высвечивая лишь те его стороны, которые могут быть вписаны в концепцию, акцентирующую внимание на тезисе «состязательность и розыск есть прямые противоположности». Таким образом, сам факт восхваления состязательности уже подразумевает понижение розыска.

Здесь налицо не только идеологическая подтасовка, но и исследовательское противоречие. Если розыск и состязательность позиционируются как противоположности, то почему существует диспропорция, акцентирующая внимание преимущественно на состязательности. Отсутствие полноценной теории розыска говорит о том, что проблематика состязательности тоже до сих пор не получила объективного научного освещения. Состязательность не может быть глубоко

понята без взвешенного теоретического взгляда на розыскной тип уголовного процесса. А этот взгляд предполагает беспристрастную оценку самой идеи розыска, понимание ее в рамках различных концепций.

Концепция уголовного процесса как государственной формы исполнения обязанностей перед обществом в области борьбы с преступностью и обеспечении социальной справедливости открывает исследователям новые стороны розыска. Не нужно тратить научные усилия на то, чтобы обвинять уголовный процесс розыскного типа в злом умысле. Этого умысла у него не было и нет. Уголовный процесс розыскного типа является уголовным процессом, опирающимся на идею обязанности государства перед гражданами в обеспечении социальной справедливости.

Обязанности — это не просто какой-то отвлеченный штрих к портрету уголовного процесса розыскного типа. Обязанности — это основа для смены типов процесса, для возникновения самой идеи розыска. Переход от принципа частной свободы в области судопроизводства к принципу государственного обязательства по изобличению и наказанию преступников есть явление закономерное. По мнению К.Б. Калиновского, закономерность эта выводится из идеи публичности [2]. По логике его размышлений, государство стало нуждаться в принципиально ином процессуальным инструменте, нежели «частно-состязательный» процесс, и этот инструмент возник также закономерно, как и само государство. Однако здесь неизбежно возникает вопрос: если закономерно, то из какого такого закона вытекает смена типов уголовного процесса?

А закон этот, по нашему мнению, заключается в том, что частное начало в уголовном процессе неизбежно вытесняется началом публичным, а свобода распоряжения правами сменяется системой обязанностей. По нашему мнению, и об уголовном процессе в полном смысле этого слова как виде государственной деятельности можно говорить лишь тогда, когда появляется принцип публичности, знаменующий эпоху уголовно-процессуальных обязанностей.

Принцип публичности заключается в самой идее возложения уголовно-процессуальных обязанностей полностью на государство. А вот эффективного средства исполнения этих обязанностей принцип публичности сам по себе не предлагает. Само по себе развитие государственности и публичный подход к борьбе с преступностью не порождают новой эвристической технологии судопроизводства, во всяком случае, в режиме закономерности. Вполне возможно допустить и обратную закономерность, согласно которой именно изобретение розыскной технологии процесса явилось предпосылкой разработки и внедрения принципа публичности в уголовное судопроизводство. Однако сам факт связи первопричины розыскной идеи с публичностью нам отрицать трудно. Более того, нам и не хочется его отрицать, поскольку есть все основания полагать, что путь к сущности розыскной идеи не может проходить в обход публичности. Идея публичности является необходимым идеологическим контекстом для развития уголовно-процессуального метода. Таким же контекстом является и концепция уголовно-процессуальных обязанностей. Таким образом, публичность возможно рассматривать как одну из причин, вызвавшую к жизни уголовный

процесс розыскного типа, но эта причина очевидно не является единственной и с высокой долей вероятности не является она и основной.

Переход к розыскному типу процесса как процессу уголовно-процессуальных обязанностей был закономерным. Однако это вовсе не значит, что он был эволюционным. Исторические отношения состязательности и розыска не укладываются в рамки линейной эволюции. Состязательный тип процесса в строгом смысле не является предшественником процесса розыскного типа, равно как и розыскной процесс не дарует жизнь процессу состязательному. Диспозитивность не является «матерью» публичности. Об отсутствии эволюционной преемственности состязательного и розыскного типов процесса можно говорить не только в методологическом, но и в хронологическом смысле. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос о том, что в глубокой исторической ретроспективе возникло раньше. И нет обоснованного предположения, что в далекой перспективе раньше исчезнет.

Состязательность и розыск связывают не эволюционные, а революционные отношения. Революция — это коренная смена в первую очередь мировоззрения и идеологии. Без предварительных мировоззренческих перемен революций просто не может быть. И уголовное судопроизводство в этом плане не является исключением. Здесь тоже случаются революции. В ситуации с генезисом розыскного процесса действительно поменялась не только технология, но и идеология уголовного судопроизводства. В основу процесса была положена совершенно новая концепция. И сам собой напрашивается вопрос — какая это идеология и какой ее главный концепт? И не являются ли этим концептом именно уголовно-процессуальные обязанности?

Чтобы понять это, необходимо выявить не просто новую для того времени идеологию, а идеологию именно революционную, с ее особенными революционными концептуальными основаниями. Ответ на вопрос о причинах превращения состязательного процесса в розыскной (инквизиционный) лежит в плоскости именно идеологической. Хотя технологические аспекты проблемы также нельзя упускать из внимания. «Превращение» означает кардинальные, сущностные перемены, неузнаваемость исходного объекта. И в случае со сменой типов уголовного процесса слово «превращение» является очень подходящим. Один тип процесса превратился в другой, причем другой принципиально. Однако что способствовало подобному превращению? И можно ли вообще вести речь о превращении как о некоем эволюционном шаге?

Для ответа на вопрос прибегнем к методу аналогии и попробуем сравнить, например, лошадь и автомобиль; сравнить в контексте эволюции средств перемещения людей и грузов. Оба этих «объекта», как известно, являются тягловыми (транспортными) средствами. И в исторической плоскости второй, по сути, пришел на смену первой. Однако можно ли говорить о том, что лошадь в свое время чудесным образом превратилась в автомобиль? С одной стороны, подобный взгляд весьма сомнителен, поскольку автомобиль возник не путем совершенствования лошади, а путем улучшения самой идеи тяглого средства, в том числе и путем решения задачи увеличения лошадиных сил без участия лошади.

И, возможно, такое превращение стало реальным по причине прогресса научно-технической мысли (научно-технической революции).

Однако едва ли можно отрицать и тот факт, что автомобиль, паровоз и другие машины, предназначенные для перемещения людей и грузов, изначально возникли в русле потребности усовершенствования лошади; потребности, вытекающей из ограниченности лошадиной силы. Неслучайно до сих пор мощность агрегатов измеряется в том числе и в лошадиных силах (дабы в очередной раз умалить эту лошадиную силу). И именно скудные мощности одной лошадиной силы и послужили толчком к поиску путей совершенствования средств тяги. Экстенсивный путь (формирование коллективных упряжек, выведение пород тяжеловозов и т.п.) не мог быть признан эффективным.

Вместе с тем разум человечества смог выйти за пределы «тягловой лошадиной идеи» лишь тогда, когда стал способен воспринять идею двигателя, использующего «неживой» источник силы. Реальное практическое осуществление эта идея получила лишь тогда, когда возникли определенные технические предпосылки для ее реализации. Инженеры воплотили идею в общий принцип двигателя, приводимого в движение не лошадь. Принцип двигателя был общим, но, тем не менее, оказался пригодным и для различных специфических процессов — для движения по суше, по воде, по воздуху и т.д.

Нас могут поправить в том плане, что мы, возможно, неправильно выбрали объекты для сравнения. С методологической точки зрения более уместно сравнивать автомобиль не с лошадь, а с лошадь, запряженной в повозку, или же лошадь сопоставлять с автомобильным двигателем. Но для достижения целей нашего исследования это не имеет особого значения. Мы готовы согласиться с тем, что идея автомобиля выросла не из ущербности лошади, а из мечты о повозке, которая могла бы двигаться без лошади. Идеальная система представлялась таким образом, что лошадиная сила в повозке осталась, а лошадь исчезла. Однако и здесь мы не обходимся в размышлениях без лошади как своеобразной точки отсчета, только вопрос ставим несколько иначе: говорим не об усовершенствовании лошади, а о замене ее принципиально новым источником силы. Так или иначе, лошадь в наших рассуждениях обозначает лишь устаревший принцип тяги.

Приведенная выше аналогия позволяет нам поставить ряд дополнительных вопросов, которые возможно помогут пролить свет на загадки происхождения процесса розыскного типа, на предпосылки его превращения из процесса «состязательного и гласного процесса в процесс розыскной и тайный».

И основной вопрос здесь — какие революционные события, в каких отраслях общественной жизни могли благоприятствовать появлению идеи розыска и внедрению ее в практическую деятельность? Иными словами, революцию в области процесса необходимо увязать с революцией более высокого порядка. С теми переменами, которые вызвали серьезные мировоззренческие сдвиги, повлиявшие на многие сферы общественной жизни.

Подчеркнем, что нас интересуют в первую очередь революции в области мировоззрения. Если взять для сравнения идею того же автомобильного двига-

теля (мы опять обращаемся к аналогии), то из мечты в реальность она превратилась на волне революционного развития естественных наук, открытия новых источников энергии, в том числе тепловой энергии (например, энергии пара) и совершенствования теоретических представлений о природе перехода одного вида энергии в другой. И эти открытия в науке были соединены инженерами с потребностями практики.

Однако идеологическим фоном для этого соединения послужила мечта-идея о самодвижущемся механизме. Для того чтобы инструментально прорваться в мир новых технических идей, человеку необходимо было совершить очень важный мировоззренческий шаг: понять и принять идею, что естественным управляемым источником силы движения в этом мире могут быть не только люди и тягловые животные, но и нечто принципиально другое — чудесное, но не сверхъестественное. И человеческая мысль, вырвавшись за рамки этого стереотипа, разглядела совершенно иные принципиальные и технические возможности. Но, подчеркнем, такому повороту в сознании способствовала целая мировоззренческая революция, результатом которой стало открытие нового технологического принципа.

Продолжая опираться на аналогию, мы можем предположить, что уголовный процесс олицетворяет собой общую идею движения. На то он и процесс — от лат. *Processus* — «течение», «ход», «продвижение», а типы процесса — это условные тягловые средства, которые являются его движущей силой. Следовательно, идея движения, оставаясь неизменной по своей сути, для своего более эффективного воплощения требует новых источников силы. И таковыми источниками в нашем случае могут рассматриваться новые идеологические основания и вытекающие из них методологические принципы.

Эта посылка сама собой распадается на более частные вопросы. Во-первых, очень любопытно узнать, что же явилось толчком для того, чтобы «источник движения» процедурного предшественника розыскного процесса был признан негодным, и появилась осознанная потребность поиска более мощной замены. А для этого (это второй вопрос) нужно уяснить, что же являлось принципиальным источником движущей силы обвинительного (частно-состязательного) процесса с его поединками, ордалиями, очистительными присягами? Нужно непременно понять, чем же принципиально отличным от предыдущего был заменен этот источник силы в процессе розыска? Из какой общей идеи выросла эта новая движущая сила? И в какой идеологической среде она была осознана в качестве реального средства, пригодного для использования в сфере судопроизводства?

Таким образом, идею розыска необходимо рассматривать в широком историческом и географическом контексте, включающем в себя различные эпохальные и едва заметные события в области идеологии и мировоззрения. Подобный подход в науке был не раз успешно применен в жизни. Им, в частности, активно пользовался известный ученый Л.Н. Гумилев, автор теории этногенеза. Пользовался сам и рекомендовал другим. Так, С.В. Ямщиков (друг Л.Н. Гумилева) вспоминает: «Во время прогулки по Изборской долине я услышал от него слова,

всю мудрость которых мне еще предстояло оценить. А сказал Лев Николаевич так: „Вы занимаетесь реставрацией памятников, изучением древнерусской живописи, организуете выставки. Это очень важно и хорошо. Но если вы пишете, скажем, о псковской иконе XV века, Вы должны знать, что в это время происходило в Париже, в Лондоне, в Пекине. Только так можно правильно осознать смысл псковского памятника. Настолько тесно все было связано тогда, да и во все другие периоды. Знать надо обязательно“» [3].

Это научно-методическое пожелание Л.Н. Гумилева С.В. Ямщикову произвело на нас большое впечатление. Мы, по сути, тоже занимаемся реставрацией разыскной идеи. И, следовательно, для понимания сущности нам необходимо разглядеть ее идеологические и методологические предпосылки, скрывающиеся в важнейших событиях той эпохи, откуда берет свое начало уголовный процесс разыскного типа. Причем разглядеть даже мельчайшие предпосылки, неявные, косвенные и, казалось бы, совсем не относящиеся к уголовному судопроизводству.

Истоки разыскной идеи следует искать, в том числе, и в истоках общей идеи уголовного процесса. Если идея автомобиля, как мы полагаем, вырастает из мечты о самодвижущейся повозке, то и идея уголовного процесса определенного типа должна выводиться из мечты об идеальном устройстве процесса, которое в свою очередь может быть сведено к вполне конкретному технологическому принципу.

И здесь попутно возникает другая исследовательская задача (факультативная) — выяснить, свойственно ли мечтать представителям науки уголовного процесса. Есть ли у этой науки мечта, выражающаяся в фантастическом образе уголовного судопроизводства. Пока нам на память приходит только один сюжет о «чудесном образе» уголовного судопроизводства. С ним мы познакомились в статье профессора М.П. Полякова о Нижегородской школе процессуалистов, в которой он косвенно дает понять, что мечты об идеальном процессе были не чужды основателю этой научной школы профессору В.Т. Томину, написавшему в свою очередь в своей книге «Уголовное судопроизводство: революция продолжается», что для кардинальной перестройки уголовного судопроизводства непременно нужна революция; что только революционные преобразования могут явить миру юридическое чудо — первый в мировой истории уголовный процесс, который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности» [4, с. 24].

И хотя сам профессор В.Т. Томин, как видим, не использует слово «мечта», вполне допустимо говорить о том, что именно она имеется в виду. Это — уголовный процесс, реально обеспечивающий свою главную социальную обязанность — неотвратимость уголовной ответственности. Народная мечта об этой справедливости должна находить свое процедурное воплощение.

Но есть подозрение, что наука не особо хочет мечтать в этом направлении. В настоящее время в юридической науке стала обнаруживать себя тенденция отказа от неотвратимости уголовной ответственности как принципа уголовного

права. Звучат призывы к тому, чтобы не только не реализовывать, но уже даже и не декларировать идею неотвратимости ответственности.

«По нашему глубокому убеждению, — пишет Т.Р. Сабитов, — принцип свойственен уголовному праву только тогда, когда он реализуется в нормах уголовного законодательства. Если в отечественном уголовном законодательстве данный принцип не реализуется или «не всегда реализуется», то о нем и нет смысла вести речь. Таким образом, на наш взгляд, к сожалению, в настоящее время принцип неотвратимости ответственности не является принципом российского уголовного права, а его существование запечатлено только в истории» [5, с. 65].

У нас была мысль связать отказ от идеи неотвратимости ответственности в уголовном праве с тем фактом, что виновато в этом несовершенно уголовное судопроизводство, которое не в состоянии обеспечить реализацию этого принципа. Но думается, что причина не в этом. Возникновение подобного подхода есть проявление очень опасной идеологической тенденции: современное государство не без помощи науки готовит почву для отхода от «миссионерского» подхода к борьбе с преступностью. Эта тема устраняется не только из контекста миссии, но и из контекста конкретных задач уголовного судопроизводства.

Однако нам представляется, что это пораженческий курс, курс на понижение. Для современной науки уголовного процесса от народной мечты отказываться не пристало: «Вор должен сидеть в тюрьме!». Отыскание сущности идеи розыска — есть важнейший шаг на пути к осуществлению мечты об уголовном процессе, от которого не смог бы ускользнуть ни один даже самый изощренный преступник.

И одним из штрихов к этой сущности является понимание того, что розыскные начала уголовного процесса воплощают в себе идею государственного обязательства по обеспечению социальной справедливости.

Список литературы

1. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000.
2. Калиновский К.Б. Основные виды уголовного судопроизводства: учебное пособие. СПб., 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/p/2002-132.htm>
3. Ямщиков С. Счастье общения // Лев Гумилев: Судьба и идеи / С.Б. Лавров и др. М.: Айрис-пресс, 2007.
4. Поляков М.П. Нижегородская школа процессуалистов // Уголовный процесс: Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2013.
5. Сабитов Т.Р. О принципе неотвратимости ответственности в российском уголовном законодательстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. С. 65.

Т.В. Юринова, ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

ДЛЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НАДО СОЗДАТЬ УСЛОВИЯ: ВЗГЛЯД ПРАКТИКА

Проблема надлежащего исполнения следователем уголовно-процессуальных обязанностей с давних пор является крайне актуальной. Более того, ее актуальность возрастает, поскольку за последние годы результаты раскрытия и расследования преступлений остаются низкими, практически каждое четвертое преступление остается нераскрытым. А это влечет за собой негативные оценки деятельности правоохранительных органов со стороны граждан, потерпевших от преступлений.

Обращение к указанной теме обусловлено и тем, что целый ряд вопросов, от которых зависит надлежащее исполнение своих обязанностей следователем, лежит не в области правового регулирования его деятельности, а в области организации работы по раскрытию и расследованию преступлений. К этому выводу мы приходим на основе анализа своей 25-летней практической деятельности в следственных подразделениях органов внутренних дел, как говорят, «на земле», в том числе и в качестве руководителя.

Не претендуя на всестороннее исследование проблемы, выскажу лишь некоторые свои суждения, которые, с моей точки зрения, являются достаточно обоснованными. Постоянно наблюдаю за работой коллег-следователей и прихожу к выводу, что наши оценки ситуации в целом совпадают.

В соответствии со ст. 21 УПК РФ следователь обязан осуществлять уголовное преследование от имени государства и принимать меры по установлению события преступления и изобличению виновного лица или лиц их совершивших. Непроведение всех необходимых следственных действий, направленных на раскрытие и расследование преступления, как правило, приводит к приостановлению предварительного следствия на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого и нарушению прав потерпевших от преступлений.

Как представляется, причины неисполнения или ненадлежащего исполнения следователями процессуальных обязанностей кроются в отсутствии условий, обеспечивающих нормальную и плодотворную работу. Так, согласно п. 1 ч. 1 ст. 11 ФЗ от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» [2] сотрудник имеет право на условия, необходимые для выполнения служебных обязанностей, профессиональное развитие и на надлежащие организационно-технические условия службы. Однако обязанности за руководителями в сфере внутренних дел по созданию таких условий Положением не предусмотрено. Поэтому на практике за эти права, т.е. необходимые условия для выполнения своих обязанностей, сотрудник, как это ни парадоксально, должен «бороться». Обстоятельств, которые препятствуют эффективной работе,

достаточно много. И главное здесь — крайне высокая нагрузка по материалам доследственных проверок и по уголовным делам; суточное дежурство в составе следственно-оперативной группы; выполнение технической работы при оформлении материалов в суд; ведении разного рода учетов; составление справок по выполнению указаний руководителей следственных подразделений, по выполнению требований прокуроров — и все это при росте требований к качеству материалов, к срокам исполнения при отсутствии нормального материально-технического обеспечения и невысокой заработной плате.

Практически ежедневно следователь находится в таком положении, что должен умудряться изыскивать время для исполнения своих непосредственных обязанностей, возложенных уголовно-процессуальным законом.

Рассмотрим более подробно причины неисполнения или ненадлежащего исполнения следователями процессуальных обязанностей. Они из сферы организации их работы.

Во-первых, начнем с анализа его работы в «дежурные сутки». Следователь, получивший сообщение о преступлении, должен провести осмотр места происшествия, опросить потерпевшего, опросить лиц, которым что-либо известно о совершенном преступлении, назначить необходимые экспертизы или исследования, направить запросы в организации или учреждения, составить план следственно-оперативных мероприятий, состоящий не менее чем из 3 версий и перечня мероприятий по их проверке, напечатать поручения органу дознания о проведении розыскных мероприятий или следственных действий, следовательно, в это время он просто физически не может проводить расследование по другим уголовным делам, находящимся в производстве. И даже вышперечисленное не всегда может выполнить в полном объеме, так как выезжает на осмотр места происшествия в дежурные сутки до 10 раз и более, в том числе и по преступлениям, подследственным органу дознания и по административным правонарушениям.

Дежурный следователь дорабатывает материалы до 12-13 часов следующих суток, фактически работая по 28-30 часов. Учитывая некомплект в каждом городском подразделении, следователи дежурят практически еженедельно (в некоторых отделах и по 2 раза в неделю).

Во-вторых, никто из ученых и практиков не подсчитывал, сколько времени требуется следователю для решения организационных вопросов по проведению таких следственных действий, как проверка показаний на месте, следственный эксперимент, проведение обыска, когда необходимо решить вопрос с транспортом, статистами, понятыми. При оформлении материалов, направляемых в суд с ходатайством об избрании меры пресечения, о проведении обыска, о снятии информации с технических каналов связи и др., следователь помимо вынесения соответствующего постановления копирует материалы уголовного дела, составляет описание, подшивает материал и лично доставляет их в прокуратуру и суд.

Кроме этого, необходимо время для решения таких вопросов, как сдача и получение вещественных доказательств из камеры хранения, их уничтожение по приговору суда с составлением соответствующего акта, постановка на учет

похищенных номерных предметов, составление документов по оплате труда специалистов (при проведении комплексных экспертиз), составление статистических карточек по движению уголовных дел (программа государственной автоматической системы по правовой статистике в Алтайском крае еще не работает) и т.д.

А в это время по другому уголовному делу истекает срок следствия, необходимо ознакомить с материалами участников уголовного процесса, составить обвинительное заключение или получить материал для немедленного возбуждения уголовного дела, либо задержать подозреваемого, либо срочно предоставить справку по уголовному делу по исполнению ранее полученных указаний и так далее. Таким образом, происходит «накладка», когда в одно и то же время необходимо выполнить сразу несколько заданий. В лучшем случае следователь составит обвинительное заключение ночью, либо с нарушением срока в другой день.

В-третьих, отдельно стоит проблема о затратах времени, которое необходимо следователю для согласования вопроса о продлении срока следствия до четырех и более месяцев руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации.

Следуя ст. 162 УПК РФ и Инструкции «По организации процессуального контроля при продлении сроков предварительного следствия и содержания под стражей, установлении сроков расследования по уголовным делам», разработанной Главным следственным управлением ГУ МВД России по Алтайскому краю, в срок не позднее 5 суток до дня истечения срока следствия следователь должен составить 7 документов, это: мотивированное постановление о продлении; справка по делу с датами проведения следственных действий; справка по доказательствам; отдельная справка о движении уголовного дела; план дальнейшего расследования; справка об ущербе с указанием мер, принятых для его возмещения, а также протокол проведенного оперативного совещания о причинах продления.

В специально установленные дни недели следователь и руководитель следственного подразделения прибывают на совещание в следственное управление, где их документы проверяют, а затем в порядке живой очереди заходят к руководителю.

При подготовке к продлению срока следствия и его согласовании полтора-два дня (с учетом поездки в краевой центр) по другим уголовным делам расследование практически не проводится. До настоящего времени не было ни одного случая отказа руководителем в продлении срока следствия. Возникает вопрос, для чего столько времени теряет следователь для решения этого вопроса по одним делам и не исполняет обязанности по расследованию преступлений по другим, по которым в последующем причины невыполнения всех следственных действий никого не будут интересовать.

В-четвертых, рассмотрим вопрос, из чего складывается нагрузка по уголовным делам. Помимо их возбуждения плюсом идут уголовные дела с отменным решением о приостановлении предварительного следствия и уголовные

дела, переданные из органа дознания по истечении 6 месяцев расследования. Согласно п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор наделяется правом изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи. Как правило, ссылаются на особую сложность, а по факту — это неисполнение дознавателем процессуальных обязанностей опять же по причине высокой нагрузки.

По таким делам бывает невозможно восполнить то, что упущено на начальном этапе дознания и результат расследования таких дел — их дальнейшее приостановление на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Как правило, расследование нераскрытых преступлений возложено на следователя (фактиста), в руках которого бывает до 100 и более уголовных дел.

При такой нагрузке следователь в рабочее время может только возбудить несколько уголовных дел, составить шаблонные планы о проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий с «дежурными» версиями, в которых нет индивидуальности совершенного преступления и мыслительной деятельности следователя; приобщить справки от органа дознания без информации, представляющей какой-либо интерес; назначить необходимые экспертизы и допросить потерпевших, вынести несколько постановлений в день о приостановлении предварительного следствия и составить статистические карточки о принятом решении. При этом данный следователь включен в группу по раскрытию и расследованию тяжких преступлений, соответственно, должен участвовать в разного рода совещаниях с заслушиванием о ходе их расследования.

Здесь не стоит вопрос о выборе следователем направления расследования, скорее, напоминает работу «диспетчеров» по возбуждению уголовных дел и приостановлению предварительного следствия.

Планировать работу следователям сложно, их планы постоянно корректируются и меняются в соответствии с поступившими новыми заданиями и проводимыми мероприятиями органов внутренних дел.

Работа в условиях многозадачности утрачивает эффективность и качество проведенных следственных действий, которые выясняются при проверке уголовного дела перед направлением его прокурору. Расследование уголовного дела идет, что называется «с колес». Раскроют преступление в первые трое суток, проведут все следственные и процессуальные действия, уголовное дело с обвинительным заключением направят прокурору. Если в этот срок не установят лицо, в последующем все реже и реже будут к нему возвращаться, так как поступают все новые сообщения о преступлениях.

В-пятых, отсутствие материальных, технических ресурсов и транспорта также не способствует своевременному и качественному осуществлению расследования. Поэтому, если хочешь работать следователем, будь готов к использованию личного компьютера, заправке принтера, приобретению бумаги, эксплуатации личного транспорта, участию в ремонте и заправке служебного автомобиля.

Также немаловажным является вопрос по заработной плате. В настоящее время оклады сотрудников следствия органов внутренних дел самые низкие сре-

ди других ведомств, осуществляющих предварительное следствие. Нет ежеквартальных премий, нет так называемой «вилки» в установлении окладов, отсюда вывод, зачем оканчивать расследование с составлением обвинительного заключения больше, чем по двум уголовным делам в месяц. В такие условия следователь поставлен как организацией его работы в целом, так и отсутствием заинтересованности. Оплата труда за совмещение должностей и увеличение объема работы не производится.

В ходе опроса следователи поясняли, что необходимо исключить факты расходования личных денежных средств на нужды службы, а также указывали на необходимость проведения ремонта в кабинетах, их качественного освещения, обеспечения мебелью, компьютерами и бумагой в достаточном количестве, а также повышения заработной платы.

В-шестых, количественный показатель оптимальной нагрузки на одного следователя до сих пор не нашел закрепления в ведомственных нормативно-правовых актах, что не позволяет на нормативно закреплённой основе регулировать нагрузку в следственных подразделениях.

Результаты работы органов предварительного следствия за 2021 г. свидетельствуют о том, что в производстве следователей МВД России по Алтайскому краю находилось 35603 уголовных дела [5], при этом нагрузка на одну штатную единицу составила 50,5 уголовных дела и 5030 материалов, по которым принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, нагрузка составила 8,4 материала. Это статистический расчет. Если убрать количество сотрудников следствия, не обладающих полномочиями, предусмотренными ст. 38 УПК РФ, это следователи, входящие в состав организационно-аналитических, зональных, контрольно-методических и других отделов следственных управлений, статистических сотрудников органов следствия, которые не расследуют уголовные дела, не должны учитываться в расчете по нагрузке (они и именоваться должны по-другому, например, специалист следственного управления).

Также необходимо учитывать некомплект сотрудников следствия и естественные причины, не позволяющие расследовать уголовные дела, это нахождение в отпуске или по временной нетрудоспособности. В этом случае нагрузка на одного следователя составит 71,2 уголовных дела и 11,9 отказных материалов.

В 2021 г. производство предварительного следствия приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого по 20620 уголовным делам, а направлено в суд с обвинительным заключением 5547, что в 3,7 раза меньше, чем приостановлено¹.

В седьмых, рассмотрим вопрос об организации работы следователя за одну рабочую неделю, из которой 4 дня заняты на следующие мероприятия: участие в занятиях по служебной, боевой и физической подготовке; осуществление суточного дежурства (либо вторым дежурным до 22 часов); отдых после дежурства и один выходной день, а также участие в совещаниях (общих, специальных,

¹ Сведения об основных показателях работы органов предварительного следствия и дознания в органах внутренних дел за 2021 год по Алтайскому краю получены путем личного опроса (бесед) дознавателей, следователей и их ведомственных руководителей.

внеплановых), когда максимум, что успевают делать следователи, это вынести различные постановления, планы, поручения, возобновить и прекратить уголовные дела в связи с истечением срока давности. В оставшиеся свободные 3 дня в неделю следователь может проводить следственные действия по уголовным делам, находящимся в производстве. Из опроса следователей следует, что могут провести от 4 до 6 следственных действий (смотря от вида и сложности).

Таким образом, на расследование уголовных дел, когда следователь не отвлекается на исполнение других задач, остается 12-13 дней в месяц. Из положенных по ч. 1 ст. 162 УПК РФ двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела следователь должен расследовать его за один неполный месяц, а так как не успевает провести все следственные действия, вынужден продлевать срок следствия.

Например, в одном из следственных отделов по г. Барнаулу на 2 мая 2022 г. остаток составил 400 уголовных дел на 17 следователей, это 23,5 дела в месяц на одного, при всей занятости на другие мероприятия одному уголовному делу (из 23) можно уделить только 5 минут день. Конечно же, следователь работает по 1-2 уголовным делам, а остальные «ждут своей очереди».

Ни о какой специализации следователей по расследованию отдельных категорий преступлений речи не идет (хотя соответствующие приказы имеются в каждом подразделении). К слову, у врачей есть специализация терапевт, невролог, стоматолог и т.д., а в следствии все следователи специалисты на все руки — и экономика, и наркотики, мошенничества, компьютерные преступления, и сложные многоэпизодные дела, и т.д. Следователи считают, если вникать в одном направлении, было бы больше возможности разобраться с конкретным видом преступления.

В связи с высокой нагрузкой по уголовным делам и отказным материалам, отвлечением на другие мероприятия у следователя практически нет времени на проведение аналитической работы по таким делам, на обучение и изучение специальной литературы и специальных программ, методических рекомендаций, алгоритмов и инструкций. Сама организация работы не позволяет следователю этим заниматься.

Органы внутренних дел строят работу по отношению к органам предварительного следствия исключительно на проведении различного рода оперативных совещаний по вопросу о том, что не выполнено по уголовному делу. Никого не интересует нагрузка, суточные дежурства, отсутствие оргтехники, некомплект, отвлечение на решение других задач (в том числе по охране общественного порядка на массовых мероприятиях), при этом допускается некорректное отношение и пренебрежение работой следователя. Возникает вопрос, почему следователи — сотрудники юстиции до сих пор находятся в полиции и частично выполняют их функции?

Из опроса следователей следует, что высокая нагрузка и проведение большого количества совещаний, составление разного рода табличек по учету работы, перспективе окончания расследования, не способствуют раскрытию преступлений и качеству расследования уголовных дел.

Учитывая изложенное, давно назрел вопрос о создании единой федеральной службы по раскрытию и расследованию преступлений. Служба, работа которой будет заключаться только в расследовании преступлений и неуклонном соблюдении законности, защите конституционных прав участников уголовного судопроизводства.

Попытка создания единого следственного аппарата была предпринята в Законе «О Следственном комитете Российской Федерации», который был принят в 1993 г. обеими палатами Федерального Собрания РФ, однако не был подписан Президентом [4, с. 81].

Обсуждения о создании такого аппарата (ведомства, службы) происходят не один десяток лет. Для его действительности необходимы также оперативные и экспертные службы. Работа следователей может быть построена по действующему УПК (ст. 151), каждое ведомство, которое действует сейчас, будет работать по своему направлению, соблюдая подследственность.

За многие годы работы мной опрошено более 200 следователей и руководителей следственных подразделений, в результате чего делаю вывод о том, что основная масса сотрудников высказывается за создание единой службы по расследованию преступлений. Единицы из опрошенных имеют мнение о невозможности реорганизации следственных органов, как ввиду ухудшения показателей работы органов внутренних дел по раскрытию преступлений, так и больших затрат на содержание данной службы для государства, либо решение этого вопроса им неинтересно.

Приведу такой пример, когда назрел вопрос о государственной и общественной безопасности, то достаточно оперативно был решен вопрос о создании Федеральной службы войск национальной гвардии, куда вошли вневедомственная охрана, осуществляющая охрану объектов (и зарабатывающая деньги), лицензионно-разрешительная система (по контролю за обороты оружия), спецподразделения ОМОН, СОБР и авиация.

Контроль, который осуществляется сейчас со стороны вышестоящих следственных органов, прокуратуры, органов внутренних дел и судов, не способствует качественному расследованию уголовных дел, так как он вовсе не направлен на устранение выявленных недостатков и повышение эффективности работы (иначе бы в МВД Российской Федерации направлялись соответствующие предложения), а направлен исключительно на выявление нарушений и привлечение сотрудников следствия к дисциплинарной ответственности, что порождает отток кадров из следственных подразделений.

Полагаю, что до решения глобального вопроса по реорганизации органов предварительного следствия, но в целях оптимизации их работы можно решить следующие вопросы:

1. Согласно Положению «Об организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии и расследовании преступлений» [3] целесообразно создать группу из дежурных следователей сутки-трое, по принципу работы дежурных частей отделов полиции, которые по нарабатанному алгоритму будут дорабатывать материалы дежурных суток, при-

нимать решения об отказе в возбуждении уголовного дела, чем разгрузят других следователей, занятых расследованием уголовных дел.

2. Ввести в штат городских отделов по расследованию преступлений помощников следователей для производства оформительской и технической работы, ведения архива уголовных дел, ведения различных видов учетов (17 предусмотрено только Примерным положением о следственном управлении (отделе, отделении, следственной группе) территориального органа внутренних дел Алтайского края).

3. Динамично решать вопрос об увеличении штата, если в следственном подразделении постоянно превышает нагрузку по уголовным делам, находящимся в производстве. При этом следует предположить, что оптимальной нагрузкой на одного следователя должно быть не более 5-6 уголовных дел (в зависимости от сложности) и повысить размер денежного содержания.

4. Необходимо дальнейшее совершенствование Уголовно-процессуального законодательства, в частности внесение в ч. 5 ст. 223 УПК РФ дополнений, предусматривающих возможность продления (возобновления) сроков дознания до 12 месяцев у прокурора субъекта Российской Федерации, в целях повышения ответственности дознавателей за расследуемые уголовные дела и предоставления им права принятия самостоятельных окончательных процессуальных решений.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что для надлежащего исполнения процессуальных обязанностей следователем требуется лишь создать условия для их выполнения.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2005–2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.04.2020).

2. Федеральный Закон Российской Федерации от 30.11.2011 № 342-ФЗ (в ред. от 05.10.2015) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2022).

3. Приказ МВД России от 29.04.2015 № 495 «Об утверждении Инструкции по организации совместно оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел» // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 18.04.2022).

4. Огородов А.Н. Генезис процессуальной самостоятельности следователя // Вопросы российского и международного права. 2016. № 5. С. 79-86.

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ И ИНЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

*А.С. Александров, д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород*

*И.А. Александрова, д.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России,
г. Нижний Новгород*

СЛЕДСТВЕННАЯ ФОРМА КАК НЕИЗМЕННОЕ СРЕДСТВО ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

«Луна и солнце побледнели, созвездья
Форму изменили. Движенье сделалось
тягучим, и время стало, как песок».
*Хармс Д. «Постоянство веселья и грязи»
(1933 г.)*

С февраля 2022 г., как принято сейчас говорить, наступила новая эпоха в истории России. Предыдущая постсоветская история, связанная с попыткой интегрироваться в мировое, европейское правовое пространство, завершилась. Началась война с Западом — «империей лжи», что неминуемо означает смену парадигмы развития и уголовно-процессуальной науки. Это должна быть иная парадигма, причем уже новой научной специальности — 5.1.4 (уголовно-правовые науки).

Означает ли наступление новой эры отказ от концептов правового государства, состязательного судопроизводства, под знаменем которых проводилось правовое строительство в свободной демократической России после падения СССР?

Ответ на этот вопрос, полагаем, надо искать в конституционной реформе, которая произошла 01.07.2020. Мы имеем в виду часть вторую ст. 67.1 Конституции России¹, согласно которой Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / Поправки, внесенные Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 3 1-ФКЗ, вступили в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента РФ от 03.07.2020 № 445). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.04.2022).

Президент России В.В. Путин 9 мая 2022 г. заявил: «Мы никогда не откажемся от любви к Родине, от веры и традиционных ценностей, от обычаев предков» [1].

Очевидно, что выражение верности традиционным ценностям, обычаям предков, преемственности в развитии и должно составлять парадигму российской юридической науки, включая науки по специальности 5.1.4.

Если брать сферу уголовного судопроизводства, то о каких ценностях, традициях, обычаях надо говорить? Ответ очевиден — это ценности следственного уголовного процесса, это следственная традиция, следственные обычаи. О преемственности в развитии следственного (поискового) типа русского уголовного процесса надо вести речи «правильному ученому».

Однако как в таком случае быть с ценностями, которые по-прежнему официально закреплены в Конституции РФ и которые не вполне вписываются в новую парадигму? Ведь отказа от них на базовом — конституционно-правовом уровне не произошло. В основном законе страны остались неизменными статьи первая и вторая, где говорится о демократии, правовом государстве, приоритете прав и свободе человека и гражданина. Даже положение, закрепленное в части четвертой ст. 15 Конституции РФ, несмотря на все нападки, сохранилось.

Имеет место определенный диссонанс между правовым государством (ст. 1 Конституции РФ), состязательным судопроизводством (ст. 123 ч. 3 Конституции РФ) и следственной традицией, правовой преемственностью. Объяснение этого противоречия, полагаем, будет составлять одну из задач современной науки 5.1.4.

Смысл сложившейся ситуации В. Сурков объясняет так: В.В. Путин не отменил демократию, но совместил ее «с монархическим архетипом российского правления» [2]. Понятно, что это оценка частного лица. Но надо понимать, что ранее он отвечал за разработку идеологии государственного курса и создавал концепцию «русского мира», «суверенной демократии». Возможно, в этом состоит ответ на вопрос о том, как совместить состязательность и неизменностью следственной, исконно русской моделью уголовного судопроизводства. Если додумывать до конца, то предстоит придумать суверенную, русскую особую «состязательность», не такую как *противная* «англо-саксонская» состязательность. А главное — восславить добрые концепты следственной идеологии.

Хотя если попытаться перевести выражения, которыми оперируют современные политологи, а именно «стремление жить по правде, солидарность (общинность), чувство товарищества и братства, беззаветную стойкость» [3], на язык уголовного процесса, то это трудно делать.

Трудно также уловить конкретику, а тем более новизну, в сочинениях, в которых упор делается на традиции, обычаи, духовные ценности. Наиболее характерными представителями этого научного направления являются А.В. Агутин [4], И.Е. Адаменко [5], А.С. Барабаш [6], А.Н. Конев [7], М.П. Поляков [8, с. 43-47]. Единственный конкретный вывод теоретического плана, который они делают, состоит в том, что уникальный русский уголовный процесс имеет целью объективную истину, ее устанавливает следователь. Отсюда великое назначение следственной власти. Современный следственный процесс является воплощением

ем самобытных духовных ценностей русского народа. Очень похожи ранее сделанные утверждения относительно советского уголовного процесса.

Объективная истина — та нравственная духовная скрепа, которая укрепляет следственный тип русского уголовного судопроизводства. Такой вывод делают современные авторы [9, с. 4-10 и др.]. Это конечно, принципиально новый ход в сравнении с советской трактовкой этого концепта: тогда ее связывали с социализмом.

Итак, объективная истина плюс следственная форма организации досудебного производства составляют главные русские уголовно-процессуальные идеологии.

В практическом отношении из этого вытекает вывод, что ничего в уголовно-процессуальной модели менять не надо. Жить надо и дальше по этой модели, которая сложилась при тоталитарной/авторитарной власти.

Между прочим, следуя этой логике, надо признать, что СК РФ — это и есть главное достижение постсоветского развития. Этот орган стал воплощением традиций и обычаев предков, он выступает не только органом предварительного следствия, но защитником подлинных российских традиций и ценностей.

Более сильным является тезис о роли государства по отношению к уголовному судопроизводству. Здесь мы обращаемся к бинарной оппозиции Государство/Право.

В свое время знаковую роль в перестановке членов этой оппозиции сыграла монография Е.Б. Мизулиной, будущего автора УПК РФ [10]. Главная идея этого текста состояла в самоограничении государства правом. Государство, чиновник государства обязан действовать в соответствии с законом. Право уравнивает человека с государством. Право выше Государства. Это была антиавторитарная идеология, разрушительная для следственной традиции, но не подкрепленная в последующем сколько-нибудь конкретным юрпозитивистским проектом.

Для современной русской процессуалистики такое же значение, возможно, сыграет монография Л.В. Головки [11], в которой развивается идея о главенстве государства в уголовном процессе. Это, можно сказать, противоположность концепции правового государства с присущим ему разделением властей. Здесь подразумевается государство как единый монолит, воплощение права и истины, с которым жалкий человек, конечно, не может сравняться и играть на равных. Так что императив о том, что «государство в лице своих органов (представителей) осуществляет уголовное преследование нарушившего уголовный закон частного лица, немедленно становится несовместим с основной идеологической уголовно-процессуальной догмой, коей является принцип состязательности и равноправия сторон» [12, с. 114]. Вот так, через утверждение всемогущества государства (противостоящего Западу в защите Родины) опровергается концепт «состязательности», очевидно, разрушительный для сущности русского уголовного судопроизводства.

Если раньше Человек был в центре правового мира, то теперь его заменило Государство. Предвидим, что эта знаковая перемена также будет определять направление развития отечественной науки, в том числе по специальности 5.1.4.

Итак, на ближайшее время можно прогнозировать торжество следственной модели в оболочке рассуждений о русской самобытности и духовности, и одновременный отказ и критику глобалистской, либеральной повестки, включающей тему о реформе предварительного расследования и переходе к состязательной модели (плохой — англо-саксонской).

Отсутствие структурных перемен, очевидно, компенсируется непрерывной перенастройкой деталей уже существующей уголовно-процессуальной конструкции, особенно ее судебной надстройки — совершенно не затрагивающей ее сущность.

Это очередная попытка идти своим путем, как Китай, где вполне, кстати, успешно практикуется следственная модель, но нет демократии и прав человека в западном измерении.

Можно ли думать, что сложившийся расклад на игровом поле науки вечен? Полагаем, что все относительно. Этому учит история России. Но в условиях острого противостояния с Западом, то есть в чрезвычайных условиях, следственная модель осуществления уголовно-правового воздействия является более эффективной, чем состязательная.

Еще один вопрос состоит в том, насколько в таких условиях противостояния с Западом остается пространство свободы в науке, дискуссии? Не подпадают ли противники следственной идеологии под определение пятой колонны и врагов нации? С внутренними врагами проще разобраться, чем с внешними. Можно ожидать, что на внутреннем идеологическом фронте, включающем научный, и состоится полная победа русского уголовно-процессуального мира.

Полагаем, уже до конца 2022 года наступит ясность в этом вопросе.

Список литературы

1. Выступление Президента России В.В. Путина на военном параде 9 мая 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68366> (дата обращения: 20.05.2022).
2. Сурков назвал «передозировку свободы» смертельной для государства. РБК. 18 июня 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/06/2021/60cca5039a7947ec62bd964a> (дата обращения: 20.05.2022).
3. Акопов П. Мобилизация в России — не объявлена, но уже идет. [Электронный ресурс]. URL: <https://lv.sputniknews.ru/20220418/mobilizatsiya-v-rossii---ne-obyavlena-no-uzhe-idet-21459154.html> (дата обращения: 20.05.2022).
4. Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: монография. М.: Юр-ВАК, 2004. 545 с.
5. Агутин А.В. Ценностно-смысловое ядро и либеральное мировоззрение российского уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности, 2019. № 1. С. 46-54.
6. Адаменко И.Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: монография / под науч. ред. В.Н. Григорьева. М.: Юрлитинформ, 2016. 377 с.
7. Барабаш А.С. Отечественный уголовный процесс в свете национального менталитета: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 176 с.

8. Конев А.Н. Исторические предвестники и предпосылки идеологических основ современного уголовного судопроизводства России: монография. М.: Академия управления МВД России, 2021. 224 с.

9. Поляков М.П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 43-47.

10. Азаренок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: автореф. дис. ... д-ра юрид наук. Омск, 2022. 35 с.

11. Мизулина Е. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. – Тарту: Тартуский университет, 1991. 147 с.

12. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. 464 с.

13. Головкин Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107-118.

Е.А. Бартнев, к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой криминалистики Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета России, полковник юстиции, г. Новосибирск

Т.Ю. Сабельфельд, к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета России, полковник юстиции, г. Новосибирск

ОБНАРУЖИТЕЛЬ СКРЫТЫХ КАМЕР «ОПТИК-2» КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИСТОЧНИК ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Совершая преступление, преступник всегда оставляет следы, поэтому в ходе расследования преступлений, при проведении отдельных следственных действий одной из важнейших задач следователя является поиск следов, объектов, имеющих значение для дела. Нередко такими объектами с электронными следами преступной деятельности становятся видеозаписи, сделанные скрытыми камерами, размещенными на соседних зданиях и других объектах. Именно поэтому для следователя важно их обнаружение.

Одним из современных приборов, служащих для обнаружения таких камер, является профессиональный их обнаружитель — «Оптик-2». Именно он предназначен для поиска и локализации скрытых, камуфлированных в интерьере видеокamer, независимо от их состояния и типа передачи или записи видеосигнала.

Устройство выполнено в виде бинокля, в обрешиненном металлическом корпусе. Бинокляр имеет преимущества по сравнению с монокулярами, так как позволяет проводить осмотр объектов, используя одновременно визуальные возможности обоих глаз, чем повышается эффективность осмотра, понижается утомляемость оператора и т.д.

В результате просмотра и анализа видеосведений, полученных с записывающих устройств, изъятых в ходе проведения следственных действий, можно установить лицо, совершившее преступление, обстоятельства произошедшего, маршрут передвижения лиц до совершения преступления и после, роль каждого из участников преступной деятельности и другое.

Способ обнаружения основан на оптической локации и позволяет обнаружить объектив видеокамеры за счет эффекта световозвращения, или «обратного блика». Такое световозвращение безопасно для глаз оператора, так как в его работе не используется лазерное излучение [4, с. 2]. В результате применения устройства при обнаружении объектива скрытой камеры в объективе «Оптик-2» будет наблюдаться точечное пятно зеленого или красного цвета, это и есть результат отражения. Зеленая подсветка позволяет находить видеокамеры, защищенные специальными полосовыми фильтрами, используемыми для противодействия всем обнаружителям, использующим только красную подсветку.

Имея малые габариты и незначительный вес (масса прибора всего 450 г), при угле обзора 7,5 градусов, прибор может обнаруживать скрытые камеры от 0,5 метра и примерно до 50 метров. Дальность обнаружения будет зависеть от интенсивности освещенности окружающей обстановки. 6,5-кратное увеличение прибора позволяет детально рассмотреть самые мелкие и труднодоступные элементы интерьера [4, с. 3].

Как показывает практика, наиболее частыми местами размещения скрытых видеокамер (в некоторых случаях открытых) становятся здания и территории: детских учреждений (сады, школы, интернаты, лицеи и т.п.); высших учебных заведений, колледжей, профессиональных училищ; различных организаций и учреждений (фирмы, общества с ограниченной ответственностью и др.); жилых домов, многоэтажных и частных (стены дома, вход в подъезд, лестничные площадки и др.); магазинов (торговые центры, супермаркеты и др.); автостоянок (ограждения и столбы, домики охраны); автозаправочных станций и станций технического обслуживания, торговых киосков в подземных переходах. Иногда скрытые видеокамеры могут быть замаскированы под установку охранной сигнализации, интерьер помещения (подвесной потолок, видео- и аудиоаппаратура, картины, декоративные украшения) и т.д.

В результате проведенного анализа можно сформулировать некоторые рекомендации по поиску скрытых камер.

При хаотичном передвижении по помещению и простом осмотре интерьера через прибор камера может быть не обнаружена. Поиск видеокамеры необходимо осуществлять с того места, которое предположительно являлось объектом скрытого видеонаблюдения, т. е. то, которое предположительно интересует лиц, установивших камеру, или по линии между предполагаемым местом установки видеокамеры и местом съемки. Например, если объектом скрытого видеоконтроля является стол у бухгалтера (кассира), необходимо сесть в его кресло и вести поиск именно с этой точки. Как показывает практика, такими местами могут быть: рабочее место руководителя, бухгалтера, кассира и других лиц (поверхность стола, сейф и т.п.); места отдыха (диван, кресла и т.п.); входная дверь в помещение и т.д.

Необходимо учитывать, что видеокамер может быть несколько. Обнаружение одной или нескольких камер не дает право делать категоричный вывод о том, что в помещении их больше нет. Для этого необходимо проверить все вероятные места, из которых возможно осуществление видеоконтроля.

При поиске скрытых камер в помещениях, где имеется значительное количество бликующих объектов, зеркала, стекла или предметы, поверхность которых окрашена в белый или стальной цвет (саморезы и т.п.), необходимо сменить угол осмотра (не стоять под прямым углом к бликующей поверхности), так как они воспринимаются так же, как и объектив камеры. Для этого достаточно переместиться на один шаг в сторону, чтобы блик исчез, при этом блик от объектива останется. Угол должен быть минимальным, поскольку даже при незначительном угле блики от объектива прибором могут не восприниматься. В случае обнаружения бликующего точечного пятна необходимо осмотреть это место с близкого расстояния и определить источник блика.

При работе в сторону солнца глаз оператора способен различить пятно объектива камеры примерно с одного-двух метров. При отсутствии солнечных лучей видимость такого пятна значительно повышается. Оператору необходимо создать нужную для этого световую обстановку или выбрать определенное время суток.

При работе в помещении, имеющем большую площадь, поиск камеры может занять значительный период времени, так как объектив видеокамеры имеет малые размеры, а прибор одновременно может освещать только небольшую часть поискового участка.

В качестве положительных примеров эффективного применения на практике обнаружителя скрытых видеокамер «Оптик-2» можно привести следующие:

1. 25.04.2015 по уголовному делу, возбужденному по факту убийства Еремина, со слов очевидцев преступления, стало известно о том, что напавший на Еремина мужчина был вооружен ножом, одет в байкерскую амуницию черного цвета, на голове мотоциклетный шлем. После нанесения нескольких ударов потерпевшему ножом преступник на спортивном мотоцикле с места преступления скрылся.

Еремин, в девяностых годах являясь лидером организованной преступной группы, продолжительное время на территории области совершал тяжкие и особо тяжкие преступления, некоторые имели общественный резонанс (убийства и др.)

В ходе обследования территории, прилегающей к месту преступления, с применением обнаружителя скрытых видеокамер «Оптик-2», было установлено наличие наружных камер видеонаблюдения на территории детского сада, расположенного по соседству. На изъятых и просмотренных видеозаписях было зафиксировано: приезд преступника на мотоцикле к месту преступления, нападение на Еремина и то, как преступник скрылся.

Сотрудниками отдела криминалистики совместно с оперативными сотрудниками были проведены мероприятия по дальнейшему обследованию улиц города с применением устройства «Оптик-2» в целях выявления других камер наружного видеонаблюдения (скрытых и нескрытых), которыми могли быть за-

фиксированы передвижения преступника. Просмотр данных видеозаписей и их анализ позволил установить его передвижение на мотоцикле до момента убийства и после него.

В процессе анализа на карте города мест нахождения камер наблюдения, объективами которых был зафиксирован убийца, был воссоздан маршрут его передвижения. Так как из данного маршрута следовало, что убийца прибыл в город из пригорода и туда же вернулся после совершения преступления, было принято решение о продолжении поиска камер видеонаблюдения с имеющихся на зданиях и сооружениях, расположенных вдоль дороги (автозаправочные станции, станции технического обслуживания, магазины и т.д.). В результате был смонтирован ролик из изъятых видеозаписей, фиксирующих все передвижения мотоциклиста из пригорода и обратно, а также убийство Еремина. С учетом его криминальной биографии на первоначальном этапе расследования уголовного дела было выдвинуто несколько следственных версий, в том числе убийство из мести за ранее совершенные Ереминым преступления.

Так, в поле зрения следствия попал проживающий в пригороде Карпов, мать которого, будучи коммерсантом, в 1996 г. по заказу Еремина была убита одним из членов банды, кроме того, по имевшейся информации у Баталова имелся спортивный мотоцикл. После предъявления смонтированного ролика с видеозаписями Карпову он признался в убийстве Еремина.

Как показал Карпов, в 1996 г., когда ему было около 20 лет, его маму, Карпову Н.А., убили по заказу Еремина. О том, что Еремин освободился из мест лишения свободы, он узнал случайно от знакомых. Он очень любил мать, поэтому решил отомстить за ее смерть.

После совершения преступления, вернувшись домой, Карпов загнал мотоцикл в гараж, переделался. Вечером того же дня он аэрозольной краской перекрасил свой мотоцикл в серый цвет, после чего попросил своего знакомого забрать мотоцикл на время себе. Байкерскую амуницию Карпов выкинул в реку.

2. 17.10.2019 по уголовному делу, возбужденному по факту открытого хищения мобильного телефона у несовершеннолетнего Сергеева. В ходе осмотра места происшествия с применением обнаружителя скрытых видеокамер «Оптик-2» на находящемся рядом доме-интернате была обнаружена видеокамера наружного наблюдения, с которой были изъяты видеозаписи. Произведенным осмотром данных видеофайлов установлено, как несовершеннолетний обвиняемый Козлов быстрым шагом покидает место происшествия, установлен путь его отхода после совершения грабежа.

3. 20.11.2019 по уголовному делу, возбужденному по факту совершения неустановленным лицом иных действий сексуального характера в отношении сестер Перминовых, 2012 и 2015 г.р., по месту совершения преступления и месту проживания обвиняемого Иванова проведен обыск с использованием криминалистической техники, в том числе обнаружителя скрытых видеокамер «Оптик-2», что позволило выявить скрытые линзы камер видеонаблюдения, которые были спрятаны в потайные места. Записи Ивановым использовались для наблюдения за действиями потерпевших и для записи совершенных им противоправных действий на информационный носитель.

4. 25.09.2019 по уголовному делу, возбужденному по факту совершения действий сексуального характера в отношении Ерохиной, в ходе осмотра места происшествия и применения обнаружителя скрытых видеокамер «Оптик-2», были обнаружены камеры наружного наблюдения, зафиксировавшие мужчину, ведущего потерпевшую к месту преступления. Результаты осмотра изъятой видеозаписи позволили разместить ориентировки с изображением и описание индивидуальных особенностей преступника, установить личность и задержать Игнатова.

5. 21.04.2019 по уголовному делу, возбужденному по факту кражи денег с карточки через банкомат. Подозреваемый встал сбоку банкомата, таким образом, что его лицо не было видно в камеру, встроенную в банкомат. В результате осмотра места происшествия с применением обнаружителя скрытых видеокамер «Оптик-2» была обнаружена камера наружного наблюдения в соседнем здании, замаскированная под установку охранной сигнализации. Был установлен ее владелец и снята видеозапись. При просмотре видеозаписи за предыдущий день и конкретное время было установлено лицо, снявшее деньги, им оказалась девочка-подросток.

6. 24.09.2019 по уголовному делу, возбужденному по факту совершения действий сексуального характера в отношении 11-летнего Кирилла. В ходе допроса потерпевший пояснил следующее, что около 09:30 он возвращался из продуктового магазина, расположенного в соседнем дворе, когда он открыл дверь подъезда, оборудованную домофоном, и зашел, вслед за ним забежал незнакомый мужчина на вид около 40 лет. После совершения действий сексуального характера преступник выбежал из подъезда и скрылся. Подросток хорошо запомнил лицо преступника, его одежду, достаточно подробно описывал его внешность. Так как в ходе допроса потерпевший указал на то, что заметил преступника до того, как подошел к своему подъезду, то следователем было принято решение осмотреть путь следования потерпевшего от продуктового магазина до подъезда его дома, с применением обнаружителя скрытых видеокамер «Оптик-2». В результате его применения на углу административного здания и здания детского сада были обнаружены видеокамеры, зафиксировавшие часть пути следования Кирилла. Видеозаписи с данных камер были изъяты и изучены, на записях было отчетливо видно неизвестного мужчину средних лет, который несколько раз проходил по дворовой территории, а когда Кирилл направился к своему дому, быстрым шагом проследовал за несовершеннолетним. К установлению лица, совершившего преступление, была привлечена общественность города, через информационный мессенджер сети Интернет. Через некоторое время в результате проведения розыскных мероприятий личность преступника была установлена.

7. 21.05.2020 по уголовному делу, возбужденному по факту убийства Суворовой. При осмотре места происшествия было установлено, что в квартире имеется незначительное количество следов рук и следов биологического происхождения. Учитывая, что Суворова проживала в данной квартире давно и постоянно, был сделан вывод о том, что преступник после совершения убийства принял меры к сокрытию следов совершенного им преступления.

Однако в результате исследования изъятых в ходе осмотра места происшествия следов биологического происхождения было установлено, что они были оставлены женщиной, но не Суворовой. Сотрудниками был организован сбор образцов буккального эпителия у всех лиц женского пола, проживающих в этом доме, а также со всех родственниц и знакомых женщин потерпевшей. В результате проведения экспертизы было установлено, что следы оставлены женщиной, состоящей в близком родстве с соседкой Прохоровой (мать или дочь). В ходе проверки было установлено, что у соседки имеется дочь 2001 г.р., которая последние несколько месяцев проживала отдельно, на съемной квартире. При осмотре прилегающей к дому территории с применением «Оптик-2» была обнаружена видеочка наружного наблюдения, обращенная на вход в подъезд дома. Просмотр видеозаписи показал, что 20.05.2020 дочь соседки около 16 часов зашла в данный подъезд и спустя 30 минут вышла из него. Под давлением предъявленных доказательств она призналась в том, что 20.05.2020 около 16 часов явилась в квартиру к Суворовой, чтобы занять у нее крупную сумму денег. Получив отказ, нанесла Суворовой не менее семи ударов деревянным табуретом в область головы, после чего похитила денежные средства в сумме 105000 рублей и сотовый телефон, принадлежавшие потерпевшей. После этого стерла следы рук, оставленные ею на месте преступления, и скрылась. Похищенные денежные средства потратила на оплату имевшихся у нее задолженностей по кредитам.

8. 19.09.2019 в результате применения детектора скрытых камер, в ходе обыска в игорном салоне, оборудованном для нелегальной игровой деятельности, был обнаружен второй контур видеонаблюдения, состоящего из замаскированно расположенных камер. Данная информация транслировалась в облачное хранилище в сети Интернет. Такие камеры, например, часто располагаются над рабочим столом сотрудника для фиксации его действий. Анализ такой информации помогает установить роль каждого из участников преступной деятельности [5, с. 194].

Можно с уверенностью заявить, что, имея хорошие знания о возможностях и способах применения такого современного технико-криминалистического средства, как «Оптик-2», а также практические навыки его использования, следователи, следователи-криминалисты смогут успешно обнаруживать, фиксировать и изымать любые вещественные доказательства, а значит, успешно расследовать преступление.

Неизменным условием такого успеха остается постоянное повышение квалификации следователей на различных специализированных курсах, с включением в них значительного количества практических занятий, направленных на изучение современных технико-криминалистических средств, так как только в этом случае они могут стать сильным оружием следователя в раскрытии преступления.

Список литературы

1. Криминалистика: учебник. Том 2 / под общ. ред. А.М. Багмета, В.В. Бычкова, О.Ю. Антонова. М.: Проспект, 2020.

2. Багмет А.М., Бычков В.В., Скобелин С.Ю., Ильин Н.Н. Цифровые следы преступлений: монография. М.: Проспект, 2021.
3. Бартенев Е.А. Применение технических средств в поисковой деятельности следователей // Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 17 октября 2019 года) / под общ ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 33-35.
4. Инструкция по эксплуатации прибора по обнаружению скрытых видеокамер «Оптик-2». 2019.
5. Себякин А.Г. Специфика помещений, используемых для организации и проведения азартных игр // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник Московской академии Следственного комитета РФ. 2018. № 4. С. 194-195.

Б.С. Батырбаев, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и судебной экспертизы Кыргызского Национального университета им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек

Н.А. Дудко, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

ПОЛНОМОЧИЯ АДМИНИСТРАТОРА СУДА ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Суд присяжных — важное направление судебных реформ, проводимых в постсоветских государствах. Суд присяжных получил наибольшее признание и применение в государствах Центрально-Азиатского региона: Российской Федерации, Кыргызской Республике, Республике Казахстан. Это определяет актуальность и перспективность проведения сравнительно-правовых исследований вопросов организации и функционирования суда присяжных, в том числе суда присяжных в Российской Федерации и Кыргызской Республике [1-3].

Совершенствование и развитие суда присяжных может быть эффективным только на основе анализа опыта организации и деятельности различных моделей и национальных форм суда присяжных. «Сравнительное правоведение в России, равно как и компаративистика на всем постсоветском пространстве, переживает сложности, связанные с преодолением как последствий замкнутости и закрытости правовых систем, так и с негативных тенденций, обусловленных прерванными национальными правовыми традициями. Заимствование и адаптация институционального правового опыта зарубежных стран становится одной из основных задач правоведения на постсоветском пространстве» [4, с. 167]. Сравнительно-правовые исследования направлены на совершенствование законодательства и правоприменительной практики. Они «представляют собой незаменимый инструмент для совершенствования национального права» [5, с. 149], их важность и значение с каждым годом возрастает.

Результаты межгосударственных теоретических сравнительно-правовых исследований и обобщений судебной практики могут быть полезны для дальнейшего развития национальных форм суда присяжных.

Суд присяжных на постсоветском пространстве действует в Российской Федерации (с 1 ноября 1993г.) [6] и в Республике Казахстан (с 1 января 2007 г.) [7].

Суд присяжных в Кыргызской Республике учрежден через закрепление соответствующих норм Законом КР от 09.11.2006 № 180 «О новой редакции Конституции Кыргызской Республики» [8] в Конституции Кыргызской Республики 1993 г. (ч. 7 ст. 15). Реальное введение суда присяжных в Кыргызской Республике неоднократно откладывается: до 1 января 2012 г. [9], до 1 января 2015 г. [10], до 1 января 2020 г. [11], до 1 января 2025 г. [12]. Для реального введения суда присяжных в 2025 г. законодателем Кыргызской Республики сформирована необходимая нормативная база, в том числе для регламентирования порядка формирования списков кандидатов в присяжные заседатели и коллегии присяжных заседателей.

Несмотря на то, что суд присяжных пока не действует, кыргызские ученые проводят научные исследования правовых норм, действие которых отложено до 2025 г., в целях дальнейшего совершенствования порядка наделения граждан полномочиями присяжных заседателей [13-15].

Отличительной особенностью института суда присяжных по законодательству Кыргызской Республики является то, что предусмотрен в качестве самостоятельного участника уголовного процесса администратор суда.

В соответствии с Законом КР «О присяжных заседателях в судах Кыргызской Республики» 2009 г. [16], администратор суда — это работник аппарата соответствующего местного суда, на которого возложены обязанности по обеспечению деятельности суда с участием присяжных заседателей (ст. 9). Закон возлагает на администратора межрайонного суда полномочия по подготовке к формированию коллегии присяжных в судебном разбирательстве: 1) составлять предварительный и окончательный список кандидатов в присяжные заседатели на основе представленных органами местного самоуправления списков граждан, руководствуясь методом случайной выборки; 2) самостоятельно исправлять неточности, вносить изменения и дополнения в предварительный список, а на основании решения суда — в окончательный список кандидатов в присяжные заседатели; 3) направлять повестки кандидатам в присяжные заседатели, осуществлять контроль за их явкой; 4) передавать необходимые материалы в суд.

Полномочия администратора суда по формированию предварительного состава кандидатов в присяжные заседатели, дополнительно к Закону КР «О присяжных заседателях...» (ст. 8), регламентирует УПК КР в разделе 45 «Особенности рассмотрения дел в суде с участием присяжных заседателей» (ст. 367) [17]. В день вынесения постановления о назначении уголовного дела к слушанию с участием присяжных заседателей администратор суда по распоряжению председательствующего путем случайной выборки в присутствии государственного обвинителя и адвоката обвиняемого формирует предварительный состав кандидатов в присяжные заседатели в количестве не менее 50 (ч. 1 ст. 367 УПК КР). По завершении выборки кандидатов в присяжные заседатели для участия в рас-

смотреии уголовного дела составляется список предварительного состава присяжных заседателей с указанием фамилий, имен, отчеств, который подписывается администратором суда и сторонами (ч. 2 ст. 367 УПК КР).

Таким образом, администратор суда будет обязан обеспечивать надлежащее составление списков кандидатов в присяжные заседатели, поэтому следовало бы предусмотреть ответственность администратора суда за нарушение процедуры составления списков кандидатов в присяжные заседатели.

Введение должности администратора суда является позитивным явлением для успешного функционирования института суда присяжных. Это повысит персональную ответственность сотрудника межрайонного суда при подготовке заседаний с участием присяжных заседателей и снизит риск разного рода ошибок в организации этой деятельности. Считаем возможным расширить полномочия администратора суда: исключить участие представителей местного самоуправления в составлении списков потенциальных кандидатов в присяжные и обязать администратора суда формировать эти списки с использованием Информационной системы (ИС) «Присяжный» [18]. Будет целесообразно, если администратор суда изначально будет заниматься составлением списка кандидатов в присяжные заседатели.

По законодательству РФ предварительный список присяжных заседателей составляет секретарь судебного заседания или помощник судьи: после назначения судебного заседания по распоряжению председательствующего секретарь судебного заседания или помощник судьи производит отбор кандидатов в присяжные заседатели из находящихся в суде общего и запасного списков путем случайной выборки (ч. 1 ст. 326 УПК РФ). Секретарь судебного заседания или помощник судьи проводит проверку наличия предусмотренных федеральным законом обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя в рассмотрении уголовного дела (ч. 2 ст. 326 УПК РФ) [19].

В Российской Федерации обсуждался вопрос о создании специального органа по составлению списков присяжных заседателей. Так, в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации 2004 г. «Проблемы совершенствования деятельности суда присяжных в современной России» было обосновано предложение о создании Комиссий по составлению списков присяжных заседателей в каждом субъекте РФ [20, с. 24-25]. «... ответственность за составление списков присяжных заседателей, проверка на соответствие кандидатов в присяжные закону и личному статусу, регулярное внесение в списки соответствующих изменений, опубликование списков присяжных заседателей, рассмотрение заявлений о недостоверной информации, имеющейся в списках, контроль за явкой присяжных заседателей в суд, установление причин неявки присяжных заседателей, подготовка соответствующих материалов об ответственности виновных за неявку присяжного заседателя, ложится на указанный Комитет. Работа подобных комитетов (комиссий) имеет большое значение, поскольку благодаря ей суды освобождаются от несвойственных функций: фактической проверки списков присяжных и розыска лиц, включенных в них. Тем самым повышается эффективность организационной деятельности судопроизводства, обеспечивается бесперебойный порядок слушания дел, значительно сокращаются денеж-

ные расходы, что, в свою очередь, способствует качеству процесса, а значит, вынесению законного и обоснованного приговора» [20, с. 25].

Российский законодатель не принял это предложение. Возможно, в последующем с учетом практики суда присяжных в Кыргызской Республике полномочия по формированию предварительного списка присяжных заседателей и по УПК Российской Федерации будут переданы специальному самостоятельному участнику уголовного судопроизводства или специальному государственному органу.

Список литературы

1. Дудко Н.А. Тенденции развития суда присяжных в странах СНГ // Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития: материалы VIII международной научно-практической конференции (Душанбе, 30 октября 2020 г.). Душанбе: РТСУ, 2020. С. 371-377.
2. Nina Dudko, Mariya Neymark, Evgeniy Petuchov. Formation and development of jury trials in post-Soviet states. *Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades*. 2019. Vol. 4. № 19. Septiembre 2019. Pp. 292–300. URL: <https://revista.religacion.com/index.php/religacion/article/view/774/742>.
3. Dudko N., Neymark M. and Petuchov E. Trial jury in Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: comparative legal analysis. *Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades*. 2019. Vol. 4. № 18. Aug. 2019. Pp. 90-97. URL: <https://revista.religacion.com/index.php/religacion/article/view/403/381>.
4. Немытина М.В. Сравнительно-правовые исследования и типология правовой культуры // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2013. № 4. С. 166-173.
5. Левченко И.В. Роль сравнительно-правовых исследований в определении вектора развития государства // Электронный Научный Журнал Байкальского государственного университета. 2017. № 8 (1). С. 149-157. [Электронный ресурс]. URL: <https://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=21399>.
6. Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.
7. Закон Республики Казахстан «О присяжных заседателях» от 16 января 2006 г. № 121-III ЗРК. [Электронный ресурс]. URL: <http://online.zakon.kz>.
8. Закон Кыргызской Республики от 09.11.2006 года № 180 «О новой редакции Конституции Кыргызской Республики». [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/500/10?cl=ru-ru>.
9. Закон КР от 15 июля 2009 года № 215 «О присяжных заседателях в судах Кыргызской Республики». [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202673/10?cl=ru-ru>.
10. Закон КР от 6 августа 2012 года № 150 «О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики «О присяжных заседателях в судах Кыргызской Рес-

публики». [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203750>.

11. Закон Кыргызской Республики от 24 января 2017 года № 10 «О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики, Кодекса Кыргызской Республики о проступках, Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики, Закона Кыргызской Республики «Об основах амнистии и порядке ее применения». [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111703/10?cl=ru-ru>.

12. Закон КР от 26 декабря 2019 года № 146 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики (в законы КР "О присяжных заседателях в судах Кыргызской Республики", "О введении в действие Уголовного кодекса КР, Кодекса КР о проступках, Уголовно-процессуального кодекса КР, Уголовно-исполнительного кодекса КР, Закона КР "Об основах амнистии и порядке ее применения")». [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112010>.

13. Батырбаев Б.С. Формирование коллегии присяжных в судах Российской Федерации, Республики Казахстан и Кыргызской Республики: общее, особенное // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 01 (43). [Электронный ресурс]. URL: <https://ipi1.ru/s/350-formirovanie-kollegii-prisyazhnykh.html?showall=1>.

14. Батырбаев Б.С. Особенности формирования списков кандидатов в присяжные заседатели в судах Кыргызской Республики // Инновационная наука. 2016. № 1. С. 116-118.

15. Батырбаев Б.С. Институт присяжных заседателей — новизна в судебной системе Кыргызской Республики // Наука и новые технологии. 2010. № 5. С. 252-255.

16. Закон КР от 15 июля 2009 года № 215 «О присяжных заседателях в судах Кыргызской Республики» (в редакции Законов КР от 6 августа 2012 года № 150, 23 декабря 2016 года № 217, 26 декабря 2019 года № 146). [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202673>.

17. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 (в ред. Закона КР от 18 января 2022 года № 4). [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308>.

18. Стратегический план по информационным технологиям для развития судебной системы Кыргызской Республики на 2019-2022 годы // 4.25.5 Разработка НПА для доступа к персональным данным потенциальных присяжных заседателей 4.25.6 Разработка ИС ПРИСЯЖНЫЙ интегрированной с ИС ГРС для получения данных потенциальных Присяжных 4.25.7 Интеграция АИС ПРИСЯЖНЫЙ с ИС БАРД, МВД, ГП, ГРС, СФ, ГНС, АИС СД и другими необходимыми ИС. [Электронный ресурс]. URL: <https://admin-sot.sot.kg/public/sites/4/2020/02/Stratplan-s-resheniem-SS.pdf>.

19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 11.06.2022). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

20. Проблемы совершенствования деятельности суда присяжных в современной России: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.–М.: Юриспруденция, 2004. 64 с. [Электронный ресурс]. URL: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/tematicheskie_specialnye_doklady/docs/doc14.pdf.

О.В. Беспечный, к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТРУКТУРЫ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

В настоящее время в науке криминалистике разработан ряд частных криминалистических методик расследования преступлений, относящихся в соответствии с уголовным законодательством к преступлениям против правосудия. Глава 31 УК РФ включает различные с точки зрения криминалистически значимых признаков преступные деяния, что не дает оснований для разработки единой методики расследования таких преступлений. Существующие на сегодняшний день частные методики в основном отражают сложившийся традиционный подход к их структуре, предполагающий включение двух элементов: криминалистической характеристики преступлений и криминалистической характеристики деятельности по их расследованию.

В последнее время в криминалистической литературе значительно снизился интерес к категории «криминалистическая характеристика преступлений». Крайне широкая палитра мнений относительно понимания сущности криминалистической характеристики, ее содержания, присутствующая среди ученых, сложность выработки объективных критериев выделения ее структурных элементов, а также отрыв большинства проводимых в этой области исследований от потребностей практики, послужили, по всей видимости, основанием для высказывания отдельными авторами сомнений в перспективности научных исследований в данном направлении [1, с. 223]. Такая точка зрения в литературе встретила обоснованную критику [2, с. 25], но в то же время приобрела и много сторонников. Длющаяся несколько десятилетий дискуссия относительно содержания криминалистической характеристики преступлений, ее структуры и роли в методике расследования способствовала накоплению большого объема знаний в этой области, но в то же время оставила многие связанные с этой научной категорией вопросы открытыми.

На сегодняшний день теоретические аспекты криминалистической характеристики преступлений редко выступают самостоятельным предметом монографических исследований, однако при разработке частных криминалистических методик авторы традиционно обращаются к вопросу криминалистической характеристики соответствующего вида преступлений. Вместе с тем анализ диссертационных работ последних лет, посвященных исследованию частных криминалистических методик, позволяет сделать вывод о снижении внимания ис-

следователей именно к теоретическим вопросам, связанным с категорией «криминалистическая характеристика преступлений», и сосредоточении на содержательном ее наполнении применительно к особенностям анализируемого вида преступлений [3, 4]. Следствием этого, возможно, является и встречающийся в некоторых разрабатываемых частных криминалистических методиках логический «разрыв» между отдельными их структурными частями: криминалистической характеристикой преступлений и рекомендациями по организации расследования. В этой связи представляется возможным отметить некоторые положения относительно криминалистической характеристики преступлений, которые могли бы способствовать более эффективному использованию потенциала этой научной категории в рамках разрабатываемых частных криминалистических методик.

В литературе сложилось справедливое представление о криминалистической характеристике преступлений как информационной модели преступного события, системе сведений о нем, складывающейся исходя из анализа практики правоохранительных органов по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений (А.Н. Колесниченко, В.Е. Коновалова, И.М. Лузгин, Н.П. Яблочков). При этом криминалистическую характеристику составляет информация о преступлении с точки зрения именно криминалистического подхода, т.е. информация, способствующая его раскрытию и расследованию (криминалистически значимая информация). Криминалистически значимая информация — информация, проявляющаяся в оставляемых преступлением следах и способствующая установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по соответствующему уголовному делу. Именно такая направленность данных о преступлении обуславливает включение криминалистической характеристики в структуру криминалистической методики расследования.

Информационная модель, составляющая содержание криминалистической характеристики, представляет собой систему сведений о преступном деянии. Именно системный подход к анализу подобных сведений обеспечивает выявление взаимозависимостей между отдельными элементами преступного события и обуславливает прогностические возможности криминалистической характеристики. Основной задачей, стоящей перед следователем в ходе расследования преступления, является восполнение недостающей информации о совершенном преступлении. Решению этой задачи во многом и должна способствовать криминалистическая характеристика. С учетом существующих взаимозависимостей между элементами характеристики, имея сведения об отдельных из них, возможно с различной степенью определенности предположить существование иных, неизвестных ранее. Данные об этих зависимостях могут служить основанием для построения типичных версий, используемых при организации расследования конкретных уголовных дел.

Между элементами криминалистической характеристики могут существовать закономерные связи различного вида, как однозначные, так и вероятностные. При однозначной связи присутствие одного элемента позволяет категорически заключить о существовании другого. При вероятностной связи установление одного элемента характеристики позволяет лишь с большей или меньшей

степенью вероятности предположить наличие другого элемента. Подавляющее большинство связей между элементами носит именно такой характер.

При разработке частных криминалистических методик задач, как правило, является установление корреляционных связей между личностью преступника и иными элементами криминалистической характеристики. Применительно к методикам расследования преступлений против правосудия ситуация иная. В силу особенностей конструкции составов этих преступлений расследование большинства из них изначально предполагает наличие фигуры подозреваемого. В этой связи более актуальным для построения методик расследования преступлений против правосудия является выявление взаимосвязей, позволяющих устанавливать сам факт преступного деяния и его обстоятельства (факт фальсификации доказательств и др.).

Криминалистическая характеристика преступлений является неотъемлемой составляющей методики расследования. Необходимость ее включения в структуру частной криминалистической методики связана с содержательной обусловленностью деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений, сущностью и особенностями самих преступлений, закономерностями деятельности по их подготовке, совершению и сокрытию. Событие преступления, отражаясь в окружающем мире посредством следов, создает предпосылки формирования в процессе будущего расследования исходных следственных ситуаций. Именно исходные следственные ситуации, будучи обусловленными характером и особенностями имевшего место преступного события, определяют содержание криминалистической деятельности — деятельности по расследованию.

Содержательную основу следственной ситуации составляет информация о совершенном преступлении. В этой связи сложно согласиться с авторами, использующими в качестве единственного критерия типизации следственных ситуаций иные основания. Таким критерием, в частности, предлагается считать источник информации о преступлении [4, с. 23; 5, с. 21]. Источник информации о преступлении, безусловно, влияет на процесс организации расследования, но вряд ли он может рассматриваться в качестве основного критерия типизации следственных ситуаций. Следственная ситуация — категория динамичная, отражающая состояние расследования на определенный момент времени с точки зрения решения задач уголовного судопроизводства.

В настоящее время разработаны частные криминалистические методики расследования большей части преступлений против правосудия. При этом обращают на себя внимание нередко встречающиеся расхождения в структурировании методик и их содержательном наполнении. Это свидетельствует о необходимости продолжения исследования вопросов формирования частных криминалистических методик и их структуры. В частности, требует своего дальнейшего развития криминалистическая характеристика преступлений, как основа построения частных криминалистических методик, но уже не в качестве описания отдельных характерных черт определенного вида преступления, а, возможно, в качестве основы формирования на более высоком теоретическом уровне кри-

миналистических моделей, выступающих основой разработки системных и практически ориентированных методических рекомендаций.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА, 2001. С. 223.
2. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений — важный элемент криминалистической теории и практики // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. Краснодар, 2002. С. 25.
3. Алексиеенко О.Н. Криминалистические методы разоблачения ложного алиби по делам о преступлениях против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009.
4. Попов В.П. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
5. Ладошкин А.С. Особенности криминалистической методики расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019.

М.Ю. Гераськин, магистр юриспруденции, старший преподаватель кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, г. Волгоград

И.В. Харченко, к. биол. н., доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, г. Волгоград

О НЕОБХОДИМОСТИ НАДЕЛЕНИЯ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ РУКОВОДИТЕЛЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ КОМПЛЕКСНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Комплексная судебная экспертиза производится, как правило, несколькими экспертами разных специальностей или одним экспертом, имеющим специальные познания в различных областях науки и техники [1]. Поэтому ст. 23 Федерального закона от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ФЗ о ГСЭД) называется «Комиссия экспертов одной специальности» [2].

Чаще всего комплексная экспертиза назначается в тех случаях, когда необходимо исследовать один и тот же объект, используя методики из разных областей науки и техники. То есть компетенции экспертов различных специальностей отличаются не по объекту исследования, а по предметам и методам исследования. При этом происходит интеграция, то есть суммирование знаний обо всех свойствах исследуемого объекта, представляющих интерес с точки зрения

криминалистики. Преимущество проведения комплексного исследования объекта заключается в том, что, с одной стороны, получение интегрированного знания приводит к ускорению процесса раскрытия и расследования преступления, а с другой — привлечение к исследованию значительного числа компетентных высококвалифицированных специалистов не может не повысить надежность и достоверность заключения эксперта как судебного доказательства.

Появление такого вида судебной экспертизы в уголовном процессе обусловлено следующими факторами. На протяжении последних 30 лет значительно ускорился процесс внедрения в экспертно-криминалистическую деятельность новых методов и методик, заимствованных из самых разных областей знания: химии, физики, биологии, лингвистики и т.д. Также параллельно шел процесс усложнения ранее разработанных методик ряда экспертиз за счет использования более современной приборной базы, разработки абсолютно нового специализированного оборудования как для традиционных криминалистических экспертиз, так и для других классов экспертиз (инженерно-технических, специальных и т.д.). Эти явления не могли не привести к появлению всё более узкой специализации экспертов. В качестве примера можно привести экспертизу материалов, веществ и изделий (ЭМВИ), существовавшую до 1993 г. как один из видов специальных экспертиз. В настоящее время она представляет собой не вид, а род судебных экспертиз, состоящий из 12 видов (исследование волокон и волокнистых материалов; исследование металлов и сплавов; исследование стекла и керамики; исследование спиртосодержащих жидкостей и т.д.).

Практически все судебные экспертизы, входящие в класс инженерно-технических экспертиз, имеют комплексный характер. Например, комплексная пожарно-техническая экспертиза обязательно включает в себя проведение исследований помимо собственно пожарно-технического исследования (по установлению очага пожара и технической причины его возбуждения) электротехнического исследования, исследования следов нефтепродуктов и ГСМ, а в случае пожара, сопряженного со взрывом — взрывотехнического исследования. Решение самого главного вопроса (о причине пожара) как раз и основывается на синтезе результатов всех ранее проведенных в рамках комплексной экспертизы исследований.

Одним из основных отличий комплексной экспертизы от комиссионной является следующее обстоятельство. Решение о создании комиссии экспертов одной специальности (то есть о производстве комиссионной экспертизы) находится в компетенции помимо инициатора назначения у руководителя судебно-экспертного учреждения, который, как показывает анализ экспертной практики, чаще всего и реализует это свое право исходя, например, из большого количества представленных на исследование объектов с целью максимально сократить сроки производства экспертизы. Согласно УПК РФ, определить комплексный характер судебной экспертизы может только лицо, ее назначившее. Руководитель судебно-экспертного учреждения при обнаружении необходимости комплексного исследования какого-либо объекта может лишь ходатайствовать перед инициатором о переназначении данной экспертизы именно как комплексной.

Чаще всего для производства комплексной экспертизы создается комиссия, то есть судебно-экспертная группа, право возглавить которую руководитель государственного судебно-экспертного учреждения делегирует самому опытному эксперту, либо эксперту, который в силу специфики своей специальности способен интегрировать полученные другими экспертами выводы.

Например, по результатам осмотра места происшествия по факту взрыва самодельного взрывного устройства (СВУ) были изъяты различные предметы из металла, полимерных материалов, фрагменты электропроводов, радиодетали и т.д. Каждый из экспертов созданной группы провел исследование в рамках компетенции своей экспертизы (трасологической; радиотехнической; различных видов ЭМВИ и т.д.). В соответствии с требованиями нормативно-правовых актов каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписал только ту часть заключения, содержащую описание проведенных им исследований (за которую он и несет ответственность). Руководитель судебно-экспертной группы — эксперт-взрывотехник обобщил полученную в результате всего комплекса исследований информацию, на основании чего (включая собственное исследование) сделал выводы о принадлежности изъятых фрагментов взорванному СВУ, его конструктивных особенностях, способе взрывания и т.д. [3, с. 25-31].

Понятно, что получить данный комплекс оперативно значимой информации было бы невозможно, назначая не комплексную экспертизу, а несколько разных экспертиз. Поэтому следователь (дознаватель, суд) при назначении экспертиз по подобным делам обязательно должен консультироваться с экспертами, выступающими в данном случае с процессуальной точки зрения в роли специалистов, тем более что оказание консультационной помощи и помощь в подготовке материалов на экспертизу предусмотрено ст. 58 УПК РФ, согласно которой специалист привлекается и для постановки вопросов эксперту.

При выполнении экспертизы совместно несколькими специалистами в разных областях знаний должен соблюдаться принцип разграничения функций между экспертами разных специальностей в соответствии с представляемыми ими отраслями знаний. В качестве примера можно привести комплексную экспертизу по исследованию огнестрельного оружия, изъятого у подозреваемого в убийстве. Эксперт-дактилоскопист исследовал оружие на наличие и пригодность к идентификации следов пальцев рук подозреваемого. Эксперты-биологи двух разных специальностей (исследование ДНК и исследование запаховых следов человека) также провели идентификационные исследования. Эксперты ЭМВИ двух различных специализаций (исследование нефтепродуктов и ГСМ и исследование следов продуктов выстрела) установили факт производства стрельбы из данного оружия после последней смазки. И наконец, эксперт-баллист установил принадлежность представленного на исследование предмета к категории огнестрельного оружия, а также его пригодность к производству выстрела.

Данный пример довольно типичен для следственной и экспертной практики. Очень часто инициатор выносит постановление о назначении комплексной экспертизы при изъятии у конкретного лица предмета, свободный оборот которого законодателем ограничен (наркотические средства, боеприпасы, взрывча-

тые вещества и т.п.). Комиссия экспертов разных специальностей в результате проведения комплексной экспертизы однозначно устанавливает принадлежность подозреваемого к хранению, транспортировке и (или) использованию предмета или вещества, находящегося в незаконном обороте. Вопрос о том, является ли вышеприведенная экспертиза комплексной, — дискуссионный. Исследования следов на предмете, указывающих непосредственно на личность преступника (то есть идентификационные исследования), фактически проводится независимо от исследований, устанавливающих видовую и групповую принадлежность представленного на исследование объекта (то есть диагностических исследований).

Законодатель не предусмотрел необходимость создания судебно-экспертной группы, то есть комиссии экспертов разных специальностей, руководимых наиболее опытным сотрудником экспертного подразделения, обладающим комплексом знаний в нескольких областях и способным интегрировать промежуточные результаты исследований всех членов данной группы. В соответствии с подзаконными ведомственными нормативно-правовыми актами именно руководитель судебно-экспертного учреждения согласует цели предстоящих исследований, исходя из необходимости решения поставленных перед ней вопросов, а также определяет последовательность выполнения исследований одного и того же объекта экспертами разных специальностей. На практике руководитель судебно-экспертного учреждения настолько обременен другими не менее важными обязанностями, что чаще всего происходит делегирование данных полномочий наиболее подходящему по интеллекту и комплексу деловых качеств сотруднику.

До настоящего времени в юридической литературе доминирует мнение о том, что один из экспертов такой комиссии может исполнять роль эксперта-организатора, но его процессуальные функции не отличаются от функций остальных экспертов, что представляется некорректным. Считаем целесообразным внести в соответствующие нормативно-правовые акты положения, регулирующие роль руководителя комиссии экспертов разных специальностей, устанавливающие и разъясняющие его права и обязанности.

Анализ полученных результатов экспертами разных специальностей совместно не должен являться прерогативой только руководителя комиссии экспертов. Все эксперты, входящие в комиссию, могут и должны совместно анализировать полученные результаты. Только придя к общему мнению, они могут составить и подписать совместное заключение или сообщение о невозможности дачи заключения. В случае возникновения разногласий между экспертами результаты исследований оформляются в соответствии с ч. 2 ст. 22 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4, с. 37-42; 5, с. 37-43].

При поступлении постановления следователя (дознателя) о назначении экспертизы в экспертное учреждение и его принятии к производству в уголовном процессе появляется новый участник — руководитель судебно-экспертного учреждения (СЭУ).

Как в УПК РФ, так и в законе о судебно-экспертной деятельности содержатся специальные нормы, регулирующие процессуальные права и обязанности

руководителя СЭУ. Согласно ст. 199 УПК РФ он рассматривает поступившие материалы экспертизы и принимает одно из двух решений:

- поручить производство экспертизы одному конкретному эксперту или группе экспертов и уведомить об этом следователя;
- вернуть без исполнения материалы экспертизы, если в данном экспертном учреждении нет соответствующего специалиста или специальных условий для проведения экспертизы (например, отсутствует приборная база, необходимая для решения поставленных следователем вопросов).

Согласно УПК РФ, определить комплексный характер судебной экспертизы может только лицом, ее назначившим. Руководитель СЭУ при обнаружении необходимости комплексного исследования какого-либо объекта может лишь ходатайствовать перед инициатором о переназначении данной экспертизы именно как комплексной. Закон о судебно-экспертной деятельности расширяет права руководителя СЭУ в данном вопросе, предоставляя ему возможность установить комплексный характер назначенной экспертизы [2].

Правовой статус руководителя СЭУ остался не полностью определенным как в Федеральном законе о судебно-экспертной деятельности, так и в УПК РФ. Представляется целесообразным ввести соответствующую новеллу в данные нормативно-правовые акты, которая бы расширила его полномочия во взаимоотношениях с органами, назначившими экспертизу. К сожалению, работники следствия и дознания, имеющие незначительный профессиональный стаж, достаточно часто демонстрируют свою некомпетентность в вопросах назначения экспертизы, в том числе демонстрируя непонимания сути комплексной экспертизы и необходимость ее назначения. Только руководитель СЭУ, обладающий соответствующими специальными познаниями, может предотвратить нарушения законности, возникающие в результате несоблюдения следователем требований УПК при назначении экспертизы [6, с. 322-324].

Представляется целесообразным определить правовой статус руководителя судебно-экспертной группы (СЭГ) — комиссии экспертов разных специальностей, руководимых наиболее опытным сотрудником экспертного подразделения, обладающим комплексом знаний в нескольких областях и способным интегрировать промежуточные результаты исследований всех членов данной группы. Прерогативой выбора кандидатуры руководителя СЭГ должен обладать руководитель СЭУ. Руководитель СЭГ при выполнении комплексной экспертизы должен обладать дополнительными (по сравнению с другими экспертами — членами группы полномочиями, обусловленными тем, что его процессуальные функции отличаются от функций остальных экспертов.

Именно руководитель судебно-экспертной группы должен:

- проверять полноту и достаточность представляемых на исследование материалов;
- определять необходимость ходатайства о предоставлении дополнительных материалов;
- устанавливать необходимость привлечения к производству экспертизы экспертов различных специальностей, а также специалистов из других учреждений, необходимость привлечения которых очевидна;

– оценивать выявленные в ходе выполнения комплексной экспертизы сведения по вопросам, не поставленным следователем в постановлении экспертизы, с точки зрения относимости к предмету судебной экспертизы [7, с. 8-13].

Список литературы

1. Кубитович С.Н., Горбулинская И.Н. Проблемы практики назначения комплексных экспертиз // Сборник материалов криминалистических чтений. 2012. № 8. С. 43-46.

2. О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ: Федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Гераськин М.Ю. Судебная взрывотехническая экспертиза в отечественном уголовном процессе // Проблемные вопросы совершенствования судебно-экспертной деятельности в МВД России (к 100-летию экспертно-криминалистической службы): сборник тезисов и статей Международной научно-практической конференции. СПб., 2019. С. 25-31.

4. Гераськин М.Ю. Особенности назначения и производства комплексных экспертиз в уголовном процессе // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сборник научных трудов / ред. колл.: С.Ю. Бирюков, Д.В. Кайргалиев. Волгоград, 2019. С. 37-42.

5. Гераськин М.Ю. Проблемы назначения и производства комплексных экспертиз в уголовном процессе // Юридический альманах: сборник научных трудов. Вып. 8-9. М.: ИП Черняева Ю.И., 2020. 122 с.

6. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2008. 535 с.

7. Гераськин М.Ю. О правовом статусе руководителя судебно-экспертной группы при производстве комплексных экспертиз в отечественном уголовном процессе // Юридический альманах: сборник научных трудов. Вып. 8-9. М.: ИП Черняева Ю.И., 2020. 122 с.

***В.С. Горшкова**, начальник организационно-методического отделения ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю, г. Барнаул*

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКСПЕРТОМ (СПЕЦИАЛИСТОМ) СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Этические аспекты осуществления экспертом (специалистом) судебно-экспертной деятельности в рамках предварительного расследования и судебного следствия привлекают внимание многих исследователей и практических сотрудников правоохранительных органов в связи с их многогранностью, многоаспектностью, сложностью единообразного понимания и применения.

Судебно-экспертная деятельность в рамках уголовного судопроизводства состоит в организации и производстве судебных экспертиз с целью получения и дальнейшего использования по уголовному делу заключения эксперта государственного либо негосударственного экспертного учреждения. Важно отметить, что до сих пор не пришли к единому мнению исследователи по вопросу участия специалиста в судебно-экспертной деятельности [1-3]. Нормы уголовно-процессуального законодательства (далее — УПК РФ) закрепили процессуальный статус эксперта и специалиста, в соответствии с которыми эксперт производит экспертное исследование и дает заключение по вопросам, указанным в постановлении о назначении судебной экспертизы, а специалист, не проводя исследований, отвечает на вопросы сторон, требующие специальных познаний. Однако положения ст. 226.5 УПК РФ закрепляют право дознавателя при производстве в сокращенной форме дознания по уголовному делу не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении. Таким образом, законодатель указывает на возможность осуществления специалистом судебно-экспертной деятельности в несколько усеченном варианте по уголовному делу путем дачи ответов на поставленные вопросы, требующие наличия у лица специальных познаний.

Положения действующего Федерального закона от 31.05.2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» в отличие от нового законопроекта вышеуказанного нормативного правового акта не закрепляют принцип «профессиональной этики эксперта» (ст. 6), который должен найти свою реализацию путем «обязательного и неукоснительного выполнения этических норм» (ст. 11) [4]. Однако при производстве судебных экспертиз у экспертов нередко возникают вопросы, которые не урегулированы нормами права и находятся в сфере действия общечеловеческих, профессиональных ценностей — долг, честь, достоинство, беспристрастность, объективность, справедливость, уважение.

Этические аспекты осуществления экспертом судебно-экспертной деятельности в рамках уголовного судопроизводства рассматривались Л.Е. Ароцкером, Ф.Г. Аминовым, Р.С. Белкиным, Н.П. Майлис, А.С. Рубисом и рядом других. К примеру, Ф.Г. Аминев выделяет среди моральных норм корректность поведения со всеми участниками уголовного судопроизводства, коллегами, гражданами [5].

В рамках данной статьи более детально будет рассмотрен вопрос корректного отношения при выполнении процессуальных обязанностей эксперта с другим экспертом при производстве повторных судебных экспертиз.

Корректное отношение, прежде всего, связано с культурой общения между людьми. Она проявляется в вежливом и тактичном обращении, исключающем употребление жаргона, нецензурной брани, грубых слов или выражений с двойным смыслом, иронией. Однако корректное отношение важно на уровне не только человеческого взаимодействия, но и в профессиональной сфере — при осуществлении судебно-экспертной деятельности в рамках уголовно-процессуального судопроизводства.

Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства, повторная экспертиза назначается в случае необоснованности заключения эксперта

или сомнений в его правильности, наличии в уголовном деле заключений экспертов с противоречиями [6]. При этом она производится другим экспертом, как правило, более высокой квалификации, или группой экспертов (комиссией). Вышеуказанные основания производства повторной экспертизы могут оказаться нарушения требований процессуальных норм (правила назначения, выбор эксперта, компетенция эксперта, соблюдения прав участников уголовного судопроизводства, оформление результатов экспертизы) либо в случае несогласия с сообщением эксперта о невозможности дать заключение.

Целесообразно эксперту детально изучить обстоятельства назначения и производства процессуального действия, первоначальное заключение эксперта. Следует отметить, что по признакам внешнего оформления документа, без проведения самостоятельного экспертного исследования нецелесообразно подвергать критике заключение эксперта, выполненного в ином экспертном учреждении, а также высказывать следователю, дознавателю, присутствующим при производстве судебной экспертизы подозреваемому (обвиняемому), эксперту (члену экспертной группы или комиссии) свое личное суждение относительно применяемой в ином экспертном учреждении методики производства экспертиз или личности эксперта. К примеру, зачастую складывается ситуация, когда эксперту следователь, инициатор назначения судебной экспертизы, сообщает неполные данные или предоставляет в распоряжение недостаточное количество образцов для сравнительного исследования. Должностное лицо экспертного учреждения добросовестно выполняет требования экспертной методики, получает определенные выводы, которые сообщает в заключении эксперта. Однако результаты производства судебной экспертизы не соответствуют действительности. В данном случае не представляется возможным говорить о проявлении недобросовестного отношения к выполнению своих профессиональных обязанностей экспертом. Кроме того, не могут быть поставлены в упрек эксперту ситуации, когда они не зависели непосредственно или опосредованно от него — незнакомство подозреваемого (обвиняемого) с постановлением о назначении экспертизы.

Важно соблюдать принцип равенства заключений эксперта вне зависимости от того, в каком именно — низовом или головном экспертно-криминалистическом — подразделении оно выполнено (по вертикали и горизонтали экспертами низового, среднего и высшего звена — экспертно-криминалистическая группа, экспертно-криминалистический отдел, экспертно-криминалистический центр, от эксперта до начальника подразделения).

Эксперт должен проявлять готовность к сотрудничеству и оказанию взаимопомощи в рамках действующих нормативно-правовых актов, а не создавать конфликтную ситуацию, не показывать свое превосходство по отношению к другому эксперту, имеющему меньший опыт производства судебных экспертиз, занимающему нижестоящую должность в экспертном учреждении и т.д. Чувство исполнения профессионального долга, честное выполнение обязанностей при установлении ответов на поставленные перед экспертом (экспертами) вопросы, высококвалифицированное применение имеющихся в арсенале экспертно-криминалистических средств и методов, неукоснительное соблюдение

требований экспертной методики, объективность, на наш взгляд, имеют приоритетное значение при производстве повторных экспертиз.

Таким образом, правовое закрепление этических основ осуществления государственным и негосударственным экспертом (специалистом) судебно-экспертной деятельности по уголовному делу в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» позволит создать этически обоснованную модель поведения эксперта в уголовном процессе, разрешать противоречия и конфликтные ситуации, качественно выполнять уголовно-процессуальные обязанности, что в конечном итоге будет способствовать достижению целей уголовного судопроизводства государства.

Список литературы

1. Егоров Н.Н. Конкуренция заключения эксперта и заключения специалиста и пути ее устранения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2015. № 2 (31). С. 65-73.
2. Верхотурова С.В., Соболевская С.И. О роли специалиста в уголовном процессе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1 (55). С. 71-81.
3. Шмарев А.И. К вопросу о месте в системе доказательств заключения специалиста // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (12). С. 67-71.
4. Законопроект № 306504-6 от 29.06.2013 г. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 25.05.2022).
5. Аминев Ф.Г. О профессиональной этике судебного эксперта в Российской Федерации // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 6. С. 19.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: по состоянию на 25 мая 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/74a5bca784a367fdc6cf04dca4844c2a4f57de27/.

Р.Г. Дранезо, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

ТАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОПЕРАТИВНОГО РИСКА КАК ЭЛЕМЕНТА ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УБИЙСТВ, ГДЕ ОГОНЬ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ КАК ОРУДИЕ (СПОСОБ СОКРЫТИЯ) ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Криминал всегда отличался замкнутостью, конспиративностью, развитием преступной сети, квалификацией, криминальной преемственностью, наличием мощных средств противодействия правоохранителям. А в последнее время криминал уходит в так называемый «серый» сектор сети Интернет (darknet), где

применяются различные средства анонимного присутствия (в частности, браузер Tor, VPN-подключения, мессенджеры, сеть удаленных серверов (или сервера «обманки»), Qiwi-кошельки, биткойны и т.п.). Таким образом, любой внешне «законопослушный» гражданин в сети darknet может стать инициатором (организатор, подстрекатель) практически любого преступного деяния, предусмотренного нормами особенной части УК РФ (сбыт оружия, наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, наём киллеров, поджигателей или «наёмных факелов» и т.п.). Криминальная деятельность в сети darknet сложно поддается оперативно-разыскному документированию и легализации, а соответственно, выявлению, пресечению и раскрытию.

При этом большинство преступников не будут совершать правонарушения при свете дня в людном месте, не будут ни с кем делиться криминальными планами. В связи с чем возникает вопрос, как бороться с теми, кто конспирирует свою деятельность, уходит в киберпространство, кто, совершая преступление, пытается инсценировать несчастный случай, в частности самоубийство, кто использует «наёмных факелов» для сокрытия следов криминальной активности, тем самым затрудняя деятельность правоохранительных органов по раскрытию преступлений по «горячим следам». Практика показывает, что подобного результата можно достичь только посредством «острых» методов и средств оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД), которые используются оперативными сотрудниками порой на грани допустимого с точки зрения закона поведения.

Соответственно, одной из важнейших задач при проведении подобных мероприятий является установление четких критериев, позволяющих оперативным подразделениям действовать в рамках законности, не нарушая норм оперативно-разыскного и уголовно-процессуального законодательства, при этом не упуская времени и возможности достижения целей и задач ОРД. И самое главное — как в таких рискованных условиях в ходе уголовного судопроизводства устанавливать и фиксировать объективную истину? Если оперативный сотрудник, например, при проведении оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ), оперативной комбинации и т.п. действует в условиях оправданного и контролируемого риска, то это само по себе должно служить для надзорных и контролирующих органов (прокуратуры и суда) неким индикатором того, что деятельность оперативных подразделений как минимум направлена на установление объективной истины, поскольку если перед оперативником не стоит задача установления объективной истины по делу, он не станет затрачивать время и усилия на организацию оперативных мероприятий, а тем более, не пойдет на оперативный риск. В идеале сама технология реализации оперативного риска должна сочетать в себе принципы законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, конспирации (ст. 3 ФЗ «Об ОРД») и других базовых принципов, гарантируемых Конституцией РФ. Так, правовая позиция Верховного Суда РФ [1] указывает оперативным сотрудникам на недопустимость нарушения принципов законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также его базовых конституционных прав (ст. 48, 49, 51 Конституции РФ) при проведении

опроса на этапе предварительного расследования, если данное ОРМ проводится негласно и с применением видеосъемки.

С другой стороны, оперативный риск связан с быстротой мышления, способностью оценивать факторы риска при меняющейся оперативной обстановке, умением прогнозировать последствия рисков. А это, в свою очередь, требует от сотрудников оперативных подразделений развитой интеллектуально-волевой, ценностно-мотивационной и психологической составляющей их деятельности.

Вообще, с позиции теории управления [2], риск — это уровень неопределенности в предсказании результата. Риск — это соотношение неопределенности ситуации и мотивации, внутреннего импульса. С другой стороны, в оперативно-разыскной работе так называемый «контролируемый» риск необходим как проявление потенциала развития. Это расширяет опыт тактической работы оперативного сотрудника, раскрывает неочевидные элементы оперативной тактики.

Сформулируем нулевую гипотезу. Независимо от сложности (разнообразие условий и факторов риска, площади, ландшафта местности, количества объектов оперативной заинтересованности и т.п.) обслуживаемой оперативной территории, эффективный контроль рискованных факторов и условий прямо пропорционален количеству оправданных рискованных действий со стороны оперативных сотрудников и обратно пропорционален снижению у последних числа негативных установок и ценностей. Другими словами, «контролируемый» со стороны оперативного сотрудника риск расширяет тактический потенциал (тактическое видение оперативной обстановки) оперативных подразделений, включая появление неочевидных тактических элементов, приемов. Сами риски могут проявляться, например, при разработке тактики и проведения ОРМ, привлечения граждан к конфиденциальному сотрудничеству (а это всегда риск расконспирации), учета/не учета ландшафта местности (риск неправильного прогноза мест прибытия и ухода с места происшествия), контроля прибывающих на территорию лиц с криминальным прошлым и т.п. Это позволит, с одной стороны, осуществлять эффективный контроль за складывающейся оперативной обстановкой, с другой — осуществлять мероприятия по своевременному реагированию на ее изменения.

Если наша гипотеза верна, тогда необходимо ответить на ряд важнейших вопросов: 1) какова конкретная мотивация, обуславливающая движение? Исходя из психологии, любые оценки, включая оценки прогностического характера, строятся на интеллекте, восприятии, памяти, эмоциях и т.п., которые управляются мотивацией. Подобные исследования в доступной нам литературе по ОРД мы не встречали (хотя справедливости ради следует отметить работу [3, с. 2]). С наших позиций следует продолжить изучать активно такую интенсивно развивающуюся категорию, как «оперативный риск». Причем такие исследования должны носить как минимум комплексный характер, с привлечением специалистов из области психологии, физиологии, кибернетики и как максимум, должны быть направлены на выработку (посредством тренингов) у оперативных сотрудников «правильных» для достижения целей по минимизации оперативного риска

установок и ценностей; 2) какова воспринимаемая ситуация, оцениваемые угрозы?; 3) каков ее потенциал?

Основным условием правомерности риска является его обоснованность, а с другой стороны, по выражению В.Г. Самойлова [4], главная цель риска — раздвинуть рамки непознанного. В таблице в качестве примера мы приводим некоторые виды оперативных рисков, учет которых приводит к расширению тактических возможностей оперативной работы, а неучет — к негативным последствиям как в оперативно-разыскной, так и уголовно-процессуальной деятельности. Можем видеть, что без учета типологии личности преступника затруднительно разрабатывать тактику отдельных ОРМ. Так, 17 сентября 1995 г. [5] группой лиц по предварительному сговору из 7 человек совершено не менее трех разбойных нападений, в том числе и убийств. После очередного разбоя члены банды, забравшись в дом, избили двух граждан, стали душить их бельевой веревкой, после чего перерезали шейную область бритвой. В целях сокрытия следов разбоя и убийства с помощью ветоши и спичек подожгли дом. Двоих членов банды задержали практически сразу, после совершения очередного разбоя.

Фрагмент некоторых видов оперативных рисков и их негативные последствия в оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности

Вид оперативного риска	Возможные негативные последствия риска в процессе ОРД	Риски нарушения оперативно-разыскного и уголовно-процессуального законодательства
1. Неучет при разработке тактики проведения ОРМ особенности типологии личности лица оперативной заинтересованности	<ul style="list-style-type: none"> - срыв оперативной работы; - проводимые ОРМ не дают запланированных результатов; - риск расконспирации, утечки оперативной информации; - риск не привлечения всех причастных к убийству лиц к уголовной ответственности; - риск неправильного выбора тактики проведения того или иного ОРМ в ситуациях, когда убийство совершается нетипичным преступником; - риск не учета нетипичных оперативно-разыскных ситуаций (ОРС) и т.п. 	<ul style="list-style-type: none"> - оспаривание (со стороны защиты) результатов «острых» по убийствам изучаемой категории ОРМ, таких как «оперативный эксперимент», «обследование помещений, зданий, сооружений ...» полученные с нарушением требований ст. 7, 8, 11, 15 ФЗ «Об ОРД». Например, недостаточные (незаконные) основания для проведения ОРМ (наличие судимости, учет в нарко- и/или психоневрологическом диспансере, наличие расстройства аутистического спектра, сведения о покупке лицом оперативной заинтересованности авиационного керосина, березовых дров, оперативные сведения об интересе заподозренного к автомобильным шинам и т.п.; - риск признания уголовно-процессуальных доказательств, полученных на основе результатов выше-названных ОРМ, недопустимыми (ст. 75) и т.п.

<p>2. Неучет уголовно-правовых и криминологических особенностей личности лиц, привлекаемых к конфиденциальному сотрудничеству</p>	<ul style="list-style-type: none"> - риск утечки оперативной информации; - риск получения дезинформации от криминальной среды; - неучет судимости, игнорирование состояния учета в нарко- и/или психоневрологическом диспансере, не учет физиогномических особенностей разрабатываемого лица, склонности к маскировке внешности; - неучет сведений о поддержании связи с криминальной средой и т.п. 	<p>- ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (п. 8 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД») в некоторых случаях проводилось с нарушением законодательства: а) не соответствие цели и задачам ОРД (ст. 2 ФЗ «Об ОРД»); б) подмена данного ОРМ следственным действием — обыском. В ходе проведения изымались емкости, содержащие горючие вещества, предметы одежды со следами горючих жидкостей для их дальнейшего исследования в рамках другого ОРМ «исследование предметов и документов» (п. 5 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД»). Однако по смыслу данное ОРМ не предполагает изъятие предметов, документов, других объектов (см. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 09.01.2013 № 45-О12-77)</p>
---	---	---

Они рассказали, что в состав группы входят семь человек, часть из которых ранее судима, другая часть состоит на учете в нарко- и психоневрологическом диспансере. Наше исследование показало [6, с. 674], что членов банды можно отнести к особой группе, которая совершает преступления от случая к случаю, члены группы хорошо знают друг друга, являются друзьями и живут неподалеку от совершаемых ими преступлений. Выдвигая версию об этом, оперативники провели бы ряд «острых» ОРМ в целях быстрого поиска и задержания заподозренных лиц. Однако неучет типовых особенностей привел к тому, что основные фигуранты дела были задержаны только в апреле 1996 г. Дополнительная причина такой неэффективной оперативной работы, как выяснилось позже, оказались записки, которые передавались задержанными на волю другим участникам преступной группы.

Существенный вклад в вопросы исследования такой оперативно-разыскной категории как «оперативный риск» в свое время внесли ученые: В.Г. Самойлов [4], И.Н. Озеров [7], В.Н. Коробейников [8], В.К. Зникин [9] и др. На основании вышеназванных и проведенных нами исследований в проблематику тактики использования оперативных рисков можно привести следующие положения.

Во-первых, положение о том, что *оправданность контролируемых «оперативных рисков»* приводит к появлению неочевидных тактических элементов в деятельности оперативных подразделений (например, тактические приемы содействия граждан, включая учет профиля лица оперативной заинтересованности при проведении ОРМ).

Во-вторых, положение, согласно которому, при *оценке оперативных рисков* особую роль играет психологическая составляющая оперативных сотрудников,

включающая в себя интеллектуальную, волевою и мотивационно-ценностную составляющую высшей нервной деятельности последних.

В-третьих, предлагается рассматривать *оперативный риск как процесс*, включающий в себя исследование как минимум следующих аспектов: а) диагностику, направленную на распознавание (идентификацию) рискованных ситуаций, предполагающую знание рискованных ситуаций, вероятность их наступления; б) прогнозирование, призванное определить направления развития рискованной ситуации; в) поиск оптимальных рекомендаций по минимизации оперативного риска.

Рисковые ситуации по убийствам, сопряженных с огнем, мы систематизировали в 4 группы:

1. риски, возникающие на начальном этапе оперативной работы. К этой группе можно отнести:

1.1. риск неучета личности разрабатываемого лица при подготовке и проведении ОРМ;

1.2. риск неправильного выбора тактики проведения того или иного ОРМ в ситуациях, когда убийство совершается нетипичным преступником;

1.3. риск неправильной оценки первоначальной оперативной ситуации в результате:

– ошибочная постановка вопросов перед врачом судебно-медицинским экспертом;

– неполучение желаемого результата при проведении ОРМ;

– отказ в возбуждении уголовного дела по материалам проверки сообщения о преступлении;

– возбуждение уголовного дела после установленных нормами УПК РФ сроков проведения проверочных мероприятий;

2. риски, возникающие на последующих этапах оперативной работы. В эту группу мы включаем:

2.1. риски, связанные с сотрудничеством граждан на конфиденциальной основе:

– риск отказа от сотрудничества;

– риск неучета неочевидных закономерностей между применением тех или иных тактических действий в работе с гражданами и перспективой возбуждения уголовного дела;

– риск неучета неочевидных закономерностей между применением тех или иных тактических действий в работе с гражданами и трудностью либо невозможностью на этапе расследования трансформировать информацию, полученную в результате проведения ОРМ в доказательства в уголовно-процессуальном смысле;

2.2. риск расконспирации при содействии граждан при создании благоприятной оперативной обстановки;

2.3. риск получения ложной информации от лиц-дезинформаторов;

2.4. риски, возникающие при подготовке и проведении иных методов оперативной работы (манипуляция, оперативная компрометация, легендирование и комбинация, дезинформация и т.п.);

3. риски, возникающие в нетипичных оперативно-разыскных ситуациях, например:

– когда есть сведения об исчезновении гражданина, которого уже нет в живых, и тело подверглось уничтожению огнем;

– когда при установлении захоронения обнаруживается обгоревший труп или костные останки и есть косвенные свидетельства того, что место захоронения совпадает с местом убийства;

– когда место захоронения не совпадает с местом убийства, имеются следы перемещения тела;

4. риски, связанные с нарушением процедуры легализации и трансформации доказательств, когда результаты ОРД исключаются из материалов уголовного дела как признанные судом не соответствующими требованиям относимости, допустимости и достоверности доказательств, установленных уголовно-процессуальными нормами.

В-четвертых, *предлагается осуществить математическое моделирование поведения оперативных рисков*. Из-за недостатка объема статьи разберем некоторые из описанных выше оперативных рисков. Нами обнаружена достоверная с позиции математической статистики ($p < 0,05$ при числе наблюдений (изученных материалов уголовных дел) более трехсот) множественная корреляционная связь между тактикой привлечения (вербовки) и участия граждан в оперативной работе, например, при проведении ОРМ, и частотой отказа граждан в содействии, утечки информации, получения ложной информации от конфиденнта и получения дезинформации от преступной группы. Величина коэффициента корреляции составила 0,65, что с позиции статистики [10] свидетельствует о высокой степени скоррелированности перечисленных выше, на первый взгляд, независимых признаков.

Для того чтобы понять смысл выявленной корреляции, следует подробно разобрать юридическую конструкцию состава тех ОРМ, в которых принимали участие конфиденнты. При этом наиболее значимыми тактическими приемами сотрудничества оказались:

1) различная степень легендирования при привлечении граждан: от полного раскрытия оперативного замысла (фактически речь идет о расконспирации) до полного легендирования замысла вербовки;

2) введение в задание конфиденнта стимулирования лиц, совершающих или совершивших преступление, к явке с повинной и/или заключению с правоохранительными органами досудебного соглашения (или, как частный случай, описанный у А.И. Алексеева и Г.К. Синилова [11] — склонение к конфиденциальному сотрудничеству). К примеру, конфиденнт по заданию оперативного сотрудника сообщает заподозренным в убийстве лицам дезинформацию о том, что правоохранительным органам известно, кто совершил преступление и побуждает последних к сотрудничеству со следствием в виде оформления явки с повинной или досудебного соглашения. Оперативный сотрудник такой способ выбирает в том случае, если конфиденнт хорошо знаком с заподозренными лицами и ему не составит сложностей войти с ними в контакт;

3) наличие или отсутствие примерного перечня вопросов для внедряемого.

Для оперативных подразделений важно знать, что члены преступных групп, которые оформляют явку с повинной, как правило, даже являясь свидетелями убийств, к убийствам отношения не имеют, а совершают преимущественно преступления небольшой или средней тяжести в составе преступной группы. Участие таких лиц в оперативной работе трудно переоценить. Не вдаваясь в подробности, скажем о возможном привлечении к оперативной работе на конфиденциальной основе подобной категории лиц, что не противоречит оперативно-разыскному законодательству (ст. 17 ФЗ «Об ОРД»). Таких граждан при проведении ОРМ можно привлекать для сбора сведений обо всех участниках преступной группы, для сбора сведений о непосредственных исполнителях убийств и т.п.

В-пятых, представляется необходимым обязательное включение в структуру оперативно-разыскной характеристики преступления такого элемента, как «оперативный риск».

Таким образом, нулевая гипотеза, сформулированная в начале статьи, хоть и находит свое подтверждение, тем не менее мы осознаем, что она недостаточно проработана и требует дальнейшего научного исследования, как минимум, с применением комплексного подхода, с привлечением специалистов из области психологии, физиологии, кибернетики и т.п.

Список литературы

1. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.02.2018 № 73-О18-1.
2. Панкрухин А.П. Маркетинг: учеб. для студентов, обучающихся по специальности 061500 «Маркетинг» / Гильдия маркетологов. 4-е изд., стер. М.: Омега.Л, 2006. 656 с.
3. Еникеев М.И. Психология оперативно-розыскной деятельности // Юридическая психология. 2008. № 2. С. 2-8.
4. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2012. 690 с.
5. Уголовное дело № 130020 // Архив Кемеровского областного суда. 1996 год.
6. Драпезо Р.Г. Возможные ситуации инсценировки некриминального пожара (в целях сокрытия следов преступления с помощью поджога) // Тенденции развития юридической науки на современном этапе: материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием (18 октября 2019 г.) / отв. ред. Е.С. Трезубов. М.: Проспект, 2020. С. 674.
7. Озеров И.Н. Категория риска в оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 202 с.
8. Коробейников В.Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с вымогательством: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001. 156 с.
9. Зникин В.К. Разрешение проблем корпоративной безопасности силами и средствами конкурентной разведки // Конкурентное право. 2011. № 2. С. 41-47.

10. Muller P., Neumann P., Storm R. Таблицы по математической статистике. М.: Финансы и статистика, 1982. 272 с.

11. Алексеев А.И., Синилов Г.К. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М.: ВНИИ МВД СССР, 1973. 128 с.

О.Б. Дронова, д.ю.н., доцент, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, г. Волгоград

П.С. Порываева, эксперт отделения № 6 Экспертно-криминалистического отдела Управления МВД России по г. Волгограду, г. Волгоград

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Привлечение к производству экспертизы соответствующего носителя специальных знаний в различных областях науки и техники зачастую является залогом успешного установления обстоятельств совершения противоправных действий. Это, в первую очередь, связано с тем, что специалисты в различных сферах деятельности объективно, беспристрастно на научной и методической основах исследуют объекты, которые являются материальными носителями следовой информации. Источником информации о событии преступления в данном случае является сам объект исследования, а результаты, полученные в ходе изучения, — итог работы субъекта применения специальных знаний. Использование термина «объективность» в качестве критерия, определяющего достоверность результатов судебно-экспертной деятельности, предусматривает широкое толкование рассматриваемой дефиниции, которая может быть рассмотрена в качестве:

- глобальной философской категории, отражающей основные концептуальные аспекты формирования теоретической базы для исследований у субъектов применения специальных знаний;
- принципа деятельности сотрудников государственных и негосударственных судебно-экспертных лабораторий;
- требования, предъявляемого к процессу исследования объектов;
- условия оценки заключения эксперта;
- термина, применяемого в судебно-экспертной деятельности.

«Объективность» является философской категорией с глубоким смысловым содержанием, которая отождествляет большинство познавательных процессов, с достоверностью и истинностью хода и результатов. Экспертное исследование объектов строится, в первую очередь, на общенаучных методах, таких как наблюдение, измерение, анализ, синтез, дедукция, индукция т.д., применение которых основано на ощущении, восприятии и представлении, т.е. на формах чувственного познания. Вся информация, которая поглощается сенсорным аппаратом, впоследствии проходит «обработку» рациональной частью, что позволяет выделить конкретные характеристики, выстроить структуру, определения, зако-

ны и т.д. Разум является формой рационального познания, которое состоит из следующих составных элементов: понятие, суждение, умозаключение. Проанализировав вышесказанное, нетрудно провести аналогию, что чувственное познание является отражением субъективности, а рациональное — отражением объективности. Стоит отметить, что две философские категории объективности и субъективности находятся в неразрывной связи и постоянно взаимодействуют, но для достоверности процесса исследования и результатов необходима гармония между ними.

Как основополагающий принцип судебно-экспертной деятельности объективность выстраивает прочные связи между всеми сферами деятельности внутри судебной экспертизы. Так, в научной статье [1] приводится мнение известного криминалиста, автора фундаментальных трудов в области криминалистики Р.С. Белкина, который утверждает, что «...принцип объективности выражает направленность криминалистических научных исследований, он неразрывно связан с материалистической философией, а именно с материалистической диалектикой. Возможность реализации принципа объективности в криминалистике, в ракурсе законов материалистической диалектики, означает философскую разработанность ее проблем, для всестороннего исследования предмета криминалистики. Основными критериями выражения принципа объективности основоположник отечественной криминалистики считает нетерпимость к ошибкам и недостаткам при исследовании, и высокую требовательность к рекомендациям науки в практике...». Стоит отметить, что мнение Р.С. Белкина обоснованно и концептуально, поскольку отражает связь философии — фундаментальной науки об общих понятиях и принципах реальности, и криминалистики, которая, несомненно, базирует свои основные положения на законах философии и материалистической диалектики, что в совокупности доказывает то, что ни одна наука не развивается сама по себе, а постоянно анализирует и интегрирует знания из других областей наук. Принцип «объективности» закреплен в основополагающем для государственных судебных экспертов законе, а именно в ст. 8 ФЗ № 73 от 31.05.2001 «О государственной судебно-экспертной деятельности» [2]. Диспозиция данной статьи гласит о том, что эксперт при производстве судебной экспертизы обязан «формулировать свои выводы объективно, опираясь только на логику исследования и результаты экспериментов», т.е. «объективность» в качестве принципа деятельности приобретает более строгую форму выражения и границы применения в деятельности судебных экспертов.

Также «объективность» выступает как требование к процессу исследования объектов, так, объективность при производстве судебной экспертизы вменяют экспертам в обязанности [3-5], т.е., законодатель, закрепляя данное требование, повышает «уровень доверия» заключению эксперта и требует обратить внимание лиц, производящих исследование, на технику и тактику производства экспертизы. Таким образом, выражение объективности как обязательного законодательного требования к процессу и результатам исследования отражает императивную позицию законодателя в отношении влияния специальных знаний на принимаемые решения органами расследования и суда.

Заключение эксперта, как и любое другое доказательство, подлежит оценке органами расследования и суда на предмет относимости, допустимости и достоверности. Если первые два условия — относимость и допустимость — являются больше процессуальными, то достоверность включает в себя ряд критериев, которые отражают непосредственно подготовку к исследованию, сам процесс производства экспертизы и получение результатов. Определяющими критериями достоверности выступают научная обоснованность, полнота, объективность, достаточность и др. Объективность в данном случае выступает в качестве гарантии непредвзятости, добросовестности эксперта, в отсутствии тенденциозности (склонности к пристрастному, предвзятому, одностороннему, преднамеренному искажению действительности) исследования. Выводы, данные экспертом, имеют строго научную и теоретическую основу. Обобщая вышесказанное, стоит отметить, что форма выражения объективности, как условие при оценке заключения эксперта, устанавливает конкретные границы для возможности проверки экспертного суждения, закрепленного в письменной форме, и помогает субъектам оценки в установлении истины по делу.

Применение термина «объективность» востребовано в судебной экспертизе, его суть отражена в числе основных нормативно-правовых актах, регламентирующих судебно-экспертную деятельность, в специальной литературе субъектов применения специальных знаний, в методиках производства экспертных исследований и т.д. Неоднократно на объективность исследования обращалось внимание ведущими специалистами в области судебной экспертологии. Так, Е.Р. Россинская отмечает: «...эксперт — исполнитель поручения следователя, обязан при реализации своей компетенции оставаться предельно беспристрастным и не идти на поводу, не подстраиваться под версию следствия; объективность результатов — и его прерогатива...» [6]. В данном контексте подчеркивается процессуальная независимость эксперта и отмечается необходимость в ориентировании экспертов на достоверность получаемых результатов. Н.П. Майлис определяет предмет идентификации как «... познание объективных закономерностей, свойств, условий и процессов, при которых может быть установлен именно тот самый объект...» [7]. В вышеперечисленных двух тезисах «объективность» выступает как термин, отражающий основной критерий достоверности результатов исследования как глобальная характеристика познаваемых объектов в процессе установления тождества. На основании анализа нормативно-правовой базы, специальной литературы можно сделать вывод о том, что «объективность» является неотъемлемой частью терминологического аппарата в судебно-экспертной деятельности.

Подводя итоги всему вышесказанному, хотелось бы отметить тот факт, что опора органов предварительного расследования и суда на специальные знания как на достоверные суждения является подтверждением статуса судебной экспертизы, как источника истинных, непровержимых, теоретически обоснованных суждений. Объективность в судебно-экспертной деятельности является необходимым критерием, который имеет широкий спектр своего выражения.

Список литературы

1. Дронова О.Б., Агаркова Т.К., Порываева П.С. Теоретические основы принципа объективности в судебно-экспертной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (67). С. 9-13.
2. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс»: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс»: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс»: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс»: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>
6. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е.Р. Россинская, Е.Н. Дмитриев, И.Н. Подволоцкий и др. М.: Проспект, 2019. 544 с.
7. Майлис Н.П. Трасология и трасологическая экспертиза: курс лекций. М.: Российский государственный университет правосудия, 2015. 236 с.

Н.А. Дудко, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул
А.Р. Прусс, помощник судьи Алтайского краевого суда, советник юстиции второго класса, г. Барнаул

О РАЗЪЯСНЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ОБВИНЯЕМЫМ ПРАВА НА ВЫБОР ФОРМЫ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В результате двадцатилетнего совершенствования уголовно-процессуального законодательства [1] и практики его применения получили дальнейшее развитие дифференцированные формы судебного производства. Наибольший научно-теоретический и практический интерес представляют две формы судебного производства: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) и производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей (гл. 42 УПК РФ).

Особый порядок судебного разбирательства — упрощенная дифференцированная форма судебного производства. Производство в суде с участием присяжных заседателей — усложненная дифференцированная форма судебного производства. Фактически эти формы судебного производства альтернативны, но

УПК РФ закрепляет общее для них основание производства: ходатайство обвиняемого о выборе формы производства. Обе формы судебного производства могут применяться только при наличии ходатайства обвиняемого, заявленного по окончании ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела (ч. 5 ст. 217 УПК РФ).

Право на выбор формы судебного производства является исключительным правом обвиняемого, так как ни один из других участников уголовного судопроизводства подобным правом не обладает. Однако наделение обвиняемого правом на выбор формы судебного производства целесообразно лишь при наличии в законе гарантий его реализации. Основной гарантией реализации права обвиняемого на суд присяжных является надлежащее выполнение следователем (дознавателем) полномочий на этом этапе предварительного расследования (п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ). Следователь обязан разъяснить обвиняемому его право ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей (п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ). Следователь (дознаватель) обязан разъяснить обвиняемому его право ходатайствовать о применении особого порядка судебного разбирательства (п. 2 ч. 5 ст. 217 УПК РФ). Кроме того, следователь (дознаватель) также обязан выявить желание обвиняемого воспользоваться этими правами или отказаться от них (ч. 2 ст. 218 УПК РФ). Надлежащее выполнение следователем (дознавателем) уголовно-процессуальных требований по разъяснению прав обвиняемому, а также заявление и оформление соответствующего ходатайства обвиняемого — необходимое условие реализации права обвиняемого на выбор формы судебного производства.

Значение реализации рассматриваемого права обвиняемого подчеркивают уголовно-процессуальные последствия его нарушения. Невыполнение органами предварительного расследования обязанности разъяснить обвиняемому его право заявить ходатайство о выборе формы судебного производства является препятствием для рассмотрения уголовного дела судом [2, п. 4; 3, п. 1] и специальным основанием возвращения уголовного дела прокурору (п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). В случае установления судом апелляционной, кассационной или надзорной инстанций такого нарушения приговор подлежит отмене с возвращением дела прокурору. Аналогичные последствия влечет неправомерный отказ в удовлетворении ходатайства обвиняемого о выборе формы судебного производства, заявленного с соблюдением условий, установленных уголовно-процессуальным законом.

Перед разъяснением обвиняемому права на выбор формы судебного производства следователь (дознаватель) должен проверить с учетом предъявленного обвинения и личности обвиняемого, какая именно форма судебного производства может быть применена и нет ли препятствий к ее применению. Соответственно, следователь (дознаватель), исполняя свою уголовно-процессуальную обязанность, разъясняет или не разъясняет обвиняемому право на выбор формы судебного производства.

Исходя из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции Российской Федерации) [4], волеизъявления лиц, находящихся в одинаковом уголовно-процессуальном статусе, должны быть равно-

значны. Несмотря на общий субъект права (обвиняемый) и общее основание (ходатайство о выборе формы судебного производства), законодатель установил для каждой из рассматриваемых форм судебного производства разные условия применения. В частности, по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет. Вопрос о форме производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних нами ранее исследовался [5-9], но некоторые условия производства по этой категории дел требуют дальнейшего изучения с целью выработки предложений по их совершенствованию.

Уголовное дело о преступлении, совершенном лицом в возрасте до восемнадцати лет, не может быть рассмотрено судом в особом порядке. В УПК РФ отсутствует как запрет, так и разрешение на применение этой формы судебного производства в отношении несовершеннолетних. Однако невозможность рассмотрения в таком порядке дел в отношении несовершеннолетних обвиняемых следует из содержания п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 60 от 5 декабря 2006 г. «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [2]. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» дано аналогичное разъяснение: «Закон не предусматривает применение особого порядка принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого... Указанное положение распространяется на лиц, достигших совершеннолетия ко времени судебного разбирательства» (п. 15) [10].

Несовершеннолетние обвиняемые с 1 августа 2013 г. также были лишены права на рассмотрение их дела судом с участием присяжных заседателей: соответствующие изменения были внесены Федеральным законом № 217-ФЗ от 23 июля 2013 г. в п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ [11]. В связи с ограничением права несовершеннолетних обвиняемых ходатайствовать о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей с жалобой в Конституционный Суд РФ обратился гражданин В.А. Филимонов. Конституционный Суд РФ признал п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК Российской Федерации, не предполагающий в системе действующего правового регулирования возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, соответствующим Конституции Российской Федерации [12].

Таким образом, в соответствии с нормами УПК РФ, а также правовыми позициями Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, несовершеннолетние обвиняемые не имеют права заявлять ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, а также заявлять ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства. Соответственно, следователь (дознаватель) не только не обязан, но и не может разъяснять несовершеннолетним обвиняемым право на выбор этих форм судебного производства.

Необходимо дальнейшее законодательное уточнение или разъяснение Верховным Судом РФ вопроса о форме судебного производства в отношении несовершеннолетних, участвовавших в совершении преступления совместно с совершеннолетними. В этом случае при производстве в общем порядке действует

положение ст. 422 УПК РФ: уголовное дело в отношении несовершеннолетнего выделяется в отдельное производство. Если выделение уголовного дела в отдельное производство невозможно, то к несовершеннолетнему обвиняемому, привлеченному по одному уголовному делу со взрослым, применяются правила производства в отношении несовершеннолетних.

Проблема в применении исследуемых дифференцированных форм судебного производства, когда выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего невозможно, так как может отразиться на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела (ч. 2 ст. 154, ст. 239-1 УПК РФ). Несовершеннолетние обвиняемые не могут заявить ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей или ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства. Однако такие ходатайства могут заявить совершеннолетние (взрослые) соучастники.

Применительно к особому порядку судебного разбирательства Верховный Суд РФ дал разъяснение: особый порядок судебного разбирательства не применяется и в отношении совершеннолетних обвиняемых. Если по уголовному делу обвиняется несколько лиц, хотя бы одно из которых является несовершеннолетним, то в случае заявления ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства и невозможности выделить материалы дела в отношении лиц, заявивших это ходатайство, в отдельное производство, такое уголовное дело в отношении всех обвиняемых должно рассматриваться в общем порядке [2, п. 7; 10, п. 15].

Применительно к рассмотрению уголовного дела судом с участием присяжных заседателей конфликт интересов совершеннолетних и несовершеннолетних обвиняемых разрешен по-другому. В соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 22 мая 2019 г. № 20-П дело рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, в том числе несовершеннолетних, если совершеннолетний соучастник заявил ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных [13]. «Признать пункт 21 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, как допускающий — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 325 данного Кодекса, — возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовного дела по обвинению в совместном совершении преступления лица, достигшего к моменту его совершения совершеннолетия, и несовершеннолетних лиц в случае, если суд придет к выводу о невозможности выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетних в отдельное производство ввиду того, что это будет препятствовать всесторонности и объективности разрешения дела, выделенного в отдельное производство, и дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей, и при условии отсутствия среди вмененных подсудимым тех преступлений, дела о которых выведены из предметной подсудности суда с участием присяжных заседателей» (п. 1 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ) [13].

Таким образом, форма судебного производства зависит от волеизъявления совершеннолетнего обвиняемого, который решил воспользоваться своим правом и заявил ходатайство о суде присяжных. Конституционному праву обвиняемого на рассмотрение дела судом с участием присяжных отдается предпочтение. Причем независимо от того, что в деле участвуют и несовершеннолетние обвиняемые, которые в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ № 16-П от 20 мая 2014 г. [12] не имеют самостоятельного права на рассмотрение их дела судом с участием присяжных заседателей.

Считаем, что Постановление Конституционного Суда РФ № 20-П от 22 мая 2019 г. [13] противоречит Постановлению Конституционного Суда РФ № 16-П от 20 мая 2014 г. [12]. Речь идет о несовершеннолетних обвиняемых, для реализации прав которых необходимы усиленные уголовно-процессуальные гарантии. Поэтому вопрос о возможности рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в отношении всех обвиняемых (совершеннолетних и несовершеннолетних соучастников при невозможности выделить дело в отношении несовершеннолетних) требует дополнительного нормативного разрешения.

Во-первых, предлагаем внести изменения в соответствующие нормы УПК РФ: п. 2-1 ч. 2 ст. 30 «Подсудность уголовных дел»; п. 1 ч. 5 ст. 217 «Ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела»; ст. 239-1 «Выделение уголовного дела»; ч. 2 ст. 325 «Особенности проведения предварительного слушания».

Во-вторых, предлагаем разъяснение Верховного Суда РФ в Постановлении Пленума «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» [3] распространить и на несовершеннолетних обвиняемых. Действующая редакция Постановления Пленума Верховного Суда РФ предусматривает следующее [3, п. 3]. В случае когда по делу участвует несколько обвиняемых, среди которых есть лица, имеющие в соответствии с законом право на рассмотрение в отношении их уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, и хотя бы один из них обратился с ходатайством о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, судья в ходе предварительного слушания решает вопрос о выделении уголовного дела в отношении этих обвиняемых в отдельное производство. В случае принятия решения о невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство судья назначает дело к рассмотрению судом с участием присяжных заседателей.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что существующий механизм реализации права несовершеннолетних обвиняемых на выбор формы судебного производства требует дальнейшего совершенствования. Необходимо законодательно, а также через разъяснения Верховного Суда РФ уточнить полномочия следователя (дознателя) по разъяснению несовершеннолетним обвиняемым права на выбор формы судебного производства и условия принятия решения о форме судебного производства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.06.2022). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 60 от 5 декабря 2006 г. «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (с изм., внесенными постановлениями Пленума от 24 февраля 2010 г. № 4, от 23 декабря 2010 г. № 31 и от 9 февраля 2012 г. № 3, от 5 июня 2012 г. № 10, от 22 декабря 2015 № 59, от 29 июня 2021 № 22). [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8275/>.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 22 ноября 2005 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (с изм., внесенным постановлением Пленума от 22 декабря 2015 № 59, от 15 мая 2018 № 11). [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8027/>.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravo.gov.ru>.
5. Davidov S., Dudko N., Neymark M. Protecting the constitutional rights of the accused minors in the system of measures to ensure social security in cross-border regions. (Давыдов С.И., Дудко Н.А., Неймарк М.А. Защита конституционных прав несовершеннолетних обвиняемых в системе мер обеспечения социальной безопасности в трансграничных регионах) // Т. 1. Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR (2019)). Vol. 364. Pp. 428-432. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/icsdcbr-19/125922318>.
6. Kiryushina L., Dudko N., Gelmel I. Youth extremism as a threat to the social security of cross-border territories (Кирюшина Л.Ю., Дудко Н.А., Гельмель Е.В. Молодежный экстремизм как угроза социальной безопасности трансграничных территорий) // Т. 1. Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions: Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR (2019)). Vol. 364. Pp. 456-459. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/icsdcbr-19/125922324>.
7. Дудко Н.А., Прусс А.Р. Проблемные вопросы реализации права обвиняемого на выбор формы судебного производства // Уголовное судопроизводство: правовое, криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение: монография / под ред. С.И. Давыдова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 42-58.
8. Дудко Н.А. О реализации права несовершеннолетних обвиняемых на суд присяжных // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2017. № 2 (6). С. 25-27.
9. Дудко Н.А. О конституционном праве обвиняемых (женщин и несовершеннолетних) на суд присяжных // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 68-70.

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (с изм., внесенными постановлениями Пленума от 9 февраля 2012 № 3, от 2 апреля 2013 № 6, 29 ноября 2016 № 56, 28 октября 2021 № 32). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru><https://vsrf.ru/documents/own/8276/>.

11. Федеральный закон от 23.07.2013 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (Часть I). Ст. 4050.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова». [Электронный ресурс]. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision161778.pdf>.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 мая 2019 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2¹ части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда». [Электронный ресурс]. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision403355.pdf>.

Е.В. Ильюк, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

МОТИВАЦИЯ К СЛУЖБЕ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

При приеме на службу в правоохранительные органы проверяется отсутствие фактов привлечения к уголовной и административной ответственности у самого сотрудника и близких родственников, статуса предпринимателя и ведения коммерческой деятельности, контроль за доходами и расходами, отсутствие счетов в зарубежных банках и иностранных финансовых инструментов, недвижимости за рубежом у самого сотрудника, членов семьи и близких родственников. Перед приемом на службу сотрудники проходят психологическое тестирование и полиграф.

При внесении изменений в Конституцию РФ в 2020 г. были внесены изменения в ст. 119 Конституции, которая устанавливает требования к судьям, и в ст. 129, которая устанавливает требования к прокурорам.

В Закон «О прокуратуре Российской Федерации» также были внесены изменения в статью 40¹ — о требованиях, предъявляемых к лицам, назначаемых на

должности прокуроров. В нее включено положение, согласно которому лицо не может быть принято на службу, «если оно: имеет гражданство (подданство) иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства».

Такое же ограничение внесено в ч. 5 ст. 17 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации»: гражданин не может быть принят на службу в уголовно-исполнительной системе, если он имеет вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного государства.

Пункт 3 ст. 4 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 08.12.2020, с изм. от 30.12.2020) «О статусе судей в Российской Федерации» к требованиям, предъявляемым к кандидатам на должность судьи, добавил следующее: «не имеющий гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства» (в ред. Федерального закона от 08.12.2020 № 426-ФЗ).

Аналогичные дополнения, на наш взгляд, должны быть внесены также в закон «О Следственном комитете Российской Федерации». В статью 16 «Требования, предъявляемые к гражданам Российской Федерации, принимаемым на службу в Следственный комитет» следует добавить: «или вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства».

Подпункт 10 п. 4 ст. 16 рассматриваемого закона содержит ограничение: не может быть принят на службу, если не соблюдал ограничения и не исполнял обязанности, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Этим законом установлен «запрет открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами».

Иноагенты не могут быть на государственной службе. В рассматриваемые законы «О Следственном комитете в Российской Федерации», а также «О прокуратуре Российской Федерации», «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» и другие, на наш взгляд, целесообразно включить также дополнительное основание для отказа в приеме на службу: «безвозмездно получало денежные средства и иное имущество от граждан (организаций) иностранных государств или реализовало на территории Российской Федерации проекты, программы либо осуществляло иную деятельность, которая представляют угрозу интересам Российской Федерации (включено в список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента)».

Основанием для такого включения является закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»

с изменениями, внесенными ФЗ № 481-ФЗ от 30 декабря 2020 г., в который включен п. 8 статьи 2¹: «Физическое лицо, включенное в список лиц, выполняющих функции иностранного агента, не может быть назначено на должности в государственных органах и органах местного самоуправления».

Конкурсная система подбора кадров. Антикоррупционные меры должны распространяться не только на период службы, но и на период «до службы», то есть на период трудоустройства. Для снижения коррупционных рисков при приеме на государственную службу ФЗ от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» п. 2 ст. 11 предусмотрел порядок поступления на государственную службу и замещения вакантных должностей на конкурсной основе. В связи с этим предлагается данную норму о конкурсной системе подбора кадров перенести и продублировать в Законах «О Следственном комитете Российской Федерации», «О прокуратуре Российской Федерации». В отдельные законы это положение включено: в уголовно-исполнительной системе; в судебной системе; на гражданской службе¹.

В законах о Следственном комитете и о Прокуратуре конкурсная система замещения должностей для федеральных государственных служащих не предусмотрена, хотя эта норма имеет серьезный антикоррупционный потенциал. Конкурс предполагает элемент открытости и прозрачности, объективного подхода при решении кадровых вопросов.

В Кодексе этики прокурорского работника отмечается необходимость исключения протекционизма и подбора по принципу личной преданности (п. 6.4)². В Кодексе этики сотрудника МВД также указано на необходимость «не допускать протекционизма и избирательности при принятии решений по вопросам прохождения службы» (п. 9.3), «признавать приоритет государственных и служебных интересов над личными» (п. 6.2), объективно оценивать результаты служебной деятельности подчиненных, не допускать протекционизма и избирательности при принятии решений по вопросам прохождения службы (п. 9.3).³

Г.А. Василевич на примере Республики Беларусь отмечает, что на практике слабо практикуется публичное проведение конкурса на вакантные должности. Когда руководителю предлагается несколько кандидатур, «неизвестно, какими критериями руководствуется предлагающий этих кандидатов: знакомство по учебе, предшествующей службе, рекомендации иных лиц... Такая схема назначения на должность имеет право на жизнь, однако она не самая эффективная для обеспечения общественных интересов» [1, с. 132].

В Стратегии национальной безопасности РФ (п. 45) указано, что на фоне сохраняющихся в Российской Федерации социально-экономических проблем

¹ Статья 25 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации»; ч. 5 статьи 13 закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации»; ст. 22 закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

² Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации утвержден Приказом Генеральной прокуратуры от 17.03.2010 № 114.

³ Приказ от 26.06.2020 № 460 Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

растет потребность общества в повышении эффективности государственного управления, усилении борьбы с коррупцией, в проведении не подверженной влиянию групповых и родственных интересов кадровой политики в органах публичной власти [2].

Воспитательная работа в целях предупреждения коррупции. «Неподкупность» прокурорских работников указана в числе требований в Кодексе этики прокурорского работника Российской Федерации, утвержденный Приказом Генеральной прокуратуры от 17.03.2010 № 114.

Согласно Концепции воспитательной работы, в Следственном комитете целью воспитательной работы является формирование мировоззрения и системы ценностей сотрудников, а также гражданско-патриотических и морально-нравственных качеств, необходимых для эффективного труда (п. 6), приумножение традиций российской государственности, культурного достояния Отечества [3].

Антикоррупционное воспитание может быть формальным и неформальным, указана цель — формирование не подверженной коррупции личности, указывается, что антикоррупционное воспитание должно осуществляться на научной основе. Простое знание законодательства, основ судопроизводства не гарантирует, что сотрудники будут соблюдать и чтить законы. Коррупцию нельзя минимизировать лишь силовыми или законодательными методами, необходимо влияние на сознание. К элементам антикоррупционного воспитания относят патриотизм, желание приносить общественную пользу, гражданский и служебный долг [4]. Несмотря на проводимую воспитательную работу и ограничения и запреты, нарушения все-таки есть.

С 2007 по 2019 г. к дисциплинарной ответственности за нарушение Присяги сотрудника Следственного комитета РФ привлечено 711 должностных лиц. Увольнение как мера дисциплинарного взыскания применено к 345 сотрудникам. В 2019 г. за совершение грубого дисциплинарного проступка и нарушение Присяги сотрудника Следственного комитета из следственных органов было уволено 34 человека (в 2018 г. — 49), были возбуждены уголовные дела и велось следствие в отношении 44 сотрудников (в 2018 г. — 53) [5, с. 127-132].

Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации призывает признавать приоритет государственных и служебных интересов над личными¹.

Воспитательная и идеологическая работа в Министерстве обороны. Наиболее разработанной является правовая база идеологической работы в Министерстве обороны РФ. В Министерстве обороны РФ проведение идеологической работы возложено на военно-политические органы. Военно-политическая подготовка в Вооруженных силах РФ является формой военно-политического, государственно-патриотического, нравственного, правового и эстетического воспитания. Целью военно-политической подготовки является формирование высокого уровня военно-политического сознания и культуры, качеств воина-

¹ Приказ МВД от 26.06.2020 № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».

государственника, патриота, высоконравственной личности, сознательного и ответственного отношения к воинскому долгу¹.

К задачам военно-политической работы относятся: формирование патриотизма, осознанного отношения к выполнению воинского долга, повышение мотивации профессионального мастерства, формирование правовой культуры, формирование понимания и поддержки государственной политики, решений Президента на основе патриотических убеждений, чувства верности Отечеству, воинской чести и чувства достоинства. Военно-политические органы организуют мероприятия по защите войск от негативного информационно-психологического воздействия².

В борьбе с коррупцией используются прежде всего формальные запреты и ограничения. Для российского менталитета уважения к «букве закона» недостаточно. Также не соответствует русскому менталитету отношение к государственной службе как к виду менеджмента [6, с. 164-165].

Для формирования «неподкупного» государственного служащего нужна государственная идеология — идея служения государству и народу.

Можно вспомнить слова русского генерала Н. Морозова, который в 1907 г. писал, что «служба наша, в конце концов, идейная, потому что нет таких денег, которыми бы можно купить жизнь человека, и не за деньги отдает офицер свою жизнь для блага родины. Надо, очень надо улучшить материальную обстановку строевого офицера, но нельзя думать, что этим улучшается корпус офицеров, возбуждается его любовь к делу» [7].

Неподкупных силовиков (сотрудников правоохранительных органов) устраниают либо физически, либо морально (используют ложь, клевету), устранив со службы в правоохранительных органах (примеры знают все).

Психологическое тестирование учитывает такой фактор, как мотивы поступления на службу в правоохранительные органы. Традиционной мотивацией поступления на службу в правоохранительные органы являются мотивы обеспечения семьи и карьерный рост. Но достаточно ли этих мотивов с учетом современных требований к государственному служащему? Достаточно ли для формирования модели антикоррупционного поведения? Если основным мотивом является обеспечение семьи (то есть материальный, или «корыстный» мотив), то такого государственного служащего всегда можно «перекупить». Что же нужно для формирования «неподкупного» государственного служащего?

В Кодексе этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации, утвержденному Председателем Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыки-

¹ Руководство по организации военно-политической подготовки в Вооруженных Силах Российской Федерации. Приложение к приказу Министра обороны Российской Федерации от 22.02.2019 № 95.

² Приказ Министра обороны Российской Федерации от 22.07.2019 № 404. Об организации военно-политической работы в вооруженных силах Российской Федерации. Приложение № 1 Основы организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации.

ным 11.04.2011 (п. 24) закреплено требование быть верным гражданскому долгу, защищать интересы общества и государства.

Именно эта мотивация — долг, восстановление справедливости, для людей и отечества — и должна быть у государственных служащих. Ее нужно воспитывать, а значит, государственная идеология должна быть возвращена в образовательные учреждения и СМИ, и, в первую очередь, в ведомственные учебные и образовательные учреждения.

Мотивация государственного служащего к труду иная, чем мотивация в коммерческой организации. Она включает в себя служение, служение государству и обществу, патриотизм, желание принести пользу государству и обществу [8, 9; 10, с. 174-177].

Идеологическая подготовка должна быть частью профессиональной подготовки государственных служащих. Идеология — более широкое понятие, чем воспитательная работа. Идеология включает понимание стратегии государства, целей деятельности государства и государственных органов.

Отсутствие государственной идеологии подрывает национальную безопасность Российской Федерации. Идеология является стержнем национальной безопасности, она формирует представление о целях жизни и деятельности людей.

Государственная идеология — служение Отечеству — снижает риск коррупции, повышает мотивацию государственных служащих, эффективность деятельности (идеологически мотивированного государственного служащего невозможно «перекупить»).

Есть ли препятствия для идеологической подготовки государственных служащих? Есть ли недостатки в правовом обеспечении?

По мнению ряда ученых, препятствием является установленный в ст. 13 Конституции РФ запрет на государственную идеологию. Внесение изменений в эту статью предлагается во множестве научных исследований, авторы которых предлагают исключить слова «государственной или» из ч. 2 ст. 13 [11, с. 51-57; 12, с. 4-7; 13, с. 104-112; 14, с. 103-104; 15, с. 9-16; 16, с. 107-115]. Нуждаются в совершенствовании и дополнении также другие нормативные акты в сфере правового регулирования государственной службы; необходима организация идеологической подготовки с учетом изучения и адаптации опыта Министерства обороны РФ.

Список литературы

1. Бернацкий Г.Г. Государству необходима государственная идеология // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. Т. 15. № 2. С. 4-7.
2. Василевич Г.А. Совершенствование механизма подбора кадров на коррупциогенные должности как важнейшее средство противодействия коррупции в республике Беларусь на современном этапе // Криминология в условиях трансформационных процессов: национальный и международный аспекты: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Полоцкого государственного университета / редкол.: И.В. Вегера и др. Новополацк, 2018. С. 131-141.

3. Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400// СПС «Консультант-Плюс».
4. Концепция воспитательной работы в Следственном комитете Российской Федерации / утв. Председателем Следственного комитета РФ 26.06.2017.
5. Основные направления, формы и методы работы по антикоррупционному воспитанию молодых сотрудников следственных органов и обучающихся в образовательных организациях Следственного комитета Российской Федерации: учебно-методическое пособие. М., 2017.
6. Черемисина Т.В. Понятие, цели, задачи и принципы воспитательной работы в Следственном комитете Российской Федерации // Вестник Московской академии Следственного комитета. 2020. № 4. С. 127-132.
7. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Баранов П.П. Основы национальной безопасности: учеб. пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. С. 164-165.
8. Бархаев Б.П., Караяни А.Г., Перевалов В.Ф., Сыромятников И.В. Психология и педагогика профессиональной деятельности офицера. М.: Воениздат, 2006.
9. Каппушев С.С. Психологические особенности мотивации профессиональной деятельности сотрудников государственной противопожарной службы МЧС России: автореф. дис. ... канд. псих. наук. СПб., 2006.
10. Корнилов А.А. Организация и правовые основы функционирования органов и учреждений федеральной службы исполнения наказаний по формированию мотивации служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... к.ю.н. Рязань, 2009.
11. Слепцова Е.В., Балабанова О.А. Мотивация труда в системе государственной службы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 12-1 (58). С. 174-177.
12. Абакумова Е.Б. К вопросу правового значения государственной идеологии в Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 51–57.
13. Куатбеков Ж.А. Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2013. № 6. С. 144-148.
14. Мишуров И.Н., Мишурова О.И. Национально-государственная идеология // Сервис в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 104-112.
15. Петухова Т.Н. Государственная идеология как конституционная ценность (историко-правовое исследование) // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 103-104.
16. Радько Т.Н. Государственная идеология и идеологическая функция права // Вестник академии права и управления. 2012. № 29. С. 9-16.
17. Неверов А.Я. Государственная идеология в Российской Федерации: конституционно-правовые основания // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 4. С. 107-115.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СВИДЕТЕЛЕЙ-ОЧЕВИДЦЕВ

Показания свидетелей являются одним из важнейших звеньев в цепи доказывания и установления истины по уголовному делу. От точности и достоверности полученной информации, как известно, будет зависеть установление всех причастных к факту преступления лиц и их виновности. Даже в так называемых бесконфликтных ситуациях допроса, когда свидетель желает и готов давать показания, не исключены ошибки и неточности в передаваемой информации в силу объективных и субъективных факторов. Особое значение это обстоятельство приобретает при допросе несовершеннолетних свидетелей. Не только процессуальные особенности допроса данной категории свидетелей оказывают влияние на его проведение, но и ряд психологических особенностей психики несовершеннолетних.

В рамках данной статьи, полагаем, следует остановиться на отдельной категории несовершеннолетних свидетелей, а именно очевидцев. Как показывает практика, несовершеннолетние становятся очевидцами самых разных преступлений, это и убийства, совершаемые членами семьи, грабежи и разбойные нападения на сверстников и т.д.

Психологическое состояние несовершеннолетнего свидетеля-очевидца в значительной мере может определяться его «обвинительной доминантой» и отрицательными эмоциями, которые возникают по отношению к лицу, совершившему преступление. Эти конфликтные состояния нередко бывают связаны и с возрастными особенностями психики несовершеннолетнего.

При взаимодействии следователя и несовершеннолетнего свидетеля-очевидца необходимо учитывать его негативно-эмоциональное состояние, возникшее в результате преступления и наблюдения его последствий. Психические состояния несовершеннолетних свидетелей-очевидцев можно отнести к экстремальным психическим состояниям, таким как фрустрация, стресс и аффект, вызывающим существенные сдвиги в его отражательно-регуляционной сфере. Наиболее наглядно это проявляется при совершении насильственных преступлений, свидетелями которых становятся подростки. Изучение материалов судебно-следственной практики показывает, что дети и подростки становятся очевидцами совершения самых тяжких преступлений, совершаемых, в частности, в семейно-бытовой сфере. Типичной является ситуация, когда и преступник, и потерпевший находятся в родственных отношениях с несовершеннолетним свидетелем-очевидцем. В конфликтных ситуациях, к которым относится событие преступления, сужается сознание несовершеннолетнего, ограничиваются его адаптивные возможности. Травмирующее воздействие событий приводит к преувеличению потерпевшим временных интервалов (иногда в 2-3 раза), что необходимо учитывать при проведении допросов и очных ставок [1, с. 100].

Грубые физические воздействия, очевидцем которых становится несовершеннолетний, являясь сверхсильными раздражителями, вызывают нарушение психической деятельности, что может дезориентировать следствие. При этом нередки следственные ситуации, когда событие преступления точно запечатлется в их памяти, и несовершеннолетние допрашиваемые запоминают приметы и действия преступника.

Следователю необходимо учитывать динамику психического состояния данной категории допрашиваемых. Повторно переживая случившееся, во время проведения следственных действий несовершеннолетние свидетели-очевидцы активно реконструируют прошедшие события. Для многих из них характерно состояние повышенного уровня тревожности и, как следствие этого, дестабилизация личности, психической интегрированности, нарушенность социальной адаптированности [2, с. 516]. Повторное обращение к аффектогенным обстоятельствам может вызвать напряженное психическое состояние, произвольный уход от психотравмирующих обстоятельств. Все это требует особой чуткости, тактичности и внимательности со стороны следователя.

В подобных условиях у несовершеннолетних допрашиваемых может произвольно сформироваться механизм психологической защиты от повторных психотравмирующих воздействий. Интенсивные процессы торможения, их иррадиация могут значительно затруднить получение от свидетеля необходимых для расследования сведений. Стремление выйти из сферы следствия может привести к поспешным конформным показаниям, согласно с предположениями следователя. Следует учитывать и возможное воздействие на свидетеля-очевидца лиц со сторон обвинения. Следователю необходимо чутко улавливать динамику настроения несовершеннолетнего.

О переходе от правдивых показаний к ложной информации свидетельствуют, чаще всего, психическая напряженность, замкнутость, формальность речевых построений несовершеннолетних. В этих ситуациях следователь должен понять, кто и каким образом мог оказать на него психологическое давление воспроизвести возможный ход рассуждений заинтересованных лиц, показать их несостоятельность.

Также следует особое внимание обращать на анализ речевой характеристики высказываний несовершеннолетних свидетелей-очевидцев. Как отмечают исследователи, правдивые высказывания формулируются собственными словами, отражая реальный кругозор человека, его жизненный опыт и образование. В свою очередь, лживые речевые конструкции с целью придания им большей значимости изобилуют сложной терминологией (медицинской, правовой и т.д.), а также указывают на применение словарного запаса, не свойственного данному человеку в соответствии с его квалификацией, образованием и жизненным опытом [3, с. 307].

Также речевые конструкции подростков всегда индивидуализированы и носят уникальный характер, несмотря на использование модных и современных сленговых слов. Следует обращать внимание на то, что лживые показания лишены деталей.

Следует согласиться с авторами, которые отмечают особый эмоциональный фон, который сопровождает правдивые показания и достоверную информацию. Так, Е.Н. Соколова отмечает, что правдивые высказывания всегда сопровождаются сильными эмоциями и убедительностью речи человека, что свидетельствует об эмоциональной насыщенности и убедительности высказываний. Если допрашиваемый говорит правду, его трудно сбить с толку, заставить отказаться от своих слов, изменить свою точку зрения. Лживые речевые конструкции сопровождаются меньшими эмоциями. Иногда эмоции носят инсценированный характер. Можно подозревать, что эмоции и переживания искусственны и умышленно демонстрируются и человеком [3, с. 308].

Показания свидетелей-очевидцев относятся к так называемым прямым доказательствам. Поэтому, полагаем, что крайне важно установить достоверность информации, которую несовершеннолетний свидетель-очевидец передает следователю. Ошибки, которые могут быть допущены в силу как объективных, так и субъективных факторов, могут самым негативным образом отразиться на расследовании преступления и установлении истины по делу в суде.

Список литературы

1. Кирюшина Л.Ю. Юридическая психология: учебное пособие. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. С. 100.
2. Еникеев М.И. Общая, социальная и юридическая психология: учебник для вузов. СПб., 2003. С. 516.
3. Соколова Е.Н. Психологические особенности диагностирования лжи и скрываемых обстоятельств в ходе получения оперативно-значимой информации // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сборник материалов Международной научной конференции (15-16 февраля 2007 г.): в 2 ч. / Сибирский юридический институт МВД. Красноярск, 2007. Ч. 2. С. 307-308.

А.А. Корчагин, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и таможенных расследований Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург

М.А. Неймарк, к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НОВЕЙШИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Успешная деятельность по выявлению, раскрытию, предварительному и судебному следствию по уголовным делам об умышленных убийствах невозможна без активного внедрения в практическую деятельность современных достижений науки и техники. Основоположник криминалистики Ганс Гросс в предисло-

вии к своей работе писал о субъективности и ненадежности таких доказательств, как показания свидетелей, в то же время первостепенное значение он отводил исследованию материальных следов, называл их немymi свидетелями преступлений, изучение которых возможно при условии активного использования технических средств. Так, он отмечал: «Неисчислимыe недостатки чувственного восприятия, существенные различия между людьми в отношении роста, природных качеств и свойств, привитых культурой, в отношении настроения, здоровья, в силу окружающей среды — все это оказывает на человека столь сильное влияние, что мы об одном и том же факте почти никогда не получаем двух совершенно тождественных показаний, и как только мы попытаемся проверить, что люди наблюдают, и что они нам сообщают, то мы констатируем лишь ошибки за ошибками. «Формальное доказательство» со слов двух свидетелей может дать лишь «формальную истину». Найденные и использованные следы преступника, аккуратно составленный чертеж, хотя бы и несложный какой-нибудь микроскопический препарат, расшифрованная переписка, фотографические снимки, татуировка, восстановленное обуглившееся письмо, какое-нибудь точное измерение и тысяча подобных реальностей суть ни что иное, как неподкупные свидетели, не допускающие опровержения, — и в то же время допускающие постоянную проверку, — свидетели, в отношении которых исключается возможность ошибки, одностороннее понимание, злая воля, клевета и подобное. С каждым успехом криминалистики падает значение свидетельских показаний и одновременно повышается значение реальных доказательств» [1, с. X-XI].

В.И. Лебедев в своем труде «Искусство раскрытия преступлений. I. Дактилоскопия» еще в 1909 г. писал: «Успешную борьбу с современными преступниками может вести только та полиция, которая вооружена по крайней мере равным или лучшим оружием новейшей техники и прикладных знаний и искусно ими владеет» [2, с. XII].

Большое внимание использованию технических средств в расследовании преступлений также уделял профессор А. Вейнгарт. В своем труде «Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений» им уделено большое внимание применению технических средств в расследовании преступлений, приемам использования технических средств для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования материальных следов преступной деятельности [3, с. 48-64].

С.Н. Трегубов считал, что криминалистика — это прикладная наука, использовал для ее обозначения термин «уголовная техника», тем самым подчеркивая значимость и первостепенность использования технических средств в процессе раскрытия и расследования преступлений. Он отмечал влияние научно-технического прогресса на изменение преступности: «Колоссальные успехи техники в течение нескольких последних десятилетий, обогащая современное человечество различными изобретениями, открытиями и усовершенствованиями и оказывая плодотворное влияние на развитие промышленности и экономическое благосостояние культурных народов, произвели вместе с тем заметное, но, к сожалению, вредное воздействие на внешние формы проявления преступности. Улучшая обиход общественной жизни, многие технические открытия дают в руки преступников новые усовершенствованные орудия для учинения пре-

ступлений и создают более благоприятную обстановку для их деятельности. В настоящее время для судебного следователя недостаточно знать уголовные законы формы и обряды судопроизводства. Недостаточно также житейского опыта, энергии, сметливости и наблюдательности. Все эти качества только тогда приобретают неопределимое значение, когда они освещены знанием выработанных наукой технических приемов расследования» [4, с. 3-4].

О значимости применения криминалистической техники говорил и профессор Р.А. Рейс: «Нередко для присяжных свидетельские показания и объяснения подсудимых представляются недостаточными доказательствами виновности. Для их убеждения необходим более достоверный материал, — то, что закон называет вещественными доказательствами. Однако пока последние не подвергнуты исследованию, — они немые свидетели по делу. Только путем методического освещения их научным знанием и практическими наблюдениями можно заставить их говорить» [5, с. 2].

И.Н. Якимов, фактически повторяя слова С.Н. Трегубова, в своем учебнике «Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике» 1925 г. писал следующее: «Современные преступники изучают и пользуются для осуществления своих преступных целей последними научными открытиями и изобретениями в области технических и естественных наук, и в нужных случаях прибегают к ним, обнаруживая подчас солидное их знание и мастерство. Вследствие этого, при раскрытии преступлений не только затрудняется и осложняется деятельность органов дознания и следствия необходимостью изучения примененных преступниками способов и средств при совершении преступления, но и возникает для них необходимость выработать свои способы и приемы раскрытия преступлений, стоящие на высоте науки и ее последних достижений. В настоящее время для розыскного или следственного работника далеко недостаточно знания уголовных законов и формальной стороны производства расследования, равно как житейского опыта и личных качеств, и способностей, но еще необходимо знакомство, и не поверхностное, а солидное, с научно-техническими способами расследования преступлений» [6, с. 3-4].

В условиях активного развития научно-технического прогресса роль использования современных научно-технических средств в процессе раскрытия и расследования преступлений существенно возросла. Как показывает изучение следственно-судебной практики, преступники в процессе совершения большинства преступлений пользуются современными средствами связи (мобильная связь, сеть Интернет, электронная почта), пользуются различными интернет-сервисами, создают и пользуются интернет-страницами и сайтами, применяют электронные носители информации. Имеют место случаи, когда преступники используют сеть Интернет для сбора информации о будущей жертве, создают сайты с целью склонения потерпевших к совершению самоубийства (различные так называемые группы смерти, например, «Синий кит»). В этих условиях речь можно вести о появлении информационных следов в виртуальном пространстве и о необходимости обнаружения, фиксации, изъятия и исследования информации, содержащейся на электронных носителях. Осуществить эту задачу самим следователем не всегда представляется возможным, так как требуется наличие

специальных знаний в области информационных технологий, которыми следователи не обладают, требуется либо привлечение специалистов к участию в производстве следственных действий, либо назначение компьютерно-технических экспертиз.

В.А. Волинский определяет технико-криминалистическое обеспечение как организационно-функциональную систему, направленную на создание условий постоянной готовности служб и подразделений органов внутренних дел к быстрому и эффективному решению технико-криминалистических задач, и на практическую реализацию этих условий в целях получения, накопления, обработки криминалистически значимой информации и ее использования в процессе раскрытия и расследования преступлений [7, с. 16].

С.Б. Пазухин, А.Ю. Краснобаева, разделяя позицию ведущих ученых-криминалистов (Г.И. Грамовича, А.И. Винберга, С.И. Зернова, А.Ф. Волинского, А.С. Шаталова) определяют технико-криминалистическое обеспечение как своеобразный вид деятельности, содержание которой определяется направленностью, с одной стороны, на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению научно-технических средств и методов в указанных целях, а с другой — на практическую реализацию таких условий в каждом конкретном случае раскрытия и расследования преступлений [8, с. 9].

Х.М. Сабиров, говоря о технико-криминалистическом обеспечении, пишет: «Под ТКО следует понимать комплексную организационно-функциональную систему, в своей деятельности направленную на собирание и исследование криминалистически значимой информации и реализующую свои возможности посредством применения технико-криминалистических методов и средств» [9, с. 5]. По поводу предложенного определения, на наш взгляд, следует отметить, что деятельность, направленная на собирание и исследование информации, осуществляется не только в рамках применения криминалистической техники, но и в рамках следственной тактики при производстве следственных действий, а также реализации криминалистической методики в целом, как комплексной системы, включающей в качестве составных элементов общие положения криминалистической науки, разработки криминалистической техники и криминалистической тактики.

В настоящее время в связи с повсеместным распространением компьютерной техники, средств сотовой связи, цифровых носителей информации актуальна разработка тактических приемов применения цифровой, компьютерной техники в расследовании преступлений, а также получения доказательственной информации, содержащейся на электронных носителях, в памяти компьютеров, средств сотовой связи. В этих условиях актуальным является активное взаимодействие следователей, оперативных работников со специалистами в области информатики, программирования, сотовой связи. В таких случаях важно включение в состав следственно-оперативных групп специалистов в области компьютерной техники. В состав следственно-оперативной группы, в зависимости от конкретной ситуации, помимо следователя при осмотре места происшествия должен входить специалист по средствам вычислительной техники [10, с. 44].

Кроме того, важным является внедрение в следственную практику современной цифровой техники фиксации осмотра места происшествия. «Для правоохранительных органов уже созданы фотограмметрические системы, позволяющие проводить бесконтактные измерения пространственных параметров объектов по изображениям, полученным не менее чем с двух точек. При этом создается искусственный стереоэффект, позволяющий использовать стереопару для измерения пространственных координат точек объекта, наблюдаемых на обоих изображениях. По результатам съемки и обработки изображений на компьютере автоматически строится схема места происшествия. Использование новейших технологий цифровой фотографии и специального программного обеспечения позволяет моделировать обстановку на месте происшествия путем создания виртуальной зрительной модели окружающей обстановки, по которой можно буквально «путешествовать», заходя в разные помещения и места, увеличивать изображения отдельных элементов обстановки, предметов и следов, осматривать их с разных сторон, в разных плоскостях и т.д.» [11, с. 22-23].

Большое практическое значение может иметь в настоящее время для розыска преступников, а также без вести пропавших лиц портретная экспертиза по фото- и видеоизображениям, полученным с камер видеонаблюдения, установленных в общественных местах, банкоматах, подъездах, на придомовых территориях.

В настоящее время по-прежнему необходима информатизация следственной деятельности, внедрение в следственную практику расследования современных информационных технологий. Как уже было отмечено ранее, в большинстве случаев следователи ограничиваются использованием компьютерной техники только для печати процессуальных и иных документов, другие возможности компьютерной техники не используются. В целях улучшения качества расследования преступлений, представляется, необходимо обеспечение информатизации следственной деятельности, в частности, по следующим направлениям: повышение степени автоматизации составления процессуальных и иных документов; повышение степени автоматизации составления планов расследования и иных графиков; накопление и анализ информации по расследуемым преступлениям и последующей автоматизации составления следственных и иных документов; обеспечение своевременности получения информации из оперативно-справочных и оперативно-розыскных учетов; разработка автоматизированных методик расследования различных преступлений; автоматизация сбора данных о расследуемых преступлениях, а также автоматизация статистического анализа информации; автоматизация контроля над соблюдением процессуальных сроков и выполнением планов; создание и использование баз данных для получения необходимой информации для расследования преступлений; автоматизация информации о преступлениях прошлых лет [12, с. 61].

Целесообразным было бы внедрение в следственную практику автоматизированных рабочих мест, которые позволили бы оптимизировать процесс расследования, передачи, получения, хранения информации. С этой целью, например, было бы целесообразно создать единую информационную сеть на базе СК РФ или МВД РФ. Так, в 2012 г. МВД России начало формирование единой системы

информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России. К прикладным сервисам ИСОД относятся: сервис электронного документооборота; сервис электронной почты; ведомственный информационно-справочный портал; система видеоконференцсвязи [12, с. 61].

Нередко после совершения преступлений предпринимаются активные меры по сокрытию следов совершенного преступления, нередки ситуации, когда видимые следы преступления могут отсутствовать. В подобных случаях усилия следователя, привлекающего экспертов для поиска следов, должны быть направлены на отыскание микроследов совершенного преступления. На современном этапе развития криминалистической техники существенную помощь в этом вопросе может оказать зондовая микроскопия. В криминалистической литературе отмечается, что в настоящее время возможности оптической микроскопии до конца не используются. Считается, что сегодня оптический микроскоп позволяет проводить исследования с увеличением примерно в 2000 раз при достаточном поле зрения и глубине резко изображаемого пространства. И это не предел. Так, в 2006 г. немецким ученым Ш. Хеллем совместно с аргентинцем М. Босси был разработан и создан так называемый флуоресцентный наноскоп — микроскоп, позволяющий получить разрешение от 1 до 10 нм. Это новое направление микроскопических исследований, которое будет в дальнейшем плодотворно развиваться [13].

В связи с активным развитием 3-D технологий обсуждается вопрос о внедрении в деятельность по расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел 3-D моделирования. Например, К.В. Ярмак отмечает: «В настоящее время существует целый ряд программных продуктов, предназначенных для 3D-моделирования. Одно из наиболее известных в мире приложений в сфере фотограмметрического программного обеспечения — пакет PhotoModeler, предназначенный для получения трехмерных моделей-эскизов на основе фотографий. Например, в судебной практике данное приложение очень активно используется для воссоздания картины места происшествия. Пакет позволяет работать с любым количеством фотографий, полученных при съемке самыми разными камерами, в том числе и одновременно в одном проекте. При необходимости можно создать модель даже по одной-единственной фотографии, однако в этом случае пострадает качество. Если в ходе работы над проектом появился новый исходный материал, то в любое время можно добавить новые снимки. В тех случаях, когда эксперт по каким-либо причинам не может или не должен работать с реальным объектом или следом (объект утрачен, разрушен опасен), может прийти на выручку 3D-принтер. Технологии 3D-моделирования могут помочь воссоздать место преступления в зале суда. Для этого может использоваться технология трехмерного моделирования и анимации, широко применяемая в современной игростроительной и киноиндустрии. Так, например, инструмент, разработанный специалистами из Управления мультимедийной судебно-медицинской экспертизы в Глазго, позволяет с высокой точностью реконструировать место преступления, а также моделировать тела жертв для демонстрации ранений, нанесенных огнестрельным или холодным оружием» [14, с. 60-64].

Изучение криминалистической литературы показало, что в настоящее время развитие нанотехнологий привело к появлению новых средств выявления следов преступления. Так, Е.В. Прокофьева отмечает: «Нанотехнологии находят свое применение в криминалистике при исследовании отпечатков пальцев. В частности, металлосодержащие наночастицы и наноструктурированные частицы используются для проявления отпечатков. Для контрастирования жирных следов пальцев использовали взвесь золотых наночастиц, обладающих гидрофобными свойствами, т.е. способных прилипнуть к поверхностям, покрытым жиром. Эти наночастицы, прилипая к жирным бороздкам отпечатков пальцев, формировали значительно более четкий рисунок, чем можно было бы получить с помощью традиционной техники. В рамках криминалистической экспертизы материалов веществ и изделий при решении вопросов, касающихся индивидуализации веществ или изделий, определения их качественного и количественного состава, широко применяются современные физические методы исследования поверхности и анализа наноструктур, которые позволяют оперировать не просто малыми количествами веществ, а индивидуальными молекулами. В последние годы в экспертной практике стали шире использовать атомно-абсорбционный анализ и лазерный микроанализ. Высокая чувствительность эмиссионной спектроскопии позволяет получить данные об элементах основы и имеющихся в ней микропримесях на наноуровне. Применяются также рентгеновский флуоресцентный и лазерный спектральный анализы, не разрушающие исследуемый объект, позволяющие определять качественно и количественно химический состав наслоенный размером от нескольких квадратных миллиметров до нескольких квадратных микрон» [15, с. 48-52].

В условиях активного научно-технического прогресса роль использования современных технико-криминалистических средств и методов в процессе раскрытия и расследования преступлений существенно возросла. Совершенствование технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений должно идти по пути применения инновационных технических средств для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования материальных следов преступной деятельности. В этих условиях необходимо вести речь о разработке эффективного технико-криминалистического обеспечения предварительного и судебного следствия по уголовным делам. Основные направления исследований в данной области, на наш взгляд: внедрение новых технических разработок для обнаружения, фиксации и исследования; применение технологий искусственного интеллекта в криминалистике; использование новейших технологий цифровой фотографии и специального программного обеспечения; разработка новых методологических подходов к расследованию преступлений; внедрение в деятельность органов предварительного расследования и суда 3-D моделирования; использование нанотехнологий в криминалистике; разработка тактических приемов применения цифровой, компьютерной техники в расследовании преступлений, а также получения доказательственной информации, содержащейся на электронных носителях, в памяти компьютеров, средств сотовой связи. При этом важно, чтобы технико-криминалистическое обеспечение было реализовано в правовой форме. Значение правового регулирования заключается в том, что оно

позволяет обеспечить законность применения технических средств, защиту прав лиц, в отношении которых применяются технические средства, их условия и пределы применения, а также порядок использования результатов их применения.

Список литературы

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд. перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. X-XI.
2. Лебедев В.И. Искусство раскрытия преступлений. I. Дактилоскопия. СПб.: Бесплатное приложение к журналу «Вестник полиции», 1909 г. С. XII.
3. Вейнгарт А. Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений / пер. с нем. под ред. и с примеч. В.И. Лебедева. СПб.: Издание «Вестника полиции», 1912. С. 48-64.
4. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. СПб.: Издание юридического книжного склада «ПРАВО», 1915. С. 3-4.
5. Рейс Р.А. Научная техника расследования преступлений: курс лекций, прочтенных в г. Лозанне профессором Рейсом чинам русского судебного ведомства летом 1911 года / сост. под ред. С.Н. Трегубова. СПб.: Сенатская типография, 1912. С. 2.
6. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М.: Издание НКВД РСФСР, 1925. С. 3-4.
7. Волынский В.А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: пособие. М.: ВНИИ МВД РФ, 1994. С. 16.
8. Пазухин С.Б., Краснобаева А.Ю. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования бандитизма: учеб.-метод. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2005. С. 9.
9. Сабиров Х.М. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2013. С. 5.
10. Бутина Е.А. Особенности изъятия компьютерной техники и машинных носителей цифровой информации // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сборник тезисов и статей Международной научно-практической конференции (19 октября 2018 г.). Волгоград: Перископ Волга, 2018. С. 44.
11. Булгаков В.Г., Замниус И.Н., Булгакова Е.В. Современные технико-криминалистические средства визуализации информации, полученной в ходе осмотра места происшествия // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сборник тезисов и статей Международной научно-практической конференции (10 ноября 2017 г.). Калининград: Перископ-Волга, 2017. С. 22-23.
12. Дусева Н.Ю. Информационные системы и средства коммуникации в следственной деятельности // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сборник тезисов и статей Международной научно-практической конференции (10 ноября 2017 г.). Калининград: Перископ-Волга, 2017. С. 60-61.

13. Коновалов Г.Г., Котельников Б.В., Мирзоев С.Н. Направления и этапы развития микроскопических исследований в науке и криминалистике // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. науч. тр. / редкол. Д.В. Котельникова и др. Вып. 4. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. (1,62 Мб). Волгоград: ВА МВД России, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-R).

14. Ярмак К.В. Применение 3D-технологий в криминалистике // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. науч. тр. / ред. кол.: А.А. Курин, Д.В. Кайргалиев, А.В. Кочубей. Волгоград: ВА МВД России, 2013. С. 60-64.

15. Прокофьева Е.В. Новейшие достижения современной науки в криминалистике // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. науч. тр. / ред. кол.: А.А. Курин, Д.В. Кайргалиев, А.В. Кочубей. Волгоград: ВА МВД России, 2013. С. 48-52.

В.В. Костерин, ведущий специалист Департамента правового обеспечения Внешнеэкономической деятельности, «Управляющая компания «Группа ГАЗ», г. Нижний Новгород

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПОЛНОМОЧИЙ ДОКАЗЫВАНИЯ И ВЫДВИЖЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В уголовно-процессуальной науке распространена точка зрения, согласно которой институты обвинения и доказывания имеют системообразующее значение для уголовного судопроизводства.

Особенно склонны к такому утверждению представители нижегородской школы процессуалистов, развившие на основе этой концепции целый научный проект [1], не нашедший, надо сказать, пока отклика не только у законодателя, но даже и в научных кругах.

Мы признаем правоту этой точки зрения частично. Прежде всего, мы не согласны с негативной оценкой той уголовно-процессуальной системы, которая сложилась у нас исторически. Следственная форма — не значит «плохая» уголовно-процессуальная форма. Целый ряд государств демонстрируют успехи в экономическом и социальном развитии, имея тот тип процесса, который отечественные либералы уничижительно характеризуют как следственный. Мы имеем в виду такие различные государства, как Китай, Вьетнам, с одной стороны, и Францию, Польшу, Венгрию — с другой [2, с. 59]. И даже германскую уголовно-процессуальную модель, которая является для многих постсоветских государств образцом для подражания при строительстве обвинительного процесса, сами немецкие специалисты квалифицируют как следственную [2, с. 78].

Во всех этих странах существуют те или иные модификации следственной модели уголовного судопроизводства. Так что господство следственной власти

в уголовном процессе отнюдь не препятствие для процветания страны, подразумевающее и эффективную организацию противодействия преступности.

В то же время, действительно, обвинение и доказывание взаимосвязаны с формой уголовного процесса. Тип уголовного процесса проявляется в форме обвинения и доказывания.

Нельзя не согласиться с тем, что следственная форма обвинения и доказывания обуславливают следственный тип современного российского уголовного процесса. Это проявляется в том, что суд рассматривает уголовное дело и принимает по нему решение, основываясь на материалах данного дела. А в этих материалах и содержится как выдвинутое против обвиняемого обвинение, так и доказательства, на которых оно основывается. В стадии назначения судебного разбирательства судья единолично, вне судебного заседания ознакомляется с уголовным делом и усваивает вместе с тем следственную позицию, в отсутствие или, во всяком случае, ограниченного представления в деле конкурентной позиции со стороны защиты. Поскольку уголовное дело — это полностью произведение органа предварительного расследования, постольку защита не может в нем быть по определению представлена на равных.

Разумеется, могут быть проведены предварительные слушания, где защита в большей мере может заявить и представить судье свою позицию и аргументы, но эта процедура не меняет общей схемы: следственно-судебной, по которой развивается производство по уголовному делу.

На наш взгляд, подобный уголовно-процессуальный механизм на данном этапе историко-правового развития вполне отвечает потребностям и интересам как российского общества и властей, так и отдельно взятых граждан. Она является органичной для российского менталитета и устройства отношений между властью и обществом. Это не значит, что так будет всегда. Но в современную эпоху для нашей страны следственная власть, основанная на идее сильного государства, является наиболее надежной гарантией защиты как от внешней, так и внутренней угрозы безопасности.

Таким образом, мы признаем адекватность существующей следственной модели досудебного производства по уголовному делу, в которой происходят решающие для его исхода события (выдвижение обвинения и его обоснование доказательствами), для следственно-состязательной уголовно-процессуальной системы России.

Принципиальный вопрос состоит в том, как скажется цифровизация на указанных двух уголовно-процессуальных институтах и уголовно-процессуальной системе в целом.

Есть мнение, опять же сформированное нижегородской школой процессуалистов, что цифровизация переформирует отечественный уголовный процесс и что якобы переход на состязательную модель неизбежен [3, с. 75-86].

Имеется в виду то, что цифровые технологии сделают прежде всего общедоступными для всех субъектов доступ к получению находящейся в информационно-коммуникационных сетях информации и использованию ее в целях доказывания. По мнению сторонников такого развития событий, следственная форма в условиях цифровизации утрачивает свое главное назначение — быть

гарантом достоверности сведений, которые представляются суду для принятия решения по делу. Более того, она становится препятствием в силу своего письменного происхождения и природы для объективного информирования суда об обстоятельствах дела [4, с. 89-93].

Некоторым ученым рисуется фантастическая ситуация, при которой любое лицо может задействовать механизм обвинения, встроенный в некую цифровую платформу, и далее опять же, используя цифровые технологии, собирать доказательства и представлять их суду [5, с. 9-18].

В цифровую эпоху от государства требуется политико-правовое решение о смене уголовно-процессуального строя. Потому что реформа уголовного процесса, который является основой правовой организации противодействия преступности, — это вопрос политический.

Тема о цифровизации разрешается не через переход на состязательные технологии, а через совершенствование следственной модели. Как считает один из лидеров российской уголовно-процессуальной науки проф. Л.В. Головкин, цифровизация в уголовном процессе представляет собой лишь локальную и достаточно рутинную оптимизацию некоторых процессуальных форм и институтов [6, с. 15-25].

Мы склонны согласиться с тем, что цифровая революция, так же и прежние технические революции, уже неоднократно происходившие в истории, не способны сами по себе изменить уголовно-процессуальную модель [6, с. 15-25].

В условиях острого противостояния с коллективным Западом, полагаем, что на ближнесрочную перспективу следственная уголовно-процессуальная модель остается для России оптимальной уголовно-процессуальной формой применения уголовно-правовых средств защиты от криминальных угроз как внутренних, так и внешних.

Однако в более отдаленной перспективе проблема выбора будет вставать снова и снова. Внешние обстоятельства и внутренняя обстановка подскажет, какие изменения пришло время внести в правовой уголовно-процессуальный строй. Пока время для таких решений явно не пришло.

Список литературы

1. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней / А.С. Александров и др. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.
2. Левченко О.В. Обвинительная власть государства в ее правовой организации и уголовно-процессуальной деятельности. М.: Юрлинформ, 2021. 176 с.
3. Александров А.С., Александрова И.А., Власова С.В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75-86.
4. Александров А.С. Отказ от следственной модели правовой организации досудебного производства в контексте создания правового государства на цифровой платформе // Российский правовой журнал. 2019. № 1. 89-93.

5. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9-18.

6. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15-25.

С.Д. Кудряшова, преподаватель кафедры частного права Государственного университета управления, помощник Химкинского городского прокурора Московской области, юрист 2 класса, г. Москва

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ И ДОСТИЖЕНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Научный интерес к суду присяжных не угасает по настоящее время, суд присяжных развивается и трансформируется в европейских правовых системах. Суд присяжных, впервые пришедший в наше государство с принятием Устава Уголовного судопроизводства 1864 г., претерпевал значительные трудности, а с приходом советской власти и вовсе был упразднен. Возрождение суда присяжных в современном государстве относится к 1993 г. На пути демократизации общества и российской правовой системы предполагалось, что возрождение участия народных заседателей поспособствует качеству расследования уголовных дел, активности сторон в судебном заседании, объективности рассмотрения уголовных дел, что приблизит к достижению назначения уголовного судопроизводства и модификации судебной системы.

Функционирование суда присяжных в судах субъектах имеет ряд правовых проблем, не разрешенных до настоящего времени. С введением суда присяжных заседателей в судах районного уровня появились те трудности поддержания государственного обвинения, которые не возникали в судах субъектах.

О неготовности судей и государственных обвинителей к участию в рассмотрении уголовных дел коллегией присяжных заседателей в судах районного уровня говорят цифры статистических данных рассмотрения дел данной формой судопроизводства. За 3 и 4 квартал 2018 г. (с момента начала функционирования суда присяжных заседателей в судах районного уровня) отменен каждый пятый оправдательный приговор суда, основанный на вердикте присяжных заседателей, за первое полугодие 2019 г. количество отмен увеличилось на 37% — почти в два раза, за 2019 г. отменено оправдательных приговоров 54,5%, за первое полугодие 2020 г. отменено 87,8% оправдательных приговоров. Далее следует судебная практика в период пандемии, приведение которой неинформативно для проведения правового анализа [1].

Основной причиной отмен приговоров, основанных на вердикте присяжных, является неготовность судейского корпуса и прокуроров работать с коллегией присяжных заседателей в судах районного звена.

Подробно остановимся и рассмотрим проблемы участия прокурора в суде с участием присяжных заседателей в судах районного уровня. Районные и приравненные к ним прокуратуры выполняют непосредственно основные функции органов прокуратуры, на них возложена основная нагрузка прокурорских проверок исполнения федерального законодательства, уголовно-процессуального законодательства, проверка уголовных дел, участие в гражданских, уголовных, административных делах, прием граждан, ведение и составление отчетной деятельности. В то время как основная деятельность прокуратур субъектов состоит из анализа информации, поступившей из районных прокуратур, поручений о проведении проверки нижестоящим прокуратурам, направлении аналитической и отчетной информации в Генеральную прокуратуру РФ.

Впервые участвуя в суде присяжных заседателей, прокуроры, не имеющие опыта участия в данной форме судопроизводства, столкнулись с трудностями. В частности, в настоящее время во многих районах остро стоит проблема кадровых ресурсов. Работники, имеющие стаж прокурорской выслуги 5 лет, увольняются из органов прокуратуры ввиду сильной загруженности, ненормированного графика работы, несоразмерности объема выполняемых работ оплате труда и др. Так, в одной из прокуратур Московской области за 2020 г. из 19 оперативных работников сменилось 15. Нередки случаи, когда на каком-либо надзоре отсутствуют сотрудники, проработавшие более 5 лет, а пришедшие на службу в органы прокуратуры новые работники, увольняются, не успев пройти аттестацию. Поддерживать государственное обвинение, в том числе с участием коллегии присяжных заседателей, бывает просто некому.

Участие в суде присяжных заседателей предполагает наличие опыта участия в суде при рассмотрении уголовных дел, знаний процессуального порядка, последовательности судебного заседания, владения уровнем профессиональной подготовки. Кроме вышеизложенного применимо к суду присяжных прокурору необходимо знать процессуальные особенности, вовремя заявить ходатайства, возражения.

Во-вторых, как ни странно бы это звучало, отсутствие реального времени для качественного прочтения и изучения уголовного дела.

Как правило, в среднем в Москве и Московской области в районных и приравненных к ним прокуратурах от 10 до 25 оперативных работников. Согласно распределению обязанностей, на каждом надзоре и направлении деятельности трудятся от 3 до 5 оперативных сотрудников. Деятельность по поддержанию государственного обвинения в суде осуществляют одни оперативные работники, а поддерживают обвинение в суде другие работники. Безусловно, прокурорские работники вправе ознакомиться в полном объеме с материалами уголовного дела. Однако помимо поддержания обвинения по уголовным делам с участием присяжных заседателей на сотрудников прокуратуры по распределению обязанностей возложено участие прокурора в рассмотрении ходатайств следователей органов предварительного расследования о назначении меры пресечения в виде

заклучения под стражу и домашнего ареста или продления данной меры пресечения. Практика показывает, что на рассмотрение одного такого ходатайства затрачивается значительное количество времени, включая время ожидания доставки в зал судебного заседания лиц, содержащихся под стражей. Нельзя не исключать и такие обстоятельства, как опоздания сторон. В случае болезни одного из сотрудников прокуратуры, на которого возложено поддержание обвинения в суде и одновременно нахождения в отпуске другого сотрудника создается ситуация нехватки государственных обвинителей, судьи вынуждены ждать прокурора, который находится в настоящее время в другом процессе, не стоит забывать о нагрузке по участию в этот период в других уголовных делах.

Более того, не снимается нагрузка общих обязанностей органа прокуратуры, которые каждый работник согласно утвержденному графику исполняет еженедельно — прием граждан, проверка камер административно задержанных, изоляторов временного содержания (при наличии их на территории поднадзорной прокуратуры), подготовка аналитических справок, выполнение заданий вышестоящей прокуратуры.

В Балашихинской городской прокуратуре Московской области имела место практика проверки государственными обвинителями материалов доследственной проверки, проводимой в порядке ст. 144, 145 УПК РФ. Тем самым государственные обвинители вместо качественной подготовки к участию в судебном заседании выполняли функции, возложенные на работников, осуществляющих надзор за уголовно-процессуальной деятельностью органов дознания и следствия.

В большинстве загруженных прокуратур государственные обвинители изучают материалы уголовного дела перед началом судебного заседания или в процессе судебного заседания.

Практика показывает, что при одновременном назначении судебного заседания по делам и (или) нахождении в отпуске государственных обвинителей происходит замена прокурора, участвующего в деле. Это существенно затрудняет работу государственному обвинителю, поскольку прокурор, вступивший на каком-либо этапе в уже начавшийся процесс, не знает предыдущих показаний допрошенных в судебном заседании лиц, заданных ранее прокурорам вопросов, заявленных ходатайств и т.д. В суде с участием коллегии присяжных заседателей это недопустимо, однако, к сожалению, такие случаи имеют место.

Замена прокурора в суде с участием присяжных заседателей отрицательно сказывается не только на качестве подготовки прокурора, но и на восприятии присяжными заседателями образа государственного обвинителя, отсутствует целостная картина позиции прокурора. Кроме того, замена стороны в судебном заседании может неоднозначно трактоваться среди присяжных.

Еще одной значимой проблемой является отсутствие опыта у судов районного уровня формулировать вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, а также отсутствие государственных обвинителей проверки данных вопросных листов на соответствие требованиям закона, логики и простому однозначному пониманию присяжными.

Истоки института присяжных заседателей относятся к Средневековой Англии. Главный вопрос, на который надлежало ответить коллегии присяжных заседателей по результатам исследования доказательств, это вопрос о виновности лица. Это упрощало процедуру постановки вопроса председательствующим судьей, а также понимание коллегией присяжных заседателей основного содержания вопроса. Формулировка главного и единственного вопроса сводилась к фразе «виновен ли... в том, что совершил...», далее следовало фактическое описание событий произошедшего и последствия.

Согласно ст. 339 УПК РФ, по каждому из деяний, в совершении которых обвиняется подсудимый, ставятся три основных вопроса: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния [2]. Анализ вопросных листов судебной практики за пару лет показал, что вопросы перед присяжными ставятся не всегда корректно, что ведет к непониманию и противоречивым ответам, к отмене приговоров, основанных на вердикте коллегии присяжных заседателей. Ошибки, допускаемые судом при формулировании вопросов, встречаются самые разные. Не каждый человек, не владеющий юридическими познаниями, сможет понять, разобраться и ответить на поставленные вопросы.

В одном из районных судов г. Москвы при рассмотрении уголовного дела в отношении Н., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, вопрос перед присяжными о доказанности совершенного деяния поставлен следующим образом. «Доказано ли, что Н., находясь по адресу... вышел из подъезда дома №... в ходе ранее случившегося конфликта и сложившихся неприязненных отношений с П. и Д., последний нанес не менее 2 ударов в область затылочной части, отчего потерпевший упал и вскоре скончался ...?» [3]. Постановка данного вопроса весьма противоречива, присяжные отвечали на данный вопрос «Да, доказано», а на вопрос о совершении Н. данных действий — «Нет, не доказано». Из вопроса неясно, кто кому нанес удары. Оправдательный приговор отменен, дело направлено на новое рассмотрение.

Практика показывает, что большое количество эпизодов, соучастников усложняет восприятие вопросного листа. Объем вопросных листов по таким делам доходил до 100.

На ответы присяжных влияют не только вопросы, присяжные обращают внимание на процесс в целом, на степень активности стороны защиты и обвинения, на внешний вид, степень подготовки к участию в судебном заседании, знания материалов уголовного дела, оперирование доказательной базой. Сторонам предоставлено право подачи замечаний и предложений по существу вопросного листа, однако прокуроры не всегда реализуют данное полномочие. Этому способствует ряд причин: как отсутствие опыта участия в рассмотрении дел коллегией присяжных заседателей, так и отсутствие времени для качественного изучения вопросного листа для своевременного направления судье замечаний по существу. Получив проект вопросного листа в судебном заседании, даже опытный прокурор оказывается в непростой ситуации ввиду минимального количества времени на изучение. Одновременно приходится отвлекаться на присяжных, вопросы старшины, комментарии подсудимого и т.д.

Не всегда все зависит от прокурора, имеются случаи незаконного отказа в принятии замечаний на вопросный лист, а также ходатайств о постановке новых вопросов. При рассмотрении уголовного дела по ч. 1 ст. 105 УК РФ в отношении Л. Перед коллегией присяжных поставлен вопрос «Установлено ли, что Л., находясь в состоянии алкогольного опьянения в поселке Н. нанес удар в ходе конфликта, который возник задолго на почве личной неприязни, удары П...» [4]. В вопросном листе отсутствовали необходимые данные из обвинительного заключения, а именно время, место, способ. Направленные стороной обвинения замечания о внесении изменений в вопросный лист суд отклонил, позднее приговор отменен, уголовное дело направлено на новое рассмотрение.

Рассмотрев ряд проблем, следует выработать практические рекомендации при поддержании государственного обвинения. Прокурору перед поддержанием государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей следует не только изучить дело, но и пообщаться с лицом, проводившим предварительное расследование, что позволит получить наиболее полную картину о произошедших событиях. На практике прокуроры делают для себя пометки, выписки, копии материалов уголовного дела, такие как протоколы допросов свидетелей, потерпевших, заключения судебно-медицинских экспертиз.

Одной из важнейших проблем участия прокурора в суде присяжных является способность прокурора убедить коллегию присяжных заседателей в том, что событие имело место быть, действия совершены лицом, которому предъявлено обвинение, который виновен в содеянном. Таким образом, присяжные заседатели должны будут ответить на вопросы, которые перед ними поставлены председательствующим «Да, доказано», «Да, виновен».

Убеждение коллегии присяжных и принятие решения о виновности лица строится на нескольких составляющих. Во-первых, уверенной позиции прокурора, психологическом портрете прокурора, который должен вызывать доверие. Во-вторых, на активном участии прокурора и его способности разложить все по местам, в-третьих, из понятных вопросов, составленных председательствующим.

В судебной практике нередки случаи противоречивых вердиктов, которые ввиду некорректных вопросов, на один вопрос ответили да, на другой — нет. Из этого следует, что присяжные не поняли ничего, а прокурор не понял, что поняли присяжные, а что нет.

Отметим, что главную роль в формировании убеждения присяжных играет не владение прокурора ораторским искусством и расположением к коллегии присяжных, а доступность для понимания присяжных сути изложенных доводов, их логичность, последовательность. Это зависит в большей степени от способности судьи правильно сформулировать вопросы.

В поисках эффективных решений рассмотренных нами проблем требуется комплексный подход. Прежде всего следует пересмотреть кадровую политику в органах прокуратуры, направив ресурсы на повышение авторитета органов прокуратуры, представив молодым специалистам ряд привлекательных правовых гарантий при трудоустройстве, достойную заработную плату, что позволит избежать текучки молодых специалистов и сохранению опытных кадров.

Помимо того, в районных и приравненных к ним прокуратурах следует перераспределить нагрузку между работниками, тем самым освободить время для качественного изучения уголовных дел, по которым прокурорам предстоит поддерживать обвинение с участием присяжных заседателей.

Назначение уголовного судопроизводства — это не только защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и защита потерпевших, но и познание истины по делу, установление которой прояснит событие прошлого, установление лиц, совершивших деяние, что позволит назначить справедливое наказание. Это возможно не только при наличии совершенной законодательной базы, но и при создании и соблюдении условий, которые поспособствуют эффективной подготовке к процессу.

Список литературы

1. Сводные формы № 1, 6, 10.3, 10.5 Судебного департамента при Верховном суде РФ, аккумулируемых в страновом и временном разрезе в Хранилище статистической информации о деятельности судов функционального компонента «Судебная статистика» подсистемы «Судебное делопроизводство и статистика» государственной автоматизированной системы «Правосудие».
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174 - ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Архив суда г. Москвы. 2021.
4. Архив суда г. Москвы. 2020.

А.А. Кузнецов, к.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, г. Омск
А.Ю. Танков, к.ю.н., начальник ФГКУ «УВО ВНГ России по Омской области», полковник полиции, г. Омск

ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ

Обратившись к статистическим показателям, можно заметить, что за последние годы больше половины всех зарегистрированных преступлений (55,3%) составляют хищения чужого имущества, из них совершенные путем кражи — 733,1 тыс. (-2,4%), При незначительном снижении следует также отметить, что почти каждая шестая кража (16,4%) была сопряжена с незаконным проникновением в жилище¹. Таким образом, общее количество зарегистрированных краж из жилищ их уровень остается достаточно высок. При этом общественная опасность указанного вида преступлений не снижается. В связи с этим признать деятельность ОВД по раскрытию таких преступлений удовлетворительной в полной

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения 11.02.2022 г.).

мере нельзя. Причин здесь несколько. Проведенное нами исследование¹ в качестве таковых позволило выявить следующие: происходит качественная трансформация преступности по линии краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище; имеются серьезные упущения в организации и тактике раскрытия краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище. Так, кражи, независимо от вида, как правило, носят серийный характер, однако количество эпизодов совершения преступлений, объединенных в серию, в последние несколько лет значительно снизилось. Многие «серийники», совершив несколько преступлений, меняют район (регион) своей преступной деятельности, что не всегда позволяет ОВД вовремя сориентироваться и принять необходимые меры. Только не более 12% изученных нами по материалам раскрытых уголовных дел преступников совершали кражи в районе своего проживания и около 20% имели «привязку» к территории совершения краж, обусловленную знанием самой территории или проживанием (пребыванием) там родственников или иных связей.

Нередко умысел на совершение кражи у преступников возникает ситуативно, как раз в основном по причине легкости проникновения в жилище. С одной стороны, это облегчает работу по сбору доказательственной базы, так как лицо, совершившее преступление, заранее к нему не готовилось, а соответственно, и не предпринимало меры к его сокрытию. С другой стороны, совершить кражу свободным доступом может практически любой человек, в определенный период оказавшийся рядом с жилищем, что при отсутствии на первоначальном этапе сведений о предполагаемом преступнике безгранично расширяет направление оперативного и информационного поиска не только в среде квалифицированных воров, но и среди иных категорий граждан. Так, на территории Советского района г. Омска систематически совершаются кражи из комнат студенческих общежитий, и только около 65% случаев преступниками, как правило, оказываются жители (знакомые жителей) этих общежитий, а почти 35% таких краж совершается лицами, судимыми за преступления против собственности, не имеющими к местам их совершения никакой привязки.

Кроме того, следует отметить возросший криминальный профессионализм исполнителей, который выражается в росте общего (40,9%) и специального рецидива (31,9%), увеличении количества групп воров, специализировавшихся на совершении краж из жилищ, зачастую вливающих в организованные преступные сообщества или подконтрольных лидерам преступной среды, в том числе сформированных иностранными гражданами или по этническому признаку.

Учитывая изложенное, отметим, что личность преступника является одним из базовых элементов, на основании которого происходит построение версий о предполагаемом лице, причастном к краже, отдельных свойствах личности, признаках его поведения.

При планировании следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие и расследование кражи, следователь выдвигает следственные и оперативно-розыскные версии о причастном к ней определенному человеку, исходя из способа совершения преступления. То есть тра-

¹ Данные получены по результатам исследования авторами судебно-следственной практики за последние 5 лет в Омском и соседних регионах.

диционно работа строится по направлению раскрытия «от события преступления — к лицу». Зная способ, который используется преступником, следователь принимает меры по его проверке на причастность к кражам, совершенным аналогично. Таким образом, способ совершения кражи, так называемый «преступный почерк», определяет категорию лиц, среди которых необходимо проводить поисковую работу.

Как верно пишет И.С. Евтушенко, способ совершения преступления во многом зависит от психологических особенностей личности. В нем проявляются пол, возраст, опыт, знания, умения, физическая сила, а также черты характера и способности преступника [1, с. 35]. Действительно, последовательность действий, совершаемых преступником, особенности вскрытия сложных запорных устройств, осмотрительность могут свидетельствовать о личностных свойствах вора.

Именно поэтому в ходе исследования мы пришли к выводу, что характеристика личности преступников и способов совершения кражи как элементы криминалистической характеристики органически связаны между собой.

Способ совершения кражи с незаконным проникновением в жилище — это взаимосвязанная система действий лица, объединенных общим замыслом, осуществляемых с учетом субъективных и объективных факторов, обстановки совершения преступления, с использованием орудий и средств, направленная на достижение преступного результата.

Следует отметить, что при совершении кражи из квартир организованной группой чаще всего способ преступления помимо совершения состоит из подготовки и его сокрытия. Подготовка состоит в подборе лиц, обеспечивающих проникновение в квартиру, имеющих транспорт для беспрепятственного перемещения, сбыт краденого; подыскание жилища в целях безопасного завладения ценностями, в том числе проведение «предварительной разведки», выяснение условий охраны квартиры, режима работы и отдыха жильцов; распределение ролей между членами преступной группы; подготовка необходимых орудий взлома; выяснение путей отхода после совершения преступления.

Способы совершения краж различны, и, естественно, сложно представить их исчерпывающий перечень. Преступник, выбирая способ проникновения в жилище, исходит из своих профессиональных навыков, обстановки на объекте кражи, имеющихся охранных средств, наличия у преступника необходимых технических и транспортных средств, учитывая предмет преступного посягательства. Сведения о способе совершения кражи позволяют иногда судить о физиологии, анатомии, навыках и профессии преступников, что важно для их установления.

Учитывая мнение большинства опрошенных нами сотрудников ОВД (более 77%), заметим, что основным фактором выбора способа совершения преступления является наличие у преступника профессиональных навыков проникновения в жилище для совершения кражи.

В криминалистической литературе можно встретить различные классификации способов совершения краж [2, с. 123-124; 3, с. 14-15]. С учетом того, что

способ совершения кражи определяется следователем в основном по оставленным на месте происшествия следам, считаем возможным способы проникновения в жилище при расследовании дел данной категории представить следующим образом:

- 1) проникновение в жилище свободным доступом (39% случаев);
- 2) проникновение в жилище с воздействием на преграду (54%);
- 3) проникновение в жилище без воздействия на преграду (7% случаев).

К первой группе можно отнести доступ в помещение под заранее вымышленным предлогом. Преступники проникают под видом сотрудников обслуживающей жилые компании, представителей различных государственных ведомств, социальных служб и организаций, социологических фондов, возможно, под видом проведения переписи населения, агитации за кандидатов при проведении очередных выборов либо с целью продажи различных товаров.

К рассматриваемой группе способов следует отнести и случаи проникновения совместно проживающих с потерпевшим лиц в одной квартире, но в разных комнатах, а также в комнатах малосемейного типа. Собственниками комнат при этом являются разные проживающие люди, на правах подселения, временных квартиросъемщиков.

После совершения кражи данным способом преступники, как правило, незамедлительно покидают место происшествия, пытаются в кратчайшее время реализовать похищенное имущество. При изучении судебно-следственной практики установлено, что имущество в таких случаях реализуется в течение 1-2 часов (в 46% случаев), в течение 3-4 часов (31%), в течение суток (13%), в последующее время или используется для собственных нужд (около 10% случаев). Следует констатировать, что при совершении преступлений указанным способом на месте преступления остается минимальное количество оставляемых следов, несмотря на то, что в некоторых случаях преступник вступает в контакт с потерпевшим. В основном похищается имущество, реализация которого не требует значительных усилий.

Вторая группа способов является наиболее распространенной и связана с совершением кражи путем проникновения в помещение с воздействием на преграду. Именно в таком способе проявляются профессиональные знания преступников. В то же время при незаконном проникновении в помещение преступники в каждом случае стараются выбрать такой способ, который с наименьшими затратами привел бы к желаемому результату. Именно поэтому по частоте встречаемости можно выделить:

1. Воздействие на входные двери — 73% случаев: путем выбивания (отжима) дверей телом, руками, ногами — 32%, с применением инструментов — 68% случаев. Сюда же относится воздействие на запирающие устройства, такие как замки или засовы, следующим путем: взламывание, выдавливание с применением инструментов — 68% случаев; подбор ключей к замкам или разного вида отмычек — 21%; отпирание своим ключом — 8%; высверливание — 2%; применение сильноконцентрированных кислот или азота — не более 1% случаев.

Кроме того, зафиксированы случаи «квалифицированных» краж, с применением технических средств обхода сигнализационных систем путем установки «эквивалента» (прибора, имитирующего оконечное устройство охранной системы) в линию связи.

2. Проникновение через окна, форточки, в том числе балконы и лоджии — 26% случаев. Воздействие происходит путем отжима рам и створок — 65% случаев; выставления, выдавливания или вырезания стёкол — 22%; разбития стёкол — 13% случаев. Воздействие на металлические решетки в виде перепила, перекуса, отгибания, их снятия встречается в 9% случаях.

3. Также имеют место факты проломов, прорезания, разбора кладки стен, крыш, потолков, полов. Такие способы проникновения в последнее время встречаются все реже и являются единичными фактами, составляют около 1% случаев.

В качестве орудий совершения преступления использовались предметы хозяйственно-бытового назначения, в том числе гвоздодеры, молотки, отвертки (последние применяются непосредственно как для выдвижения ригеля замка, так и в сочетании с иными инструментами, например, при прокручивании отвертки разводным ключом). Разнообразное количество инструментов, работающих на аккумуляторных батареях, также используются для взлома преград (угловая шлифовальная машина, пила по металлу). Имеются случаи использования гидравлических ножниц, домкратов.

К этой группе отнесем и проникновение преступника в помещение с применением ключей, принадлежащих потерпевшему. Чаще всего преступники случайно обнаруживают ключи, оставленные владельцем помещения (в замочных скважинах; рядом с жилищем — под ковриком, в щитке электросчетчиков, за наличником дверной коробки, под крыльцом и т.п.; возможно, утерянных пострадавшими, в том числе забытых в общественных местах, в такси, у соседей, знакомых, родственников и др.).

В качестве подготовки к совершению преступления встречаются случаи слежки за пострадавшим с целью хищения ключей, изготовление копий.

Третья группа способов проникновения в жилище с целью совершения кражи осуществляется без воздействия на преграду. Речь идет о достаточно редких случаях, когда преступники используют открытые окна, форточки, балконы, двери (7% случаев). При совершении таких краж преступник проникает в помещение с применением различного вида приспособлений: крючки, палки, веревки, петли и другие предметы. К данной группе относятся случаи, когда, например, преступник проникает в помещение через окно, а затем его закрывает и выходит из жилища через входную дверь, открыв ее изнутри. Отсутствие видимых следов взлома может привести к ошибке в выдвижении версии о возможных инсценировках преступления.

Нередко поведение преступников, находящихся внутри жилища, связано с использованием имущества для удовлетворения своих потребностей. Это может быть поедание пищи, употребление спиртного, наркотиков, курение, использование домашней аппаратуры, ведение телефонных переговоров с домашнего либо мобильного телефона пострадавшего, просмотр документов, фотогра-

фий и других заинтересовавших его предметов, и вещей, их перемещение, в том числе и для отыскания необходимого имущества. Встречаются случаи посещения ванн и туалета с выполнением различных гигиенических процедур. Все эти действия преступников, несомненно, оставляют различного рода следы. В таких случаях главная задача осмотра места кражи заключается в разграничении следов пострадавших и преступников.

Что касается способов сокрытия преступления как структурного элемента способа преступления, то следует руководствоваться классификацией, которую в свое время предложил профессор Р.С. Белкин:

- 1) утаивание информации и/или ее носителей;
- 2) уничтожение информации и/или ее носителей;
- 3) маскировка информации и/или ее носителей;
- 4) фальсификация информации и/или ее носителей;
- 5) смешанные способы в виде различных инсценировок [4, с. 768].

Так, утаивание информации может проходить в форме отказа от дачи показаний либо создание преступниками условий, связанных с «круговой порукой»; запрет называть свои имена, прозвища при совершении преступления; выбор места, времени, когда с наибольшей вероятностью будут отсутствовать свидетели; выезд в иную местность для проживания и т.п.

Уничтожение информации, как правило, связано с удалением следов пребывания на месте кражи; избавление от орудий и средств, при помощи которых осуществлялось проникновение; выбрасывание одежды, обуви в которой преступники совершали кражу.

Маскировка в основном связана с изменением внешнего вида преступников (парики, прически, наклеивание усов или бороды) или их одежды (куртка работника домоуправления, костюм электрика, медицинского работника и т.п.).

Фальсификация информации возможна в форме изготовления ложных документов личности и подбрасывания их на место преступления; создание ложного алиби; дача ложных показаний.

Что касается инсценировки, то при совершении краж с незаконным проникновением в жилище такие способы используются довольно редко и связаны либо с созданием «ложного страхового случая», либо с совершением иного, более тяжкого преступления.

Формирование способа преступления происходит преимущественно под влиянием цели и мотива.

Отметим, что сведения о способе совершения кражи из жилища являются важным элементом криминалистической характеристики преступлений, обуславливают его связь с другими элементами, так как позволяют сотрудникам ОВД ориентироваться на месте происшествия, делать выводы о вероятном месте нахождения следов, которые оставляет преступник, выбрать приемы по обнаружению, изъятию и фиксации следов; а также предметов, с помощью которых произведено воздействие на преграду. Информация о типичных способах совершения кражи и поведении преступников позволяет предположить направление их поиска; способствует обоснованному выдвигению следственных и опе-

ративно-розыскных версий, организации планированию расследования, проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Список литературы

1. Евтушенко И.С. Практика раскрытия краж из квартир // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2012. Вып. 9.
2. Гаврилин Ю.В., Шурухнов Н.Г. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений: курс лекций / под ред. профессора Н.Г. Шурухнова. М.: Книжный мир, 2004. С. 468.
3. Особенности раскрытия, расследования некоторых видов краж и использование при этом специальных познаний: учебно-методическое пособие. Тюмень: Академия, 2007. С. 92.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., дополн. М., 2001. С. 768.

И.С. Мокров, главный специалист-эксперт Управления Роспотребнадзора по Новосибирской области, г. Новосибирск

РЕАБИЛИТАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Основной целью написания данной статьи является рассмотрение вопроса о реабилитирующих основаниях для прекращения уголовного преследования в рамках уголовно-процессуального законодательства, действующего в Российской Федерации.

В ходе написания статьи производится анализ не только действующего законодательства, но и сложившейся судебной практики.

Главным нормативным актом, имеющим высшую юридическую силу на территории Российской Федерации, является Конституция Российской Федерации, нормами которой человек, его права и свободы провозглашаются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является главной обязанностью государства.

Нормой ст. 53 Конституции Российской Федерации закреплено то, что каждый имеет право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

В сфере уголовного судопроизводства реализация данной конституционной нормы обеспечивается применением института реабилитации.

Долгое время многие спорили и не могли сойтись во мнении по поводу понятия «Реабилитация», но в результате вступления в силу 1 июля 2002 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации оно все же было установлено.

Под понятием «реабилитация» в действующем законодательстве понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно

подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда.

Анализируя нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, касающиеся вопроса реабилитации, можно сделать вывод о том, что само право на реабилитацию включает в себя не только право на возмещение ущерба, но и морального вреда, а также восстановления в трудовых, жилищных и иных правах.

Хоть нормами и закреплена обязанность государства возместить в полном объеме вред, причиненный гражданину, подвергнутому незаконному или необоснованному уголовному преследованию, но в данном случае изучая судебную практику, можно сказать о том, что с возмещением имущественного вреда, а также восстановлением в иных правах вопросов не возникает, за исключением морального вреда. Моральный вред сложно оценить в денежном эквиваленте, и в данном случае судебная практика неоднозначна.

Право на реабилитацию возникает у следующих граждан:

- если в ходе судебных разбирательств был вынесен оправдательный приговор, либо государственный обвинитель отказался от обвинения;
- если в отношении гражданина дело прекращено по основаниям, содержащимся в ст. 24 и 27 Уголовно-процессуального кодекса РФ (отсутствие состава, истечение срока давности привлечения к ответственности и т.д.);
- при условии полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела;
- к которым были применены меры медицинского характера в случае отмены данного решения.

Помимо этого настоящим правом наделено лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

Но, как и везде, в данном институте реабилитации есть исключения, под которыми подразумевается, что в случае если приговор изменен или отменен в связи с изданием акта об амнистии, а также в случае истечения срока давности, не достижения возраста или психического здоровья, позволяющего оценить последствия своих действий либо бездействий.

Само право на реабилитацию признается тем органом, которым установлен данный факт, а именно судом, либо следователем и дознавателем.

При этом суд данное решение отражает в приговоре, определении или постановлении, а следователь и дознаватель — в постановлении. Извещение о принятом решении, содержащее порядок возмещения вреда, причиненного уголовным преследованием, направляется лицу.

Реабилитированному лицу подлежит возмещению следующий материальный вред: заработная плата, пособия, конфискованное имущество, судебные издержки, денежные средства, уплаченные за юридические услуги, а также иные расходы по решению суда. Размер возмещения имущественного вреда определяется судом.

Моральный вред возмещается посредством официального извинения от имени государства прокурором, а также направления письменного сообщения о принятом решении по месту учебы, работы. В виде денежного возмещения во-

прос решается в виде гражданского судопроизводства по средствам подачи искового заявления.

В то же время есть масса причин, препятствующих развитию института реабилитации на практике, наиболее весомыми из которых являются следующие:

1) мнение о том, что реабилитируемый является не невинно пострадавшим, а преступником, воспользовавшимся недоработками в законодательстве;

2) служащие государственного аппарата всех уровней (суды, органы дознания, государственные обвинители и т.д.) не торопятся признавать свои допущенные ошибки в применении норм действующего законодательства, для них главным являются не права человека и гражданина, а так называемая «честь мундира»;

3) большая часть действующей нормативной базы, используемой для определения процесса реабилитации, досталась нам от советских времен.

Подводя итоги, можно отметить следующее: институт реабилитации в Российской Федерации находится на стадии становления. Многие моменты применения норм действующего законодательства в данной сфере до сих пор вызывают вопросы не только у лиц, у которых возникает данное право, но и у судов в процессе принятия решения по поводу возмещения вреда — материального и морального. В части возмещения материального вреда в качестве примера можно привести вопрос, который возникает при рассмотрении дел об упущенной выгоде, а также неполученном заработке по причине сложности доказывания размера ущерба и связи между незаконным уголовным преследованием и причиненным ущербом.

В данный момент суды удовлетворяют в полном объеме лишь те иски заявления, в которых причинен небольшой вред, либо содержатся факты грубейших нарушений процессуальных норм, а в других случаях затребованные суммы в счет возмещения морально и материального вреда значительно снижаются.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» оговорены многие вопросы, но все же необходимо вносить дополнительные разъяснения, данный факт подтверждается неоднозначной судебной практикой.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5122.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального ко-

декса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (ред. от 02.04.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 1; 2013. № 6.

Т.А. Морозова, к.ю.н., доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Дзержинского филиала Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАН ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИМИ СУБЪЕКТАМИ МИКРОФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

В 2019 г. Президентом Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации указано на принятие необходимых мер, направленных на предотвращение и пресечение неправомерных действий в отношении граждан при осуществлении хозяйствующими субъектами микрофинансовой деятельности и деятельности по возврату просроченной задолженности [1].

Основные положения микрофинансовой деятельности и порядок ее регулирования регламентируется Федеральным Законом от 20.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

Деятельность по возврату просроченной задолженности регламентируется Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности» и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (далее — Закон № 230).

Микрофинансовая организация — юридическое лицо, которое осуществляет микрофинансовую деятельность и сведения о котором внесены в государственный реестр микрофинансовых организаций (далее — МФО).

Основной деятельностью микрофинансовых организаций является выдача микрозаймов.

МФО широко распространились в России за последние десятилетия. По состоянию на третью декаду 2019 г. в стране зарегистрировано 1948 действующих микрофинансовых организаций [2].

При совершении действий, направленных на возврат просроченной задолженности, возникшей из денежных обязательств, кредитор или лицо, действующее от его имени и (или) в его интересах, вправе взаимодействовать с должником посредством организации личных встреч, телефонных переговоров (непосредственных взаимодействий); телеграфных сообщений, текстовых, голосовых и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи, в том числе подвижной радиотелефонной связи; постовых отправок по месту жительства или месту пребывания должника.

Контрольно-надзорные функции за деятельностью МФО возложены на Банк России и саморегулируемые организации (далее — СРО). СРО созданы в соответствии с Федеральным законом № 223-ФЗ от 13.07.2015 «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» в форме ассоциации (союза) из таких же организаций и кооперативов.

Анализ складывающейся ситуации в регионах Российской Федерации указывает на увеличение закредитованности населения, а также рост просроченной задолженности в условиях снижения платежеспособности граждан. Прежде всего, это связано с процессами, происходящими в социально-экономической сфере: ростом безработицы, проблемами трудоустройства, снижением промышленного производства и реальных доходов населения, высоким уровнем инфляции, а также обострением проблем, связанных с невыплатой заработной платы, нерешенностью проблем обманутых участников долевого строительства жилья, нарушением прав потребителей, ужесточением условий кредитования банковскими учреждениями.

В первую очередь, в МФО обращаются граждане, получившие отказ в кредитовании банковскими учреждениями в связи с «плохой» кредитной историей и относящиеся к категории заемщиков с повышенным риском невозврата (имеющие финансовые трудности, долговые обязательства в различных кредитных учреждениях, убыточный бизнес и т.д.). Займы гражданам выдаются по заведомо высокой процентной ставке, то есть условия выдачи займов для граждан изначально являются «кабальными» и невыполнимыми.

В МФО им предлагается упрощенный процесс получения денежных средств. При этом внимание потребителя о процентной ставке по договору потребительского кредита (займа), составляющей в настоящий момент 1% в день, штрафных санкциях в случае просрочки платежа притупляется необходимостью разрешения возникшей жизненной ситуации.

МФО зачастую изначально ориентированы на силовое взыскание денежных средств с наиболее незащищенных слоев населения, осознавая большую вероятность невозврата выданной суммы. В значительном количестве случаев коллекторские агентства осуществляют свои действия в связи с наличием долга заемщика перед микрофинансовой организацией.

Надзор за соблюдением МФО требований законодательства осуществляет Центральный Банк Российской Федерации. Однако внимание государства не искоренило злоупотребления в сфере микрозайма. Результаты расследования уголовных дел свидетельствуют, что имеющиеся контрольные механизмы недостаточны для декриминализации микрофинансовой деятельности и деятельности по возврату просроченной задолженности.

Согласно представленной территориальными следственными подразделениями МВД России информации (статистические сведения ГИАЦ МВД России отсутствуют), в 2018 г. в производстве следователей следственных подразделений МВД России находилось 14 уголовных дел о преступлениях, связанных с деятельностью микрофинансовых организаций по фактам хищений денежных средств и приобретений права собственности на объекты недвижимости граждан при осуществлении хозяйствующими субъектами микрофинансовой деятельно-

сти (микрорайм) и деятельности по возврату просроченной задолженности (АППГ-11). Такие уголовные дела в 2018 г. расследовались следственными подразделениями Московской, Челябинской, Архангельской и Нижегородской областей, а также г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Алтайского края и СКФО. За указанный период направлено в суд 8 уголовных дел (АППГ-4), 0 — прекращено (АППГ-1), приостановлено 2 дела (АППГ-0).

Например, СЧ ГСУ ГУ МВД России по Московской области 03.04.2018 возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Установлено, что не позднее 26.02.2018 неустановленное следствием лицо из числа сотрудников ООО Микрофинансовая компания «Центр займов 365» заключили от лица данного общества договор займа с М. на сумму 1,3 млн руб. сроком 12 месяцев, залогом обеспечения которого явилась принадлежащая последней квартира. Продолжая действовать во исполнении своего преступного умысла, в тот же день от имени данного общества как продавца, без согласия на отчуждение М., заключили договор купли-продажи указанной квартиры с С. (покупателем) за 1,8 млн руб., который впоследствии зарегистрирован в Управлении федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Московской области. В результате преступных действий сотрудников ООО «Микрофинансовая компания «Центр займов 365»» М. и члены ее семьи лишились право на жилое помещение.

Также имеются случаи, когда коллекторы превышают свои полномочия путем применения к должникам различных мер принуждения, незаконного изъятия имущества и т.п. Примером является уголовное дело № 4216234, возбужденное 27.08.2016 (СЧ СУ УМВД России по г. Челябинску) в отношении ряда лиц, деяния которых квалифицированы по различным частям ст. 159,163 УК РФ.

Установлено, что Фархутдинов Л.У., Чернышенко М.С., Яровиков Д.А., Каптенев Т.И., Ушмодин С.М., действуя в составе организованной группы, преследуя цель систематического получения незаконной прибыли, совершили ряд вымогательств денежных средств под угрозой применения насилия и уничтожения имущества у заемщиков микрофинансовых организаций «Домашние деньги», «Кредитный Союз», «Кэшлот», «Срочномен» и их родственников.

Участники организованной группы, находясь в заранее подысканном офисе, владея списками заемщиков микрофинансовых организаций, имевших просроченную задолженность, и персональными данными их родственников, знакомых, осуществляли с ними телефонные звонки под предлогом взыскания указанной задолженности и под угрозой применения насилия либо повреждения их имущества, а также вышеуказанным насильственным способом принуждали родственников и знакомых заемщиков к передаче денежных средств.

Всего в одном производстве соединено 26 уголовных дел, по которым потерпевшими признано 31 лицо.

11.05.2018 уголовное дело № 4216234 в порядке ст. 222 УПК РФ направлено в Курчатовский районный суд г. Челябинска.

Согласно представленной территориальными следственными подразделениями МВД России информации (статистические сведения ГИАЦ МВД России

отсутствуют), в первом полугодии 2019 г. в производстве следователей следственных подразделений МВД России находилось 11 уголовных дел о преступлениях, связанных с деятельностью микрофинансовых организаций по фактам хищений денежных средств и приобретений права собственности на объекты недвижимости граждан при осуществлении хозяйствующими субъектами микрофинансовой деятельности (микрозайм) и деятельности по возврату просроченной задолженности (АППГ-13), из которых возбуждено 2 уголовных дела (АППГ-3); направлено в суд — 3 (АППГ-4); прекращено — 1 (АППГ-0) и приостановлено производством — 1 (АППГ-1).

Уголовные дела данной категории расследовались следственными подразделениями (по 1 делу) по СКФО, республик Марий Эл и Башкортостан, Алтайского и Ставропольского краев, Московской, Архангельской и Нижегородской областей, а также г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области (2 дела).

Единичный случай прекращения уголовного дела по реабилитирующему основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, имеет место в ГСУ ГУ МВД России по Краснодарскому краю, обусловленное неполнотой доследственной проверки до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В этой связи отметим, что качество доследственной проверки, проведенной до возбуждения уголовного дела, которое предопределяет ход и результаты дальнейшего расследования по нему, играет немаловажную роль для определения квалификации действий виновных лиц.

Считаем, что при поступлении заявлений, сообщений о преступлениях при взыскании просроченной задолженности, необходимо выполнить следующие проверочные мероприятия:

- подробно опросить по всем обстоятельствам заявителя, выяснив, когда и при каких обстоятельствах им оформлялся кредит, в каком финансово-кредитном учреждении, условия поручения, погашения и возврата заемных денежных средств; уведомлялся ли он о том, что его обязательства по кредитному договору переданы третьему лицу (коллекторскому агентству), если да, то в какой форме он уведомлен и предпринимались ли какие-либо действия по погашению просроченной задолженности; с какого периода им не осуществляются платежи по погашению задолженности; причины, послужившие задержкой погашению кредитных обязательств; поступали ли в адрес заявителя угрозы, если да, то какого характера;

- истребовать у заявителя документы, подтверждающие оформление им кредита и погашение кредиторской задолженности;

- изъять в финансово-кредитном учреждении документы, подтверждающие кредитные обязательства заемщика, погашение им задолженности и передачу прав требования по кредитному договору третьему лицу (коллекторскому агентству), справку о выплаченной сумме по кредитному договору, уплаченных процентах и сумме, оставшейся задолженности заемщика по кредитному договору, иные документы (уведомления, письма и др.). В случае передачи кредитным учреждением прав третьему лицу в обязательном порядке приобщить к материалам проверки финансовые документы, из которых следует, что договор купли-продажи, заключенный между кредитной организацией и коллекторским

агентством, состоялся и должник всю полноту материальной ответственности перед банком не несет;

- опросить представителя финансово-кредитного учреждения, у которого выяснить все обстоятельства оформления кредита заемщику, каким образом проверялась его платежеспособность и в какой период времени осуществлялось погашение кредиторской задолженности, с какого времени не поступают платежи по погашению задолженности и какие меры принимались финансово-кредитным учреждением по возврату кредиторской задолженности, обстоятельства передачи права требования задолженности по кредитному договору третьему лицу (коллекторскому агентству), уведомлен ли заемщик об этом, принимались ли меры по обращению взыскания на залоговое имущество (при его наличии согласно условиям кредитного договора), причины, по которым банк отказался от разрешения спора через суд в порядке гражданского судопроизводства и передал долги коллекторскому агентству;

- установить юридическое лицо, которому передано право требования кредиторской задолженности заемщика (коллекторское агентство), где истребовать учредительные документы, а также документы, подтверждающие права требования задолженности с заемщика, иные документы по взаимоотношениям с финансово-кредитным учреждением и заемщиком;

- опросить представителя коллекторского агентства, выяснив виды деятельности, взаимоотношения с финансово-кредитным учреждением, обстоятельства заключения договора о передаче прав требования с заемщика, какие меры приняты в отношении заемщика по возврату просроченной задолженности, кто из сотрудников занимался данным вопросом;

- получить объяснения от сотрудника коллекторского агентства, выяснив его должностные обязанности, общий порядок работы с заемщиками по взысканию просроченной задолженности, правовые основы деятельности;

- установить и опросить иных лиц, располагающих сведениями о действиях коллекторского агентства при взыскании с заемщика просроченной задолженности (родственники, соседи, знакомые заемщика), выяснив их взаимоотношения с заемщиком, при каких обстоятельствах им стало известно о действиях сотрудников коллекторского агентства по взысканию просроченной задолженности, какие именно меры принимались в отношении заемщика, обращался ли он за помощью или защитой к третьим лицам;

- при необходимости опросить поручителей по кредитному договору, выяснив обстоятельства оформления ими договора поручительства, принимались ли в его отношении меры по погашению кредиторской задолженности по кредитному договору заемщика, какие именно и кем именно (финансово-кредитным учреждением, коллекторским агентством).

С целью фиксации факта поступающих угроз в адрес заявителя и передачи им денежных средств рекомендуется организовать совместно с оперативными подразделениями органов внутренних дел проведение соответствующих оперативно-розыскных мероприятий (прослушивание телефонных переговоров, оперативный эксперимент и т.д.).

Данный алгоритм действий исчерпывающим не является и подразумевает выполнение и иных проверочных мероприятий, необходимость в которых может возникнуть.

Отметим, что коллекторы превышают свои полномочия путем применения к должникам различных мер принуждения, незаконного изъятия имущества и т.п.

Необходимо отметить, что в последнее время получило широкое распространение мошенничество, связанное с предоставлением займов физическим лицам под залог недвижимого имущества, которое впоследствии отчуждается у заемщика. При заключении договоров займа лица, представляющие МФО, пользуясь правовой и финансовой безграмотностью граждан, вводят их в заблуждение относительно суммы, указанной в договоре и выданной фактически.

В качестве примера можно привести уголовное дело, возбужденное в 2019 г. СЧ ГСУ ГУ МВД России по г. Москве по ч. 4 ст. 159 УК РФ в отношении участников организованной группы из числа работников и руководителей ООО «МКБ», которые предоставляли займы физическим лицам, относящимся к категории малообеспеченных и имеющих негативную кредитную историю, под залог недвижимого имущества. В дальнейшем в результате мошеннических действий задолженность по договорам займов необоснованно увеличивалась, а залоговая недвижимость изымалась.

Нередко сотрудниками МФО осуществлялись мошеннические действия при подписании договора по выдаче займа, в общем комплекте документов также «подкладываются» обязательства по передаче недвижимого имущества заемщиком в случае нарушения договорных обязательств. Такой подход в дальнейшем позволяет злоумышленникам на «законных» основаниях требовать не только погашения задолженности, но и уступки прав на недвижимость заемщика. При этом сама МФО зачастую к моменту обращения пострадавшего лица в органы внутренних дел приостанавливает выдачу займов или деятельность в целом.

Также следует отметить, что микрофинансовые организации попадают в поле зрения правоохранительных органов в связи с осуществлением ими деятельности по принципу «финансовых пирамид», а также в связи с их вовлечением в сложные противоправные схемы по незаконному обналичиванию денежных средств и их легализации. В этой связи при проведении в Российской Федерации в 2018 г. национальной оценки рисков легализации (отмывания) преступных доходов МФО были отнесены к группе повышенного риска.

Мониторинг информации, представленной следственными органами МВД России по итогам работы в первом полугодии 2019 г., показывает, что территориальные органы МВД России ориентированы на предотвращение и пресечение неправомерных действий (мошенничества) в отношении граждан при осуществлении хозяйствующими субъектами микрофинансовой деятельности и деятельности по возврату просроченной задолженности совместно с другими правоохранительными органами и территориальными подразделениями Банка России.

Так, в ряде регионов в целях обмена информацией о возможных противоправных действиях со стороны субъектов микрофинансовой деятельности, своевременного выявления и предотвращения правонарушений в кредитно-финансо-

вой сфере, защиты интересов вкладчиков заключены соглашения о сотрудничестве с территориальными подразделениями Банка России.

Например, на территории Алтайского края между ГУ МВД России по Алтайскому краю и Сибирским Главным управлением Центрального Банка Российской Федерации 05.02.2019 заключено соглашение о сотрудничестве.

В рамках Соглашения от 11.03.2015 № 3/75-18-5-8/37-82 «О взаимодействии между ГУ МВД России по Челябинской области и Отделением Центрального Банка Российской Федерации» осуществляется обмен информацией по вопросам законности осуществления деятельности организаций, наличия их в государственных реестрах субъектов микрофинансирования и иной дополнительной информацией, относящейся к компетенции Банка России, что дает возможность ее оперативного и эффективного использования.

Основной причиной, способствующей совершению преступлений при осуществлении хозяйствующими субъектами микрофинансовой деятельности и деятельности по возврату просроченной задолженности, является финансовая и юридическая безграмотность населения.

В этой связи особое внимание уделяется профилактике данного вида преступной деятельности.

Например, в Брянской области в рамках мероприятий, направленных на повышение финансовой грамотности среди населения, в региональных средствах массовой информации, на телеканалах «Брянская губерния» и «Городской» размещены информационные видеоролики, а также организовано распространение разработанной Банком России информационной брошюры «Онлайн-микрозаймы», посвященной порядку оформления микрозаймов, возможностям, рискам заемщика и защите прав потребителей на рынке финансовых услуг.

Кроме того, на региональных новостных сайтах размещаются материалы, содержащие информацию для граждан о мерах, которые необходимо принять при наличии незаконных действий коллекторских агентств. К примеру, в Карачаево-Черкесской Республике привлеченными средствами массовой информации, а также посредством сети Интернет жителям дополнительно разъясняются их права и обязанности в части, касающейся деятельности коллекторских агентств и микрофинансовых организаций, размещены контактные телефоны дежурных частей городских и районных органов внутренних дел Карачаево-Черкесии.

В Хабаровском крае также распространена практика информирования населения посредством выдачи памятки «Осторожно, коллекторы: права граждан при взыскании с них долгов».

В соответствии с п. 1 и 2 части 2 ст. 6 Закона № 230 не допускаются направленные на возврат просроченной задолженности действия кредитора или лица, действующего от его имени и (или) в его интересах, связанные в том числе с применением к должнику и иным лицам физической силы либо угрозой ее применения, угрозой убийством или причинения вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества либо таких уничтожений или повреждения. При этом умышленное причинение вреда здоровью в зависимости от степени его тяжести влечет уголовную ответственность по ст. 111, 112, 115 УК РФ. Угроза

убийством или причинением тяжкого вреда здоровью наказываемся по ст. 119 УК РФ. Кроме того, ст. 167 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за умышленное уничтожение или повреждение имущества.

Самовольное, вопреки порядку, установленному законом или иным нормативным правовым актом, совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред, влечет ответственность по ст. 330 УК РФ.

В случае если требования об уплате или погашении долговых обязательств превышают сумму долга и сопровождаются угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, либо распространения сведений, позорящих должника или его близких, иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам должника или его близких, то такие действия могут квалифицироваться по ст. 163 УК РФ.

Список литературы

1. Пункт 10 Перечня поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 20.02.2019 № Пр-294.

2. Государственный реестр микрофинансовых организаций Банка России, размещенный на официальном сайте Банка России.

М.А. Неймарк, к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

К ВОПРОСУ О НАДЛЕЖАЩЕМ ИСПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В России права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием. Как отмечает Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, «дух права — это принцип равенства и справедливости, выраженный в Конституции России. Перед Конституционным Судом, как и перед всем судебским сообществом, стоит очень непростая задача — обеспечить оптимальную реализацию этого принципа в национальной системе правосудия. Ибо суд — это не только процедура, но еще и смысл» [1, с. 154].

Роль Конституционного Суда Российской Федерации в механизме защиты прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве трудно переоценить. Так, анализ данных по тематике обращений в Конституционный Суд РФ за последние годы показывает, что основными темами обращений в Конституционный Суд РФ являются вопросы уголовного права и процесса (30-34% обращений), конституционного статуса личности (24-28% обращений), далее идут

вопросы гражданского судопроизводства (11-12% обращений), гражданского права (9-10% обращений) и другие. Самой объемной категорией обращений не первый год становятся вопросы уголовного права и процесса (3795, или 32,1% от всех обращений в КС РФ в 2021 г., 1806, или 33,9% от всех обращений в КС РФ за первые два квартала 2022 г.): в их числе в сфере уголовного судопроизводства преобладают запросы по пересмотру судебных решений (1720, или 14,5% от всех обращений в 2021 г., 786, или 14,7% от всех обращений за первые два квартала 2022 г.), далее следуют запросы, связанные с досудебным и судебным производством по уголовному делу (519, или 4,4% и 376, или 3,2% соответственно в 2021 г., 196, или 3,7% и 139, или 2,6% обращений соответственно за первые два квартала 2022 г.), иные вопросы уголовного процесса (426, или 3,6% за 2021 г., и 282 или 5,3% за первые два квартала 2022 г.) [2].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает вопрос о надлежащем исполнении решений Конституционного Суда РФ в сфере уголовного судопроизводства, поскольку верховенство права в нормотворческой и правоприменительной деятельности, защищенность основных прав и свобод, а также гарантии действенности правосудия напрямую зависят от качества исполнения решений Конституционного Суда РФ. Как показывает анализ, сложившийся механизм исполнения решений Конституционного Суда РФ в целом подтверждает свою эффективность, способствуя преодолению законодательных и правоприменительных дефектов и приводя в большинстве случаев действующее регулирование и правоприменение в соответствие с выраженными Конституционным Судом РФ правовыми позициями. Однако на фоне общих положительных тенденций, характеризующих ситуацию в данной сфере, представляется преждевременным говорить о преодолении всех проблем, связанных с исполнением решений высшего судебного органа конституционного контроля [3-5]. Только в 2021 г. Конституционным Судом РФ принято 55 постановлений, что является максимальным показателем за 30-летнюю историю Конституционного Суда РФ. С учетом увеличения общего числа постановлений возросло и число предписаний Конституционного Суда РФ о необходимости осуществления правового регулирования. По сведениям Секретариата Конституционного Суда РФ, на 28.04.2022 подлежат исполнению в порядке статьи 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» 48 постановлений Конституционного Суда, включая 1 постановление, принятое в 2010 г.; 1 — в 2011 г.; 1 — в 2012 г.; 1 — в 2013 г.; 3 — в 2015 г.; 1 — в 2016 г.; 2 — в 2017 г.; 1 — в 2018 г.; 3 — в 2019 г.; 4 — в 2020 г.; 21 — в 2021 г.; 9 — в 2022 г. Перечень решений Конституционного Суда РФ, содержащих предложения рекомендательного характера в адрес нормотворческого органа, включает 116 позиций (66 постановлений и 50 определений) [6].

В соответствии со ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» [7] решение Конституционного Суда РФ окончательно и не подлежит обжалованию, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Юридическая сила постановления Конституционного Суда РФ о признании акта неконституционным не может

быть преодолена повторным принятием этого же акта. С момента вступления в силу постановления Конституционного Суда РФ, которым нормативный акт или отдельные его положения признаны не соответствующими Конституции РФ, либо постановления Конституционного Суда РФ о признании нормативного акта либо отдельных его положений соответствующими Конституции РФ, в данном Конституционным Судом РФ истолковании не допускается применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений, признанных таким постановлением Конституционного Суда РФ не соответствующими Конституции РФ, равно как и применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом РФ в этом постановлении истолкованием. Суды общей юрисдикции, арбитражные суды при рассмотрении дел после вступления в силу постановления Конституционного Суда РФ (включая дела, производство по которым возбуждено и решения предшествующих судебных инстанций состоялись до вступления в силу этого постановления Конституционного Суда РФ) не вправе руководствоваться нормативным актом или отдельными его положениями, признанными этим постановлением Конституционного Суда РФ не соответствующими Конституции РФ, либо применять нормативный акт или отдельные его положения в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом РФ в этом постановлении истолкованием.

Выявление Конституционным Судом РФ конституционно-правового смысла законоположений положительно сказывается на конституционности правоприменительной практики. Оценивая не только буквальный смысл рассматриваемого акта, но и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, а также сложившейся практикой правоприменения, Конституционный Суд РФ — в целях достижения баланса между конституционностью регулирования, его желательной стабильностью и целостностью — вправе признать норму соответствующей Конституции при условии применения ее предписанным образом. Признание нормы конституционной итоговым решением Конституционного Суда РФ означает, что отныне оспоренные положения могут применяться только в выявленном конституционно-правовом смысле. Через придание оспариваемым законоположениям конституционно обоснованного значения устраняются вызвавшие обращение в Конституционный Суд РФ коллизии и неопределенность. Отрицательный вывод относительно конституционности нормы (дисквалификация, безусловная и условная, то есть связывающая неконституционность с практикой применения соответствующего законоположения), помимо необходимости нормотворческой коррекции, предполагает невозможность применения ее в неконституционном смысле. Правовые позиции как смысловое ядро решения Конституционного Суда РФ обязательны для всех правоприменителей [8].

И.В. Смолькова, П.О. Преловский, рассматривая дискуссионный в юридической литературе вопрос о том, являются ли решения Конституционного Суда РФ судебными прецедентами в уголовно-процессуальном праве, приходят к выводу о том, что по юридической силе правовые позиции КС РФ стоят выше любого закона, поскольку Конституционный Суд РФ толкует нормативно-правовые

акты в неразрывном единстве с Конституцией РФ, «с оглядкой на нее». Правовые позиции выражают толкование Конституционным Судом РФ «буквы и духа» Конституции РФ, и в ее свете — нижестоящих по юридической силе нормативно-правовых актов, поэтому Конституционный Суд РФ не разрешает конкретную ситуацию [9, с. 131].

Общеобязательность предписаний Конституционного Суда РФ для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений, следует независимо от того, в какой форме они выражены: в постановлениях, которыми признается неконституционность закона, либо в постановлениях, в которых выявлен его конституционно-правовой смысл. Недостаток понимания в этом вопросе — причем не только в России — приводит к тому, что время от времени возникают конфликты компетенций, получившие хлесткое обозначение «судебные войны», когда суды общей и специальных юрисдикций видят в деятельности конституционных судов вторжение в сферу своей компетенции. Здесь можно выделить два аспекта: а) неисполнение или ненадлежащее исполнение решений, требующих внесения изменений в законодательство; б) неисполнение решений, требующих отмены вынесенных по делам заявителей судебных актов или изменения всей судебной практики по делам такого же рода [1, с. 17].

В целях обеспечения надлежащего исполнения решений Конституционного Суда РФ Секретариат Конституционного Суда РФ осуществляет постоянное взаимодействие с государственными органами и должностными лицами, ответственными за организацию процесса исполнения и непосредственное исполнение решений Конституционного Суда РФ. Так, Министерство юстиции России во взаимодействии с Конституционным Судом РФ, палатами Федерального Собрания РФ, Аппаратом Правительства РФ, а также с федеральными органами исполнительной власти осуществляет мониторинг правоприменения в целях проверки исполнения решений Конституционного Суда РФ, в связи с которыми необходимо принятие (издание), изменение или признание утратившими силу (отмена) законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

Согласно информации о мониторинге выполнения решений Конституционного Суда РФ, содержащейся в Докладе о результатах мониторинга правоприменения в РФ за 2020 г.: с 1 января 1992 г. по 25 августа 2021 г. Конституционный Суд РФ принял 298 постановлений, требующих исполнения (в том числе в 2020 г. — 24 постановления, за истекший период 2021 г. — 16 постановлений), о признании нормативного акта не соответствующим Конституции РФ полностью или частично либо о признании нормативного акта или отдельных его положений соответствующими Конституции РФ, но при этом из данного Конституционным Судом РФ истолкования вытекает необходимость устранения пробелов или противоречий в правовом регулировании. С 1992 г. исполнено 262 решения Конституционного Суда РФ (в том числе в 2020 г. — 16 постановлений, за истекший период 2021 г. — 15 постановлений). По состоянию на 25 августа 2021 г. требуется исполнение 37 постановлений Конституционного Суда РФ.

В целях исполнения 20 постановлений Правительство РФ внесло в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законопроекты либо поддержало проекты федеральных законов, разработанные иными субъектами права законодательной инициативы, в отношении 17 постановлений федеральными органами исполнительной власти ведется необходимая работа [10].

Секретариат Конституционного Суда РФ также систематически анализирует состояние дел по исполнению решений Конституционного Суда РФ, выявляет причины неисполнения или ненадлежащего исполнения этих решений, предоставляя полугодовые и годовые информационно-аналитические отчеты об исполнении решений, в которых отражаются основные аспекты проделанной работы по исполнению решений; обозначаются имеющие место в данной сфере трудности; предложения по исправлению ситуации доводятся до сведения органов, ответственных за организацию процесса исполнения и непосредственное исполнение решений Конституционного Суда РФ. Отметим, что в данных отчетах регулярно поднимаются проблемы, связанные с неисполнением решений Конституционного Суда, с момента принятия которых прошло уже значительное время. Согласно информационно-аналитическому отчету об исполнении решений Конституционного Суда РФ [6], только в 2021 г. Конституционный Суд РФ указывал на необходимость пересмотра дела заявителя в резолютивной части 41 постановления и 1 определения. В 2021 г. Верховным Судом РФ была представлена информация о результатах пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам ввиду признания Конституционным Судом РФ нормативного акта либо отдельных его положений не соответствующими Конституции РФ, либо соответствующими Конституции РФ в данном Конституционным Судом РФ истолковании. Сведения были представлены в отношении 28 постановлений Конституционного Суда РФ и 3 определений, принятых в обозначенный период и содержащих в резолютивной части указание на необходимость пересмотра (всего в 2020 г. Конституционный Суд РФ указывал на необходимость пересмотра дела заявителя в резолютивной части 39 постановлений и 4 определений). Выделяя позитивные тенденции, наметившиеся в предшествующие годы в части нормотворческого и правоприменительного исполнения решений Конституционного Суда, Секретариат Конституционного Суда РФ отмечает, что до сих пор не утрачивает актуальности ряд отмеченных в Отчете серьезных проблем, осложняющих надлежащее исполнение решений Конституционного Суда, преодоление которых Конституционный Суд ожидает от уполномоченных субъектов публичной власти без промедления.

Отметим, что на современном этапе российское конституционное правосудие более гибко, чем прежде, воздействует на правовую систему, предпочитая простой дисквалификации подвергающихся проверке законоположений корректировку их применения посредством выявления конституционно-правового смысла соответствующих нормоположений. Все чаще решениями Конституционного Суда РФ блокируется не оспариваемая норма как таковая, но — путем обращения непосредственно к правоприменителю — ее неконституционный смысл. Данная тенденция прослеживается в том числе в содержании ежеквартально утверждаемых Конституционным Судом РФ Обзоров, включающих

наиболее важные из принимаемых им решений. Выявление конституционного смысла норм материального или процессуального права, снимая противоречия, возникающие между правоприменением и требованиями Конституции РФ, формирует единство правового пространства. Наряду с этим с учетом поступательного возрастания в общем массиве итоговых решений Конституционного Суда РФ доли итоговых решений, выявляющих конституционно-правовой смысл оспоренных нормативных положений и, как правило, предполагающих возможность их непосредственной реализации правоприменителями, их ненадлежащее исполнение судами осложняет конституционно-правовую защиту субъективных прав. В результате заинтересованные субъекты вынуждены вновь обращаться в Конституционный Суд РФ с соответствующими жалобами [11].

Так, обращения на нарушение конституционных прав и свобод граждан в сфере уголовного судопроизводства, примененном в конкретном деле, по которым Конституционным Судом РФ приняты решения в период с 01.01.2014 по 01.04.2022, неоднократно касались ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу» (248 обращений), ст. 47 УПК РФ «Обвиняемый» (190 обращений), ст. 51 «Обязательное участие защитника» (154 обращения), ст. 75 «Недопустимые доказательства» (212 обращений), ст. 90 «Преюдиция» (136 обращений), ст. 125 «Судебный порядок рассмотрения жалоб» (575 обращений), ст. 307 «Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора» (155 обращений), ст. 389.13 «Порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции» (125 обращений), ст. 401.8 / 401.10 «Действия суда кассационной инстанции при поступлении уголовного дела с кассационными жалобой, представлением / при поступлении кассационных жалобы, представления» (217 обращений), ст. 401.15 «Основания отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке» (236 обращений), ст. 401.17 «Недопустимость внесения повторных кассационных жалобы, представления» (352), ст. 413 «Основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств» (185 обращений) [12]. Начальник Управления конституционных основ уголовной юстиции Конституционного Суда РФ О.А. Вагин в своем выступлении на Всероссийской научно-практической конференции «Конституционализация уголовного судопроизводства (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» отметил, что за 30-летний период работы Конституционным Судом РФ по вопросам толкования и применения норм уголовно-процессуального права вынесено уже более 8,5 тыс. решений, из которых 87 постановлений [13].

Анализ обращений в Конституционный Суд РФ и вынесенных им решений в сфере уголовного судопроизводства позволяет сделать вывод о том, что неисполнение и ненадлежащее исполнение общеобязательных решений Конституционного Суда РФ, а также недостаточное внимание к ранее выраженным правовым позициям Конституционного Суда РФ, включая содержащиеся в них ориентиры должного регулирования неизбежно приводит к повторному рассмотрению в порядке конституционного судопроизводства вопросов о соответствии Конституции РФ отдельных норм уголовно-процессуального закона, уже разрешенных Конституционным Судом РФ.

Полагаем, что достижению надлежащего исполнения судебными органами актов Конституционного Суда РФ в сфере уголовного судопроизводства будет способствовать принятие Федерального закона от 11.06.2022 № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [14], конкретизирующего требования ст. 79 ФКЗ о Конституционном Суде РФ применительно к действию уголовно-процессуального законодательства. Принятым Законом внесены изменения в положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в частности в ст. 413 УПК РФ, в соответствии с которыми основанием для отмены вступивших в законную силу судебных решений и возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств теперь является не только признание постановлением Конституционного Суда Российской Федерации нормативного акта или его отдельного положения не соответствующими Конституции Российской Федерации, но и постановления о признании норм соответствующими Конституции РФ в выявленном конституционно-правовом смысле (данном Конституционным Судом Российской Федерации истолкованием), с которым расходится используемое в приговоре, определении или постановлении суда толкование, в связи с обращением лица, к которому нормативный акт или его отдельное положение применены в приговоре, определении или постановлении суда. Кроме того, предусматривается, что по делам иных лиц (не инициаторов конституционного судопроизводства) решения Конституционного Суда РФ являются основанием для пересмотра состоявшихся судебных актов в случаях, предусмотренных Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Список литературы

1. Конституционное правосудие: процедура и смысл / Конституционный Суд РФ. Октябрь 2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=91>
2. Статистика по обращениям в Конституционный Суд Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/StatisticDef.aspx>
3. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда РФ, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2018 году. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ksrf.ru/ru/info/maintenance/documents/report_2018.pdf
4. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда РФ, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2019 году. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ksrf.ru/ru/info/maintenance/documents/report_2019.pdf
5. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда РФ, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2020 году. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report_2020.pdf
6. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда РФ, принятых в ходе осуществления конституционного су-

допроизводства, в 2021 году. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202021.pdf>

7. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде РФ». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/

8. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf>

9. Смолькова И.В., Преловский П.О. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по поводу уголовного судопроизводства — судебные прецеденты? // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 1. С. 129-133. DOI: 10.17150/1993-3541.2016.26(1).

10. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в РФ за 2020 год. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325330/092982dd0fc5d4d289b83929428108cd65843d0f/

11. Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда РФ 2016-2018 годов). [Электронный ресурс]. URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/AspektsKS_2018.aspx#_ftnref13

12. Часто обжалуемые статьи Уголовно-процессуального кодекса РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/CommonComplaintA.aspx>

13. Вагин О.А. Конституционализация уголовного судопроизводства в свете правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Запись Всероссийской научно-практической конференции «Конституционализация уголовного судопроизводства (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (30 октября 2021, Санкт-Петербург). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iuaj.net/node/301707.2022>.

14. Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419069/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100011

Х.П. Пашаев, к.филос.н., доцент кафедры права, философии и социологии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск

ЗАЩИТА ПРАВ И ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: КРАТКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

В современном российском уголовном судопроизводстве одной из актуальных проблем являются вопросы решения задач по защите прав и личности участников уголовного процесса.

Ежегодно в ходе расследования уголовных дел, согласно статистическим данным, более 10 млн человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей.

К участникам уголовного судопроизводства часто применяются приемы и методы физического и психологического воздействия для изменения ими своих показаний либо отказа от них. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве [1].

В целях обеспечения безопасности к таким лицам могут быть применены меры государственной защиты в соответствии с Федеральным законом от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». В статье 1 указанного закона отмечено, что «государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства — осуществление предусмотренных указанным Федеральным законом мер безопасности, направленных на защиту их жизни, здоровья и (или) имущества (далее — меры безопасности), а также мер социальной поддержки указанных лиц (далее — меры социальной поддержки) в связи с их участием в уголовном судопроизводстве уполномоченными на то государственными органами».

В силу ст. 2 Федерального закона, государственной защите подлежат следующие участники уголовного судопроизводства:

- 1) потерпевший;
- 2) свидетель;
- 3) частный обвинитель;
- 4) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено;
- 5) эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и психолог;
- 6) гражданский истец, гражданский ответчик;
- 7) законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя.

Меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления.

Государственной защите также подлежат установленные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации близкие родственники, родственники и близкие лица, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на лиц, указанных в частях 1 и 2 комментируемого законодательства.

При этом законодатель к органам, обеспечивающим государственную защиту, относит:

- органы, принимающие решение об осуществлении государственной защиты;
- органы, осуществляющие меры безопасности;
- органы, осуществляющие меры социальной поддержки.

Решение об осуществлении государственной защиты принимают суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следо-

ватель с согласия руководителя следственного органа, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело, если иное не предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Осуществление мер безопасности возлагается на органы внутренних дел Российской Федерации, органы федеральной службы безопасности, таможенные органы Российской Федерации по уголовным делам, находящимся в их производстве или отнесенным к их ведению, а также на иные государственные органы, на которые может быть возложено в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществление отдельных мер безопасности.

Меры безопасности в отношении защищаемых лиц по уголовным делам, находящимся в производстве суда (судьи) или Следственного комитета Российской Федерации, осуществляются по решению суда (судьи), руководителя следственного органа Следственного комитета Российской Федерации или следователя с согласия руководителя следственного органа Следственного комитета Российской Федерации органами внутренних дел Российской Федерации, органами федеральной службы безопасности, таможенными органами Российской Федерации, расположенными по месту нахождения защищаемого лица.

Меры безопасности в отношении защищаемых лиц из числа военнослужащих осуществляются также военной полицией Вооруженных Сил Российской Федерации, командованием соответствующих воинских частей и вышестоящим командованием.

Меры безопасности в отношении защищаемых лиц, содержащихся в следственных изоляторах или находящихся в местах отбывания наказания, осуществляются также учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации.

Меры социальной поддержки осуществляют органы, уполномоченные Правительством Российской Федерации [2].

Таким образом, Федеральным законом меры государственной защиты применяются в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, подлежащих государственной защите в соответствии с Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее — защищаемые лица).

Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» устанавливает систему мер государственной защиты, основания и порядок применения в рамках государственной защиты мер безопасности и мер социальной поддержки защищаемых лиц, определяет органы, на которые возложены обязанности по обеспечению государственной защиты.

Эффективность и особая значимость деятельности органов, обеспечивающих государственную защиту, подтверждена практикой реализации Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства за прошлые и на 2019-2023 го-

ды», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2018 года № 1272.

Анализ статистических данных за последние годы показывает, что наметилась динамика увеличения количества защищаемых лиц и мер безопасности, применяемых в отношении этих лиц. В период с 2014 по 2017 г. число защищаемых лиц, которые были задействованы в программных мероприятиях, в среднем составляло от 3,3 до 3,9 тыс. человек в год. За указанный период в отношении этих защищаемых лиц осуществлено более 33500 мер безопасности. Преимущественно применялись такие меры безопасности, как личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице и временное помещение в безопасное место [1].

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозглашает признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина обязанностью государства. Одним из проявлений государственной защиты конституционных прав на жизнь, свободу и личную неприкосновенность является обеспечение безопасности граждан в уголовном судопроизводстве. Решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, невозможно без активного участия в нем потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих правосудию. Однако несмотря на существование института безопасности в уголовном процессе, следует признать, что этот институт в настоящее время находится на этапе становления и развития. Эффективной реализации норм данного института препятствует отсутствие четкого механизма обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, противоречия, которые возникают между нормами права (обязанности следователя, потерпевшего и свидетеля действовать определенным образом) и морали [3].

Практика показывает, что «категория лиц, признанных следователем, дознавателем или судом потерпевшими, крайне редко обращаются за защитой своих нарушенных прав. Логических объяснений этому на первый взгляд странному феномену можно предложить немало. Ясно, например, что нарушение прав потерпевших сплошь и рядом носит латентный характер и соответственно далеко не всегда осознается самими потерпевшими. Вместе с тем беглый анализ действующего законодательства, призванного защитить права потерпевших, позволяет говорить о его недостаточной эффективности. Практика деятельности органов предварительного расследования показывает, что в значительной мере насилие на свидетелей и потерпевших осуществляется именно по тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Противоправное воздействие может носить открытый либо скрытый характер и реализовываться посредством угроз убийством, причинения телесных повреждений или уничтожения (повреждения) имущества как в отношении самих указанных лиц, так и в отношении их близких. Нередко угрозы исходят, к сожалению, и от представителей правоохранительных органов», — отмечает В.П. Лукин [4]. По его справедливому мнению, «как правило, следствием таких противоправных действий становится отказ участников уголовного судопроизводства от данных ранее показаний либо их ложные показания в пользу подозреваемых и обвиняемых. По данным опросов потерпевших

и свидетелей, до 90 процентов опрошенных ответили, что в случае угрозы их жизни или здоровью откажутся от показаний или же дадут ложные показания. Люди осознают наказуемость таких деяний, но считают, что до тех пор, пока остаются незащищенными, иного выбора у них быть не может...» [4]. Действительно, «...новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит ряд норм, призванных обеспечить безопасность потерпевшего и иных участников уголовного судопроизводства в случае, если им угрожают убийством, насилием, либо иными опасными противоправными действиями. При необходимости допросы могут проводиться в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судопроизводства; подлинные данные о личности потерпевшего, свидетеля и других участников судопроизводства должны сохраняться в тайне. Предусмотрены и другие меры безопасности» [4]. Однако, к сожалению, «предоставленная в компетентные представительства информация позволяет констатировать, что на самом деле все не столь благополучно», — подчеркивает В.П. Лукин [4].

Следует особо отметить, что «незаконное воздействие криминала на потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих правосудию, стало в последние годы весьма распространенным явлением в нашей стране» [4]. Проблема при этом не только в том, «что процесс отправления правосудия закономерно теряет и без того не очень высокую эффективность, а преступившим закон лицам все чаще удается уйти от ответственности» [4]. Ничуть не меньшая проблема — прогрессирующая утрата людьми веры в правосудие как таковое. Кто-то из потерпевших просто примиряется с судьбой, а кто-то, напротив, вершит «правосудие» своими руками в меру собственного понимания справедливости. В результате быстро растет количество случаев как спонтанной расправы с преступниками, в том числе путем совершения ответных преступлений, так и применения внеправовых способов возмещения материального или иного вреда [4].

В уголовном процессе проблемы защиты прав и интересов участников судопроизводства весьма разнообразны. Так, по мнению В.П. Бахина, М.Ч. Когамова и Н.С. Карпова, «обеспечение защиты и прав интересов участника процесса и совершенствование рациональности расследования преступлений всегда находится в противоречии: любое усиление гарантий прав личности усложняет процедуру расследования и наоборот. Поэтому необходимо искать их правильное соотношение / «золотую середину», а не скакать их крайности в крайность. При этом не следует забывать, что любое усложнение процедуры расследования, обеспечивая повышение гарантий прав личности по конкретным вопросам, в конечном итоге скажется на полноте защиты прав личности по другим аспектам. Поэтому при создании условий для решения задач уголовного судопроизводства должно быть обеспечено разумное соотношение учета интересов и прав всех участвующих в этом лиц и сторон. Борьба с преступностью в современных условиях требует совершенно нового подхода к средствам и способам собирания информации для раскрытия и расследования преступлений. Сейчас все больше приходится сталкиваться с тем, что не только свидетели, но нередко и потерпевшие не желают сообщать известные им данные о преступлении. Тут и просто «нежелание связываться с правоохранительными органами», и заинтересован-

ность / в том числе в результате подкупа/, а главное — боязнь — как потенциальная, так и реальная /следствие уже оказанного воздействия/. Поэтому особое значение приобретают вопросы обеспечения безопасности лиц, могущих способствовать разоблачению преступников, т.е. их защиты от угроз и посягательств, чтобы они оказали помощь следствию. От фактического расследования уголовных дел и их рассмотрение судами» [5, с. 75-76].

Отметим, что под процессом безопасности в теории права подразумевается определенное состояние — защищенность (физическая, психическая). Такое состояние может существовать и само по себе (при полном отсутствии внешних и внутренних угроз, поводов для угроз). Может возникнуть ситуация, когда потенциальная опасность угроз для личности минимальна или нормальна, но некоторые обстоятельства (получение лицом информации о преступлении, приобретение определенного уголовно-процессуального статуса) способствуют росту риска и увеличению потенциальной угрозы, опасности для личности [6, с. 184]. Кроме того, — подчеркивает А.А. Дмитриева, «сопоставляя сходные дефиниции «государственная защита» и «безопасность», исследователи отмечают, что в соответствии с содержанием ст. 1 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004 № 119-ФЗ понятие «государственная защита» включает в себя помимо мер безопасности еще и меры социальной поддержки — меры, применяемые в тех случаях, когда, несмотря на применение мер безопасности, личности был причинен имущественный ущерб, вред здоровью или жизни, в том числе причинение смерти. То есть понятие «государственная защита» шире понятия «обеспечение безопасности» [6, с. 153]. С этим утверждением можно не согласиться, так как, рассматривая уголовно-процессуальную безопасность, следует отметить, что в содержании ч. 3 ст. 11 УПК РФ использован термин «меры безопасности», а Закон № 119-ФЗ, несмотря на то, что в нем перечислены меры безопасности как одна из двух подгрупп мер государственной защиты, не является уголовно-процессуальным. Кроме того, в различных словарях понятие безопасности определяется через термин «защищенность» [7, с. 31-33].

В научной литературе по-разному понимается содержание процесса обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Так, например, Л.В. Брусницын отмечает: «Незащищенность потерпевших и свидетелей от противоправного воздействия побуждает их, и вполне обоснованно, всячески уклоняться от выполнения уголовно-процессуальных обязанностей. Более 30% опрошенных из 40 тысяч человек на вопрос об их действиях в случае, если они станут свидетелями преступления, ответили, что в правоохранительные органы о случившемся не сообщат» [8, с. 36].

Таким образом, исследовав мнения отдельных авторов, по проблемным вопросам осуществления государственной защиты и безопасности участников уголовного процесса, отметим, что актуальность проблемы государственной защиты и обеспечения безопасности участников уголовного процесса в последние десятилетия привлекает внимание не только ученых, но и практических работников правоохранительных органов и судов. Отечественный законодатель обеспечил достаточные правовые средства для безопасного участия и содействия гражд-

дан процессу производства по уголовному делу. Система таких средств очень многообразна, она включает в себя как собственно уголовно-процессуальные меры безопасности, основные из которых перечислены в ч. 3 ст. 11 УПК, так и внепроцессуальные меры безопасности, установленные в Федеральном законе № 119-ФЗ от 20.08.2004 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Само по себе фиксирование в уголовно-процессуальных и иных нормах мер безопасности, как показывает теория и практика обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства, не дает значимого положительного эффекта. Для реализации этой цели необходимы определенные критерии, основания, условия или обстоятельства, которые в своей совокупности позволяют принять полномочному должностному лицу своевременное решение о применении мер безопасности [9, с. 129-132].

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 25 октября 2018 г. № 1272 «Об утверждении Государственной программы "Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019-2023 годы"». М., 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72089744/> (дата обращения: 23.04.2022).
2. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-20082004-n-119-fz-o/> (дата обращения: 23.04.2022).
3. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: проблемы теории и практики. [Электронный ресурс]. URL: http://theoldtree.ru/gosudarstvo_i_pravo/obespechenie_bezopasnosti_uchastnikov_2.php (дата обращения: 23.04.2022).
4. Лукин В.П. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. Федеральный выпуск № 0(4676). [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2008/06/04/doklad-dok.html> (дата обращения: 23.04.2022).
5. Бахин В.П., Когамов М.Ч., Карпов Н.С. Допрос на предварительном следствии. Уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы. Алматы: Оркениет, 1999. С. 75-76.
6. Базюк М.Л. Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 184.
7. Дмитриева А.А. Основные компоненты государственной защиты и обеспечения безопасности участников процесса, содействующих уголовному правосудию // Вестник. Государство и право. 2016. № 21. С. 31-33.
8. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей // Законность. 1997. № 1. С. 36.

9. Рамазанов Т.Б., Раджабов Р.О. К вопросу о критериях применения мер безопасности защищаемых лиц в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник ДГУ. 2019. Т. 29. № 1. С. 129-132.

В.В. Поляков, к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение.

В криминалистической теории для расследования конкретных групп (видов) преступлений разрабатываются частные криминалистические методики [1, с. 813; 2, с. 671] и др. Возможность выделения таких методик, по мнению Р.С. Белкина, объясняется тем, что «Наличие общих положений, свойственных расследованию отдельных видов преступлений, общих принципов подхода к решению методических проблем раскрытия, расследования и предотвращения преступлений позволяет создавать частные криминалистические методики применительно к отдельным, большим или меньшим по объему группам преступлений» [3, с. 340]. Такие группы выделяются на основе представлений криминалистической классификации по криминалистически значимым признакам, общим для всей преступлений группы [4; 5, с. 154] и позволяющим идентифицировать данные преступления. В настоящей работе рассматривается задача построения частной методики расследования для группы высокотехнологичных преступлений.

Криминалистическое понятие высокотехнологичных преступлений.

Анализ судебно-следственной и оперативно-розыскной практики, аналитических отчетов компаний, занимающихся информационной безопасностью, а также результатов анкетирования сотрудников правоохранительных органов различной ведомственной принадлежности, судей, специалистов в сфере компьютерной информации показал, что под действием изменений в сфере информационно-коммуникационных технологий произошла эволюция преступности, проявившаяся в появлении в 2000-е гг. преступлений, имеющих определенные общие признаки. К таким признакам были отнесены, прежде всего, высокотехнологичный способ преступления [6], а также ряд других характерных особенностей [7]. Это позволяет говорить о формировании новой группы преступлений, а именно высокотехнологичных преступлений. Для построения частной методики их расследования важно дать криминалистическое определение этих преступлений, в максимальной мере отвечающее задачам криминалистической теории и практики.

Полагаем, что к группе *высотехнологичных преступлений* должны быть отнесены общественно опасные противоправные деяния, запрещенные уголовным законодательством, совершаемые полноструктурным способом, включающим в себя элементы подготовки, совершения и сокрытия следов преступлений,

осуществляемые преступной группой, путем применения специально созданных или модифицированных в преступных целях программных, программно-аппаратных или аппаратных средств, с использованием дистанционного доступа к объекту преступного посягательства с помощью информационно-коммуникационных сетей и, как правило, сопровождаемые противодействием расследованию, отличающиеся высокой латентностью и повышенной криминалистической сложностью.

Группа высокотехнологичных преступлений включает в себя достаточно разнообразные преступные деяния, подпадающие под действие различных статей Уголовного кодекса РФ. Кроме того, преступления, входящие в эту группу, могут различаться обстоятельствами преступных деяний, использованными средствами преступления и т.д. Это позволяет выделять в данной группе отдельные подгруппы, объединяющие высокотехнологичные преступления с общими составами, обстоятельствами и т.д., то есть формировать вертикальную классификацию с различными иерархическими уровнями. Классификационные критерии, используемые для выделения таких подгрупп, могут быть как криминалистическими, так и уголовно-правовыми или уголовно-процессуальными. Для случаев высокотехнологичных преступлений криминалистическим классифицирующим признаком могут выступать, например, субъект преступления (организованная группа, преступное сообщество, транснациональное преступное сообщество и т.п.), средства преступления (разработанные преступниками для хищения денежных средств из банкоматов специализированные программно-аппаратные устройства, средства, объединяемые применением методов социальной инженерии и т.д.). При использовании уголовно-правовых критериев подгруппы выделяются в соответствии с уголовно-правовыми составами, по которым квалифицируется высокотехнологичное преступление, например, создание и использование вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) и т.д. Для каждой из таких подгрупп могут быть построены внутригрупповые методики расследования, детализирующие криминалистические положения и рекомендации. Такой подход был описан В.А. Образцовым и В.Б. Ястребовым, полагавшими, что методика расследования «может быть разбита на группы и подгруппы путем применения дополнительных классификационных оснований» [8, с. 6]. Отметим в качестве примера, что подобное выделение подгрупп было успешно проведено для группы «банковских» преступлений и осуществлялось В.К. Гавло и С.Д. Нартовым: «Следуя правилу «естественной» классификации, в качестве оснований 2-го уровня деления «банковских» преступлений ... избраны существенные для расследования деяний этой категории признаки» [9].

Принципы формирования частной методики расследования высокотехнологичных преступлений.

Построение методики расследования определенной группы преступлений является сложным процессом, имеющим свои закономерности. Это процесс в научно-практических целях был разбит Р.С. Белкиным на ряд последовательных этапов, первый из которых включал в себя накопление эмпирических данных о преступлениях; последующие заключались в систематизации этих дан-

ных, установлении закономерностей и, далее, в разработке частной методики и ее проверкой на практике [10, с. 207-208].

Полагаем, что специфика источников формирования криминалистической методики расследования высокотехнологичных преступлений [11] вызывает определенные изменения и дополнения в содержание указанных традиционных этапов. Эта специфика связана прежде всего с отмеченным нами прогностическим характером методики расследования, характерным для новых видов преступлений, отличающихся недостаточностью апробированной судебно-следственной практики. На наш взгляд, процесс создания частной методики расследования высокотехнологичных преступлений может быть представлен следующими этапами:

1) накопление эмпирического материала, включающего в себя данные имеющейся судебно-следственной практики и результаты специально проводимых анкетирований и опросов сотрудников правоохранительных органов и специалистов в сфере защиты компьютерной информации, а также адаптация эмпирических материалов, относящихся к близким группам преступлений;

2) обработка полученных эмпирических данных с помощью статистических методов, теоретических положений криминалистики, других наук криминального цикла, а также компьютерных и информационных наук;

3) установление закономерностей, характеризующих процесс расследования высокотехнологичных преступлений;

4) разработка основных положений частной методики расследования высокотехнологичных преступлений, включающей в себя такие структурные звенья, как криминалистическая характеристика данной группы преступлений и криминалистическая характеристика ее расследования;

5) апробация и корректировка разработанной криминалистической методики в ходе практической деятельности сотрудников правоохранительных органов, проводящих расследование высокотехнологичных преступлений.

В дополнение к приведенным этапам считаем важным учитывать точку зрения А.Н. Колесниченко, полагавшего, что криминалистическая методика расследования отдельного вида преступлений должна начинаться освещением таких вопросов, как «состояние преступности (данного вида), раскрываемости, качества расследования, задачи повышения эффективности следственной работы и т.д.» [12, с. 20]. Значимость такой «вводной части» для методики расследования высокотехнологичных преступлений обусловлена тем обстоятельством, что отличительные признаки этих преступлений и важные особенности их расследования недостаточно известны практическим работникам.

Подчеркнем, что при внедрении методики в практику весьма важна обратная связь с практическими работниками. Такая связь должна иметь перманентный характер и обеспечивать постоянную корректировку рекомендаций в соответствии с изменяющимися реальными ситуациям расследования. В частности, в соответствии с запросами практики необходимо оперативно учитывать как появление новых средств совершения преступлений, так и возможности новых технических средств и информационных технологий, предназначенных для расследования и предупреждения преступных деяний. В противном случае темпы

формирования адекватной частной методики расследования будут не соответствовать потребностям правосудия, устаревая и отставая от динамично развивающейся высокотехнологичной преступности.

Методологические основы построения частной методики расследования высокотехнологичных преступлений.

Задаче формирования частной методики расследования высокотехнологичных преступлений, на наш взгляд, наиболее соответствует концепция криминалистической методики, заложенная в работах В.К. Гавло и его научной школы [13-19] и др. Эта концепция была успешно применена к различным группам преступлений, см., напр. [20-22] и др., в том числе к преступлениям в сфере компьютерной информации [23, 24].

Согласно положениям данной концепции, криминалистическая методика расследования определенного вида преступлений представляет собой сложную систему, образованную двумя взаимосвязанными составляющими — криминалистической характеристикой этих преступлений и криминалистической характеристикой их расследования. Структуру *криминалистической характеристики преступлений* образуют как общие элементы, присущие всем преступлениям [12] (способ преступления, средства преступления, субъект преступления, объект и предмет преступления, следовая картина и др.), так и элементы, отражающие специфику преступлений данной группы. *Криминалистическая характеристика расследования* преступлений определенного вида зависит от криминалистической характеристики этих преступлений и включает в себя такие структурные элементы, как криминалистические ситуации, строящиеся на их основе криминалистические версии и криминалистические действия (следственные действия, технические и тактические методы и приемы и т.д.).

В соответствии с представлениями указанной концепции под криминалистической характеристикой высокотехнологичных преступлений будем понимать теоретическую модель, представляющую собой систему взаимозависимых криминалистических признаков и особенностей, идентифицирующих преступления данной группы.

Отметим, что содержание криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений по ряду признаков близко к содержанию аналогичной характеристики преступлений в сфере компьютерной информации. В частности, это относится к следовой картине, представленной прежде всего специфическими электронно-цифровыми следами. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации описывалась в работах В.А. Мещерякова, В.Е. Козлова и других авторов, см. [25-27] и др. В исследованиях Е.Р. Россинской по криминалистическим признакам была выделена «общность способов преступлений в пределах данного криминалистического рода» [28, с. 195]. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации также исследовалась в ряде наших работ [23, 24, 29] и др. Полагаем, что результаты всех этих исследований имеют важное методологическое и практическое значение при формировании криминалистической характеристики высокотехнологичных преступлений.

Криминалистическая характеристика расследования высокотехнологичных преступлений наименее изучена в связи с высокой криминалистической сложностью этих преступных деяний, обусловленной их дистанционным характером, привлечением передовых компьютерных технологий для сокрытия преступления (его следов и местонахождения преступников) и совершением преступными группами. Как следствие, формирующиеся на всех этапах расследования (проверка сообщений о преступлении, предварительное расследование, судебное разбирательство) криминалистические ситуации отличаются большой сложностью и разнообразием [29, 30]. Еще одной отличительной чертой таких ситуаций является то, что они практически всегда являются проблемными [32] и, как правило, конфликтными [32]. Основной задачей при разработке криминалистической характеристики расследования высокотехнологичных преступлений на основе ситуационного подхода является построение системы типовых криминалистических ситуаций [33]. В соответствии с этими ситуациями вырабатываются рекомендации по применению типовых алгоритмов расследования, типовых версий, тактических приемов и операций, обеспечивающих благоприятное разрешение возникающих ситуаций и, в конечном счете, успешное решение задач уголовного судопроизводства. Теоретический аппарат современной криминалистической ситуологии позволяет, по мнению Т.С. Волчецкой, «теоретически сформулировать, эмпирически проверить и затем практически рекомендовать различные типовые решения применительно к каждой из типовых ситуаций» [34, с. 17].

Возможности применения новых технико-криминалистических средств.

Специфические средства совершения высокотехнологичных преступлений, особая обстановка преступных деяний, существенные особенности следовой картины определяют потребность в принципиально новой криминалистической технике. От современной криминалистики требуется ее разработка, совершенствование и перманентное обновление, в повестке науки криминалистики это является назревшей задачей. На наш взгляд, технико-криминалистические средства должны быть адекватны не только угрозам сегодняшнего дня, но и дня завтрашнего, особенно в свете того потенциала, который несет в себе организованная транснациональная высокотехнологичная преступность. Создание новой криминалистической техники является одним из важных элементов, призванных обеспечить развитие частной криминалистической методики расследования, опережающее появление новых программных, программно-аппаратных и аппаратных средств преступления.

Полагаем, что технико-криминалистические средства нового поколения в большинстве случаев следует рассматривать как сложные компьютерные системы. Актуальным примером является исследовательская система Honeyrot [35], которая может применяться в криминалистической и оперативно-розыскной деятельности для изучения объектов, способов и средств совершаемых и планируемых высокотехнологичных преступлений. Структура системы Honeyrot в виде функционального компонента, регистратора возникающих в системе событий и протектора, а также особенности и возможности этой системы были описаны в ряде наших работ [36, 37].

Следует также отметить целесообразность использования при расследовании высокотехнологичных преступлений методов «усиленного интеллекта», прежде всего технологий машинного обучения [38]. Эти технологии, позволяющие обрабатывать значительные объемы криминалистически значимой информации на основе эвристических алгоритмов, обладают широкими перспективами для применения в криминалистической, экспертной и оперативно-розыскной деятельности, они также способствуют алгоритмизации процесса расследования. Использование указанных методов облегчит выдвижение ретроспективных и перспективных версий при расследовании высокотехнологичных преступлений применительно к конкретным криминалистическим ситуациям и даст возможность оптимизировать применение тактических приемов, соответствующих этим ситуациям.

Заключение.

В работе рассмотрены основные представления, положенные в основу построения частной методики расследования высокотехнологичных преступлений. Предложена формулировка криминалистического понятия высокотехнологичных преступлений. Описана методологическая концепция, используемая для построения этой методики на основе криминалистических характеристик высокотехнологичных преступлений и их расследования. Приведены важнейшие принципы, определяющие формирование частной методики расследования с учетом особенностей высокотехнологичных преступлений. Обращено внимание на необходимость разработки и практического применения при расследовании высокотехнологичных преступлений качественно новых технико-криминалистических средств.

Представленные в работе результаты могут быть применены в частной методике расследования высокотехнологичных преступлений для повышения эффективности разрабатываемых ею практических рекомендаций. Они также могут быть использованы при развитии фундаментальных основ криминалистической методики расследования новых видов преступлений.

Список литературы

1. Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.
2. Эксархопуло А.А. Криминалистика: учебник. СПб., 2009. 904 с.
3. Криминалистика: учебник / под ред. Р.С. Белкина. М.: Юрид. лит., 1986. 544 с.
4. Яблоков Н.П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 5. С. 40-51.
5. Боровских Р.Н., Гармаев Ю.П. Основы концепции укрупненных (общих, базовых) криминалистических методик расследования преступлений // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 152-157.
6. Поляков В.В., Слободян С.М. Анализ высокотехнологичных способов неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310, № 1. С. 212-216.

7. Поляков В.В. О высокотехнологичных способах совершения преступлений в сфере компьютерной информации // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегод. Всеросс. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию юридического факультета и 40-летию Алтайского государственного университета. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 123-126.

8. Образцов В.А., Ястребов В.Б. Актуальные направления развития криминалистической методики и тактики расследования // Материалы Расширенного заседания ученого совета Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М., 1978. С. 3-8.

9. Гавло В.К., Нартов С.Д. Криминалистическая классификация «банковских преступлений» // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы ежегод. регион. науч.-практ. конф., посвященной памяти засл. юриста РФ, д.ю.н., проф. Е.Н. Тихонова. Вып. 7-8. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 67-75.

10. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М.: Юрид. лит., 1988. 304 с.

11. Поляков В.В. Источники и принципы формирования частной методики расследования высокотехнологичных преступлений // Lex russica. 2022. Т. 75, № 6. С. 85–96.

12. Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений: текст лекций. Харьков: Харьковский юридический институт. 1976. 28 с.

13. Гавло В.К. Методика расследования отдельных видов преступлений и криминалистическая характеристика // Новая конституция СССР и вопросы государства и права: сб. ст. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. С. 194-196.

14. Гавло В.К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью: сб. науч. ст. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. С. 118-123.

15. Гавло В.К. О понятии, значении и задачах методики расследования отдельных видов преступлений // Борьба с преступностью на современном этапе: межвуз. сб. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 109-118.

16. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений: монография. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. 334 с.

17. Гавло В.К. Теоретические и методологические основы и функции системы криминалистической методики расследования преступлений // Правовая реформа и актуальные вопросы борьбы с преступностью: сб. науч. трудов. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1994. С. 133-141.

18. Гавло В.К. Криминалистическая методика: некоторые вопросы о предмете и сфере применения ее научного потенциала // Проблемы познания в уголовном судопроизводстве: материалы науч.-практ. конф. (22-24 сентября 1999 г.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. С. 11-23.

19. Гавло В.К. Общие положения криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика: учебник / под ред. Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина. Гл. 25. М.: Юрид. лит., Элит, 2004. 896 с.

20. Мазунин Я.М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 504 с.

21. Ким Д.В. Ситуационный подход как методологическая основа предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2006. 418 с.

22. Неймарк М.А. Проблемы теории и практики расследований хищений денежных средств в сфере банковского кредитования: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2006. 245 с.

23. Гавло В.К., Поляков В.В. Некоторые аспекты разработки криминалистической характеристики компьютерных преступлений // Раскрытие и расследование преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники: проблемы, тенденции, перспективы: материалы Всерос. конф. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 14-18.

24. Гавло В.К., Поляков В.В. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации // Право и государство: приоритеты XXI века: матер. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В.Я. Музюкина, Е.С. Аничкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 503-507.

25. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 386 с.

26. Козлов В.Е. Компьютерные преступления. Криминалистическая характеристика и осмотр места происшествия: монография. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2001. 120 с.

27. Васильев А.А., Дудник А.Г. Аспекты формирования криминалистической характеристики преступлений, совершаемых с использованием ЭВМ и радиоэлектронных устройств // Следователь. 2004. № 2. С. 35.

28. Россинская Е.Р. Концепция учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях как основе методик расследования компьютерных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 190-200.

29. Поляков В.В. Особенности расследования неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 247 с.

30. Поляков В.В. Следственные ситуации по делам о неправомерном удаленном доступе к компьютерной информации // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2010. № 1 (21). С. 46-50.

31. Драпкин Л.Я. Проблемные ситуации и основные методы их разрешения в процессе расследования // Проблемы эффективности раскрытия и расследования преступлений: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 72. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1978. С. 6-17.

32. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. проф. Н.П. Яблокова. М.; Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1997. 248 с.

33. Поляков В.В. О понятиях «типовые», «типичные» и «конкретные» криминалистические ситуации // Материалы криминалистических чтений / под

ред. О.В. Кругликовой. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. С. 62-63.

34. Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности: учеб. пособие. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1999. 74 с.

35. Craig V. Honeypot technologies and their applicability as a strategic internal countermeasure // International Journal of Information and Computer Security. 2011. Vol. 1, Issue 4. Pp. 430-436.

36. Поляков В.В. Система Honeypot как инструмент сбора информации для противодействия киберпреступности // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2017. № 1 (30). С. 250-254.

37. Polyakov V.V., Lapin S.A. Architecture of the Honeypot System for Studying Targeted Attacks // XIV International Scientific-Technical Conference on Actual Problems of Electronics Instrument Engineering (APEIE). Novosibirsk, 2018. Pp. 202-205.

38. Поляков В.В., Милич И.Д. Применение методов машинного обучения в криминалистике на примере противодействия высокотехнологичной преступности // Проблемы правовой и технической защиты информации. 2020. № 8. С. 73-80.

Е.В. Прокофьева, к.ф.-м.н., доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, г. Волгоград

П.С. Порываева, эксперт отделения № 6 ЭКО УМВД России по г. Волгограду, г. Волгоград

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ, СОДЕРЖАЩАЯСЯ В ТАТУИРОВКАХ, НАНЕСЕННЫХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА ТЕМПЕРАМЕНТА КАК СПОСОБ ОБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

На сегодняшний день татуировка уже не является исключительной отличительной особенностью человека. Знание и понимание информации, сокрытой в татуировке, зачастую раскрывает взгляды человека на жизнь, его принадлежность к той или иной социальной группе и ряд других факторов, повлиявших на выбор именно данного рисунка для татуирования. Татуировка обладает криминалистически значимой информацией для расследования и раскрытия преступлений, так как несет в себе и вербальную, и невербальную информацию. Решение идентификационных задач по отождествлению личности человека, совершившего преступление или без вести пропавшего, его особые приметы, к которым относятся и татуировки — наиболее ценные и информативные среди других признаков внешности. Грамотное применение сотрудниками правоохранительных органов информации, которая в определенной степени характеризует личность преступника и ее свойства, может помочь также спрогнозировать будущее поведение этого лица в определенной ситуации — при выполнении конкретного

следственного действия и предварительного следствия в целом, отбывания наказания в местах лишения свободы и после освобождения. Криминалистически значимая информация, содержащаяся в татуировках, нанесенных в зависимости от типа темперамента индивида, представляет собой способ объективного восприятия личности преступника.

В этой связи было проведено исследование по установлению зависимости между татуировками и типом темперамента, во взаимосвязи выбора индивида рисунка для татуирования и нанесения его на свое тело. Для исследования были отобраны 40 респондентов (20 юношей и 20 девушек), имеющих татуировки. Средний возраст опрашиваемых составил 22 года. Респонденты были протестированы на предмет установления типа их темперамента по тесту «Айзенка» [1], после чего от них были получены фотографии их татуировок. Как известно, существует четыре основных типа темперамента: сангвиник (уравновешен, общителен, практичен, выдержан), холерик (порывист, энергичен, эмоционален, не сдержан), меланхолик (тревожен, необщителен, замкнут, угрюм), флегматик (вдумчив, миролюбив, надежен, старателен, неразговорчив).

По тесту «Айзенка»: 30% опрашиваемых были выявлены как потенциальные экстраверты, с высоким уровнем нейротизма — дискорданты, с доминирующим типом темперамента *холерик*; 10% — экстраверты, с высоким уровнем нейротизма, холерики, с демонстративным поведением, направленным на социальное одобрение; 5% — амбиверты, с доминирующим типом темперамента — холерики, с очень высоким уровнем нейротизма; 20% респондентов — интроверты, флегматики, с демонстративным поведением, направленным на социальное одобрение; 20% — амбиверты с низким уровнем нейротизма, с доминирующим типом темперамента сангвиник; 15% респондентов с доминирующим типом темперамента меланхолик, с высокой интроверсией и высоким нейротизмом.

Известный психолог, основатель неврологической теории темпераментов, И.П. Павлов [2] утверждал, что «...довольно редко удается встретить ярких представителей того или иного типа темперамента, в основном в людях встречаются черты разных типов темперамента, среди которых преобладает в большей степени один, остальные дополняют...». Именно на этом и основывалось наше исследование и установление взаимосвязи между типом темперамента (доминантой) индивида и его татуировкой. Из чего можно сделать вывод, что татуировка действительно отражает темперамент ее носителя.

Проанализировав полученные результаты тестирования, мы систематизировали фотографии татуировок респондентов в зависимости от их доминанты типа темперамента, выявив взаимосвязи внутри каждой группы. Результаты проведенных нами исследований позволили установить взаимосвязь между типами темперамента человека (соответствие устанавливали по доминанте типа) и татуировками, имеющимися у индивида, и выявить ряд закономерностей, которые могут быть полезны с точки зрения объективного восприятия личности преступника.

В татуировках индивидов с доминантой сангвиника (рис. 1) наблюдается гармония экспрессивности и сдержанности, в рисунках доминируют элементы флоры и фауны. Представленные татуировки (рис. 1) отражают позитивное

начало, в них не заложено никакого скрытого смысла, они достаточно «прозрачные» для восприятия, прослеживается сочетание цветовой гаммы и логически связанное композиционное построение элементов. Рисунки симметричны по своему изображению, композиционно направлены вверх. Индивиды с доминантой сангвиника по большей части наносят татуировки на открытые участки тела (внешняя поверхность бедра, реберная часть и икроножная мышца (голень)).

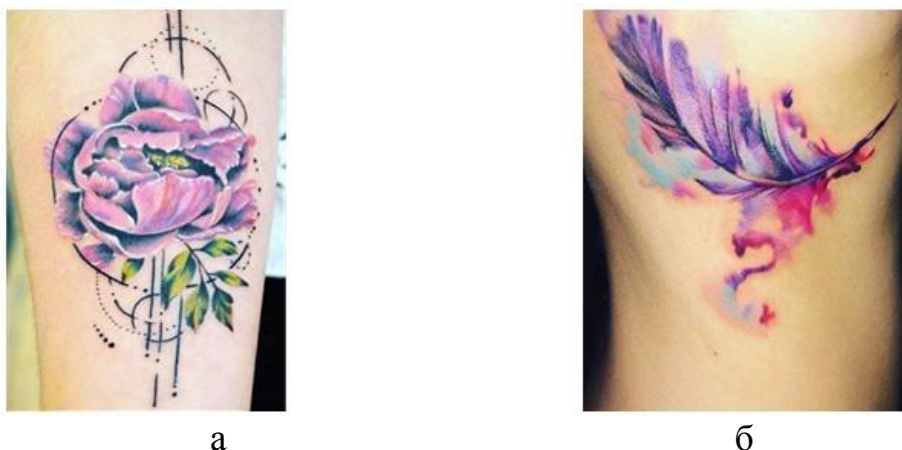

Рис. 1. Примеры изображения татуировок индивидов с доминантой сангвиника, расположенных на: а — голени; б — ребрах

Татуировки людей с доминантой холерика (рис. 2) отличаются своей экспрессивностью, направлены на самовыражение, через татуировки демонстрируется собственное «Я», в суть которых вкладываются пережитые чувства и эмоции. Холерики своими татуировками бросают вызов обществу. В татуировках преобладают ахроматические цвета с редким включением в рисунок красного, зеленого и фиолетового оттенков, также установлено отсутствие логичной связности элементов композиции. Рисункам свойственна прорисовка мелких деталей с некоторой асимметрией. В татуировках холериков прослеживается эмоциональный всплеск и динамичность. Место их расположения, как правило, — открытые участки тела, как и для сангвиников, однако перечень обширней (шея, предплечье, грудная клетка, живот, реберная часть и др.).

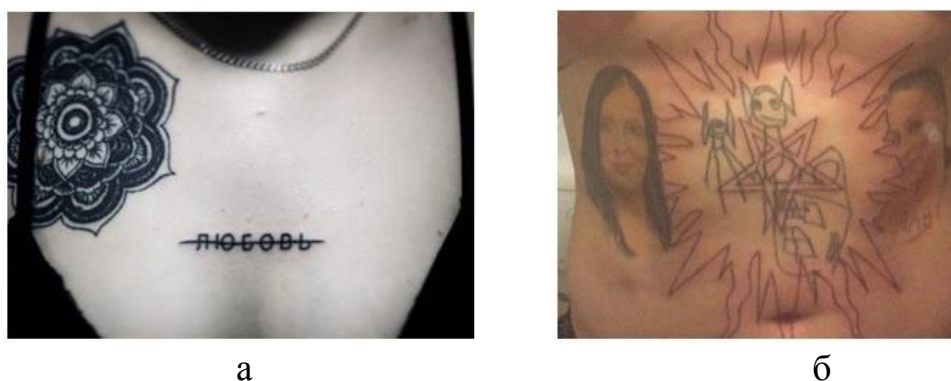

Рис. 2. Примеры изображения татуировок индивидов с доминантой холерика, расположенных на: а — груди; б — животе

Татуировки флегматиков (рис. 3) отражают спокойствие, уравновешенность и сдержанность, что соотносимо с темпераментом флегматиков. Рисунки не отличаются широкой палитрой цветов, они либо ахроматические, либо выполнены в холодных оттенках (голубых, синих, фиолетовых) с редким добавлением в ахроматичный рисунок бледных оттенков красного, желтого и т.п., что связано, прежде всего, с тем, что у флегматиков разум доминирует над чувствами. Рисунки по структуре симметричны, элементы в композиции логично связаны. Также татуировки отличаются тщательной прорисовкой мелких деталей. Они несут определенную «скрытую» смысловую нагрузку. Татуировки композиционно направлены вверх и расположены на скрытых одеждой местах (внутренняя поверхность плеча, лопаточная часть спины, рука, боковая часть туловища).

а

б

Рис. 3. Примеры изображения татуировок индивидов с доминантой флегматика, расположенных на: а — боковой части туловища; б — лопаточной части спины

В татуировках индивидов с доминантой меланхолика (рис. 4) часто отражаются внутренние переживания, страхи, пережитые события. Меланхолики легкоранимы и все воспринимают на свой счет. Смысл татуировок меланхоликов в основном пессимистичен, рисунок композиционно направлен вниз. Татуировки симметричны, обладают логической связностью элементов композиции. Местоположение татуировок в основном локализовано в закрытых одеждой местах (боковой части туловища, внутренней части предплечья, запястьях, грудной клетке), что связано, прежде всего, с их психотипом интроверта, однако редко встречаются и на открытых участках тела.

Информация, получаемая из смыслового содержания татуировок, является криминалистически значимой, и это неоспоримый факт. Сотрудники правоохранительных органов, как никто лучше, должны понимать особенности психологии татуирования, мотивы и смысловое значение татуировок, так как правильная расшифровка татуировки в совокупности с другими факторами поможет правильно определить тип характера личности, его сильные и слабые стороны, его

эмоциональное и психическое состояние, и вследствие этого выстроить правильную тактику расследования того или иного дела.

Знания в этой области важны также для осуществления мероприятий по розыску подозреваемых/обвиняемых в совершении преступления и без вести пропавших, так как татуировка является особой приметой и броским признаком личности человека.

а.

б

в

Рис. 4. Примеры изображения татуировок индивидов с доминантой меланхолика, расположенных на: а — кистях рук; б боковой части туловища; в — предплечье

Список литературы

1. Айзенка личностный опросник (EPI). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.delendik.com/wp-content/uploads/2019/10/Test-Temper.pdf>.
2. Представления И.П. Павлова и его учеников о типах темперамента. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.soulsick.ru/content/view/584/102/>
3. Порываева П.С., Прокофьева Е.В. Мотивы нанесения татуировок и криминалистически значимая информация, содержащаяся в этом // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы IV Международной научно-практической конференции / под ред. П.М. Кошманова. Волгоград, 2018. С. 133-135.

К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ НАТУРНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Функционирование экспертно-криминалистических подразделений (далее — ЭКП) МВД России должно осуществляться в строгом соответствии с положениями действующей законодательной и ведомственной нормативной правовой базы. При этом одни направления деятельности ЭКП МВД России подвержены большему нормативному урегулированию, другие — меньшему. К числу последних можно отнести практику организации и использования в ходе производства экспертных исследований натуральных коллекций, размещенных в ЭКП МВД России и являющихся элементом справочно-информационных фондов (далее — СИФов). Наличие вопросов, связанных с правомерностью использования сотрудниками ЭКП натуральных объектов, во многом объясняется отсутствием единого ведомственного нормативного правового акта, раскрывающего специфику организации, ведения и использования данных фондов. Рекомендательный характер функционирования, а также недостаток утвержденных ЭКП МВД России методических рекомендаций по формированию, пополнению, систематизации и хранению большинства видов коллекций криминалистически значимых объектов обуславливает инициативную форму ведения подобных фондов. Реализация данной формы, как показывает практика деятельности территориальных ЭКП МВД России, не находит единого ведомственного подхода, а также не всегда соответствует требованиям положений соответствующей законодательных и нормативных правовых актов.

Сложившаяся ситуация в значительной степени затрудняет использование объектов натуральных фондов при производстве экспертных исследований, поскольку несоблюдение либо нарушение требований норм права в ходе функционирования СИФов потенциально может стать основанием для постановки под сомнение результатов заключения эксперта, в рамках производства которого применялись предметы и вещества из соответствующих коллекций.

В то же время, несмотря на слабую нормативную регламентацию вопросов использования СИФов в судебно-экспертной деятельности, методики исследования вещественных доказательств не только предусматривают, но и поощряют применение в рамках экспертных исследований объектов, представленных в натурной форме. Например, при выборе сравнительного материала в рамках решения вопроса об изготовлении исследуемых акцизных марок на алкогольную продукцию акционерным обществом «Гознак» приоритет отдается оригинальной продукции, изготовленной данным предприятием, нежели справочникам, содержащим описание защитных элементов акцизных марок. Кроме того, обращение к натурным фондам при решении диагностических и классификационных вопросов зачастую позволяет повысить уровень внутреннего убеждения эксперта.

Обобщая сказанное, можно отметить корреляцию между недостаточным уровнем нормативного и методического регламентирования вопросов функцио-

нирования натуральных коллекций и низким уровнем использования объектов СИФов при производстве экспертных исследований, что обуславливает целесообразность совершенствования соответствующей нормативной правовой и методической базы.

Полагаем, что с целью разрешения сложившейся ситуации, в первую очередь, необходимо рассмотреть возможности использования предметов и веществ из натуральных фондов в рамках экспертных исследований. После чего, основываясь на установленных предназначениях объектов, представленных в натуральной форме, определить направления, требующие усиления законодательного, нормативного и методического регламентирования.

Опираясь на работы ведущих ученых в области криминалистики и судебной экспертизы, можно выделить два основных функциональных предназначения натуральных объектов СИФов, применяемых при проведении судебных экспертиз и исследований.

Первое предназначение коллекционных предметов и веществ заключается в их многократном использовании в качестве образцов для сравнительного исследования. При реализации данной функции достаточно часто возникают вопросы о процессуальном статусе натуральных объектов СИФов. Одной из причин складывающейся неопределенности, по нашему мнению, выступает отсутствие строго ведомственного подхода к сущности подобных объектов, выраженного в экспертных методиках и методических рекомендациях. В частности, в типовых методиках исследования вещественных доказательств, утвержденных ЭКЦ МВД России, предметы и вещества, используемые при проведении сравнительных исследований, определены как аналоги-образцы [1, с. 523], справочный материал [1, с. 51] и образцы для сравнения [2, с. 775]. Кроме того, авторами-составителями указанных методических рекомендаций натурные коллекции размещены в разделе «Оборудование, инструменты, материалы».

При анализе позиций криминалистов относительно статуса объектов СИФов интересным представляется мнение А.В. Пахомова [3, с. 79], который относит криминалистически значимую информацию, заключенную в объектах натуральных коллекций, к специальным знаниям и компетентности сотрудника ЭКП, что обуславливает отсутствие необходимости нормативной регламентации процесса их применения. Несомненно, специальные знания в области судебной экспертизы сотрудник ЭКП получает, в том числе, при обращении к натурным коллекциям СИФов, однако в призме производства экспертных исследований данная позиция представляется весьма спорной. Так, в соответствии с рекомендованными ЭКЦ МВД России методиками исследования вещественных доказательств производство сравнительных исследований предполагает сопоставление свойств и признаков изучаемых предметов и веществ с информацией, содержащейся в специальной криминалистической литературе, справочными материалами и натурными коллекциями. При этом знания сотрудника ЭКП о свойствах и признаках исследуемых объектов служат определенным ориентиром для поиска необходимых источников информации и организации процесса производства исследования. Кроме того, результаты проведенных исследований должны быть воспроизводимы, что при проведении сравнительного исследования представляется возможным только с использованием источников объективной информа-

ции, чем не являются знания сотрудника ЭКП. Совокупность указанных факторов определяет кроме прочего относимость предметов и веществ из коллекций СИФов к образцам для сравнительного исследования, обладающим соответствующим процессуальным статусом.

Достаточно полезным для определения процессуального статуса рассматриваемых предметов и веществ, выступают положения ФЗ от 31.05.2001 № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Так, в ст. 9 указанного закона под образцами для сравнительного исследования также понимаются другие образцы, необходимые для проведения исследований, к которым могут относиться и объекты натуральных коллекций. В свою очередь, согласно п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ эксперту запрещено самостоятельно собирать материалы исследований, к которым относятся и сравнительные образцы, за исключением случаев (ч. 4 ст. 202 УПК РФ) получения данных материалов в процессе производства судебной экспертизы. Реализация второго случая подразумевает получение образцов, когда данный процесс обусловлен утвержденной ЭКЦ МВД России методикой экспертного исследований [4, с. 79]. При этом процесс получения и источник данных образцов фиксируется процессуальным документом — заключением эксперта, что нельзя сказать об объектах из натуральных коллекций, получение которых происходит задолго до производства конкретного исследования. Таким образом, особенности получения и процессуального закрепления объектов из натуральных фондов, используемых при производстве экспертных исследований, формируют их уникальное правовое положение. Вместе с тем подчеркнем, что действующая законодательная база, регламентирующая экспертно-криминалистическую деятельность в РФ, не запрещает обращаться к натурным фондам при производстве экспертных исследований, однако и не регламентирует данный процесс. В связи с чем рациональным решением сложившейся ситуации представляется законодательное закрепление обращения сотрудников ЭКП в рамках экспертного исследования к натурным СИФам, раскрывающего в том числе особенности процессуального закрепления данного обращения. Кроме того, учитывая положения доктрины «плодов отравленного дерева», отметим, что формирование натуральных коллекций, объекты которых используются в рамках экспертных исследований, должно осуществляться в строгом соответствии с требованиями законодательной и нормативной правовой базы.

Второе предназначение использования объектов натуральных фондов при производстве экспертных исследований предусматривает их применение в качестве орудий и инструментов. Реализация данного направления осуществляется, чаще всего, в ходе проведения экспериментальных операций. Например, при решении вопроса о пригодности представленного на исследование огнестрельного оружия для стрельбы эксперт вправе использовать патроны из баллистического натурального фонда. При этом патрон является лишь средством для решения поставленной задачи, а его признаки не изучаются в рамках сравнительного исследования. Несколько иная форма реализации рассматриваемого предназначения предусмотрена методикой идентификации субъекта по запаховым следам из его пота и крови [2, с. 133]. Образцы из запаховой коллекции используются для про-

верки функционального состояния собак-детекторов, иными словами, работоспособности «оборудования».

В обоих рассмотренных случаях объекты из коллекций обеспечивают инструментальную потребность производства экспертных исследований. Вследствие чего правовое положение таких предметов и веществ соответствует статусу технических средств. Кроме того, правомерность реализации второго предназначения обуславливает необходимость соблюдения условий и сроков хранения элементов соответствующих коллекций, как гаранта законности процедуры их использования в судебно-экспертной деятельности.

В заключение подчеркнем, что использование объектов из СИФов в ходе производства экспертных исследований достаточно часто позволяет повысить уровень информационного обеспечения деятельности ЭКП МВД России. Равным образом, правомерность применения сотрудниками ЭКП в экспертно-криминалистической деятельности объектов из натуральных коллекций обуславливается соответствием положениям законодательной, нормативной правовой и методической базы процесса их организации и ведения.

Список литературы

1. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина; общ. ред. канд. техн. наук В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. С. 586.

2. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. II / под ред. канд. техн. наук А.Ю. Семенова; общ. ред. канд. техн. наук В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2012. С. 800.

3. Пахомов А.В. Научные основы, организация и использование натуральных коллекций в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 215.

4. Стельмах В.Ю. Получение образцов для сравнительного исследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: понятие, порядок производства и проблемные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 78-85.

Е.Б. Серова, к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ПРОКУРОРОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) определяет доказательство как сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Следует признать, что облачение тех или иных сведений в форму, предусмотренную законом, еще не означает получения полноценных доказательств, по-

сколькx они должны быть подвергнуты тщательной проверке и критическому анализу. Только надлежащая оценка сведений, содержащихся в источниках доказательственной информации, является залогом принятия законных и обоснованных процессуальных решений по уголовному делу.

Не ставя перед собой задачи исследования всех критериев и субъектов оценки доказательств, остановимся на проблемах оценки прокурором такого важного свойства доказательств как допустимость.

Обращение к УПК показывает, что законодатель не дает определения понятия «допустимое доказательство», а оперирует прямо противоположным понятием, говоря о недопустимости доказательств. Это позволило В.С. Шадрину высказать справедливый тезис о том, что понятие допустимости доказательств определяется законом «от обратного», в негативном смысле. Допустимость есть явление, противоположное недопустимости доказательств, и наоборот [1, с. 41]. Следует признать, что несмотря на наличие многочисленных точек зрения, высказанных учеными относительно понятия допустимости доказательств, истинной научной дискуссии по данному вопросу не развернулось, поскольку практически все ученые едины в главном. Доказательство допустимо, если оно получено в соответствии с законом. Различия можно увидеть в формулировках, выбранных авторами, и в тех акцентах, которые ими расставлены в предлагаемых определениях.

Мы в настоящей статье будем исходить из того, что допустимое доказательство — это доказательство, полученное без нарушений закона. Однако всякое ли нарушение закона влечет за собой недопустимость доказательства? Этот вопрос не случаен, поскольку между текстами двух важнейших для правоприменителя нормативных актов — УПК РФ и Конституции Российской Федерации — есть определенное расхождение. С одной стороны, ст. 75 УПК РФ прямо указывает, что недопустимыми являются доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона. С другой стороны, Конституция РФ подходит к определению недопустимости доказательств существенно шире, закрепляя в качестве конституционного следующий принцип: при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50). Так какое же нарушение в уголовном производстве делает доказательство недопустимым: только нарушение УПК или же любого федерального закона? Это вопрос далеко не праздный. На практике нередко приходится сталкиваться, например, с выявлением преступлений органами полиции, налоговыми органами и т.п., когда допускается отступление от требований иного законодательства (Налогового кодекса РФ, КоАП РФ, ФЗ «О полиции» и др.). Можно ли в этом случае использовать полученную информацию в качестве доказательств? Например, лицо было незаконно подвергнуто административному задержанию, при этом у него обнаружено наркотическое средство. Или водитель подвергнут медицинскому освидетельствованию в нарушение установленного порядка, а это влияет на квалификацию его действий.

На наличие данного противоречия обращают внимание и практики, и ученые, предлагающие различные способы разрешения споров о допустимости доказательств [2, 3 и др.]. По нашему мнению, ответ на этот вопрос дает Пленум Верховного Суда РФ, который в своем Постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» обратил внимание судов на необходимость выполнения конституционного положения о том, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации), а также выполнения требований ст. 75 УПК РФ, в силу которой доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального законодательства, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Одновременно судам было разъяснено, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами. Аналогичная позиция закреплена в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)».

Таким образом, любое нарушение федерального закона, сопровождающееся нарушением конституционных прав граждан или требований уголовно-процессуальной формы, является основанием для признания доказательства недопустимым. Если же доказательство получено в соответствии с установленным законом порядком из надлежащего источника лицом, имеющим на это право, оно обладает свойством допустимости и может использоваться в доказывании. При этом мы разделяем высказанную в литературе позицию о наличии связи допустимости доказательств с достоверностью содержащейся в них информации. Однако допустимость доказательства еще не гарантирует его достоверность. Здесь мы солидарны с В. Балакшиным, по мнению которого, «если с позиций уголовно-процессуального закона доказательство отвечает требованиям допустимости, но вызывает сомнения с точки зрения достоверности, оно не может быть исключено из процесса доказывания в принципе. Другое дело, что такими доказательствами нельзя обосновывать выводы по делу — ни промежуточные, ни итоговые, ни на стадии предварительного расследования, ни на судебных стадиях. При этом, подчеркнем, независимо от того, подтверждает доказательство виновность лица или нет, смягчает его ответственность за содеянное либо, напротив, отягчает» [4, с. 14].

В настоящее время следователи (дознаватели) крайне редко признают полученные ими или их коллегами доказательства недопустимыми, что обусловлено многими причинами. В большинстве случаев они не видят нарушение закона

либо сами сознательно его допускают. Н.А. Данилова и Е.В. Елагина в связи с этим отмечают, что уголовные дела пестрят многочисленными ошибками и нарушениями, допускаемыми при производстве следственных действий. Ведомственный контроль является явно недостаточным, вследствие чего неоспоримо значение качества прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, одной из составляющих которого является анализ прокурором материалов уголовного дела [5, с. 73]. Мы всецело разделяем данную позицию и отмечаем, что в такой ситуации на прокурора в досудебном производстве ложится особая ответственность. Генеральный прокурор Российской Федерации в приказе от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» прямо предписывает подчиненным прокурорам, изучая уголовное дело, поступившее с обвинительным заключением, проверять среди прочего соблюдение уголовно-процессуальных норм при производстве следственных и иных процессуальных действий. Выносить согласно ч. 3 ст. 88 УПК РФ мотивированное постановление о признании недопустимыми доказательств, полученных с нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, и об исключении их из обвинительного заключения. Постановления приобщать к материалам уголовного дела (п. 1.14). Реализуя данное предписание, прокурор должен не просто констатировать факт нарушения федерального закона, а четко указать в своем постановлении, в чем конкретно выразилось данное нарушение.

Исходя из сути процессуального закона и предоставленных прокурору полномочий, в досудебном производстве надзирающему прокурору отведена главенствующая роль в обеспечении соблюдения требований закона всеми субъектами процессуальной деятельности. Еще большая роль отведена прокурору в судебных стадиях процесса, в которых он выступает как лицо, осуществляющее уголовное преследование от имени государства. На каждой стадии уголовного процесса, на каждом этапе своей деятельности прокурор сталкивается с необходимостью оценки имеющихся в уголовном деле доказательств, в том числе и позиции их допустимости. При этом принципиально важно, чтобы оценка доказательств была дана своевременно и при необходимости сопровождалась принятием мер прокурорского реагирования по устранению выявленных нарушений и восполнению образовавшегося пробела в доказательственной базе. По нашему мнению, в первую очередь обязанность провести «процессуальную ревизию» материалов уголовного дела и выявить все нарушения, допущенные при формировании доказательств, лежит на прокуроре, участвующем в досудебном производстве. Такой подход максимально соответствует духу и смыслу закона и является наиболее эффективным средством достижения целей уголовного судопроизводства. А.В. Кириллов в связи с этим обоснованно пишет, что институт признания доказательств недопустимыми имеет весьма важное значение в практической деятельности органов прокуратуры и является достаточно эффективным средством обеспечения законности при производстве по уголовному делу (ч. 3 ст. 7 УПК РФ) и защиты прав участников уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) на досудебных стадиях [6, с. 65].

Как отмечает А.В. Спирин, прокурор в уголовном процессе должен обеспечить законность как самого процесса доказывания (производства соответствующих следственных и иных процессуальных действий), соответствие закону каждого из доказательств по делу, так и обоснованность базирующегося на совокупности собранных доказательств обвинения (достаточность доказательств для последующего поддержания обвинения перед судом) [7, с. 89].

Таким образом, прокурору в досудебном производстве отводится особая процессуальная роль в выявлении и исключении доказательств, полученных с нарушением закона. Изучая материалы уголовного дела, он должен проверить выполнение требований ст. 88 УПК РФ и при необходимости реализовать предоставленное законом право признания доказательства недопустимым. В противном случае создаются предпосылки для принятия незаконных и необоснованных процессуальных решений в досудебном производстве и подрыва доказательственной базы в судебных стадиях процесса, когда решение о признании доказательства недопустимым примет суд. Данное судебное решение влечет за собой исключение из дальнейшего судебного разбирательства не только самого недопустимого доказательства, но и доказательств, производных от него. Изложенное позволяет утверждать, что одной из задач прокурора при изучении материалов уголовного дела в досудебном производстве является своевременное выявление и исключение доказательств, полученных с нарушением норм уголовно-процессуального законодательства.

Абсолютно прав А.В. Спирин, который подчеркивает, что для оценки доказательств прокурор не должен выжидать, пока дело будет окончено и поступит к нему для утверждения итогового процессуального документа. Причины этому он видит в следующем.

1. Возложенные на прокурора задачи обеспечения законности в деятельности органов следствия и дознания, а также охраны прав участников уголовного судопроизводства можно считать успешно решенными только при условии выявления любых нарушений закона, допускаемых при расследовании уголовных дел, и полного устранения этих нарушений. Нарушения, допущенные в ходе собирания доказательств, ставят под угрозу успешное раскрытие и расследование преступления. Более того, негативные последствия допущенных нарушений могут наступить не в отдаленном будущем (при рассмотрении дела по существу в суде), а непосредственно в ходе расследования уголовного дела. Допущенные нарушения могут помешать, например, избрать законную и обоснованную меру пресечения. Отсюда вывод: действия и решения прокурора должны не только обеспечить устранение уже допущенных следователем (дознавателем) нарушений закона (например, путем признания отдельного доказательства недопустимым, возвращения уголовного дела для дополнительного расследования), но и позволить предотвратить еще только возможные нарушения.

2. Прокурор не может не участвовать самым активным образом в формировании совокупности доказательств в досудебном производстве, поскольку именно на эту совокупность доказательств он будет опираться при поддержании гос-

ударственного обвинения в судебном заседании при рассмотрении дела по существу [7, с. 90-91].

В соответствии с законом и приказами Генерального прокурора Российской Федерации, осуществляя надзор в досудебном производстве, прокурор должен систематически проверять законность действий и решения следователя (дознателя) и сам принимать процессуальные решения. Принять решение о признании доказательства недопустимым прокурор может в ходе всего досудебного производства, в том числе:

1) на стадии возбуждения уголовного дела при оценке законности принятого процессуального решения. На данной стадии прокурором чаще всего выявляются и признаются недопустимыми протоколы следственных действий, производство которых возможно только в ходе предварительного расследования, либо устанавливается факт подмены следователем одного следственного действия другим (например, по делу проведен осмотр места происшествия, хотя по целям и задачам это следственное действие носило характер обыска);

2) при оценке решений следователя, связанных с применением в отношении лица мер процессуального принуждения, включая проверку законности и обоснованности задержания лица в порядке ст. 91 УПК и участие в судебном заседании при избрании меры пресечения;

3) в связи с участием в судебном заседании по рассмотрению ходатайств следователей (дознателей) о проведении следственных действий, требующих судебного решения в соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ, а также при оценке законности производства данного следствия как неотложного в отсутствие судебного решения;

4) при проверке законности и обоснованности прекращения уголовного дела (уголовного преследования), а также приостановления производства по делу;

5) при оценке материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением) для принятия решения о направлении уголовного дела в суд. В этом случае прокурор может ограничиться постановлением о признании доказательства недопустимым и исключении его из обвинительного заключения. Если же исключение доказательства существенным образом влияет на сформированную по делу систему доказательств, прокурор одновременно принимает решение о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования (дознания). Так, следует признать недопустимыми доказательствами протоколы допросов подозреваемого и свидетеля, проведенных одним и тем же лицом в одно и то же время. Уголовное дело, поступившее с обвинительным заключением, в данном случае подлежит возвращению для производства дополнительного расследования. В случае признания недопустимым ключевого доказательства, на котором строится вся доказательственная база (например, при установлении факта незаконного изъятия наркотического средства), прокурор, возвращая уголовное дело следователю, обязан потребовать принятия решения о прекращении уголовного дела. По делам, производство по которым осуществлялось в форме

дознания, он может сам принять решение о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24-28 УПК РФ;

б) при проведении оперативных совещаний, на которых обсуждаются ход и результаты расследования по сложным уголовным делам, включая те, которые могут стать предметом рассмотрения в суде с участием присяжных заседателей;

7) при рассмотрении жалоб участников уголовного судопроизводства в порядке ст. 124 УПК РФ.

В литературе неоднократно исследовались нарушения закона, влекущие признание доказательств недопустимыми. В целом следует отметить, что значительная их часть связана с нарушением права на защиту. Здесь следует упомянуть процедурные нарушения при проведении следственных действий с участием обвиняемого (подозреваемого), отсутствие у него защитника в предусмотренных законом случаях, неправильное указание процессуального статуса в протоколах следственных действий и т.п. Нередко обвинение стремится представить в качестве доказательств показания сотрудников полиции о той информации, которые они получили от субъекта в момент его задержания, либо при производстве следственных действий с его участием. Однако данная практика прямо противоречит правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, закрепленной в Определении от 06.02.2004 № 44-О «По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Согласно данному определению, суд не вправе допрашивать дознавателя и следователя о содержании показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым, в целях восстановления содержания этих показаний вопреки закрепленному в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ правилу, согласно которому показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, относятся к недопустимым. Эти положения справедливы и применительно к оценке показаний оперативных сотрудников полиции об обстоятельствах дела, ставших известными им из беседы (со слов) подозреваемого, обвиняемого.

На практике достаточно часто возникает ситуация, когда прокурор находится перед выбором подлежащих применению мер реагирования на выявленные им нарушения. Это может быть обусловлено многими причинами, включая наличие различных интересов: ведомственных, служебных, личных и проч. Несомненно, в каждом случае он должен руководствоваться исключительно требованиями закона. Р.В. Костенко в связи с этим предложил внести изменения в УПК РФ и сделать исключение доказательств, полученных с нарушением закона, не правом, а обязанностью прокурора [8, с. 116]. Не разделяя данное предложение по причинам, изложенным ниже, отметим, что значительно большее распространение в литературе и на практике получил иной подход. Прокурор в случае выявления нарушений закона при формировании доказательства не всегда должен выносить постановление о признании такого доказательства недопустимым. Как альтернатива предлагается вынесение соответствующего требования

в адрес органа, осуществляющего предварительное расследование [7, с. 93-94]. Такое предложение представляется нам в известной степени спорным. Несомненно, прокуроры должны взвешенно подходить к вынесению подобного рода постановлений, однако доказательство, полученное с явным нарушением закона, не позволяющим оценить достоверность доказательственной информации должно исключаться из числа обвинительных непосредственно самим прокурором. Если же прокурор вносит требование, то оно может касаться только вопросов проверки доказательства и, при наличии к тому возможности, его реабилитации. Иначе говоря, внося требование, прокурор должен сам понимать, какие действия должны быть произведены следователем (дознавателем) для устранения выявленного нарушения. Если проведение таких действий невозможно, внесение требования представляется обоснованным только в части постановки вопроса об устранении причин и условий допущенного нарушения и возможного привлечения виновных лиц к ответственности. Кроме того, выявив нарушение закона при формировании доказательства, прокурор должен оценить степень существенности такого нарушения и возможность реабилитации доказательства непосредственно в судебном заседании. Только оценив всю информацию по данному вопросу, он принимает решение об исключении доказательства. И данное решение может рассматриваться как разновидность тактического решения по уголовному делу.

С.В. Воронцова, анализируя имеющиеся в литературе точки зрения относительно критериев допустимости доказательств, обращает внимание на их полярность: от мнения, что необходимо беспощадно исключать из числа доказательств те, которые получены с нарушением закона, до точки зрения, что только существенные нарушения могут считаться основанием для признания недопустимости [9, с. 68]. Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, выскажем мнение, что прокурор, безусловно, должен признавать недопустимым любое доказательство, полученное с нарушением конституционных прав граждан либо существенным нарушением требований УПК, ставящим под сомнение достоверность содержания доказательственной информации. В остальных случаях окончательное решение вопроса об использовании доказательства, по нашему мнению, должно оставаться за судом, разрешающим дело. Такой же позиции придерживается и правоприменительная практика.

Список литературы

1. Шадрин В.С. Недопустимость доказательств в уголовном процессе как антипод их допустимости // Криминалисть. 2011. № 1 (8). С. 41-46.
2. Некрасов С.В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве: науч.-практ. пособие. Москва: Экзамен, 2004. 126 с. (Правоохранительные органы).
3. Озеров И.Н., Черкасова Е.А., Капустина И.Ю. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве: сущность и значение // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 2. С. 67-70.

4. Балакшин В. Соотношение допустимости доказательств с их относимостью и достоверностью // Законность. 2014. № 3. С. 8-14.
5. Данилова Н.А., Елагина Е.В. Некоторые основания признания прокурором доказательств недопустимыми: досадные ошибки или безграмотность следователей // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 ноября 2018 года / сост. О.С. Лейнова. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 73-77.
6. Кириллов А.В. Правоприменительные вопросы признания прокурором доказательств недопустимыми в порядке ст.ст.17, 75 и 88 УПК РФ // Криминалист. 2019. № 3 (28) С. 65-68.
7. Спирин А.В. Прокурор как субъект доказывания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Право и образование. 2020. № 11. С. 89-97.
8. Костенко Р.В. Исключение доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, в ходе досудебного производства по уголовным делам // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 113-117.
9. Воронцова С.В. К вопросу оценки допустимости доказательств // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2014. № 2. С. 68-71.

К.А. Синкин, к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, г. Барнаул

ПОНЯТИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В Уголовно-процессуальном кодексе слово «полномочия» встречается более 50 раз. При этом, например, определяя полномочия суда, законодатель приводит лишь его правомочия (ст. 29 УПК РФ). Давая понятия следователю, органу дознания, законодатель также прибегает к использованию термина «полномочия» (ст. 5 п. 41, 24 УПК РФ). Определяя уголовно-процессуальный статус государственных органов и должностных лиц (см., например, п. 6 ч. 2 ст. 38, п. 12 ч. 1 ст. 39, п. 3 ч. 2 ст. 40, п. 11 ч. 1 ст. 40² УПК РФ), законодатель отсылает к иным полномочиям, осуществляемым ими, однако при этом не раскрывает самого понятия полномочий.

Прокурор в уголовном судопроизводстве осуществляет весьма значимые функции, направленные на реализацию назначения уголовного судопроизводства. Однако, как и в приведенных выше случаях, законодатель оставляет без разъяснения, что такое полномочия прокурора, несмотря на наличие данного термина в тексте Кодекса. Так, согласно п. 31 ст. 5 УПК РФ прокурор — Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими *полномочиями*

федеральным законом о прокуратуре. В соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ требования, поручения и запросы прокурора, предъявленные в пределах *полномочий*, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. В п. 16 ст. 37 УПК РФ указывается на осуществление прокурором иных *полномочий*, предоставленных Кодексом.

В попытке определения понятия «полномочия прокурора» обратимся к толкованию понятия «полномочие», которое можно найти в толковых словарях русского языка. Например, Д.Н. Ушаков под полномочиями понимает «права, предоставленные должностному лицу или учреждению органами власти» [1, с. 432]. Несколько схожее определение приводится в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова: «Полномочие — официально предоставленное кому-нибудь право какой-нибудь деятельности, ведения дел» [2, с. 451].

Думается, что общего подхода, использованного в толковых словарях, к рассматриваемому определению недостаточно. М.Ю. Тихомиров и Л.В. Тихомирова понимают под полномочием составную часть компетенции и статуса органа, должностного лица, лица, выполняющего управленческие функции в организации, а также некоторых других лиц, реализующих функции, предусмотренные для них законодательством или учредительными документами юридического лица; право (и одновременно обязанность) соответствующего субъекта действовать в определенной ситуации способом, предусмотренным законом или иным правовым актом [3, с. 356]. Приведенное определение, на наш взгляд, несколько полнее раскрывает суть понятия полномочий: мы видим, что здесь они выражаются не только через права, но и выступают в качестве обязанностей.

В специальной юридической литературе определение полномочий раскрывается более подробно. Рассматривая этот вопрос, попытаемся выявить признаки исследуемого понятия применительно к другим, помимо прокурора, субъектам правовых отношений.

Так, К.А. Греков предлагает на наш суд определение должностных полномочий, в качестве которых он понимает «определенную нормативно-правовыми актами совокупность прав и обязанностей в их неразрывном единстве, которыми наделено должностное лицо для осуществления функций представителя власти либо выполнения организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций, реализация которых возможно только на основании и во исполнение законов» [4, с. 11]. Данное определение сформулировано им применительно к уголовно-правовым отношениям, вместе с тем нам импонирует та содержательная его часть, где приводится указание на «определенную нормативно-правовыми актами совокупность прав и обязанностей». То есть он выделяет в качестве признаков полномочий не только права субъекта правовых отношений, но и его обязанности. Причем отмечает их неразрывное единство. Вторым признаком, на который необходимо обратить внимание, выступает функция субъекта правовых отношений. Полагаем, что следует согласиться с мнением К.А. Грекова о необходимости наличия данного признака в исследуемом нами определении.

В.С. Горбань дал понятие «полномочия суда», которое трактует как «установленную в соответствии с уголовно-процессуальными нормами совокупность обязанностей конкретного характера, применяемых судом в конкретных правоотношениях для реализации своих функций в уголовном судопроизводстве с целью достижения его назначения» [5, с. 11]. Как можно заметить, в данном определении из его содержания выпадают права и остаются обязанности субъекта. А если быть более точными, то совокупность обязанностей. При этом нужно отметить, что совокупность эта не является произвольной, но установленной нормативным правовым актом, что может расцениваться нами как еще один признак понятия полномочий. В данном определении так же, как и в предыдущем, мы наблюдаем указание на выполнение субъектом правовых отношений свойственных ему функций.

Однако одним из существенных дополнений анализируемого определения, данного В.С. Горбанем, нам представляется ссылка на то, что функции эти реализуются во исполнение назначения уголовного судопроизводства. Полагаем, что подобный признак полномочий может быть свойствен не только суду, но также прокурору, следователю, дознавателю, органу дознания и некоторым другим государственным органам и должностным лицам, в производстве которых находится уголовное дело.

Переходя к рассмотрению непосредственно полномочий прокурора, отметим, что в науке о прокурорской деятельности преобладает подход, согласно которому под полномочиями прокурора обычно понимают объем (совокупность) прав и обязанностей, которыми наделен прокурор для осуществления возложенных на органы прокуратуры функций [6, с. 49-54]. Здесь мы также можем заметить такие признаки как совокупность прав и обязанностей, а также реализуемые субъектом функции. Хотя встречаются и более простые определения полномочий прокурора, сводящие их (полномочия) к закрепленным в законе правам и обязанностям прокуроров [7, с. 27].

Поиск определения полномочий прокурора в специальной литературе по уголовному процессу показал, что отдельные исследователи пользуются понятием полномочия прокурора, однако не дают его определения [8, с. 29; 9, с. 29]. Другие правоведы раскрывают анализируемое понятие. Так, в частности, А.В. Спирин определяет полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия следующим образом: это «определенная уголовно-процессуальным законодательством России система прав и обязанностей прокурора, обусловленная целями и задачами, которые поставлены перед прокуратурой как государственным органом, и позволяющая прокурору в полной мере реализовать свое назначение в досудебном производстве — эффективно предупреждать, выявлять и устранять нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые со стороны органов предварительного следствия» [10, с. 14].

В целом приведенное понятие, на наш взгляд, представляется рабочим, но с точки зрения признаков, в нем перечисленных, не совсем конкретным. Явно следует из определения совокупность прав и обязанностей, предусмотренная

уголовно-процессуальным законом, а далее признаки несколько размываются ввиду отсылки на нормативные акты, определяющие деятельность прокуратуры как в целом, так и в уголовном судопроизводстве в частности.

Применительно к отдельным досудебным стадиям уголовного судопроизводства, исследователи также пытаются дать понятие полномочий прокурора. Например, В.М. Горлов полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела определяет как «права, предоставленные прокурору уголовно-процессуальным законом и реализуемые в пределах компетенции при осуществлении уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью в стадии возбуждения уголовного дела» [11, с. 17].

Приведенное определение, по нашему мнению, вряд ли можно признать удачным. Мы видим из вышеизложенных позиций, что большинство правоведов верно указывают применительно к полномочиям прокурора такой признак, как совокупность прав и обязанностей, а не только их права.

Более удачным видится определение, данное Э.Р. Исламовой, где под процессуальными полномочиями прокурора в стадии возбуждения уголовного дела она понимает «предусмотренные уголовно-процессуальными нормами его конкретные права и обязанности, направленные на выявление, устранение и предупреждение нарушений закона в целях соблюдения прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, принятии по ним решений» [12, с. 9].

Таким образом, полагаем, что на основе анализа различных позиций относительно определения полномочий прокурора можно дать следующее уточненное определение: полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве — это совокупность предусмотренных уголовно-процессуальными нормами его прав и обязанностей, направленных на реализацию своих функций в уголовном судопроизводстве с целью достижения его назначения.

Список литературы

1. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. М., 2014.
2. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. М., 2008.
3. Юридическая энциклопедия / под общ. ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2012.
4. Греков К.А. Квалификация преступлений, совершаемых путем превышения должностных полномочий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.
5. Горбань В.В. Функции и полномочия суда в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.
6. Актуальные вопросы организации и деятельности прокуратуры / А.Ю. Винокуров. Избранные статьи. 2-е изд., доп. М., 2012.
7. Прокурорский надзор в СССР. М.: Юрид. лит., 1973.
8. Тетерюк А.Г. Прокурорский надзор за производством дознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011.

9. Пестов А.Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.

10. Спирин А.В. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: вопросы теории, практики, законодательного регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014.

11. Горлов В.М. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

12. Исмаилова Э.Р. Процессуальные полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009.

В.А. Скорев, старший преподаватель кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, судья в отставке, г. Омск

В.В. Скорева, магистрант Тюменского государственного университета, г. Тюмень

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В настоящий период времени в интеллектуальной среде прослеживается «смещение мировоззрения на темы общества как центральные для современного человека и кардинальное повышение в связи с этим значимости исследований в областях социальной философии и социальной теории» [1, с. 102]. Такое смещение касается практически всех сфер общественной жизни, включая проблематику национальной безопасности российского государства. Новым пониманием национальной безопасности явилось состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [2]. Тогда как еще в 2002 г. под национальной безопасностью или безопасностью нации понималась защищенность в первую очередь жизненно важных интересов личности, а затем уже общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз, обеспечивающая устойчивое поступательное развитие страны [3, с. 22]. Очевидно, что акцент определенным образом сместился к государственному началу, содержащему в своем основании гражданский мир, согласие и достоинство.

В то же время в парадигме антропоцентризма на центральное место начали выходить духовные ценности человека и это очевидно не только для социальной философии. Проблематика касается практически всех гуманитарных дисциплин, включая юриспруденцию, организацию судопроизводства.

Является совершенно закономерным, что угроза утраты устойчивых моральных принципов, нравственных ориентиров и духовных ценностей поставлена в один ряд с такими угрозами для российской государственности, как пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждение культа насилия, легализация употребления наркотиков. Традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, требующими максимальной и полноправной защиты, являются крепкая семья, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. большое внимание уделено развитию человеческого потенциала, включающего в себя системные преобразования, улучшающие качество социальной среды [4]. Создание комфортной и безопасной социальной среды связано со значительным снижением уровня преступности, повышением эффективной системы защиты граждан, что в первую очередь зависит от проводимой уголовно-правовой государственной политики.

К сожалению, Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 г. даже в действующей редакции не формулирует назначением уголовного судопроизводства защиту общества от преступлений и последствий преступных посягательств. Ст. 6 УПК РФ [5] определяет назначение отрасли права как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Если под термином «организация» понимать экономический компонент гражданского общества, то назначение уголовного судопроизводства в данном случае обусловлено либо узким смыслом, либо уже не соответствующим требованиям времени и темпам развития российского общества.

К настоящему времени в России успешно функционируют такие институты гражданского общества социальной сферы, как профсоюзы, благотворительные организации, общества взаимопомощи, общества инвалидов, трудовые коллективы), также институты гражданского общества политической сферы: общественно-политические организации и движения, органы общественного самоуправления по месту жительства и т.п. Таким образом, одной из задач уголовно-процессуального производства в настоящее время фактически необходимо признать защиту прав и законных интересов не только человека и организации, но и институтов гражданского общества, потерпевших от преступлений и иных преступных посягательств, как прямо, так и косвенно.

В одном из гегелевских определений государства можно прочесть: «Государство есть обладающая самосознанием нравственная субстанция — соединение принципа семьи и гражданского общества» [5, с. 150].

Семья, ближнее окружение можно с полным правом назвать наиболее важным институтом социальной системы гражданского общества, в семье человек воспитывается, проводит большую часть своей жизни как физически, так и духовно. Родные и близкие во многом определяют жизнь человека, его экономическую и общественную активности, влияют на успехи и достижения всего общества. При совершении преступления они вовлекаются в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений, вследствие чего ими также приобретаются

особенные права и обязанности, изменяется их правовое, материальное и социальное положение.

Пробелом уголовно-процессуального законодательства можно назвать неполное и неявное признание близких лиц в качестве участников уголовного судопроизводства, определенную нестабильность в этом вопросе.

Так, с одной стороны, раздел II Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) [6] не закрепляет таких лиц к категории участников. С другой стороны, в отдельных статьях закон наделяет их понятием, правами, законными интересами и обязанностями.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 5 УПК РФ близкие лица — иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений; близкие родственники — супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки; родственники — все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве.

Уголовно-процессуальный закон в ст. 11 требует от государственных органов (суда, прокурора, органов следствия и дознания) в отношении близких родственников, родственников или близких лиц потерпевшего, свидетеля или иного участника уголовного судопроизводства мер безопасности при наличии достаточных данных о том, что им угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными противоправными действиями. Статья 35 УПК РФ допускает изменением территориальной подсудности уголовного дела хотя бы об одном из преступлений, предусмотренных ст. 208, 209, 211 ч. 1-3, 277-279 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации, если существует реальная угроза личной безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц. Статья 166 УПК РФ в целях обеспечения безопасности близких родственников, родственников и близких лиц потерпевших или свидетелей предоставляет следователю и дознавателю право не приводить данные об их личности в протоколе. Интересы обеспечения безопасности близких родственников, родственников или близких лиц участников судебного разбирательства являются основаниями для закрытого судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ).

Статья 42 УПК РФ предусматривает возможность перехода прав потерпевшего к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве — к одному из родственников по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица.

Косвенно ст. 46, 96 УПК РФ, предоставляя подозреваемому право на один телефонный звонок, наделяет близких родственников, родственников или близких лиц правом быть уведомленными о задержании и месте нахождения подозреваемого, обязанность по уведомлению при этом возлагается на следователя и дознавателя. Пункт 12 ст. 108 УПК РФ обязывает уведомить о месте содержания под стражей, изменении места содержания под стражей подозреваемого или обвиняемого какого-либо из близких родственников или при их отсутствии других

родственников. Статьи 394, 395 УПК РФ свидетельствуют о наличии права близких родственников и родственников осужденного на извещение о месте отбывания наказания осужденного, право на свидание с осужденным до обращения приговора к исполнению.

Статья 49 УПК РФ косвенно предоставляет близкому родственнику или иному лицу быть допущенным судом к осуществлению защиты обвиняемого, а при производстве у мирового судьи быть защитником и вместо адвоката со всеми вытекающими правами, предоставленными защитнику. Статья 50 УПК РФ предполагает право лиц приглашать защитников по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого, их законных представителей.

Статья 398 УПК РФ предусматривает право близких родственников осужденного ходатайствовать об отсрочке исполнения приговора.

В соответствии со ст. 178 УПК РФ близкие родственники или родственники покойного имеют право быть уведомленными об эксгумации трупа из мест захоронения и возражать против этого.

Статья 186 УПК РФ фактически наделяет близких родственников, родственников и близких лиц потерпевших, и свидетелей правом обратиться с заявлением о контроле и записи телефонных и иных переговоров при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных посягательств.

Статья 318 УПК РФ фактически предоставляет близкому родственнику потерпевшего подать заявление частного обвинения в случае смерти потерпевшего.

Формулировка ст. 103 УПК РФ о личном поручительстве не препятствует лицам быть поручителями, а также нести обязанности и ответственность, связанные с выполнением личного поручительства

Статьи 160, 313 УПК РФ фактически частично возлагают на близких родственников и родственников на основании постановления следователя или дознавателя, а также суда взять на попечение оставшихся у подозреваемого или обвиняемого, задержанного или взятого под стражу, осужденного несовершеннолетних детей, других иждивенцев, а также престарелых родителей, нуждающихся в постороннем уходе.

Есть группа норм о запретах. Так, близким родственникам и родственникам запрещено участвовать в производстве по делу в качестве понятых, запрещено участвовать в качестве судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, родственного этим участникам адвоката.

Таким образом, фактически мы наблюдаем самостоятельную группу участников уголовного судопроизводства, обладающую совокупностью прав и обязанностей, а также имеющую определенную долю ответственности как перед государством и обществом, так и в отношении других участников уголовного судопроизводства.

Более того, правовой статус близких родственников, родственников и близких лиц является фактически связанным с важнейшими принципами уголовного процесса.

Например, вряд ли вызовет сомнения утверждение о влиянии правового статуса рассматриваемой группы лиц на такой принцип, как уважение чести и достоинства личности, согласно которому в ходе уголовного судопроизводства

запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, унижающее его человеческое достоинство обращение либо обращение, создающее опасность для его жизни и здоровья. Или же, например, в ст. 11 УПК РФ об охране прав и свобод человека и гражданина прямо указано на близких родственников, родственников и близких лиц как адресатов различных широких мер безопасности.

Кажущаяся необычность исследуемого явления проявляется и в том, что норма ч. 3 ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации требует при назначении наказания учитывать не только характер и степень общественной опасности преступления и личности виновного в совокупности с обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание, но и влияние наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (например, возможную утрату членами семьи осужденного средств к существованию в силу возраста, состояния здоровья), при этом могут быть приняты во внимание и фактические семейные отношения.

Следует отметить, что такой объем прав и обязанностей близких родственников присущ именно уголовному судопроизводству, в гражданском процессуальном и административном процессуальном законодательстве таких комбинаций правовых статусов не прослеживается.

Институт помилования не является уголовно-процессуальным, вместе с тем следует отметить определенную наметившуюся тенденцию и здесь. 14.12.2020 Президентом РФ утверждено Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации [7]. Согласно отдельным пунктам Положения при рассмотрении ходатайства о помиловании к числу обязательных вопросов, берущихся во внимание, относятся сведения об обращениях о помиловании, поступающие от родственников осужденных, представителей общественных организаций, а также от иных лиц; мнения потерпевших или их родственников относительно возможности помилования. Следует отметить, что предыдущее Положение, действовавшее в рамках Указа от 28.12.2001 № 1500 [8] не предусматривало необходимости учета мнения родственников, осужденных или потерпевших по вопросам помилований.

Безусловно, одной из ценностей нашего уголовно-процессуального законодательства, как, впрочем, и уголовного, является охрана достоинства таких его участников, как семья, близкие родственники, родственники и близкие лица. Наличие таких институций в уголовно-правовом поле требует признания их важного и самостоятельного, в чем-то уникального положения, совершенствование статусов перед угрозой новых вызовов и в целях более надежной и совершенной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Предлагается: путем изменения норм законодательства наделить близких родственников, родственников и близких лиц статусом участников уголовного судопроизводства; при производстве по уголовному делу разъяснять комплекс прав, законных интересов и обязанностей; предоставить право по просьбе или с согласия осужденного приносить апелляционную и кассационную жалобу на приговор суда.

Один из ключевых приоритетов демографической политики и политики народосбережения — укрепление института семьи, возрождение и сохранение

духовно-нравственных традиций семейных отношений. В таком состоянии важна гармонизация действий государства и семьи, популяризация семейных ценностей в сфере защиты прав и свобод человека, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Это направление деятельности будет способствовать не только национальной государственной идентичности, но и формировать ответственность, активную жизненную и гражданскую позицию.

Список литературы

1. Разумов В.И. Феномен общества // Философия: история и современность: сб. науч. трудов. Новосибирск: Новосибирский гос. университет; Омск: Омский гос. университет, 2005.
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс».
3. Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: РАГС, 2002. 320 с.
4. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»// СПС «КонсультантПлюс».
5. Гегель Г. Энциклопедия философских наук: в 4 т. Т. 3. М., 1977.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 29.12.2021) // Российская газета. 2001. № 249.
7. Указ Президента РФ от 14.12.2020 № 787 (ред. от 15.11.2021) «О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (вместе с «Положением о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс».
8. Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

М.В. Рябухина, к.б.н., старший научный сотрудник

Экспертно-криминалистического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, старший лейтенант полиции, г. Москва

А.Ю. Тюрина, научный сотрудник Экспертно-криминалистического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, майор полиции, г. Москва

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ДНК-АНАЛИЗА В ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С помощью исследования ДНК в экспертно-криминалистических подразделениях территориальных органов МВД России ежегодно проводится около 100 тысяч экспертиз и исследований, более 80% которых способствуют раскрытию преступлений или установлению лиц, причастных к их совершению. При помо-

щи метода ДНК-идентификации личности правоохранительные органы Российской Федерации раскрыли ряд громких преступлений различной давности, в том числе совершенных более 10 лет тому назад.

Значительная часть судебных биологических экспертиз в ЭКЦ МВД России проводится с применением адаптированных методик исследования, выполненных сотрудниками управления научных исследований ЭКЦ МВД и профильных отделов.

В частности, научно-исследовательские работы: «Современные методы и средства выявления, изъятия, хранения и пробоподготовки ДНК-содержащих объектов», «Экспертная оценка результатов исследования биологических объектов, содержащих ДНК двух и более лиц», «Методические основы получения и обработки данных ДНК для формирования Федеральной базы данных геномной информации», «Применение частот встречаемости аллелей аутосомных STR-локусов для повышения идентификационной значимости результатов исследования ДНК» служат основой для проведения лабораторной и аналитической частей экспертиз при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений в Российской Федерации.

Технологии ДНК-исследования, применяемые в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России, позволяют успешно исследовать биологический материал различного генезиса, в том числе контактные следы человека, биологический материал и следы на предмет-носителе длительного периода хранения, смесевой биологический материал. В качестве объектов исследования на экспертизу предоставляют образцы сравнения, например, слюна, кровь, отобранные у известного лица, различные предмет-носители со следами биологического материала человека, например, одежда со следами крови, пота человека, слюны, окурки сигарет, посуда и предметы быта, жевательные резинки, фрагменты бумаги, обувь и прочее, которые могут содержать потожиловые следы человека, клетки эпителия, сперму, в том числе смешанную с выделениями жертвы, а также любые фрагменты тканей и органов человека, смывы биологического материала. Современный методологический уровень позволяет установить генотип человека при наличии (обнаружении) минимального количества биологического материала, в том числе из объектов, загрязненных микрофлорой, подверженным гнилостным изменениям, а также воздействию физических факторов в частности ультрафиолетовых лучей, влаги, высоких и низких температур окружающей среды, пирогенного фактора. С целью установления обстоятельств дела и раскрытия преступлений проводятся диагностические экспертизы, устанавливающие генетические признаки, половую принадлежность исследуемого биологического материала, и идентификационные, позволяющие ответить на вопросы принадлежности обнаруженного биологического материала. Современные исследования позволяют установить принадлежность различных частей тела при предоставлении на исследование расчлененного трупа или предоставлении останков после различного рода взрывов, аварий, кораблекрушений, установить биологическое родство [1-5].

При помощи ДНК-исследований раскрыт ряд преступлений. В частности, в 2000 г. в Ямало-Ненецком автономном округе в г. Надыме было совершено убийство шестилетнего мальчика, двух женщин, одна из которых была изнасилована. Преступление раскрыто спустя 20 лет благодаря применению методов криминалистического ДНК-анализа. Особенностью данного случая являлись сложные расчеты аналитической части исследования, так как у убийцы был брат-близнец.

В 2014 г. Оренбургской области в г. Орске было совершено убийство и изнасилование пожилой женщины на остановке общественного транспорта. Преступление раскрыто методами ДНК-технологий с применением дифференциального лизиса.

В 2015, 2016, 2020 гг. в Республике Башкортостан были раскрыты тяжкие убийства почтальона, молодой девушки, установлен водитель, совершивший ДТП со смертельным исходом и скрывшийся с места преступления. Расследованию этих уголовных дел способствовало применение методов ДНК-анализа и идентификация лиц в смесевом генотипе.

В 2021 г. в Оренбургской (г. Гай) области раскрыто тройное убийство молодых женщин, изнасилование в отношении несовершеннолетней. Преступление раскрыто благодаря установлению двух генотипов на одежде, один из которых принадлежал жертве, а другой генотип был сопоставлен с данными Федеральной базы данных геномной информации (ФБДГИ) и установлено совпадение с ранее судимым мужчиной. Особенностью исследовательской части экспертизы являлось минимальное количество биологического материала, представленного на исследование, дифференциация мужского и женского генотипов.

Генетические признаки, установленные в результате молекулярно-генетических исследований, служат для формирования базы данных ДНК. Практика геномной регистрации в настоящее время широко распространена, самые большие базы данных ДНК имеют США, Великобритания, Китай, Франция, Германия, Австралия, Австрия, Канада, ЮАР и Швейцария. В России существует и активно пополняется база данных (ФБДГИ), в которой разделены категории профилей ДНК, в частности, биологические следы с мест происшествий; подозреваемые; осужденные; без вести пропавшие; останки неопознанных трупов и др. Наличие генетических профилей в ФБДГИ позволяет устанавливать тождества между образцами сравнения и оставленным на месте преступления следом [6-8].

Методы криминалистического ДНК-анализа получили широкое применение и при расследовании дел по установлению факта браконьерства, предусмотренные ст. 256, 258 ч. 1 УК РФ [9]. В результате исследований в области молекулярной и популяционной генетики водных и наземных биологических ресурсов ученые определили ДНК-маркеры, позволяющие идентифицировать различные виды животных. Сотрудниками ЭКЦ МВД России проведены такие научно-исследовательские работы как «Видовая идентификация млекопитающих и рыб с помощью определения нуклеотидной последовательности участка гена *cytb* митохондриальной ДНК», «Молекулярно-генетические методы определения видовой принадлежности рыб и икры рыб семейства осетровых», «Дифференциация

ция кабана европейского от его домашней разновидности с применением молекулярно-генетического метода», которые способствуют проведению экспертиз по определению видовой, половой принадлежности биологических объектов животного происхождения, а также установление ареала обитания.

Экспертные исследования по видовой идентификации млекопитающих, рыб и икры нашли широкое применение в ряде регионов Российской Федерации: Хабаровский и Приморский края, Республика Дагестан — видовая идентификация рыб и икры, Республика Коми, Красноярский край — видовая идентификация млекопитающих.

В настоящее время в ЭКЦ МВД России проводятся научные работы, направленные на использование в экспертной практике фенотипирования с применением технологий секвенирования нового поколения (NGS), апробация современных наборов экстракции ДНК и оборудования, разработанных отечественными производителями.

В современном мире молекулярно-генетические исследования являются неотъемлемой частью криминалистики, имеют вид самостоятельного направления, а также широко используются в комплексе с другими, в частности дактилоскопическими исследованиями. Благодаря передовым научным исследованиям, высокотехнологичному оборудованию и работе экспертов было и будет раскрыто еще значительное количество преступлений, а неизбежное совершенствование технологий молекулярной биологии, биоинформатики открывает широкие горизонты для применения молекулярной генетики в криминалистике.

Список литературы

1. Пименов М.Г., Кондрашов С.А., Платоненкова Л.С. и др. Экспертные методики исследования тканей и выделений человека: учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2006. 72 с.
2. Иванов П.Л. Индивидуализация человека и идентификация личности: молекулярная биология в судебной экспертизе // Вестник Российской академии наук. М., 2003. Том 73. № 12. С. 1085-1097.
3. Шамонова Т.Н. Использование следов биологического происхождения, оставленных человеком, в расследовании преступлений насильственного характера: дис. ... канд. юрид. наук. М, 2002. 234 с.
4. Пименов М.Г., Культин А.Ю., Кондрашов С.А. Научные и практические аспекты криминалистического ДНК-анализа: учебное пособие. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2001. 144 с.
5. Кондрашов С.А., Дукова И.В., Рыбакова А.А. Современные методы и средства выявления, изъятия, хранения и пробоподготовки ДНК-содержащих объектов: методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2011. 80 с.
6. Пименов М.Г. Создание баз данных ДНК — неотложная задача правоохранительных органов // Вестник МВД России. 2003. № 4 (69). С. 43.
7. Шамонова Т.Н. Об учете и регистрации геномной информации // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и прак-

тика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22-23 января 2015 г.). М., 2015. С. 518-522.

8. Федеральный закон от 3.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 17.12.2009).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022).

Л.В. Черепанова, к.ю.н., доцент, начальник кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России, г. Барнаул

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ СМЫСЛОВ ЗАКОННОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ВЫДВИЖЕНИЮ ОБВИНЕНИЯ

Законность при производстве по уголовному делу незыблема, но дух закона, а вслед за ним и буква все в большей степени проникаются целесообразностью. Инструктивность, педантичное безусловное выполнение существующей нормы в понимании законности [17, с. 55-57] уступают разумности, целесообразности. Целесообразность через нормотворчество становится законностью. Однако процесс этот идет крайне болезненно в борьбе противоположностей. В этой ситуации, реализуя назначение уголовного судопроизводства, правоприменитель должен отчетливо видеть те границы, которые позволяют ему оставаться в поле законности, не смещаясь в еще большую заформализованность уголовно-процессуальных процедур, видеть разумность, целесообразность процесса.

Одним из таких уголовно-процессуальных институтов, где законность и целесообразность сталкиваются, взаимопроникают и где вопрос о соблюдении законности стоит особо остро, является двигатель уголовного процесса — обвинение.

Обвинение как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом (п. 22 ч. 1 ст. 5 УПК РФ), имеет цель определить государственные притязания к лицу, совершившему деяние, предусмотренное уголовным законом, поставить это лицо в положение защищаемой стороны.

Выдвижение обвинения, которое оформлялось в виде обвинительного акта, по Уставу уголовного судопроизводства, возлагалось на прокурора-обвинителя [16].

В современном Российском уголовном процессе обвинение формируется в досудебном производстве, начиная с актов персонифицированного уголовного преследования: возбуждения уголовного дела в отношении лица, задержания лица по подозрению в совершении преступления, применения к лицу меры пресечения или иной меры процессуального принуждения, уведомления лица о подозрении в совершении преступления, привлечения в качестве обвиняемого в соответствии с гл. 23 УПК РФ.

Дата ареста, дата, когда лицу было официально объявлено о его преследовании, или дата начала предварительного расследования, международным сообществом (Европейским судом по правам человека) признается моментом начала

уголовного преследования, обвинением, термин «обвинение» понимается в его содержательном, а не формальном значении [5].

Утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, базируется на обстоятельствах, устанавливаемых с момента поступления сообщения о преступлении, и не может выходить за пределы события преступления, по признакам которого уголовное преследование началось.

«Публичное уголовное преследование начитается с акта возбуждения уголовного дела, который служит основанием для последующей процессуальной деятельности органов досудебного производства» и суда, и одновременно влечет необходимость обеспечения права на защиту лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность [14]. Уголовно-процессуальный закон не позволяет формировать обвинение, изменять, дополнять его, если по признакам преступления, указанного в обвинении, уголовное дело не возбуждалось [10].

Закон предписывает при выявлении «преступления не связанного с деяниями, вменяемыми в вину по расследуемому уголовному делу» (п. 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ), «нового преступления» (ч. 3 ст. 154 УПК РФ), «преступления, не связанного с расследуемым» (ч. 1 ст. 155 УПК РФ) вновь возбуждать уголовное дело.

Есть мнение, что вопрос может быть решен через ликвидацию стадии возбуждения уголовного дела, отказа от института возбуждения уголовного дела [6, с. 38-40; 3, с. 175-177], или через акцент на содержательной стороне законности, с учетом соответствия цели методам и средствам ее достижения, только «в контексте четкого понимания перспектив развития всей системы российского досудебного производства» [15, с. 133-139].

Критерием целесообразности выступает правоприменительная практика — «связанность», «несвязанность» вновь выявленного преступления с событием, по которому возбуждено уголовное дело, не является определяющим фактором в решении вопроса о необходимости возбуждения уголовного дела. «Главное, требуется определить, являются ли инкриминируемые лицу действия составной частью преступления, по поводу которого было возбуждено уголовное дело, или они образуют самостоятельное преступление, относительно которого должно быть возбуждено новое уголовное дело» [9].

Итоговый обвинительный тезис современного досудебного производства содержится в следующих процессуальных актах: заявление по делу частного обвинения, поданное в суд в порядке ст. 318 УПК РФ; обвинительное заключение; обвинительный акт; обвинительное постановление; постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера; постановление о возбуждении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, а также в постановлениях о прекращении уголовного дела (преследования) в связи с деятельным раскаянием, в связи с возмещением ущерба, вследствие акта об амнистии, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого).

Обязанность и соответствующие полномочия по выдвижению обвинения возлагаются на органы публичного уголовного преследования: прокурора, руко-

водителя следственного органа, следователя, орган дознания и дознавателя, характер участия которых в этой деятельности в пределах регулирования УПК РФ нестабилен [11]. Полномочия прокурора в этой части, доля его участия уменьшаются в пользу руководителя следственного органа.

Решения следователя о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, о возбуждении перед судом ходатайства о назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа принимаются с согласия руководителя следственного органа (ст. 427, ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ), тогда как решение о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера, обвинительное заключение и аналогичные решения, принимаемые дознавателем (органом дознания), утверждается прокурором. Воздержимся от оценок уменьшения роли прокурора в досудебном уголовном преследовании и формировании обвинения в ходе предварительного следствия. Очевидно, что это решение продиктовано сменой политического курса, но до логического завершения не доведено.

Обратимся к содержанию обвинения. К существу обвинения и к его формулировке, заключающихся в процессуальных актах, составленных в порядке ст. 171, 220, 225, 226.7 УПК РФ закон предъявляет одинаковые требования, но к обоснованности — различные. Дифференциация форм расследования, процесса доказывания основывается на материальных и процессуальных предпосылках. Несмотря на то, что виновность обвиняемого в совершении преступления во всех случаях должна быть доказана (ст. 14 УПК РФ), при сокращенной форме дознания допускаются упрощения и в доказывании: сокращение объема собираемых доказательств; следы преступления и иные доказательства могут быть собраны и вне следственных действий, если только нет угрозы их невосполнимой утраты; в качестве доказательств признаются не только показания, но и сведения, полученные вне строгой процессуальной процедуры, в ходе проверки сообщения о преступлении; упрощен и сам процесс доказывания (ст. 226.5 УПК РФ). Несмотря на то, что упрощение процессуальной формы всегда влечет снижение процессуальных гарантий [2, с. 100-108], целесообразность взяла верх.

Допустимость аналогичных упрощений в процессе доказывания прошла проверку в Конституционном Суде РФ. Оспаривался прототип дознания в сокращенной форме — «Протокольная форма досудебной подготовки материалов» (ст. 414-419 УПК РСФСР) [18].

Конституционный Суд РФ, разъясняя ранее принятое решение, обосновывал, что досудебное производство по соответствующей категории дел о преступлениях, по которым предусматривалась возможность протокольного производства, «должно осуществляться с учетом установленных законом именно для этой группы дел особенностей судопроизводства, а не на основании других глав УПК РСФСР» [12].

«Составляемый органом дознания и санкционируемый прокурором протокол содержит сведения обо всех значимых для возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого обстоятельствах совершенного преступ-

ления, в том числе о месте и времени совершения преступления, его способах, мотивах, последствиях; о фактических данных, подтверждающих наличие преступления; квалификацию преступления по статье Уголовного кодекса РСФСР. Более того, такой протокол явно отражает волю компетентных органов и должностных лиц осуществить уголовное преследование правонарушителя перед судом», — говорится в Постановлении Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П [13].

По-прежнему остается спорным соответствие принципу презумпции невиновности постановление приговора без судебного разбирательства, по материалам сокращенного дознания, тем более что «при возражении подсудимого, государственного или частного обвинителя, потерпевшего против постановления приговора без проведения судебного разбирательства либо по собственной инициативе судья» не вправе вынести постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке (ч. 5 ст. 226.9 УПК РФ). Тогда как по материалам протокольного досудебного производства ранее, по УПК РСФСР, судебное разбирательство проводилось в обычном порядке.

При смене формы предварительного расследования с дознания на предварительное следствие и сохранении объема обвинения спорным с точки зрения целесообразности является предъявление обвинения в порядке гл. 23 УПК РФ, если обвинение уже предъявлялось в соответствии со ст. 225 или ст. 226. Например, после направления уголовного дела для производства предварительного следствия прокурором в порядке п. 4 ч. 1 ст. 226 УПК РФ.

Кроме этого, не только практиками, но и учеными в ряде случаев ставится под сомнение необходимость перепредъявления обвинения в каждом случае выявления дополнительных обстоятельств по уголовному делу, не влияющих на квалификацию преступления и существо установленных ранее фактических обстоятельств. Соответственно, перепредъявление обвинения в каждом случае установления обстоятельств, не отраженных в предъявленном ранее обвинении, если эти обстоятельства не влияют на квалификацию, возможно, и нецелесообразно. Таковыми могут быть обстоятельства, установленные дополнительно после предъявления обвинения, не вступающие в противоречие с ранее установленными, а лишь подтверждают, детализируют их, в качестве примера приводится уточнение размера причиненного вреда, не влияющего на квалификацию.

После возвращения уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ, как правило, требуется перепредъявление обвинения, что существенно увеличивает срок, отведенный на устранение препятствий к судебному разбирательству. «Исключение института предъявления обвинения, — аргументируют сторонники отказа от этого института, — позволило бы следователю, дознавателю после возвращения судом уголовного дела прокурору пересоставить обвинительное заключение, обвинительный акт (постановление) и после утверждения его прокурором вновь направить дело в суд» [4, с. 57-60].

В правоприменительной практике встречаются примеры мнимого столкновения законности и целесообразности. В качестве примера можно привести определение объема сведений об обстоятельствах, характеризующих личность

обвиняемого, необходимого и достаточного для отражения в содержании постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Пункт 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ предписывает указывать эти обстоятельства в постановлении, но применительно к различным следственным ситуациям этот объем будет различным. Не исключены ситуации, где основными обстоятельствами, характеризующими личность обвиняемого, являются обстоятельства совершения преступления. Соответственно, требование о внесении в постановление сведений об обстоятельствах, характеризующих личность не относящихся к событию преступления, к характеру и размеру причиненного вреда, к форме вины, мотивам и юридической оценке содеянного, при предъявлении обвинения могут быть излишни. Вместе с тем перечень реквизитов постановления о привлечении в качестве обвиняемого может быть и расширен. Предлагается дополнительно указывать гражданство обвиняемого, место его проживания, регистрации [1, с. 18].

Предложения об изменении порядка формирования обвинения в досудебном производстве теоретически обосновываются давно [7, с. 32-33; 8, с. 16]. Если не брать во внимание первоначальное «дежурное обвинение» для решения задач обеспечения уголовного процесса, то формулирование обвинения, его предъявление лицу, подвергаемому уголовному преследованию, смещается на завершающий этап предварительного расследования. Целесообразность переноса предъявления обвинения на завершающий этап предварительного расследования, или на начальный этап судебного производства, и в частности, передача предъявления обвинения в юрисдикцию прокурора имеет под собой основание, исходя из функциональной определенности статуса прокурора — государственного обвинителя.

Список литературы

1. Андреев А.В. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при привлечении в качестве обвиняемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», 2017. С. 18.
2. Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. // Закон. 2013. № 8. С. 100-108.
3. Гаврилов Б.Я. Влияние института возбуждения уголовного дела на состояние борьбы с преступностью // сб. материалов XXIV международной науч.-практ. конференции: Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Красноярск, 2021. С. 175-177.
4. Гаврилов Б.Я. Мифы и реалии института предъявления обвинения: нужен ли он российскому досудебному производству? // Судья. 2018. № 4. С. 57-60.
5. Дело «Александр Зайченко (Aleksandr Zaichenko) против Российской Федерации»: постановление Европейского суда по правам человека от 18.02.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
6. Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела — причина неоправданных проблем расследования // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 38-40.
7. Зеленецкий В.С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков: Вища школа, 1979. С. 32-33.

8. Круглов И.В. Уголовный иск и механизм его доказывания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 16.

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Геворкяна Руслана Тиграновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 № 1181-О-О. [Электронный ресурс]. URL: [http //www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшина Владимира Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 и частями первой и второй статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 17.12.2009 № 1636-О-О. [Электронный ресурс]. URL: [http //www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).

11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

12. О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 года по делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: Определение Конституционного Суда РФ от 07.10.1997 № 88-О // Собрание законодательства РФ. № 42. 20.10.1997. Ст. 4900.

13. По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П // Собрание законодательства РФ. 09.12.1996. № 50. Ст. 5679.

14. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П // Российская газета. № 23. 02.02.2000

15. Россинский С.Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 133-139.

16. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.: Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1919. № 13. Ст. 377-413. (Утратил силу в связи с принятием Уголовного кодекса РСФСР, утвержденного Постановлением ВЦИК от 01.06.1922). [Электронный ресурс]. URL: [http//www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).

17. Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. С. 12-132.

18. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002). [Электронный ресурс]. URL: [http//www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).

А.В. Шатрова, судья Норильского городского суда Красноярского края, аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, г. Норильск

ЗАЩИТА СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ ПРАВ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

В российском уголовном процессе одним из дифференцированных производств является производство о применении принудительных мер медицинского характера. Особенности его правового регулирования связаны с необходимостью обеспечения правовой защиты тех уголовно преследуемых лиц, которые в силу болезненного состояния психики могут испытывать сложности в реализации процессуальных прав. Нормы, получившие закрепление в главе 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1], хотя и отвечают общему назначению уголовного судопроизводства, закрепленному в ст. 6 УПК РФ, но преследуют и особые цели, позволяющие реализовать социальное назначение уголовного процесса и обеспечить необходимый баланс частных и публичных правовых интересов. Данное производство наглядно демонстрирует, что обеспечение такого баланса возможно только с соблюдением определенных условий как процессуальных, так и организационных. Рассматриваемое в рамках данной статьи производство всегда отличалось более высоким уровнем процессуальных гарантий, направленных на защиту частных правовых интересов уголовно преследуемого лица с психическим расстройством, но при этом «законодательные гарантии защиты прав личности (ее жизни, здоровья, имущества и т.д.), провозглашенные в ст. 6 УПК РФ, свидетельствуют о том, что ведущие частноправовые ценности охраняются публичными методами и средствами» [2, с. 268].

Отметим, что производство о применении принудительных мер медицинского характера сложилось достаточно давно, однако его правовое регулирование до сих пор подвергается справедливой критике как ученых, так и практиков. В последние годы, благодаря позиции Конституционного Суда Российской Федерации, наметилась позитивная тенденция к качественному изменению правового регулирования данного производства. В своем большинстве законодательные изменения направлены на повышение уровня защиты прав уголовно преследуемого лица с психическим расстройством. Особое место в реализации такой защиты отводится суду, поскольку именно он принимает решения, ограничивающие конституционные права таких участников и именно суд имеет возможности в рамках уголовного процесса принять меры, направленные на охрану психического здоровья таких уголовно преследуемых лиц.

Суд обеспечивает право на защиту лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Такая уголовно-процессуальная деятельность суда должна носить системный характер, чтобы позволить такому лицу отстаивать правовые интересы по делу как лично, так и с помощью законного представителя.

Как показывает двадцатилетняя практика применения норм УПК РФ, наиболее сложным моментом в обеспечении судом прав лица, в отношении которого ведется производство в порядке, предусмотренном главой 51 УПК РФ, является обеспечение его личного участия в производстве по делу, что является необходимой предпосылкой для полноценной самозащиты. Исследователи обоснованно отмечают, что в российском уголовном процессе сложилась определенная патерналистская традиция, в соответствии с которой такое лицо не рассматривалось как процессуально дееспособный полноценный участник правоотношений [3, с. 28]. По этой причине в судебной практике широко распространенным подходом стало проведение судебного разбирательства по таким делам только с участием защитника и законного представителя уголовно преследуемого лица. Такой подход первоначально получил и поддержку российского законодателя и нашел отражение в первоначальной редакции УПК РФ.

Принципиальное значение для отхода от понимания лица с психическим расстройством как изначально неполноценного участника уголовного процесса, личное участие которого не является необходимым, имела позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в решении 2007 г. [3]. Признание Конституционным Судом РФ за таким лицом права на личное участие в производстве по уголовному делу создало необходимую основу для внесения в последующем изменений в ст. 437 УПК РФ.

Хотя норма, предусматривающая личную реализацию лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, его процессуальных прав в той мере, в которой позволяет его состояние психики, действует уже более десяти лет, на практике суды затрудняются с решением данного вопроса.

Проблема связана с непониманием российским юридическим сообществом сущности принципа презумпции психического здоровья. Именно эта презумпция позволяет суду исходить из того, что каждый участник процесса может самостоятельно реализовать свои процессуальные права. Опровержение данной презумпции требует системной деятельности и использования как юридических, так и медицинских критериев. Но проблема заключается в том, что суды, как правило, отдают приоритет именно медицинским критериям и ориентируются на заключения экспертов и специалистов, чаще всего на выводы, которые содержатся в заключении судебно-психиатрической экспертизы.

На наш взгляд, такой подход ограничивает право на защиту лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. В каждом конкретном случае именно суд должен опровергнуть презумпцию психического здоровья и лично убедиться, что лицо не может участвовать в судебном разбирательстве. При этом должны применяться ограниченные критерии для ее опровержения — это вред от такого участия для психического здоровья самого лица, угроза жизни, здоровью, безопасности других участников процесса, невозможность обеспечить нормальный ход судебного разбирательства. Обычно суды ориентируются на выводы экспертов, проводивших судебно-психиатрическую экспертизу, но считаем такой подход недопустимым, если с момента ее производства прошел значительный временной пери-

од, так как за это время психическое состояние лица могло измениться. В этой связи оправданным было бы закрепление в уголовно-процессуальном законе обязательного привлечения судом специалиста-психиатра для дачи заключения о возможности лица с психическим расстройством лично участвовать в судебном разбирательстве по делу. Внесение соответствующих изменений в нормы главы 51 УПК РФ будет способствовать как выработке единообразной судебной практики, так и повысит уровень процессуальной защищенности лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г.: по состоянию на 25 марта 2022 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.
2. Владыкина Т.А. Координация публичного и частного начал в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. С. 268.
3. Марковичева Е.В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство в производстве о применении принудительных мер медицинского характера // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 28.
4. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева: постановление Конституционного Суда 20 ноября 2007 г. № 13-Пот // Собрание законодательства РФ. 2007. № 48. Ст. 6030.

А.Г. Шидемов, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра Алматинской академии МВД РК, майор полиции, г. Алматы, Республика Казахстан

СУЩНОСТЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В действующем уголовном законодательстве наказание понимается как мера государственного принуждения. На наш взгляд, законодательное определение не раскрывает сути этого явления. Поэтому законодатель вынужден указывать отдельные признаки, отличающие эту меру от других форм принуждения: назначение от имени государства и только лицу, совершившему преступление. Можно ли вообще безнаказанно решать вопрос о сущности уголовного наказания? Наш повседневный опыт, история человеческих сообществ говорят о том, что регулирование человеческой деятельности никогда не производилось без установления санкций за нарушение установленных норм поведения, даже самых мягких, например, из рядов коллектива. Наказание выступает в качестве универсального регулятора поведения с раннего возраста, когда ребенок начинает осознавать себя как «я», отличное от других, наличие собственных желаний

и потребностей. Даже в самом нежном возрасте учителя не могут получить приемлемый результат образовательного процесса без применения наказания.

В ходе своего развития человечество эмпирическим путем пришло к необходимости применения наказания во всех сферах жизни общества. Исследователи пытаются объяснить это явление через причины индивидуального девиантного поведения. Однако при таком подходе мы не видим лесных деревьев, пренебрегаем основной устойчивостью человеческого поведения: люди в принципе не склонны соблюдать какие-либо нормы, особенно если нарушение им выгодно и ничем не грозит. Накоплено множество доказательств и результатов исследований, которые показывают пользу такого предположения.

Трудно выделить и другое явление, занимающее в правоприменительной деятельности такое важное место в общественной практике, как наказание. Практически вся уголовно-правовая система подчинена своей законной, обоснованной и справедливой цели. На протяжении многих веков его изучали ученые-юристы, философы.

Наказание сопровождало человечество в многовековой истории развития общества. Во все времена и у всех народов он отстаивал общественные отношения, которые на определенном этапе исторического развития были бы полезны конкретному сообществу. Являясь эффективной формой принуждения, наказание способствовало концентрации и развитию положительно оцениваемых направлений в сферах экономики, политики, морали и др. Члены общества, допустившие поведение, которое негативно оценивалось государством, подвергались наказанию, что способствовало исправлению их поведения, а также удерживало других людей от вредного для общества поведения.

Понятие наказания сочетается в науке и быту с понятием преступления, а говоря более широко, — с понятием проступка. Без наказания нет преступления, а без преступления нет наказания. Отсюда привычное словосочетание: «преступление — наказание». Естественен вопрос: что является первичным, главным? На первый взгляд, первичным является преступление, к которому крепится «все остальное». Именно в связи с совершением преступления встает вопрос о наказании — о его виде и размере. Очевидно, что преступление отличается от иных проступков именно тем, что за него назначается особое наказание — уголовное. Именно уголовное наказание, возможность его применения придает проступку значение преступления. Равным образом от тяжкого преступления и тяжкого наказания мы можем перейти к менее тяжкому преступлению и менее тяжкому наказанию. Правильнее вести речь о двух сторонах одного и того же явления — о конфликте между индивидом и государством и о разрешении этого конфликта — о противоположении нападению на общество со стороны индивида удара по индивиду, совершившему нападение. У животных в фундаменте такого конфликта лежит инстинкт, дающий установку на отражение нападения со стороны другого животного и установку на отказ от повторения такового. Если такого столкновения нет и насилие над лицом осуществляется безотносительно к его предшествующему поведению, налицо расправа. Другими словами, сочетание «преступление — наказание» призвано дать некоторый эффект и этот эф-

фekt — воздействие на человека, стимулирование его к поведению определенного рода. Когда такого стимулирования нет, нет ни преступления, ни наказания, ни уголовного права вообще.

Определившись с тем, что не является наказанием, обратимся к самому наказанию, к его сути и назначению. Эта проблема всегда была в центре внимания криминалистов, философов, психологов и других представителей общественных наук. Суммарно обсуждались и обсуждаются нравственное оправдание наказания и его нравственная допустимость. Лев Толстой, говорил, что наказание есть зло и что посредством его нельзя бороться со злом. Другие возражали Толстому, полагая, что нравственность предполагает уважение человека, а наказание отвергает это уважение. Отсюда следовали предложения заменить наказание превентивными мерами. Социалист-утопист Р. Оуэн полагал, что, поскольку государство само виновато в том, что человек совершил преступление, значит, оно не может наказывать преступника. Те, кто признавал наказание, если обобщить их аргументы, полагали, что поскольку в обществе существует принуждение, должно существовать и наказание, что без наказания не было бы дисциплины и самой общественной жизни. Однако одни полагали, что допустимы любые наказания, другие считали, что формы принуждения должны быть гуманны. В этих спорах рождались различные теории наказания — теории возмездия, устрашения, целесообразности, психологического принуждения, заглаживания вреда и т.д. В более крупном плане теории делились на абсолютные, относительные и смешанные. Его рассматривали как нравственную необходимость, как кару без ожидаемого результата. Относительные теории — это теории прагматические: надежности, целесообразности. Смешанным теориям были присущи попытки найти золотую середину. Все эти теории были отражением влияния на общественную мысль выдающихся мыслителей прошлого — Протагора, Платона, Аристотеля. Протагор первым выступил против введения в наказание мести, выдвинув идею об исправлении преступника и обезвреживании его. Ему принадлежало суждение, что наказание — средство для выпрямления искривленного сосуда. Платон рассматривал наказание как благо для преступника. Наказание делает наказываемого лучше. Аристотель видел в наказании возмездие. При применении наказания должно быть обеспечено равное право для всех. Наказание отличается от мести, ибо месть — результат раздражения и гнева. Наказывать в раздражении нельзя. Гнев следует допускать при наказании виновного. В общем же наказание должно быть средством предупреждения преступлений.

Применительно к буржуазному обществу следует отметить школу естественного права — Локк и Гоббс в Англии, Гуго Гроций в Голландии, Монтескье во Франции. Гуго Гроций считал, что в наказании нужно видеть благо преступника, пользу для обиженного и для общества. Гоббс связывал с наказанием задачу устрашить не совершивших преступление. Монтескье требовал равенства всех перед законом, соответствия наказания преступлению. Беккариа писал о том, что цель наказания заключается не в истязании и мучении человека и не в том, чтобы сделать несуществующим уже совершенное преступление; цель наказания заключается только в том, чтобы помешать виновному вновь

нанести вред обществу и удержать других от совершения того же. Пуффендорф и Кант стояли за талион. Наказание — это возмездие. Бартом утверждал, что наказание безнравственно, но, тем не менее, оно необходимо для государства и общества. Безнравственно, но необходимо. Это означало, что государство может не церемониться с выбором средств в отношении преступника: либо отказываться от поддержания общественного порядка, либо причинить зло преступнику. Право наказания коренится в моральной крайней необходимости. А. Фейербах видел в наказании психическое принуждение. Отсюда следует, что чем выше наказание, тем больше его принудительная сила. Он считал, что наказание должно грозить большим злом, чем выгода, получаемая человеком от совершения преступления. Представитель социологической школы итальянец Франческо Каррара считал, что наказание не преследует цели сделать человека, совершившего преступление, хорошим. Его цель — лишь предупредить преступление. Наказание должно формировать у людей сознание того, что закон осуществит содержащуюся в нем угрозу. Редер полагал, что наказание — разумное и необходимое средство уничтожения у преступника противоправной воли. Таким образом, наказание устраняет у преступника противоправную волю. Отсюда цель наказания — нравственно исправить преступника. Во всяком случае воззрения автора привели его к целесообразности неопределенных, практически бессрочных приговоров. Совершивший преступление, с позиции Горафоло, оскорбляет нравственные чувства общества. Отсюда — он сторонник смертной казни. Нравственно начертанное у цивилизованного человека не начертано у преступника и дикаря. Преступление — природная нравственная аномалия. Ту же позицию занимал и русский философ Соловьев, утверждая оправданность бессрочных приговоров. Лист утверждал, что всякий опасный для общества человек должен быть поставлен в невозможность «вредить так долго, пока то не покажется нужным». Идеолог социологов Принс писал, что для уничтожения рецидива преступлений «следует пожертвовать вырождающимися и уничтожать их в интересах сверхчеловека». После окончания Второй мировой войны итальянский ученый Грамматика полагал возможным уничтожить уголовное право вместе с уголовной ответственностью и заменить их системой превентивных мер. Критикуя взгляды Грамматика, Ансель отмечал, что новая социальная защита не отбрасывает ни уголовного права, ни законности, она не хочет отказаться ни от понятия ответственности, ни от моральной и социальной санкций и отнюдь не стремится установить такую систему предупреждения преступлений, в соответствии с которой каждый индивид рассматривался бы, когда речь заходит о виновности, как потенциальный преступник, а когда ставился вопрос о наказании, — как «безответственный больной». Однако Ансель не отказывается от наказания и его возмездного характера. Более того, он стоит за неопределенные приговоры, полагая, что меры безопасности не менее эффективны, чем уголовное наказание. К вопросу о кризисе, об исчезновении наказания писал норвежский юрист Анденес, ссылаясь, в частности, на то, что среди трудов многочисленных западных юристов растет пессимизм в отношении того, имеет ли наказание значение как средство борьбы с преступностью. Он считал наказание как

метод борьбы с преступностью мерой бесплодной. Но замена наказания иными мерами неизбежно ведет к нарушению законности, к судебному и внесудебному произволу, часто под предлогом учета особенностей личности. Можно ли в борьбе с преступностью использовать меры психиатрии?

Приравнивать больного к преступнику — безнравственно и юридически безграмотно. Как верно писал И.И. Карпец, если какое-либо средство в общественной практике не является универсальным, то отнюдь не значит, что от него нужно отказаться. Если оно не универсально, то это не значит, что оно бесполезно. Придумать средство, годное на все случаи жизни, невозможно вообще. Но очевидно, что каждому средству есть свое место в жизни. О роли и значении наказания свидетельствует такой вопрос: что было бы, если бы все наказания отменили бы? По содержанию уголовно-правовое устрашение морально, ибо направляет на пресечение крайнего аморализма, каковым является преступление. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления и заключается в предусмотренном Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица». Однако в чем лежат основания наказания, чем определяются причины, по которым государство может лишать жизни, свободы, имущества и т.д.? Предварительно наказание лишает наказанного чего-то. Иначе оно не является наказанием. Другими словами, наказание предполагает, образует перепад между исходным статусом индивида — ненаказанного индивида и статусом наказанного индивида, и если бы этого перепада не существовало, не было бы наказания. Сегодняшние реалии это подтверждают. Не надеясь на справедливое воздаяние преступнику, люди сами расправляются с ним — речь идет об убийствах преступников после вынесения в отношении них необоснованно мягких приговоров. Соответственно, в основе наказания лежит стремление к восстановлению справедливости. В этом плане его надо отличать от политических расправ, где речь идет о снятии определенных политических слоев и людей уничтожают не «за то, что», а потому «что так надо». Право наказывать лиц, виновных в совершении преступления, принадлежит государству. Современное наказание произошло от мести и выкупов. Постепенно права общественного мстителя переходят к представителю государственной власти.

Особенностью уголовного наказания является лишение осужденного тех благ, которые представляют собой ценность не только для осужденного, но и для наказывающего его общества. С одной стороны, наказание выступает как добро, обеспечивая исправление осужденного и безопасность общества, а с другой — как вынужденное зло, так как представляет собой ограничение определенных общественных ценностей. Эта особенность наказания предопределяет закрепление в уголовном праве принципа экономии карательных средств. Наказание назначается только по приговору суда и от имени государства, то есть носит публичный характер. При назначении наказания проявляется и осуществляется отрицательная официальная оценка совершенного общественно опасного поступка и лица, его совершившего. В учебниках по уголовному праву справедливо отмечается, что чем выше степень общественной опасности преступления и лица, его совершившего, тем выше должен быть уровень исправительно-вос-

питательных элементов в уголовном наказании. Распространено утверждение о том, что наказание носит личный характер и может быть назначено только конкретному лицу и не может распространяться на лиц, не причастных к совершению преступления. Однако в этом тезисе авторы не учитывают прошлых реалий. Карательная сущность наказания состоит в лишениях и ограничениях прав и свобод виновного лица. Обязательным следствием наказания является судимость. Существует много определений понятия «справедливость». Представляется, что определить понятие справедливости можно через понятие равенства. Справедливость существует там, где люди равны друг другу, где существует принципиальное соответствие между заслугами и провинностями человека и воздаянием за них.

Преступление есть наивысшее нарушение справедливости. Наказание служит, соответственно, восстановлению справедливости. Чисто восстановительный характер носят имущественные уголовно-правовые санкции. Однако не все, чему преступление причиняет вред, доступно адекватному возмещению. Социальная справедливость достигается в этих случаях путем ограничения прав и свобод виновного лица, и в этом плане уголовное наказание «работает» на восстановление справедливости. В качестве второй цели уголовного наказания в теории называется исправление осужденного.

Цель исправления заключается в том, чтобы осужденный стал законопослушным, добропорядочным гражданином общества, уважающим труд и правила общежития. В этом плане А.Л. Ременсон выделял две цели наказания — перевоспитание и исправление преступника. Первая — привитие преступнику качеств, необходимых для жизни в обществе, вторая — переделка преступника в человека добропорядочного, соблюдающего элементарные гражданские обязанности. А.Л. Ременсон исходил из того, что государство видит в преступнике не только врага, которого нужно беспощадно карать, но и гражданина, которого надо сберечь для общества, вернуть к честной трудовой жизни и по отношению к которому надо выполнять государственный долг — прививать ему качества человека будущего, добиваться от него исполнения не только обязанности отбыть наказание, но и всех общественных обязанностей. Правовое положение осужденного представляет собой сложный состав, имеющий две стороны — одна отражает его положение как наказываемого врага общества, а другая выражает его положение как гражданина государства — носителя общегражданских прав и обязанностей. Исходная цель наказания — обеспечить безотказность, надежность выполнения приказа, закона и т.д. Оптимальной в этом плане является угроза применения смертной казни. Предполагается (и так есть на самом деле), что для сохранения жизни обязанный пойдет на все. Он тем более пойдет на все, если ему будет угрожать квалифицированная казнь, если будут казнить не только его самого, но и его близких. Сложность уяснения цели наказания заключается в том, что оно всегда представляет собой акт по поводу прошлого — уже совершенного преступления — и ввиду будущего — ввиду тех же преступлений, которые могут быть совершены в будущем. По отношению к прошлому — это расплата за уже совершенное преступление, по отношению к будущему

— это средство достижения определенной цели. Хотим мы того или нет, но применительно к нашей истории надо вести речь об еще одной цели наказания — получении дешевой рабочей силы. Она неисчерпаема и ничего не стоит, и, решая вопрос о наказании за то или иное преступление, об объявлении деяния преступным, законодатель не мог не руководствоваться и руководствовался именно этим моментом. В общем и целом, если раньше тюрьмы находились на иждивении государства, то в определенное время они были источниками дохода.

Нельзя не исходить из того, что наказание всегда связано с ограничением прав и свобод лица, совершившего преступление. Оно всегда причиняет ему определенные моральные страдания и лишает его определенных благ. Иными словами, по своему объективному содержанию наказание всегда является карой. Соответственно, тяжесть наказания определяется прежде всего тяжестью преступления. Это исходное и отправное в уголовном праве.

На современном этапе развития казахстанского общества уголовное наказание остается необходимым и в то же время остается очень острым инструментом реагирования государства на совершенное преступление. Поэтому его назначение требует тщательного правового регулирования и научного обоснования для того, чтобы виновные получали достойное наказание, соблюдались требования справедливости и меры уголовно-правового воздействия применялись только в пределах, необходимых для достижения целей и задач, поставленных перед наказанием. Это одно из главных направлений казахстанской уголовной политики.

Проблема назначения наказания затрагивает судьбы миллионов граждан, глубинные процессы, происходящие в обществе, в том числе и его моральные устои. Именно здесь концентрируется социальная адекватность и значимость уголовного законодательства. Как бы ни была важна правильная квалификация преступления с точки зрения успешной борьбы с преступностью, окончательное влияние уголовного закона обеспечивается назначением справедливого наказания.

Принятие необоснованных решений относительно вида и размера наказания подрывает авторитет правосудия, влечет существенные потери морального и материального характера, связанные с изменением или отменой приговора и пересмотром дел.

Широкий набор наказаний в альтернативных санкциях, расхождение законодательства, регулирующего вопросы назначения наказания, порождают субъективность и, следовательно, несоответствие в практике наказания.

По нашему глубокому убеждению, воля судьи не должна быть широкой. Следует согласиться с Е.Г. Мартынчиком, который считает, что «чем меньше личных предпочтений органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, чем полнее урегулированы их полномочия, тем больше гарантий законности их действий и принятых решений» [8, с. 43-44].

Совершенствование практики назначения судами наказаний — одна из наиболее актуальных и в то же время наиболее сложных проблем. Неправильно думать, что современные аномалии в области индивидуализации наказания имеют объективные причины (сложность деятельности судебной системы) или

являются следствием субъективизма судей, их небрежности, недостаточной квалификации и т.д.

На наш взгляд, проблема здесь иная: недостаточная прозрачность правового регулирования правил выбора наказания и до недавнего времени в трудах теоретиков, посвященных проблемам назначения наказания, может быть мало конкретных рекомендаций, помогающих назначить конкретное наказание. Все точки зрения справедливы.

Несмотря на то, что новый Уголовный кодекс РК 2014 г. разрабатывался и обсуждался в течение нескольких лет, в нем содержатся нормы, страдающие серьезными недостатками, поэтому с учетом достижений науки уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии и судебной практики они должны быть пересмотрены и составлены более четко. Результатом данной работы стал ряд предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Наказание должно быть справедливым. Только тогда оно сможет достичь целей, предусмотренных Уголовным кодексом, — восстановить социальную справедливость, а также исправить подсудимого и предотвратить новые преступления. Назначение наказания является важной стадией уголовного процесса. Назначение судом слишком мягкого наказания создает у виновного чувство безответственности и затрудняет его исправление. Чрезмерно строгое наказание, напротив, может вызвать у виновного чувство внутреннего недовольства, раздражительности и не дать ему исправиться.

Список литературы

1. Уголовное и уголовно-процессуальное право, криминология // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 3 (20). С. 159-167.
2. Гольберг Г.А. Система наказаний — перечень или совокупность наказаний? // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 373-377.
3. Володин М.С. Лишение свободы как вид уголовного наказания // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 3 (26). С. 25-26.
4. Безверхов А.Г. Понятие наказания в уголовном законодательстве России // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 2 (4). С. 24-27.
5. Долгих Т.Н. Некоторые особенности правового и организационного характера назначения и исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 20-23.
6. Истомина А.Ф. Понятие и цели наказания // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 176-185.
7. Караульская О.В. Цели уголовного наказания и способы повышения эффективности уголовного наказания // Современность в творчестве талантливой молодежи: сборник материалов научно-практической конференции молодых ученых. 2016. С. 98-108.
8. Мартынич Е.Г. Развитие уголовно-процессуального законодательства. Кишинев, 1977. С. 43-44.

Н.А. Шнурко, начальник ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю, полковник полиции, г. Барнаул

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РУКОВОДИТЕЛЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации (далее — УПК РФ) среди участников уголовного судопроизводства закрепляет специалиста, эксперта, однако нормативный правовой акт не содержит указания на руководителя судебно-экспертного учреждения, при этом зафиксировав его обязанности в ст. 199 и 200 УПК РФ [1]. Возникает вопрос относительно правового статуса (права, обязанности, ответственность) руководителя судебно-экспертного учреждения в уголовном судопроизводстве, где более детального рассмотрения требуют уголовно-процессуальные обязанности.

Положения Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» раскрывают понятие «руководитель судебно-экспертного учреждения», согласно которому это директор или начальник (заведующий) государственного судебно-экспертного учреждения, либо приравненного к нему специализированного подразделения, осуществляющий функцию руководства при организации и производстве судебной экспертизы в соответствующем учреждении или подразделении [2]. Требование данной правовой нормы возможно применять как к государственным, так и негосударственным экспертным учреждениям. В этом отношении заслуживает внимание позиция О.Г. Дьяконовой, согласно которой вне зависимости от формы экспертной организации руководитель судебно-экспертной организации осуществляет организацию экспертного исследования и обеспечивает взаимодействие эксперта с инициатором назначения судебной экспертизы [3, с. 45-46].

Экспертно-криминалистический центр Главного управления МВД России по Алтайскому краю (далее — ЭКЦ ГУ) является государственным органом, осуществляющим судебно-экспертную деятельность полиции. ЭКЦ ГУ возглавляет начальник, который выполняет свои обязанности непосредственно либо опосредованно через руководителей подразделений экспертного учреждения (отделов, отделений, групп). Однако в обоих случаях с процессуальной стороны считается, что он выполняет их сам.

Положения ст. 199 УПК РФ закрепляют ряд важных процессуальных обязанностей руководителя судебно-экспертного учреждения, а именно данное лицо: поручает производство судебной экспертизы одному или нескольким подчиненным сотрудникам, имеющим право самостоятельного производства экспертиз, передает постановление (определение) о назначении судебной экспертизы и материалы для проведения экспертного исследования, разъясняет процессуальные права и обязанности сотруднику государственного экспертного учреждения, предупреждает об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения эксперта, уведомляет инициатора (следователя, дознавателя, суд) о поручении выполнения судебной экспертизы конкретному эксперту (группе

экспертов), возвращает без исполнения поступившие материалы судебной экспертизы с указанием причин невозможности ее производства в данном экспертном подразделении.

При анализе норм ведомственного нормативного правового акта полиции, регламентирующего порядок организации и производства судебных экспертиз [4], установлено, что ряд положений, применяемых к руководителю государственного экспертного учреждения, важны при осуществлении судебно-экспертной деятельности руководителем негосударственного экспертного учреждения. К примеру, срок рассмотрения и передачи для исполнения материалов (постановление о назначении судебной экспертизы, объектов для исследования) эксперту, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по приему материалов и их регистрации не закреплен в УПК РФ. Однако указанный приказ полиции содержит предписание о передаче для исполнения материалов экспертного исследования сотруднику экспертно-криминалистического подразделения органов внутренних дел полиции в течение суток либо в первый рабочий день после даты регистрации. С целью соблюдения разумного срока производства предварительного расследования, рассмотрения уголовного дела в суде, а также единообразного применения руководителями государственных и негосударственных экспертных учреждений положений обязанности по приему и регистрации поступивших для производства судебных экспертиз материалов целесообразно закрепить вышеуказанное положение ведомственного нормативного правового акта в уголовно-процессуальном законодательстве России.

Руководитель судебно-экспертного учреждения оказывает правовую, методическую, консультационную помощь, предоставляет научно-технические средства, расходные материалы подчиненным сотрудникам при осуществлении судебно-экспертной деятельности, при этом не нарушая принципа независимости эксперта и его личной ответственности за даваемое заключение.

Помимо осуществления общего руководства и контроля за деятельностью подчиненных сотрудников судебно-экспертного учреждения, руководитель вправе самостоятельно принимать к своему производству и выполнять судебные экспертизы. С целью разъяснения и единообразного применения норм правовых актов МВД России начальником ЭКЦ ГУ в 2021 г. было составлено письмо в Департамент правового обеспечения ведомства о возможности производства судебных экспертиз руководителем судебно-экспертного учреждения полиции, на что инициатором получен положительный ответ.

Необходимо акцентировать внимание на консультационной работе руководителя судебно-экспертного учреждения со следователями, дознавателями, судом при назначении судебных экспертиз. Важно отметить, что при этом указанное должностное лицо как специалист может давать объяснения [5, с. 107]. В нашем государстве существует широкая сеть государственных и негосударственных экспертных учреждений, которые осуществляют судебно-экспертную деятельность. Негосударственные экспертные учреждения проводят большое количество судебных экспертиз, при этом затрачивается огромное количество бюджетных ассигнований, а по сути — данные роды и виды судебных экспертиз возможно выполнять в ЭКЦ ГУ без составления договоров гражданско-право-

вого характера и выделения дополнительных денежных средств на оплату услуг. К примеру, решать поставленные перед негосударственным экспертом вопросы об установлении стоимости таких объектов, как бытовая радиоэлектронная аппаратура, электробытовые, спортивные, хозяйственные товары, товары для детей, пушно-меховые и комбинированные изделия, могут и сотрудники ЭКЦ ГУ в рамках производства судебных товароведческих экспертиз. В первом квартале 2022 г. сотрудниками отдела экономических экспертиз ЭКЦ ГУ выполнено 92 заключения специалиста по расчету ориентировочной стоимости объектов, с использованием результатов которых возбуждено 51 уголовное дело и 19 заключений специалиста выполнено в рамках производства предварительного расследования уголовных дел.

Руководством МВД России акцентируется внимание на соблюдение территориальными органами МВД России указания Министра внутренних дел Российской Федерации от 25.05.2021 № 1/5414 «Об оптимизации расходов на проведение экспертиз и исследований во вневедомственных организациях». К примеру, по результатам проведения аудиторских мероприятий ГУ МВД России по Алтайскому краю установлено, что на проведение судебных экспертиз и исследований, выполненных вневедомственными организациями в 2020 г., фактически израсходовано свыше 10 млн руб., в 2021 г. — около 7 млн руб. При этом значительные средства израсходованы на оплату производства судебных экспертиз и проведения исследований, входящих в перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в ЭКЦ ГУ. Например, в 2021 г. огромное число бюджетных ассигнований были использованы для оплаты проведения товароведческих (900 экспертиз на сумму около 3 млн руб.).

Таким образом, с целью минимизации использования бюджетных ассигнований на оплату экспертных исследований, прежде всего, сотрудникам органов внутренних дел необходимо использовать возможность производства в ЭКЦ ГУ судебных товароведческих экспертиз с целью определения фактической и ориентировочной стоимости объектов (бытовая радиоэлектронная аппаратура, электробытовые, спортивные, хозяйственные товары, товары для детей, пушно-меховые и комбинированные изделия). Инициаторы производства судебных экспертиз (следователи, дознаватели) направляют в адрес ЭКЦ ГУ письма о возможности производства судебных экспертиз с указанием конкретных объектов исследования (велосипед марки «Racer», детская коляска и прочее) в ЭКЦ ГУ. Только в случае получения письменного ответа о невозможности установления стоимости объекта, не входящего в установленный методическими рекомендациями перечень подлежащих исследованию предметов, возможно производство судебной экспертизы в ином экспертном учреждении.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что руководитель судебно-экспертного учреждения в рамках уголовного судопроизводства наделен широким кругом прав, выполняет обязанности, несет ответственность как специалист, эксперт, но на него возложено УПК РФ выполнение иных уголовно-процессуальных обязанностей — организация и производство судебных экспертиз. В этой связи целесообразно дополнение перечня иных участников уголовного судопроизводства в УПК РФ, в котором уже закреплены специалист и экс-

перт, руководителем судебно-экспертного учреждения с наделением его уголовно-процессуальным статусом как лица, осуществляющего организационную, методическую и контролирующую функции.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г.: по состоянию на 25 мая 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/74a5bca784a367fdc6cf04dca4844c2a4f57de27/.

2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон: принят Гос. Думой РФ 5 апр. 2001 г: по состоянию на 25 мая 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/.

3. Дьяконова О.Г. Руководитель судебно-экспертной организации как субъект судебно-экспертной деятельности и участник судопроизводства // Теория и практика совершенствования правовых, научно-методических и информационных основ использования специальных знаний в судопроизводстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа, 19 ноября 2020 года / отв. редактор Ф.Г. Аминев. Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. С. 39-47.

4. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.06.2005 № 511: по состоянию на 25 мая 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/.

5. Петухов Е.Н. Умножение обязанностей иных участников уголовного судопроизводства и их законодательное закрепление // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2 (14). С. 107-109.

Е.П. Шульгин, к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса Карагандинской академии МВД РК им. Баримбека Бейсенова, майор полиции, г. Караганда, Республика Казахстан

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В современный период большинство стран мирового сообщества, в том числе и Республика Казахстан, сталкиваются с тем, что использование цифровых технологий становится ежедневной реальностью как в повседневной жизни граждан, так и в большинстве сфер профессиональной деятельности. Сфера правоохранительной деятельности в данном направлении долгое время демонстрировало серьезное отставание, что имеет целый ряд объективных причин, связан-

ных с ее спецификой, четкой формализацией деятельности, необходимости особых правил делопроизводства, фиксации, верификации документов, доказательств и иных фактических материалов [1, с. 3].

Аналогичная ситуация происходит и в ведомственном образовании системы МВД Республики Казахстан. Особенности современных технологии обучения выражаются в определении рациональных способов достижения учебной цели. При этом учебный процесс следует рассматривать комплексно как систему и нельзя ограничиваться анализом лишь отдельных ее составляющих. Комплексное использование современных методов обучения, технических средств обучения и носителей учебной информации является одной из главных особенностей современной технологии обучения.

Большое внимание сегодня в ведомственном образовании Республики Казахстан уделяется качественному подбору преподавателей, основными критериями, предъявляемых к ним является:

- наличие практического опыта работы;
- способность разбираться в психологии обучающихся;
- умение ориентироваться в современных достижениях педагогической науки и практики;
- владеть разнообразными инновационными методами и формами обучения, влияющие на профессионально-творческое развитие и саморазвитие будущих специалистов.

Динамические процессы цифровой трансформации требуют адекватной реакции на новые вызовы и условия адаптивного цифрового развития субъектов образовательной деятельности, что обуславливает необходимость определения их готовности к дальнейшей цифровой трансформации и приоритетов цифровых изменений. В этом ключе приоритетными задачами субъектов образовательной деятельности являются: анализ текущей ситуации по цифровому развитию в стране; оценка готовности учебного заведения к дальнейшей цифровой трансформации, обоснование приоритетов нового цифрового развития; обозначение имеющихся причин, ограничений, барьеров, рисков, тормозящих ускорения цифровой трансформации.

При этом имеются факторы, оказывающие неблагоприятное воздействие на цифровизацию в обществе, среди которых выделяются следующие:

- ресурсные ограничения (отсутствие собственных средств, отсутствие инвестиционных ресурсов, высокая стоимость проектов по применению цифровых технологий, высокие затраты на эксплуатацию систем, использующих цифровые технологии, низкий инновационный потенциал учебной организации, недостаток возможностей для кооперирования с другими учебными заведениями и научными организациями);
- человеческий фактор (дефицит специалистов, соответствующих требованиям цифровой эпохи, дефицит квалификации у преподавателей, которые должны применять цифровые технологии, технологическая некомпетентность обучающихся (курсантов), разный уровень цифровых знаний между разными

поколениями, нежелание сотрудников менять привычные формы работы, низкая цифровая культура и т.д.).

Кроме того, считаем, что на охват и скорость цифровизации влияют гармонизация общества, значительные инвестиции в обновление инфраструктуры образования, а также инновации, которые открывают уникальные возможности для развития системы образования, тем самым происходит влияние на качество освоения обучающимся учебного материала.

Несмотря на обозначенные проблемные аспекты, цифровизация является неизбежным процессом, что меняет традиционные модели обучения и преподавательские цепочки и обуславливает появление новых методов и инноваций. Цифровизация выводит на новый уровень образовательную сферу, заставляя учебные заведения ставить цифровую трансформацию основной задачей стратегии развития.

Цифровизация создает новые возможности для функционирования образовательных структур в онлайн-пространстве, увеличивая их конкурентный и инновационные потенциалы за счет повышения производительности через быстрое масштабирование и цифровую трансформацию их педагогической деятельности, что приводит в целом к изменению поведения субъектов в образовательной деятельности.

В данном контексте следует отметить, что ведущая функция в проектировании технологии обучения принадлежит преподавателю, который согласно цели учебного процесса, запросов и возможностей выбирает содержание, формы и методы обучения, их последовательность, время и этапы применения таким образом, чтобы достичь запланированного гарантированного положительного результата. Учитывая специфику подготовки кадров учебными заведениями системы МВД Республики Казахстан, речь преимущественно должна идти о формировании таких уровней профессионально значимых качеств органов досудебного расследования, как «цифровая профессиональная компетентность» и «цифровая профессиональная культура». В научных трудах, посвященных проблемам подготовки будущих специалистов как МВД Республики Казахстан [2, с. 103-104; 3, с. 61-68], так и МВД России [4, с. 80-81; 5, с. 76-77], неоднократно поднимался вопрос о том, что теоретическая насыщенность преподаваемых дисциплин не гарантирует формирование необходимых навыков и умений у будущих специалистов. В этой связи необходимо внедрять различные практики интенсификации обучения, целью которых является формирование практико-ориентированных умений и навыков. Цифровизация России и Казахстана является естественным продолжением международной тенденции распространения цифровых технологий и резкого увеличения их влияния на все стороны жизни общества. По показателям рейтинга глобальной конкурентоспособности в части использования информационно-коммуникационных технологий Россия и Казахстан, к сожалению, не находится в числе лидеров. Однако, несмотря на это, динамика составляющих рейтинга свидетельствует, что в целом российский и казахстанский информационно-коммуникационный сектор имеет довольно значи-

тельный потенциал, чтобы зарекомендовать себя как весомую долю информационного общества мира.

При проведении учебных заданий преподавателю следует разработать технологию обучения для изучения курсантами той или иной дисциплины, при этом характерным является кроме системной организации обучения с комплексным использованием отобранных методов, приемов, форм и средств обучения также учета специфических методических принципов в процессе обучения, характерных для изучения именно этой дисциплины.

Таким ведущим методическим принципом обучения является принцип коммуникативности. Принцип коммуникации предопределяет отбор соответствующих интерактивных методов, приемов, средств и форм обучения. Поэтому ключевым элементом учебного процесса является интерактивность, переходя к пониманию интерактивности следует отметить, что в переводе с английского языка «interact», где «inter» — взаимный, «act» — действовать означает способность к взаимодействию, диалогу.

Интерактивное обучение курсантов представляет собой специальную организацию их познавательной деятельности, которая имеет конкретную предполагаемую цель — создать комфортные условия обучения. Его следует рассматривать как обучение с использованием интерактивных технологий [6, с. 4].

Интерактивные технологии обучения можно создавать и внедрять как в процесс традиционного и инновационного обучения с применением компьютерно-ориентированных средств и методов обучения. Организация процесса общения в процессе традиционного без компьютерного обучения является простой задачей (опрос курсантов, обсуждение, проведение семинаров, лекций, круглых столов). Организация аналогичного процесса во время инновационного обучения предполагает необходимость уделить особое внимание формированию у обучающихся элементов «профессиональной цифровой компетентности». Наиболее оптимальным решением является оборудование учебных аудиторий мультимедийным оборудованием с возможностью функционирования ситуационно-информационных центров.

Как пример, возможность разработки и внедрения в учебный процесс цифровой учебной аудитории, которая представляет собой ценный инструмент для современного обучения. Цифровая аудитория образует особую среду преподавательской деятельности, предоставляет неограниченные возможности для практического обучения, гибкой организации специальных умений и формирования глубоких знаний предмета. Соответственно, именно с помощью цифровой учебной аудитории возможно достижение баланса между теоретическими познаниями и практическими навыками, формирование объективной самооценки обучающегося, что способно снизить различные адаптационные риски в его последующей профессиональной деятельности. Как следствие, возможным может быть отказ от традиционных форм итоговых экзаменов обучающихся с применением возможностей цифровой аудитории, т.е. оценки поведения в условиях учебной имитации практической ситуации (с видеофиксацией выполняемого задания). В настоящее время особое значение приобретает создание цифровых

аудиторий, которые позволят отрабатывать соответствующие теоретические навыки. Результативность обучения с помощью цифровых аудиторий должна получить признание у преподавателей ведомственных учебных заведений и практических работников, которые максимально заинтересованы в приходе на службу всесторонне подготовленных специалистов. Обучение в цифровой аудитории может быть оценено более объективно, так как она приведет к мобилизации усилий обучающегося, будет требовать от него концентрации, оперативного мышления, быстрого принятия решения. В рамках функционирования цифровой аудитории преимущественно должны найти свое отражение различные варианты инсценировок, симуляционные кибератаки, связанные с использованием тех или иных материальных объектов.

Проведенное исследование позволяет констатировать тот факт, что цифровизации в ведомственном образовании системы МВД Республики Казахстан быть. Более того, с каждым годом ее пребывание будет расширяться. Предполагаем, что расширение применения отдельных элементов цифровизации возможно представить в следующих направлениях.

1. Перевод всей документации профессорско-преподавательского состава в электронный формат:

- индивидуальный план работы преподавателя;
- журнал учета выполненной учебной нагрузки;
- отчеты по выполненной работе и др.

2. Полный отказ от бумажного варианта журнала регистрации посещаемости, записи отметок, отражающий этапы и результаты фактического усвоения учебных программ обучающимися;

3. Обеспечение всех обучающихся электронными планшетами. Этому предшествуют следующие факторы:

- имеющийся библиотечный фонд не в полной мере может обеспечить всех обучающихся актуальной учебной литературой;
- регулярное внесение изменений и дополнений в нормативные правовые акты, в том числе кодифицированные;
- возможность пользоваться поисковыми веб-системами электронных сводов нормативных правовых актов;
- получать актуальные данные правовой статистики.

4. Оборудовать все учебные аудитории мультимедийным оборудованием. Возможность использования в ходе учебного процесса мультимедийного оборудования способствует оптимизации всей образовательной системы и это позволит:

- транслировать ход учебного занятия локально или по сети Интернет (например, открытое учебное занятие);
- запись учебного занятия на электронные носители и (или) сохранение в архиве;
- ведение дистанционных учебных занятий, актуальность данного вопроса в учебном процессе в настоящее время бесспорна;

– проведение учебных занятий с удаленными участниками (следователь, криминалист, эксперт) без отрыва последних от непосредственных функциональных обязанностей.

5. При подготовке специалистов необходимо уделять особое внимание формированию у обучающихся элементов «профессиональной цифровой компетентности». Наиболее оптимальным решением является разработка и внедрение в образовательный процесс ситуационно-информационных центров.

Таким образом, современный потенциал развития информационно-коммуникационных технологий создал основу существенных изменений в функционировании различных социальных систем. Под влиянием цифровых технологий существенно изменился ландшафт образовательного процесса, открылись возможности улучшения как отдельных процессов, так и построения цифровой образовательной экосистемы. Процессы цифровой трансформации обусловили изменения в поведении субъектов образовательного процесса.

Список литературы

1. Шульгин Е.П. Правовые и организационные основы деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 29 с.

2. Кондратьев И.В. Модульное обучение — перспективное направление построения учебного процесса в вузах МВД Республики Казахстан // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 13-2. С. 103-104.

3. Косыбаев Ж.З. Совершенствование ведомственного образования на современном этапе // Право и государство. 2017. № 3-4. С. 61-68.

4. Майдыков А.Ф. О некоторых проблемах совершенствования подготовки (обучения) управленческих кадров органов внутренних дел на этапе реформирования МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 4 (28). С. 80-81.

5. Княжев В.Б., Майдыков А.Ф., Грищенко Л.Л. Командно-штабные учения как основа подготовки управленческих кадров органов внутренних дел Российской Федерации (теория, методика и практика). М.: Академия управления МВД России, 2018. 190 с.

6. Трафимчик Ж.И. Информатизация и компьютеризация образования: преимущества и риски: пути и средства совершенствования управленческой, научной и образовательной деятельности в рамках информационного общества // Народная асвета. 2016. № 5. С. 3-6.

РАЗДЕЛ 3. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

М.Д. Алешина, курсант Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород

НЕДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ИНЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ОБЯЗАТЕЛЬСТВУ ДОСТИЖЕНИЯ НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ

Уголовный процесс есть форма исполнения обязательств, взятых государством перед обществом в области борьбы с преступностью. Данные обязательства находят свое воплощение в принципе уголовного процесса, именуемом неотвратимостью наказания. И хотя прямо этот принцип в уголовно-процессуальном законе не прописан, его присутствие чувствуется во многих нормах и в самой концепции уголовного судопроизводства. Чувствуется, увы, как намерение, но не как четкое руководство к действию.

По этой причине данный принцип окружен парадоксами и противоречиями. Он скорее напоминает мечту, чем идею, которая может быть трансформирована в реальную и достижимую задачу. Причем это осознают не только начинающие исследователи и практики, но и маститые ученые. Так, основатель Нижегородской (Томинской) школы процессуалистов профессор В.Т. Томин пишет: «Беда уголовного процесса в стране (впрочем, как и во всем мире), в том, что, декларируя в качестве принципа неотвратимость ответственности лиц, совершивших преступления, в реалиях оно обеспечивает привлечение к ответственности едва ли за одно из каждых десяти нарушений существующих уголовно-правовых запретов» [2, с. 13].

Подобная парадоксальная ситуация бытия принципа неотвратимости наказания создает вокруг него специфический контекст и заставляет задуматься о природе обязанностей, которые берет государство перед гражданами и которые собирается исполнить в форме уголовного процесса при малейшем намеке на преступление. Именно эти обязанности, их декларативная природа позволяют оценить и те процессы, которые происходят в самом правовом поле, терпящем на себе воздействие мировоззренческих перемен.

В условиях изменения общественного сознания изменяется и законодательство. В свою очередь, и измененное законодательство оказывает влияние на мировосприятие граждан. Наше государство не является исключением из этой экзистенциальной тенденции. Эти изменения действительно могут быть жизнеутверждающими или разрушительными. Все сказанное напрямую относится и к постоянно меняющемуся Уголовно-процессуальному кодексу РФ. Но какова природа таких изменений? Действительно ли они отвечают желанию государства более эффективно исполнять обязанности, взятые перед обществом? Или же объективная необходимость подталкивает законодателя не замечать очевидные и к тому же важные вещи и не реагировать на них адекватными переменами, имеющими социальное значение? А может быть, причинами снижения эффек-

тивности исполнения государством своих уголовно-процессуальных обязанностей служит чья-то недобрая воля, преследующая узкие корыстные интересы отдельных корпораций, прикрывающихся высокими правозащитными лозунгами?

Вопросов как всегда много, а ответов — гораздо меньше. Попытаемся найти ответы на эти вопросы в самом УПК РФ. Но прежде нужно ответить на главный вопрос. К каким целям движется отечественное уголовное судопроизводство? И как глубоко в этих целях отражаются те обязанности, которые взяло на себя государство, когда осознало, что противодействие преступности — это дело не частное, а исключительно публичное? Именно тогда, когда были осознаны данные обязательства, возникла потребность в особой уголовно-процессуальной розыскной технологии, именно тогда на знаменах уголовного процесса был начертан принцип публичности. Тогда же в уголовный процесс навсегда вошла идея неотвратимости наказания. Ведь по сути именно эту неотвратимость и обещало государство гражданам, которые вынуждены были отказаться от самозащиты от преступлений и от жестокого обычая кровной мести.

Хотя, истины ради, нужно отметить, что обещало государство обществу не саму неотвратимость (это все же специфический принцип юридической деятельности), оно обещало гражданам социальную справедливость. Справедливость в каждом конкретном случае преступления и всеобщую справедливость как средство потенциальной защиты от преступных поползновений не лучших членов этого общества. Через понимание справедливости общество пришло и к сути уголовно-процессуальных обязанностей государства, политическому и юридическому содержанию принципа неотвратимости наказания.

«Ключ к справедливости в юриспруденции, — указывал В.Т. Томин, — в равноправии, в равных правах и обязанностях, в их сочетаемости, в воздаянии за равное равным. Уголовная юстиция оправдывает свое название, видимо, только в том случае, если, с одной стороны, уголовное наказание не угрожает невиновным, а с другой, не уходит от уголовной ответственности виновные» [2, с. 3]. Но, поняв суть справедливости в уголовном процессе, В.Т. Томин понял и то, что «современное уголовное судопроизводство несправедливо. Даже очень несправедливо» [2, с. 3].

И вот среди путей обретения этой справедливости В.Т. Томин предложил «приведение цели процесса в соответствие с его сущностью и задачами уголовного судопроизводства» [2, с. 21]. Достаточно загадочная фраза. Загадочная в части задач, поскольку мы полагали, что именно цели формируют задачи, а не наоборот. Впрочем, уголовный процесс таков, что в нем существуют разносторонние взаимодействия. А пожелания В.Т. Томина по поводу гармонизации целей и сущности уголовного процесса вполне можно интерпретировать как приведение целей в соответствии с обязанностью государства обеспечить гражданам социальную справедливость.

К слову, вопрос о приведении цели процесса в соответствие с его сущностью — тоже не столь простой. Здесь невозможно пройти мимо вопроса о том, одинаковы ли социальные обязанности государства, если смотреть на них через призму типологии уголовного процесса. Никто не задумывался над вопросом: если есть разные типы процесса, то возможно предположить, что государство

для этих типов уголовного процесса предлагает и разные свои обязательства. Но мы нашли выход из этого коварного вопроса. Мы опираемся на допущение, что наличие государственных обязательств присуще не каждому типу процесса. Цель розыскного процесса логично упирается в эти обязанности. В сущности, она и вырастает из них. Понимание этого пришло в теорию уголовного процесса еще в XIX веке. «В уголовном правосудии, — указывал Ю. Глазер, — речь идет о чем-то высшем, нежели благо частных лиц; что для него область, ограниченная, с одной стороны, желанием всякого человека избежать наказания, с другой — требованием удовлетворения потерпевшим, слишком тесна. Но это осознание оставалось на втором плане... Эта идея получила название инквизиционного или розыскного начала, потому что возложение на судью обязанности расследования по долгу службы было ее первым и важнейшим следствием» [1, с. 63].

Таким образом, цель уголовного процесса состязательного типа с государственными обязательствами не связана, поскольку в нем отсутствует принцип публичности. Состязательное судопроизводство вообще трудно назвать формой исполнения обязанностей. Полагаем, что состязание сторон может быть формой исполнения уголовно-процессуальных обязанностей чисто условно. Не может государство уповать на победу в игре («игра» — любимая метафора сторонников состязательности). Государство должно иметь надежный метод осуществления обязанностей. Таким методом и является розыскной тип процесса (в его современной трактовке) с присущей ему системой доказательств, опирающихся на научный метод познания.

Однако при всех преимуществах розыскного типа процесса и его доказательственных технологий и ему не удастся заявить о том, что он хорошо выполняет взятые на себя обязательства по обеспечению социальной справедливости и неотвратимости наказания. К сожалению, эти обязанности выполняются плохо. Ведь об эффективности исполнения обязанности можно судить лишь по масштабу ее исполнения. А масштабы эти весьма скромные.

Закономерен вопрос: как повысить эффективность исполнения государственных обязанностей посредством уголовного процесса? Тут логично напрашиваются два подхода. Это ревизия цели и ревизия средств. В плане ревизии цели уголовного процесса ключевым является вопрос: что важнее для идеологии и технологии уголовного процесса — высокие амбиции или скромные обязанности, отвечающие реальным силам и средствам государства? Иными словами, следует ли наращивать силы или же проще сбавить намерения? Вопрос этот крайне ответственный, поскольку идеология уголовного процесса — это тоже не просто красивые слова. Каждое слово там обладает своей силой.

К сожалению, 20 лет назад законодатель принял сторону сторонников скромных целей уголовного процесса и отказался от телеологических амбиций, которые так активно и весьма продуктивно продвигал в УПК РСФСР. Вместе с уходом той амбициозной эпохи ушли и важнейшие постулаты уголовного судопроизводства. Ученых-правоведов, не пожелавших принять навязанный курс «российского либерализма», в буквальном смысле предали анафеме. В конечном итоге сформировалась весьма странная и небезобидная линия поведения, которая до сих пор находит единомышленников. Советские традиции уголовного су-

допроизводства, которые опираются не на идеологию, а на технологию, по-прежнему принято считать не меньше, чем репрессиями, а тех, кто поддерживает линию возвращения и норм УПК РСФСР в УПК РФ, предлагается подвергнуть тем же самым репрессивным воздействиям.

В этом и заключается один из парадоксов законодательства. Идеологические предрассудки вредят уголовно-процессуальной технологии. Однако не стоит забывать, что форма колеса не определяется партийными предпочтениями. Таков в своей основе и уголовный процесс. В нем есть вещи важные, которые нельзя игнорировать ни при каких обстоятельствах. Современный УПК РФ перенял весьма многое от своего советского предшественника. Процесс возвращения старых институтов происходит и сегодня. Однако в процессе этой позитивной преемственности он до сих пор не сделал важнейшего шага — не вернул в уголовно-процессуальную право амбициозную формулу задач, которая была присуща УПК РСФСР (ст. 2). «Задачи уголовного судопроизводства (часть первая): «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Проблема заниженного целеполагания находит отражение, в первую очередь, в ст. 6 УПК РФ. Эта норма выглядит достаточно скромно. Ее при всем желании нельзя назвать амбициозной. Законодатель использует обтекаемые формулировки, избегая четко определенного круга задач и высоты государственных намерений, перекликающихся с социальной справедливостью. Да и само название статьи — «Назначение уголовного судопроизводства» — вызывает немало проблемных вопросов. Современная законодательная трактовка определенно не нацеливает уголовный процесс на изобличение всех виновных и привлечения их к уголовной ответственности и не гарантирует неприкосновенности всем, кто непричастен к преступлению.

Таким образом, можно говорить о том, что идею неотвратимости наказания специально пытаются заретушировать, создают различные препятствия на пути ее официального и внятного провозглашения посредством общих норм уголовно-процессуального права. Препятствия создаются и на пути ее реализации в частных нормах УПК РФ. И одним из них нам видятся искусственно раздутые правила о недопустимости доказательств.

Государство берет на себя обязанности по защите лиц, потерпевших от преступления, обязуется восстановить нарушенные права, но в том же контексте доказательств и доказывания по уголовному делу мы видим, что не всегда уместно говорить о какой-либо реальной и объективной защите. Толкование пункта 3 ст. 75 УПК РФ сводится к тому, что субъект, ведущий процесс, должен признать недопустимыми все доказательства, полученные с нарушением закона. Причем в данном пункте не ставится вопроса о существенности такого нарушения, а это очень важно. Допустимость (равно как и недопустимость) должна основываться не только на формальных основаниях, но и на сути. Поэтому подход к допустимости, по нашему мнению, должен быть либо пересмотрен, либо дополнен. Целесообразно также отметить, что следователь, на долю которого выпало

бремя оценки доказательств, действует, в том числе, в силу внутренних убеждений, являясь процессуально независимым лицом, но такие полномочия не видны при оценке допустимости доказательств. Куда более существенное было бы указание в вышеуказанной норме на «существенные нарушения закона» [5, с. 133].

Такую позицию поддерживает В. Зажицкий, считающий, что «в процессе признания доказательств недопустимыми в УПК целесообразно использовать термин «существенные нарушения закона» [3, с. 27]. Естественно, это порождает новые неясности и добавляет оценочные понятия, но вместе с тем это существенно расширяет зону усмотрения должностных лиц и дает простор воплощению телеологических амбиций государства в стадии предварительного расследования. Но пока мы видим единообразное применение закона, касательно рассмотрения вопросов о допустимости или же недопустимости доказательств по уголовному делу, что порождает расхождение уголовно-процессуальной доктрины и судебной практики. Конечно, каждый случай и каждое уголовное дело, а вместе с тем собранные по делу доказательства сугубо индивидуальны.

В юридической науке также существует мнение, что УПК РФ стоило бы дополнить некоторыми главами по части доказывания и доказательств. Говоря о недопустимости доказательств, весьма противоречивой представляется точка зрения Б. Комлева, который предлагает законодательно закрепить главу под таким многообещающим названием как «Нарушения закона, влекущие исключение доказательств из процесса доказывания» и, соответственно, перечислить исчерпывающий перечень таких нарушений [4, с. 17]. Данное предложение трудно оценить однозначно. С одной стороны, будут существовать определенные рамки, в которых прописаны конкретные нарушения закона, являющиеся поводом для признания доказательств недопустимыми. С другой стороны, как мы уже ранее упоминали, практически невозможно предположить такой перечень, который бы охватывал любые доказательства по каждому отдельно взятому уголовному делу. Тем более, говоря о недопустимости, мы рассматриваем не только закон, но и этические нормы, а эта категория весьма спорна не только в уголовно-процессуальном праве, но и в других отраслях публичного и частного права.

Все же критерий существенности доказательств выглядит куда логичнее и указывает на ту идею, которой так недостает современному УПК РФ. Однако это не должно порождать суждений о том, что на стадии предварительного расследования будет происходить произвол со стороны должностных лиц. Допустимость доказательств с некоторыми «несущественными» нарушениями, которые не повлияли на объективную оценку обстоятельств уголовного дела, не должна подменяться обвинительной позицией следователя.

Исходя из всего вышеизложенного, хотелось бы отметить, что телеологические амбиции, выражающие идею социальной справедливости и неотвратимости наказания, пока не находят воплощения в уголовно-процессуальном праве и не отражают потребности должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Рассуждая о недопустимости доказательств и о тех процессуальных неувязках, которые возникают при исследовании доказательств, стоит сказать, что критерии существенности позволят создать благоприятные условия для эффективного исполнения государством своих обязанностей перед гражданами. Эти

нововведения не приведут к обвинительному уклону или произволу следователя, ведь исходя из принципа состязательности, такие доказательства на стадии судебного следствия также могут быть отклонены судом, что дает полноценное право на защиту. Но вместе с тем игнорирование неясности законодательных трактовок в части доказательств не обеспечивает полноценной реализации принципа неотвратимости наказания лиц, совершивших преступления.

Список литературы

1. Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. Том 1. СПб., 1884.
2. Томин В.Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Горький, 1989.
3. Зажицкий В. О допустимости доказательств // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 27.
4. Комлев Б. Нарушение закона, влекущее исключение показаний свидетеля, потерпевшего из процесса доказывания // Законность. 1997. № 12. С. 16-18.
5. Руденко А.В. Недопустимость доказательств — следствие неустранимых нарушений закона при собирании доказательств // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 2. С. 132-134.

В.А. Аммалайнен, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России, старший лейтенант полиции, г. Волгоград

ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕР СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ С ЛИЦАМИ, ОБЛАДАЮЩИМИ ПАРАПСИХИЧЕСКИМИ СПОСОБНОСТЯМИ

Возможность использования парапсихологии и, в частности, экстрасенсов в оперативно-разыскной деятельности и в ходе предварительного расследования вызывает у многих людей определенный скептицизм, что обусловлено неосведомленностью знаний в данном вопросе. Источник сомнений кроется в глубоко укоренившемся материалистическом образе мышления. Это типичная боязнь неизвестного и отсутствие рационального объяснения, из-за чего люди предпочитают просто не замечать указанную проблему.

В рамках психотроники выделяют парапсихологию как науку, исследующую пограничные области психологии, охватывающую явления восприятия (перцепции), получаемого без помощи органов чувств либо двигательного аппарата, — то есть ясновидение, в том числе предвидение, телепатию и психокинез. Парапсихологией занимались с древнейших времен, однако исследования парапсихических явлений были начаты только в XIX веке.

История парапсихологии началась с создания в Англии некоммерческой научно-исследовательской организации «Клуб привидений», целью которого было исследование паранормальных явлений — привидений.

В 1882 г. в Лондоне была создана некоммерческая общественная организация «Общество психических исследований» [1], которая действует до сих пор.

Целью создания данной организации было научное исследование явлений и человеческих способностей «психических» и паранормальных.

В 1919 г. был создан французский фонд «Международный метапсихический институт» [2], занимающимся научным изучением так называемых «паранормальных» явлений: телепатии, ясновидения, предвидения (или предчувствия) и психокинеза (или телекинеза). Он был одним из первых учреждений в мире, которые изучали эти явления с помощью строгого и открытого подхода, свободного от каких-либо религиозных или философских предубеждений.

Такого рода организации существуют по всему миру.

Специальные службы проявляют интерес к рассматриваемой сфере в связи с тем, что они находятся в поиске новых способов получения информации.

Все по-разному относятся к рассматриваемой сфере. Мы относимся к этому со скептицизмом в связи с тем, что отсутствуют доказательства, которые подтверждали бы существование сверхспособностей, но другие, напротив, считают, что существование ясновидения и телепатии доказали при помощи научных исследований и говорят, что у каждого человека есть эти способности, просто необходимо их тренировать для дальнейшего развития. Толчком к развитию может послужить болезнь, опасность, страх или другие факторы, это также может случиться самопроизвольно.

Так, 02.07.2019 Всероссийский центр изучения общественного мнения (далее — ВЦИОМ) проводил опрос о том, как россияне относятся к сверхъестественным приметам и явлениям. Проведенное исследование показало, что «за четверть века позиции россиян относительно вопросов веры в приметы, предсказания, колдовство и прочие «чудеса» стали более определенными и сместились скорее в сторону скептицизма. За последние два года резко снизилась доля тех, кто верит в существование у отдельных людей способностей к колдовству и наведению порчи (с 48% в 2015 г. до 31% в 2019 г.). На фоне этого значительно увеличилась доля тех, кто не определился со своим мнением в данном вопросе (с 8% в 2015 г. до 22% в 2019 г.). При этом около трети россиян убеждены (31%), что люди, обладающие колдовскими силами и способностями, существуют. Чаще всего такого мнения придерживаются женщины (36%)» [3].

Часто в общении мы можем услышать такие слова: экстрасенс и ясновидение. Следует рассмотреть значение этих слов.

Экстрасенс — человек, обладающий экстрасенсорным восприятием [4].

Ясновидение — получение знаний о неких событиях без использования известных органов чувств или логических суждений [5].

Некоторые считают, что ясновидение является высшей степенью предвидения. Видеть будущее, то есть знать, что произойдет завтра, что в свою очередь противоречит здравому рассудку. Возможно ли это на самом деле?

Ясновидение, если не научным способом, то на практике доказало свою значимость в деле поиска пропавших людей и предметов. Поэтому важно использовать его и другие явления парапсихологии в ходе предварительного расследования и оперативной работе. К сожалению, отсутствует официальная статистика, которая показала бы, как часто российские полицейские обращаются за помощью к экстрасенсам. Подобные явления не так часто обсуждают в сред-

ствах массовой информации, хотя, возможно, такие сведения следует популяризовать с целью дальнейшего опыта и обсуждения.

Одними из сложностей привлечения экстрасенса к расследованию уголовного дела или оперативно-разыскному мероприятию является создание правильного хода сеанса ясновидения и получение его результатов, которые зависят от ряда факторов. Некоторые считают, что не следует привлекать к такому сотрудничеству скептически настроенных лиц, так как своим биополем они могут создавать помехи и направить силы экстрасенса на тупиковый путь, таким образом, нужно создать доброжелательную атмосферу с целью усиления биополя, которое порождает усиленный поток сил.

К числу материалов, которые чаще других предоставляют экстрасенсу, являются фотографии или различного рода предметы. Как считают парапсихологи, при помощи фотографии, на которой изображен человек, можно сказать, например, о его состоянии здоровья, о характере, семье, увлечениях, даже увидеть его будущее, ведь именно фотография является самым лучшим отражением индивидуальности человека и его прошлого, а также указателем того, что его может ожидать в будущем.

К помощи экстрасенсов в большей части прибегают, когда уже средства криминалистической и оперативной техники не помогают. Чем раньше осуществится подобное сотрудничество, тем больше шансов окажется для получения положительного результата. К парапсихологии обычно прибегают, когда классические методы не принесли нужного результата, чем совершают ошибку. Еще на этапе предварительного расследования или в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий следует привлекать таких людей. Полученную информацию может принимать в качестве потенциальной версии происшествия, ее можно подвергнуть нормальной проверке — проверке ее истинности, точно так же, как проверяют любую иную версию или оперативную информацию, причем с помощью тех же самых общепринятых средств и методов.

Одной из ключевых трудностей работы правоохранительных органов с экстрасенсами является определение правового характера такого сотрудничества. Можно ли в таких случаях использовать процессуальный институт эксперта при установлении сотрудничества с таким лицом?

Экстрасенс обладает парапсихическими способностями, которые можно оценить, как специальные знания, просто они получены самопроизвольно. Если такое лицо сделает заключение, получается, что невозможно его обосновать с помощью лишь логического мышления. Может, тогда следует называть экстрасенсом-экспертом в области парапсихологии, но он все равно не будет являться экспертом с правовой точки зрения, которая базируется на научных основах логического мышления.

Допуск такого заключения в уголовный процесс повлек бы за собой не только далеко идущие последствия в юрисдикционном производстве, но нарушил бы также и основные процессуальные принципы, в том числе и принцип материальной объективной истины. Более того, такая точка зрения была бы в принципе ошибочной, так как заключение эксперта всегда служит первичным средством доказывания, а эксперт всегда представляет собой источник доказы-

вания. Каждое же информационное сообщение экстрасенса ведет всего лишь к получению средств доказывания в судебном следствии. Поэтому логично, что в данном случае институт эксперта не следует использовать.

Совсем по-другому выглядит ситуация в случае использования института специалиста, роль которого урегулирована уголовно-процессуальным законодательством. Специалист выступает в роли консультанта при производстве отдельных следственных действий, который содействует в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, обращает внимание следователя (дознателя) на обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств, дает пояснения по поводу выполняемых им действий и выполняет другие функции. Поэтому лицо, которое обладает парапсихологическими способностями, следует привлекать как специалиста.

Стоит ли допрашивать экстрасенса как свидетеля? На наш взгляд, не стоит проводить такой допрос, если он будет касаться сведений, полученных от него в ходе парапсихологического сеанса, в связи с тем, что он не сможет рационально объяснить полученные сведения и источник своих знаний и такой допрос в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации будет являться недопустимым доказательством.

Лиц с парапсихологическими способностями следует привлекать для решения следующих задач:

- в установлении места нахождения человека, искомых вещей и других значимых предметов;
- для идентификации разыскиваемого неизвестного человека (установить внешний вид, пол, возраст, род занятия и т.п.);
- прогноз времени и характера очередных преступных действий, которые совершаются одним лицом в виде серийных.

Несомненно, парапсихология открывает новые возможности в сфере борьбы с преступностью. Но не стоит забывать, что лиц, действительно обладающих парапсихическими способностями, единицы, а шарлатанов много. Не стоит ждать от экстрасенсов чуда. Полностью отказаться от помощи экстрасенсов нельзя, но привлекать их нужно в соответствии с требованиями законодательства.

Список литературы

1. The Society for Psychical Research: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thelondonpractice.com/> (дата обращения: 30.04.2022).
2. L'Institut Métapsychique International (IMI): официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.metapsychique.org/> (дата обращения: 30.04.2022).
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vera-v-neobyasnimoe-monitoring> (дата обращения: 03.05.2022).
4. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994. 907, [1] с.
5. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест; С.Ю. Головин, 1998.

С.А. Бадаев, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета им. Академика С.П. Королёва, г. Самара

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРОКУРОР» И «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ»

Прокуратура в России как государственный орган образована в период правления Петра I, с тех пор прокуратура претерпела множество преобразований. Прокурор как субъект уголовного обвинения в суде сформировался, во многом, благодаря судебной реформе 1864 г. Прокуратура в рамках уголовного процесса осуществляла в тот период надзор за расследованием уголовных дел и обвинение в суде [11]. Движущей силой уголовного процесса с того момента стала функция уголовного преследования, т.е. процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Говоря о нынешнем состоянии нормативного правового закрепления функций и статуса прокуратуры РФ, представленного ст. 129 Конституции РФ и Федеральным законом «О прокуратуре РФ», на прокуратуру возложен ряд функций, в том числе и по уголовному преследованию, которые реализуются в уголовном судопроизводстве. Подробная регламентация прокурорской деятельности закреплена в УПК РФ, анализ положений, закрепленных в УПК РФ, дает основание полагать, что от имени прокуратуры в уголовном судопроизводстве действуют два субъекта, прокурор и государственный обвинитель.

Вопрос о соотношении понятий «прокурор» и «государственный обвинитель» в судебных стадиях уголовного процесса всегда был и остается достаточно актуальным и спорным в юридической литературе. Согласно ч. 1 ст. 21 УПК РФ уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель. Но если следователь и дознаватель осуществляют функцию уголовного преследования преимущественно на досудебной стадии уголовного процесса, то в судебной стадии процесса уголовное преследование осуществляет прокурор. Однако законодатель обозначает и такого субъекта уголовного преследования как государственный обвинитель, что мы можем видеть в ст. 246, 275, 389.1, 389.12 УПК РФ.

Каково же соотношение понятий «прокурор» и «государственный обвинитель», а также их полномочий в судебных стадиях российского уголовного процесса, и что более важно?

Считаем, что для ответа на поставленные вопросы необходимо определиться с понятиями «прокурор» и «государственный обвинитель». Согласно п. 31 ст. 5 УПК РФ прокурор — это Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные Федеральным законом о прокуратуре соответствующими полномочиями.

Государственный обвинитель — это должностное лицо органа прокуратуры, поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу (п. 6 ст. 5 УПК РФ). Анализируя уголовно-процессуальные нормы (п. 6 ст. 5 УПК РФ и ст. 246 УПК РФ), можно вывести определение государственного обвинителя.

Государственный обвинитель — это представитель прокуратуры, который участвует в стадии судебного разбирательства, поддерживая государственное обвинение, так как полномочия по поддержанию обвинения реализуются только в данной стадии уголовного процесса.

Как мы уже отмечали ранее, функции уголовного преследования прокуратуры осуществляются в большей степени на судебной стадии уголовного процесса, в связи с чем необходимо понять, какова роль прокурора и государственного обвинителя в каждой стадии судебного процесса. Согласно ст. 227-239 УПК РФ, прокурор участвует на стадии подготовки к судебному разбирательству. По существу, сложно сказать, что на данном этапе разбирательства осуществляется государственное обвинение, так как судебный процесс еще не начался и ведется организационная подготовка к будущему рассмотрению дела в суде. В связи с чем возникают вопросы: каково место прокурора на данном этапе, является ли прокурор государственным обвинителем на стадии подготовки дела к судебному разбирательству или же он участвует в ином статусе?

Исследователи в области уголовного процесса и прокуратуры высказывают различные позиции по данному поводу, например, В.А. Лазарева считает, что «прокурор играет роль государственного обвинителя на всех судебных стадиях уголовного процесса, несмотря на то, что об этом прямо в УПК РФ не сказано» [8, с. 158].

В.А. Ефанова через анализ функций прокурора и государственного обвинителя приходит к выводу, что «в стадии подготовки дела к судебному разбирательству государственное обвинение продолжает существовать, но деятельность по его поддержанию государственным обвинителем не осуществляется. В этой стадии процесса участие принимает прокурор, и целью его деятельности является скорее надзор за подготовкой дела к судебному рассмотрению. Более того, в момент подготовки дела к рассмотрению государственный обвинитель, как правило, еще не назначен» [5].

Д.А. Маслова приводит необычную версию и считает, что субъектами стадии подготовки дела к слушанию со стороны обвинения должен быть и прокурор, и государственный обвинитель [10].

Считаем, что процессуальный статус прокурора в стадии подготовки уголовного дела возможно определить задачами его участия, которые опосредуются предоставленными ему полномочиями. Анализ норм УПК РФ, регламентирующих полномочия прокурора в этой стадии процесса, позволяет сделать вывод, что задачами его участия являются: не допустить признания представленных стороной обвинения доказательств без надлежащего обоснования недействительными; предотвратить необоснованность возвращения дела прокурору; не допустить его незаконного приостановления или прекращения и др. (ст. 228

УПК РФ). Сложно определить перечисленные функции как исключительно функции государственного обвинителя, или прокурора.

Относительно функции и статуса прокурора в судебном разбирательстве большинство исследователей придерживаются мнения, что прокурор в данном случае осуществляет функцию уголовного преследования в форме поддержания обвинения и имеет статус государственного обвинителя [6, 7, с. 89; 8, с. 33]. Вместе с тем до настоящего времени еще остаются недостаточно четко урегулированными вопросы о роли прокурора (как руководителя прокуратуры) в судебном разбирательстве уголовного дела и о процессуальной самостоятельности государственного обвинителя.

По первому вопросу в общих и специальных нормах Уголовно-процессуального кодекса имеются существенные противоречия. Так, согласно ч. 3 ст. 37 УПК РФ «в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность», а в соответствии с ч. 4 этой же статьи он же вправе «...отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения». Учитывая, что согласно ч. 5 данной статьи «полномочия прокурора, предусмотренные настоящей статьей, осуществляются прокурорами района, города, их заместителями, приравненными к ним прокурорами и вышестоящими прокурорами», то субъектом поддержания обвинения и отказа от него законодатель называет прокурора как руководителя прокуратуры того или иного звена. Вместе с тем в ст. 246 УПК РФ, регламентирующей вопросы участия государственного обвинителя в судебном разбирательстве, используется понятие «прокурор» как должностное лицо органа прокуратуры (п. 6 ст. 5 УПК РФ), при этом в ст. 54 Федерального закона о прокуратуре дано определение прокурора и прокурорских работников. Данное определение не соотносится с концепцией, урегулированной в УПК РФ, согласно данной статье, прокурор — это Генеральный прокурор его заместители и помощники, нижестоящие прокуроры и их заместители и помощники. При этом дальше следует понятие прокурорского работника, а именно: прокуроры, а также другие работники органов и организаций прокуратуры, имеющие классные чины (воинские звания); в связи с этим не ясно, государственный обвинитель — это прокурор или прокурорский работник. Исходя из смысла ст. 54 ФЗ о прокуратуре прокурорами в судебном заседании могут выступать и прокуроры управлений и отделов, и старшие помощники, и помощники прокуроров.

Противоречия в определениях, данных в перечисленных нормативных правовых актах, вызывает вопросы, кто же на самом деле распоряжается обвинением в суде, и наталкивает на мысль, что государственный обвинитель, в случае если это помощник прокурора, несамостоятелен в поддержании обвинения и выступает как бы связующем звеном между мнением прокуратуры и судебным процессом.

Анализ судебной практики показывает, что в 93% рассматриваемых судом первой инстанции уголовных дел государственное обвинение поддерживают

старшие помощники и помощники¹. Для устранения данного противоречия следовало бы привести в соответствие определения данные в УПК РФ и в ФЗ «О прокуратуре», а также ч. 3 ст. 37 УПК РФ дополнить указанием на то, что обвинение в судебном заседании осуществляет прокурор, а также по поручению прокурора старший помощник и помощник прокурора.

Что же касается отказа от обвинения как составляющей функции уголовного преследования, то решение этого вопроса связано с отношением к идее процессуальной самостоятельности государственного обвинителя при поддержании государственного обвинения. По данному вопросу в юридической литературе нет единого мнения.

В.А. Лазарева в работе «Прокурор в уголовном процессе» приводит мнение, что государственный обвинитель в роли помощника прокурора несамостоятелен в принятии решения об отказе от обвинения. «Поскольку, как правило, обвинение в судах поддерживают помощники прокурора, подчиняющиеся ему в силу Закона о прокуратуре, они обязаны согласовывать с прокурором любое отклонение от государственного обвинения, направленного в суд». Исследователь далее пишет, что позиция Генеральной прокуратуры РФ требует от государственного обвинителя, у которого в судебном процессе позиция расходится с (обвинительным актом), согласовывать свое решение с прокурором, который дал поручение на поддержание обвинения по делу. Возникает еще одна проблема в уголовном процессе, от которой зависит количество отказов государственных обвинителей от обвинения. Проблема заключается в том, что обвинительный акт проверяет один прокурорский работник, утверждает прокурор, а поддерживает обвинение, как правило, помощник прокурора, который ранее незнакомился с материалами дела.

«Как видим, государственный обвинитель, мнение которого формируется на основе непосредственного исследования в суде доказательств, не самостоятелен в выборе позиции по делу, ему не дано право распоряжаться государственным обвинением. Государственное обвинение — функция официальной обвинительной власти, поэтому его изменение или отказ от него также должны исходить от официального лица, имеющего право распоряжаться обвинением» [9].

Г.Н. Королев предлагает закрепить принцип процессуальной самостоятельности участников уголовного судопроизводства в УПК РФ. «Его суть заключается в возможности и способности принятия тем или иным органом государственной власти самостоятельного решения в процессе реализации права в форме применения. При этом предполагается, что данные решения не должны нуждаться в санкционировании или утверждении другим должностным лицом или государственным органом» [6, с. 75-76]. Действие этого принципа должно распространяться на всех участников уголовного процесса, в том числе и на государственного обвинителя.

Решение этой проблемы видится в более четком определении компетенции прокурора и государственного обвинителя относительно государственного обвинения. В соответствии с ч. 5 ст. 37 УПК РФ утверждение государственного обвинения и направление материалов дела в суд с требованием привлечь лицо

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.05.2022).

к уголовной ответственности относится к компетенции прокурора или его заместителя. Прокурор должен решать судьбу государственного обвинения и в необходимых случаях отказываться от него, тогда как государственный обвинитель, являясь должностным лицом органа прокуратуры, наделенный полномочиями по поддержанию государственного обвинения (п. 6 ч. 1 ст. 5 и ч. 2, 4 ст. 246 УПК РФ), должен иметь полномочие по отказу от поддержания обвинения.

Позиция Генеральной прокуратуры РФ выраженная, в приказе от 30 июня 2021 г. «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» № 376 в п. 3.4 «При существенном расхождении позиции государственного обвинителя с позицией, выраженной в обвинительном заключении (акте, постановлении) или постановлении, докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение» и п. 3.10 «Исходить из того, что государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств мотивированные отказ от обвинения, изменение обвинения в сторону смягчения представлять суду в письменной форме». Анализ указанных положений вызывает вопрос, государственный обвинитель подает мотивированный отказ от обвинения, изменения обвинения в сторону смягчения суду сразу, или он все-таки сначала должен согласовать его с прокурором, поручившим поддерживать государственное обвинение? Исходя из логики, а также положений прежней редакции приказа Генеральной прокуратуры РФ № 185 п. 4, можем предположить, что государственный обвинитель в случае решения об отказе от обвинения в любом случае должен сначала согласовать свою позицию с прокурором, поручившим обвинение, а нарушение данного принципа повлечет, возможно, дисциплинарную ответственность сотрудника.

Для более четкого законодательного закрепления полномочий по отказу государственного обвинителя от поддержания обвинения следует в приказе Генеральной прокуратуры № 376 от 30 июня 2021 г. подробнее урегулировать процедуру отказа государственного обвинителя от обвинения, и ч. 7 ст. 246 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, то он отказывается от поддержания обвинения, излагая суду мотивы отказа и незамедлительно докладывая об этом прокурору. При согласии с позицией государственного обвинителя прокурор направляет в суд заявление об отказе от обвинения. В случае принципиального несогласия с позицией государственного обвинителя в соответствии со статьей 246 УПК РФ прокурор должен решить вопрос о замене государственного обвинителя либо самому поддерживать государственное обвинение. Полный или частичный отказ прокурора от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего кодекса». В аналогичном порядке должен решаться вопрос и об изменении объема обвинения в сторону смягчения.

В завершение анализа приходим к выводу, что прокурор и государственный обвинитель имеют разный правовой статус в уголовном судопроизводстве, но при определенных обстоятельствах могут и должны выступать самостоятельными субъектами судебного разбирательства, наделенными соответствующими полномочиями: прокурор — давать поручение по поддержанию обвинения, отказываться от обвинения; государственный обвинитель — поддерживать обвинение в суде с использованием предоставленных ему полномочий по участию в исследовании и представлении доказательств, в прениях сторон и т.д., отказываться от поддержания обвинения. Полагаем, что предложенные законодательные изменения должны способствовать совершенствованию процессуальных статусов прокурора и государственного обвинителя, а также укреплению института государственного обвинения в российском уголовном процессе.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. 30.04.2021, с изм. от 13.05.2021). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (последняя редакция) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>
4. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 30 июня 2021 г. № 376 // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>
5. Ефанова В.А. Прокурор как субъект государственного обвинения // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2012. № 1 (12).
6. Королев Г.Н. Теоретические и правовые основы осуществления прокурором уголовного преследования в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005.
7. Лукожев Х.М. Проблемы поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 89.
8. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие. М., 2011. С. 158.
9. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. С. 54-61.
10. Маслова Д.А. Возбуждение и поддержание государственного обвинения в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. С. 148-171.
11. Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1964 года. С изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/372593>

А.И. Григорьев, соискатель кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ТРЕБУЮЩИХ ПОЛУЧЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ

В силу ч. 1 ст. 165 УПК РФ для проведения осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложения ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, следователю или дознавателю нужно получить судебное решение, разрешающее провести данные следственные действия.

Но согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ в исключительных случаях, когда производство этих следственных действий не терпит отлагательства, следователь производит указанные действия только на основании своего постановления.

При этом следователь в течение 3 суток с момента начала следственного действия обязан уведомить о его проведении судью и прокурора, с приложением копий постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия.

А. Черушева отмечает, что судебной проверке подлежат законность решения следователя, дознавателя о производстве следственного действия и соблюдение норм УПК РФ при его проведении [6].

Вместе с тем УПК РФ, предоставляя следователю или дознавателю возможность провести перечисленные действия без судебного разрешения, не дает ответа на очень серьезный вопрос: что необходимо понимать под «исключительным случаем, не терпящим отлагательства?».

Н.А. Колоколов, исследуя эту проблему, еще в 2008 г. задавал вопрос: об отлагательствах на какой срок идет речь? Отвечая на него, автор писал, что это время, необходимое следователю для подготовки постановления о проведении следственного действия, получения согласия руководителя следственного органа на проведение, обращения в суд за разрешением, судебного разбирательства.

Если провести следственное действие на основании судебного решения решил дознаватель, то до суда ему нужно посетить прокурора.

Как показывает практика, получение судебного решения занимает несколько дней. За этот срок могут быть уничтожены любые доказательства. Поэтому если следственные действия нужно провести оперативно, следователь (дознаватель) вправе применить ч. 5 ст. 165 УПК РФ [2].

И.Г. Савицкая, обращаясь к данной проблеме, также указывает, что в уголовно-процессуальном законе не раскрывается понятие «случаи, не терпящие отлагательства», что вызывает оживленные дискуссии как среди ученых, так и среди практиков. Констатируя наличие данной проблемы, названный автор приходит к обоснованному выводу, что произвольное толкование следователем (дознавателем) «исключительных случаев», в которых в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ возможно проведение следственных действий в жилище без получения

судебного решения, ввиду отсутствия их перечня в УПК РФ может привести к необоснованному производству осмотра, обыска или выемки без наличия достаточных к тому оснований [4].

Кроме вопроса о единообразном понимании термина «случаи, не терпящие отлагательства», Н.А. Колоколов обоснованно ставит другой: в каких ситуациях следователи (дознаватели) вправе провести следственные действия, затрагивающие личную жизнь человека и гражданина, без судебного решения?

По его мнению, это допустимо в следующих случаях:

- если их неотложность вызвана только что произошедшим преступлением;
- необходимость пресечения случайно выявленной преступной деятельности;
- когда необходимость в немедленном проведении следственного действия возникла внезапно [2].

Раскрывая понятие «случая, не терпящего отлагательства», А. Соловьев приводит следующие ситуации:

- когда ситуация возникла неожиданно и вытекает из динамики расследования;
- ситуация обусловлена дефицитом времени для принятия решения;
- промедление с проведением следственных действий может повлечь тяжкие последствия: продолжение преступной деятельности, утрату или сокрытие важных доказательств и т.д. [5].

Являются ли обстоятельства не терпящими отлагательства, определяется исходя из конкретной ситуации.

Например, приговором Волгоградского областного суда от 17.02.2015 Михин А.А. был осужден по ч. 1 ст. 222, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1, ст. 317 УК РФ.

Не согласившись с приговором Волгоградского областного суда, осужденный Михин А.А. и его защитник подали апелляционную жалобу, в которой, кроме иных доводов, указали на незаконность проведения обыска в жилище по месту регистрации Михина А.А.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пришла к следующему: 13.02.2013 следователь принял решение о проведении обыска в жилище по месту регистрации Михина А.А. Данное следственное действие было возможно произвести без получения судебного решения.

Обыск был начат в 0 часов 45 минут 14.02.2013, о чем председатель суда Дзержинского района г. Волгограда был следователем официально уведомлен с приложением копии постановления о производстве обыска и его протокола. Постановлением судьи указанное следственное действие признано законным¹. По результатам рассмотрения жалобы обоснование судом первой инстанции приговора данным протоколом обыска было признано обоснованным.

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 20.05.2015 по делу № 16-АПУ15-6СП // СПС «КонсультантПлюс».

Очевидно, что в данной ситуации проведение обыска в жилище не требовало отлагательства, поскольку промедление в производстве следственного действия могло вызвать утрату находящихся в месте жительства подозреваемого доказательств.

Вместе с тем Н.А. Колоколов обоснованно указывал, что понятие «исключительность случая» должно быть определено законодательно [2]. Впоследствии для решения указанной проблемы Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 Постановления «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)» № 19 от 01.06.2017¹ дал такое толкование данному понятию. К исключительным случаям, в которых производство следственного действия не могло быть отложено, относятся, например, ситуации, когда необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления; промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться; возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления; имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела.

Как следует из толкования, данного Н.А. Колоколовым и А. Соловьевым, и указанного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, конкретный перечень «случаев, не терпящих отлагательства» выработать просто невозможно. Именно поэтому названными авторами, а впоследствии и Пленумом сформулированы исключительно общие требования, которым должна отвечать формулировка «случай, не терпящий отлагательства».

Однако все примерные ситуации, подпадающие под понятие «случая, не терпящего отлагательства», объединяет одна общая черта — промедление с производством названных следственных действий может повлечь утрату или необратимые изменения следов преступления, предметов, документов, которые могут быть признаны доказательствами.

По нашему мнению, при производстве таких следственных действий без судебного разрешения с последующим уведомлением прокурора и суда допустимость полученных таким образом доказательств зависит и от мастерства следователя или дознавателя убедить суд в том, что случай действительно был исключительным и не терпел отлагательства.

Второй проблемой, вытекающей из содержания ч. 5 ст. 165 УПК РФ, являются сроки уведомления следователем или дознавателем прокурора и суда о проведении следственного действия. Анализ этой нормы УПК РФ дает основание сделать вывод, что она не лишена недостатков. Так, следователь обязан в течение 3 суток с начала проведения следственного действия уведомить прокурора и судью о его проведении, приобщив к уведомлению копии постановления о проведении следственного действия и протокола следственного действия. Однако возможны случаи, когда следователь по техническим причинам не может

¹ Российская газета. 2017. 9 июня.

этого сделать. Или если следственное действие длится более 3 суток. Сложности могут возникать, когда составление протокола требует нескольких часов после окончания длительного по времени следственного действия.

Н.А. Колоколов отмечает, что в таком случае сущность судебного контроля остается неизменной, появляются лишь основания говорить об определенных его особенностях [2].

Очевидно, что для решения проблемы своевременного уведомления следователем или дознавателем прокурора и судьи о производстве таких следственных действий Федеральным законом № 375-ФЗ от 06.07.2016 г. «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»¹ был установлен новый срок уведомления следователем или дознавателем судьи и прокурора о производстве следственного действия, который составил уже не 24 часа, как это было ранее, а 3 суток с момента его начала.

По всей видимости, устанавливая в ч. 5 ст. 165 УПК РФ обязанность следователя или дознавателя уведомить судью и прокурора о проведении следственного действия не позднее 3 суток с момента начала его производства, законодатель исходил из следующего. Он полагал возможным за 3 суток провести следственное действие от начала и до конца, упаковать и опечатать найденные предметы, документы, ценности, составить протокол следственного действия с самым подробным указанием его хода и результатов.

При этом сложившаяся практика показывает, что протокол следственного действия в большинстве случаев начинают составлять в ходе его проведения, а заканчивают после его окончания. Поэтому чаще всего после проведения следственного действия время необходимо именно для завершения составления протокола.

Вместе с тем непонятно, по какой причине законодатель в ч. 5 ст. 165 УПК РФ отталкивается именно от момента начала производства следственного действия. Безусловно, в подавляющем большинстве случаев 3 суток — достаточный срок для проведения всех действий, указанных в данной норме. Однако она не исключает редкие, но имеющие место быть ситуации, когда следственное действие может длиться более 3 суток (например, при производстве обыска предполагается найти незаконно хранящиеся боеприпасы или наркотические вещества в домовладении, включающем в себя большой дом и надворные постройки). Таких ситуаций законодатель не предусмотрел. Исходя из этого, в таких ситуациях правоприменитель вынужден проводить следственные действия, указанные в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, с оглядкой на время. Вместе с тем в УПК РФ не должен связывать правоприменителя по времени даже в таких, казалось бы, невероятных случаях.

Именно поэтому, на наш взгляд, представляется более логичным отталкиваться именно от момента окончания следственного действия. В этой связи положения ч. 5 ст. 165 УПК РФ можно предложить изменить, предусмотрев обязанность следователя (дознавателя) уведомить прокурора и суд, предоставив копии постановления о производстве следственного действия, протокола след-

¹ Российская газета. 2016. 11 июля.

ственного действия, а в случае применения технических средств — также магнитного носителя, на котором зафиксированы ход и результаты следственного действия, в течение 24 часов с момента его окончания. Очевидно, что этого времени достаточно для завершения составления протокола следственного действия, подготовки уведомления о проведении следственного действия, копий постановления о производстве следственного действия и его протокола, а также для перезаписи фотографий, видеозаписи и (или) киносъемки хода и результатов следственного действия с одного магнитного носителя на другой в случае применения технических средств, с последующим направлением названных уведомлений и приложений к нему прокурору и судье.

При этом, обобщая следственную практику, О.Я. Баев отмечает, что время между завершением производства следственного действия и составлением протокола должно быть минимальным [1]. Развивая мнение данного процессуалиста, а также А.П. Рыжакова [3], отметим, что данный разрыв не должен составлять более нескольких часов. При этом какие-либо иные процессуальные действия следователем или дознавателем, обязанным составить протокол, в это время проводиться не должны.

Таким образом, 24 часов с момента непосредственного окончания проведения следственного действия должно быть достаточно и для самой трудоемкой части работы — составления протокола следственного действия, если его составление не требует длительного времени, или окончания его составления.

Данные изменения в ч. 5 ст. 165 УПК РФ позволят значительно снизить число нарушений уголовно-процессуального закона, связанных со сроками уведомления прокурора и суда о проведении следственных действий, указанных в этой норме, без судебного разрешения.

В связи с изложенным часть 5 ст. 165 УПК РФ можно предложить изменить, изложив ее в следующей редакции: «5. В исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество, указанное в части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения. В этом случае следователь или дознаватель не позднее 24 часов с момента окончания производства следственного действия уведомляет судью и прокурора о производстве следственного действия. К уведомлению прилагаются копии постановления о производстве следственного действия, протокола следственного действия, а в случае применения технических средств и магнитный носитель, на котором зафиксированы ход и результаты следственного действия» — и далее по тексту.

Список литературы

1. Баев О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности): научно-практическое издание. М.: Прометей, 2017.
2. Колоколов Н.А. Граница для следователя // ЭЖ-Юрист. 2008. № 44.

3. Рыжаков А.П. Уголовный процесс: учебник для вузов. Изд. 11-е, испр. и доп. М., 2017.
4. Савицкая И.Г. К вопросу об этической стороне проведения осмотра, обыска и выемки в жилище // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 1. С. 118-122.
5. Соловьев А. Обеспечение обоснованности проведения осмотра жилища, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства // Уголовное право. 2004. № 2. С. 103-104.
6. Черушева А. Предмет судебного контроля при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и процессуальные решения следователя, дознавателя и прокурора // Законность. 2019. № 8. С. 59-62.

Я.И. Ильиных, курсант 2 курса Пермского института ФСИН России, г. Пермь

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В Российской Федерации основным законом, а именно Конституцией РФ определены общие принципы и правила осуществления правосудия. В частности, в ст. 118 указано, что «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом», ст. 120 гласит: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону», а ч. 3 ст. 123 определяет, что «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон».

Однако, как показывает практика, данных конституционных норм придерживаются далеко не все субъекты, вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства. Есть лица, которые препятствуют осуществлению правосудия, в том числе и незаконными способами. Такое явление носит название «противодействие расследованию преступлений».

Анализ данного термина целесообразно начать с рассмотрения филологической сути подобных определений, наряду с такими терминами как «коллизия», «конфликт», «соперник».

Д.Н. Ушаков дает следующее определение понятия «противодействие»: это действие, служащее препятствием к проявлению, развитию другого действия [1, с. 398]. В словаре С.И. Ожегова встречается следующее определение рассматриваемого термина: «противодействовать» означает «препятствовать, бороться против кого, либо чего-нибудь» [2, с. 698]. В современном понимании «противодействовать» — «перечить, идти наперекор, мешать и стараться уничтожить другое действие».

Поскольку противоборствовать — значит вступать с кем-либо в конфликтные отношения, рассмотрим филологическое значение термина «конфликт». С.И. Ожегов определяет конфликт как «столкновение, серьезное разногласие, спор» [2, с. 587]. Большая Советская энциклопедия говорит об этом так: «Кон-

фликт (от лат. *Conflictus* — столкновение) — столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений, серьезное разногласие, острый спор, влекущие за собой более сложные формы борьбы [3, с. 487].

Если суммировать общее в этих определениях, то неизбежен вывод о том, что конфликт подразумевает столкновение, серьезное разногласие, приводящее к борьбе. Заметим, что противоречие — это еще не конфликт, не противоборство. Только при достижении особой остроты противоречие может перерасти в противоборство.

Анализ приведенных определений позволяет сделать вывод о том, что «конфликтовать» — значит противодействовать, мешать другой стороне добиться противоположных целей, уничтожить результат другого действия, исходящего от соперника.

В научной и учебной литературе существует ряд точек зрения авторов на предмет того, что собой представляет «противодействие расследованию». Так, В.Н. Карагодин считает, что «противодействие предварительному расследованию — умышленные действия (система действий и бездействия), направленные на воспрепятствование установлению объективной истины по уголовному делу и достижению других задач предварительного расследования» [4, с. 176].

Р.С. Белкин, исследовав содержание рассматриваемого понятия, справедливо отмечал, что если раньше под противодействием расследованию подразумевали «преимущественно различные формы и способы сокрытия преступлений, то теперь это понятие наполнилось более широким содержанием и может быть определено как умышленная деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и, в конечном счете, установлению истины по уголовному делу» [5, с. 342].

Ученые И.М. Лузгин и В.П. Лавров изначально как противодействие расследованию рассматривали «сокрытие преступления, социально значимый акт, когда преступник осознает общественную опасность и противоправность деяния и стремится избежать ответственности за содеянное» [6, с. 115].

А.В. Кучеров противодействием предварительному расследованию считает «умышленные действия или бездействие, осуществляемые заинтересованными субъектами, направленные на воспрепятствование предварительному расследованию с целью недопущения его всесторонности, полноты и объективности путем воздействия на информацию о преступлении и ее носители» [7, с. 173].

Как видим, несмотря на некоторое различие формулировок, приведенные дефиниции практически равнозначны. Как представляется, они полно и точно отражают сущность рассматриваемого явления.

Исходя из представленных определений, можно сделать вывод о том, что главной задачей противодействия расследованию, является нарушение нормальной деятельности органов следствия, снижения ее эффективности, воспрепятствование изобличению тех или иных лиц, выведение из уголовного процесса определенных соучастников преступления и т.д. В связи с этим противоправное воздействие, как правило, большей частью оказывается на организационно-правовые отношения субъектов расследования — участников уголовного про-

цесса (потерпевших, свидетелей, обвиняемых, подозреваемых, экспертов, понятых, следователей, оперативных работников, судей), а также на лиц, прямо не причастных к расследуемому событию (например — журналистов, освещающих ход расследования).

Взяв за основу дефиницию В.Н. Карагодина и несколько дополнив ее рядом элементов, предложим следующее определение термина «противодействие расследованию»: это умышленные действия (бездействия) заинтересованных лиц, обусловленные несоответствием их целей задачам следствия и дознания и направленные на воспрепятствование решению задач расследования и установлению объективной истины по уголовному делу.

Противодействие предварительному расследованию в конечном итоге всегда обращено к органам дознания или следствия, хотя может начинаться еще до начала расследования и продолжаться после его окончания. Ситуация без противодействия следствию характеризуется отсутствием или небольшим числом препятствий к выполнению следственных действий, полным или частичным совпадением главных интересов участников процесса в деятельности по установлению истины. Такая бесконфликтная ситуация характерна тем, что при этом существуют временные совпадения в достижении целей. Такие совпадения целей бывают, например, при допросе следователем добросовестного свидетеля, когда и следователь, и свидетель стремятся как можно объективнее познать расследуемое событие.

Ситуации же противодействия возникают тогда, когда недобросовестные свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые или иные лица по различным причинам заинтересованы в неправильном, необъективном восприятии события следователем. В результате между указанными участниками процесса в ходе общения формируются отношения противоборства.

Лица, совершившие преступления, всячески противодействуют органам расследования в их изобличении, причем противодействие может быть оказано по любому преступлению, совершенному как умышленно, так и по неосторожности.

В связи с этим предупреждение и нейтрализация противодействия по сути своей является не механическим набором приемов, а работой, основанной на анализе криминальной ситуации, оперативной обстановки и материалов уголовных дел.

Отметим, что возможность осуществлять противодействие следствию подозреваемыми и обвиняемыми в пределах допустимого уголовно-процессуальным законом является их правом, используемым для защиты своих интересов. Противодействие обвиняемого, выражаемое в таких формах, как отказ от дачи показаний, дача ложных показаний, непризнание своей вины, выбор адвоката, — это реализация им права на защиту, закрепленное Конституцией РФ и Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее — УПК РФ). Однако в последние годы противодействие стало проявляться и в иных формах, отличающихся своей противоправностью и изощренностью. Становятся нередкими случаи, когда проти-

водействие расследованию оказывают лица, в чьих интересах данная процедура осуществляется (потерпевшие, свидетели, гражданские истцы).

Разнообразны не только формы противоправного вмешательства в ход расследования, но и субъекты противодействия: организаторы, исполнители преступлений, их родственники и близкие, должностные лица государственных и общественных организаций, свидетели и потерпевшие, сотрудники правоохранительных органов, эксперты и ревизоры, специалисты и другие лица.

Например, в практике расследования уголовных дел в сфере экономической деятельности распространены случаи, когда в результате неприятия своевременных мер по изъятию финансово-хозяйственной документации предприятия, находящиеся на свободе должностные лица юридических лиц уничтожали указанные документы как в печатном, так и в электронном виде, поскольку последние содержали в себе сведения о совершенном преступлении.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что «противодействие», как категория, есть выражение одной из объективных закономерностей борьбы двух противоположностей. Применительно к социальным системам противодействие получает свое развитие там, где происходит столкновение интересов групп или отдельных людей. Противодействие объективно существует и в сфере уголовного судопроизводства, поскольку событие преступления обычно находится в фокусе противоборствующих интересов. Под противодействием расследованию следует понимать умышленные действия (бездействие) заинтересованных лиц, обусловленные несоответствием их целей задач следствия и направленные на воспрепятствование решению задач расследования и установлению объективной истины по уголовному делу. Противодействие направлено на органы дознания как до, во время, так и после предварительного расследования.

Данная деятельность (по большей части противозаконная) направлена как на должностных лиц, причастных к процедуре расследования конкретного уголовного дела, так и на саму уголовно-процессуальную деятельность в целом. Противодействие обвиняемых (подсудимых) может выражаться и в законных формах (например, отказ от дачи показаний, дача ложных показаний и т.д.), и в противозаконных формах, в отдельных случаях представляющих собой самостоятельные преступления (например, воспрепятствование осуществлению предварительного следствия, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное следствие и т.д.).

Список литературы

1. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. Ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. Изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. 4 т. С. 398.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова. М., 1949-1992. 987 с.
3. Большая Советская Энциклопедия. Третье издание. 1978. 1025 с.
4. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1992. С. 176.

5. Белкин Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учебник. М., 1997. 435 с.

6. Лузгин И.М., Лавров В.П. Способ совершения преступления и его криминалистическое значение. М.: Академия МВД СССР, 1980. 231 с.

7. Кучеров А.В. Противодействие расследованию по делам о военных преступлениях и методы его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 198 с.

К.Е. Лукашенко, курсант 3 курса Сибирского юридического института МВД России, г. Красноярск

ПРОВОКАЦИЯ ВЗЯТКИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Осуществление оперативными сотрудниками борьбы с преступлениями коррупционной направленности и, прежде всего, с фактами получения взяток может сопровождаться их желанием любой ценой достичь личных показателей в оперативно-служебной деятельности и результатов в выявлении и расследовании данных преступлений. Это не исключает нарушения законности, наличия негативных субъективных факторов, связанных с правоприменением, которые в отдельных случаях сопровождаются активными провокационными действиями.

В рамках исследования оперативно-розыскной провокации особое место занимает вопрос, посвященный рассмотрению уголовно-правовой квалификации действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию [1, с. 56].

В настоящее время недостаточно хорошо разработан вопрос особенностей уголовно-правовой квалификации действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию.

Оперативно-розыскное законодательство содержит прямой запрет на подстрекательство, склонение, побуждение в прямой и косвенной форме к совершению противоправных деяний (провокация) и фальсификацию результатов ОРД (ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД). За осуществление провокационных действий при выявлении фактов взяточничества предусматривается уголовная ответственность по ст. 304 УК РФ «Провокация взятки либо коммерческого подкупа».

Зачастую законные меры, предпринимаемые сотрудниками правоохранительных органов, расцениваются как провокация взятки. Ошибки при оперативных мероприятиях, в свою очередь, препятствуют выявлению реальных злоумышленников, затрудняя борьбу с коррупцией в целом.

Следует отметить, что Федеральный закон «О противодействии коррупции» не содержит определения «провокация», таким образом, можно сделать вывод, что антикоррупционное законодательство не признает провокацию как антикоррупционный элемент.

Отражение понятия «провокация» мы можем найти в Уголовном кодексе РФ. Под провокацией взятки понимается создание таких условий, при которых потерпевший вынужден выполнить определенные действия по замыслу преступника. Важной отличительной чертой провокации взятки является то, что потерпевший не просил дать ему взятку и отказывался от нее. Иначе такое деяние квалифицировалось бы как вымогательство и ответственность за него предусматривалась бы ст. 163 Уголовного кодекса [2].

Можно привести пример провокации взятки из судебной практики. Например, Пегливанян Н.С., получив отказ от инспекторов взвода в составе ОБ ДПС ГИБДД Управления МВД России Приходько А.И. и Завражного А.А. принять взятку в виде денег за незаконное бездействие, имея умысел на провокацию взятки, указал Гаращук А.С. сделать собственноручную запись, не соответствующую действительности в протоколе об административном правонарушении в отношении нее о том, что сотрудники ДПС вымогали взятку за несоставление протокола. После того, как Гаращук А.С. выполнила требования Пегливанян Н.С., последний, продолжая реализовывать свой преступный умысел на провокацию взятки, подошел к патрульной машине и, открыв переднюю пассажирскую дверь, достал из салона автомобиля 3 билета Банка России, достоинством 100 рублей, которые он ранее положил под переднее пассажирское сидение, разложил их на крыше патрульного автомобиля, после чего, продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на провокацию взятки, в присутствии Гаращук А.С., а также Костенко М.Ю. и Ковалева А.П., приглашенных инспекторами ДПС для участия в качестве понятых в сборе и составлении материала об административном правонарушении Гаращук А.С., с целью искусственного создания доказательств якобы совершенного инспекторами ДПС Завражным А.А. и Приходько А.И. преступления стал осуществлять видеозапись на не установленное следствием записывающее устройство извлеченных им из патрульного автомобиля денежных средств и комментировать их обнаружение, указывая, что инспектора ДПС Приходько А.И. и Завражный А.А. потребовали взятку в размере 1 500 рублей, после чего забросил указанные денежные средства через приоткрытое окно передней пассажирской двери в салон патрульного автомобиля инспекторов ДПС Завражного А.А. и Приходько А.И. [3].

В представленном примере наглядно показано наличие состава провокации даже в том случае, когда должностное лицо не принимало предмет взятки.

Любое лицо, занимающее должность с управленческими или административно-хозяйственными функциями, нередко сталкивается с предложением вознаграждения за совершение различных действий в пользу конкретных лиц или организаций. Провокация получения взятки становится обычным делом, в том числе и во всех инстанциях.

Особенно часто такая ситуация возникает у должностных лиц, действительно честно и добросовестно исполняющих свои служебные обязанности, сводя к минимуму все возможные злоупотребления ими [4].

Вознаграждение может предлагаться как за противозаконные действия или бездействие в интересах взяткодателя, так и в виде благодарности за уже решен-

ный в законном порядке вопрос. Любое принятие награды в этой ситуации повлечет наступление ответственности по соответствующей части ст. 290 УК РФ — то есть получение взятки [2].

Провокатор может попытаться дать взятку ценными бумагами, деньгами и прочим ценным имуществом.

С целью повышения показателей раскрываемости преступлений о взяточничестве, сотрудники правоохранительных органов часто пользуются не всегда честными методами, в числе которых и провокация получения взятки госслужащим или чиновником.

К подозреваемому во взяточничестве должностному лицу подсылается заранее проинструктированный человек, который сперва дожидается от чиновника предложений в решении заведомо незаконного вопроса за деньги, а потом сам начинает ненавязчиво намекать об этом.

Примером может стать случай, когда должностному лицу передается кейс с документами. Но вместо документов в нем находятся деньги. При получении кейса должностное лицо задерживается. Провокация заключается в том, что должностное лицо умышленно вводится в заблуждение о содержимом кейса и только поэтому принимает его. Чтобы создать видимость взятки, передачу кейса осуществляет агент, проговаривающий под аудиозапись заранее подготовленный текст: «я вам принес», «как мы договаривались», «как вы просили» и т.п. Таким образом, против должностного лица совершается не только провокация взятки в виде передачи денег без его согласия, но и фальсификация результатов ОРМ, поскольку у него отсутствовал умысел на получение взятки.

Судебная практика по делам о провокации взятки пока недостаточно разработана и суды по идентичному вопросу нередко выносят противоположные решения.

Для того чтобы лицо было привлечено к ответственности за провокацию взятки, суд должен проверить два обстоятельства [5, с. 144]:

- была ли у сторон предварительная договоренность принять предмет дара (она должна отсутствовать);
- выражал ли согласие взяткополучатель на получение взятки (не должно быть согласия получателя для того, чтобы преступление было квалифицировано как провокация).

При этом сама попытка дать взятку может как привести к успеху, так и закончиться неудачно. Достижение поставленной злоумышленником цели не является составом преступления. Провокация может быть признана преступлением еще до фактической передачи денег.

Если лицо после передачи денег потребует от должностного лица выполнить определенные действия, то такое преступление будет квалифицировано уже как дача взятки, а не как провокация.

Важно, что должностное лицо не должно соглашаться на получение взятки и нужно отказать провокатору в выполнении его просьбы. Деньги могут быть положены на стол, в документы или помещены в карман должностному лицу, но

он не должен совершать каких-либо действий, даже косвенно свидетельствующих о согласии с этим [5, с. 144].

Чтобы не стать жертвой провокации взятки, нужно, в первую очередь, не брать взятку, а о любых попытках подкупа следует немедленно сообщить руководству, как предписывают служебные инструкции и закон.

Поскольку для должностного лица всегда существует риск совершения в отношении него подстрекательства или провокации взятки, и чтобы ему обезопасить себя от таких негативных проявлений, достаточно придерживаться простых для соблюдения правил, основными из которых являются следующие [6, с. 51]:

- 1) стараться всегда вести прием посетителей, обращающихся за решением каких-либо личных или служебных вопросов, в присутствии других лиц;
- 2) если есть возможность, поставить стул для посетителей подальше от своего рабочего стола;
- 3) содержать стол в чистоте, убрать с рабочего стола документы и другие предметы, под которые можно незаметно положить деньги;
- 4) если должностному лицу против его воли пытаются передать денежные средства, вручить какой-либо подарок, то необходимо открыто, громко, недвусмысленно словами и жестами высказать свое негативное к этому отношение (провокация взятки может вести скрытую аудиозапись или видеосъемку беседы);
- 5) внимательно следить за фразами собеседника, которые чаще всего будут иметь двусмысленный характер.

Таким образом, провокация взятки предполагает создание ложного представления о получении определенных материальных ценностей должностным лицом. Она карается по нормам ст. 304 УК РФ. Ответственность за провокацию взятки может быть назначена в виде штрафа, принудительных работ или лишения свободы на срок до 5 лет.

Риск стать обвиняемым в получении взятки есть у любого должностного лица, даже если он работает честно, не допускает злоупотреблений и чтит закон.

Считаю, что соблюдение разработанных мероприятий поможет уберечь должностное лицо от незаконного привлечения к ответственности за получение взятки.

Список литературы

1. Ермаков С.В. Вопросы уголовно-правовой квалификации по статье 304 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 2 (89). С. 53-61.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // КонсультантПлюс.
3. Уголовное дело № 1-88/2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/courtvoroshilovskij-rajonnyj-sud-g-rostova-na-donu-rostovskaya-oblast-s/act-544365390/>.

4. Провокация взятки. [Электронный ресурс]. URL: <https://lawyer-expert.ru/dolzhnostnye-prestupleniya/provokaciya-vzyatki/> (дата обращения: 17.06.2022).

5. Ровнейко В.В. Провокация взятки как коррупционное преступление, совершенное с использованием служебного положения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 144.

6. Романова О.Ю. Провокация как метод борьбы с коррупцией: диалектика допустимости применения // Молодой ученый. 2017. № 5.1. С. 51. – URL: [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/139/39315/> (дата обращения: 20.06.2022).

Р.А. Манасов, военнослужащий, Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ФСВНГ, МВД, ФСБ РФ И ИХ ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

В статье детально изучены такие вопросы темы, как обоснованность создания подразделений ВНГ с целью противодействия внешним и внутренним угрозам различного характера на территории России на данном этапе развития. Особый акцент сделан на организацию противодействия одному из основных факторов угроз национальной безопасности — терроризму и экстремизму.

Актуальность данной темы исследования обусловливается развитием системы органов исполнительной власти и дифференциацией их полномочий в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности Российской Федерации. Это порождает необходимость правового регулирования полномочий и обязанностей государственных служб, в целях избегания коллизий закона при проведении тех или иных мер принуждения, а также подтверждает значимость вопроса о правах должностных лиц по их применению в пределах своих полномочий для полного и неукоснительного соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства.

Целью исследования является анализ и обобщение правовых основ по организации взаимодействия между ведомствами.

Предметом исследования выступает порядок и правила организации и практического исполнения совместных служебно-боевых и оперативно-служебных задач территориальными органами МВД, ФСБ России и подразделениями войск национальной гвардии Российской Федерации как одними из основных государственных институтов.

Объектом исследования являются организационная сторона взаимодействия сотрудников и военнослужащих полиции, органов ФСБ и войск национальной гвардии Российской Федерации. В статье детально изучены такие вопросы темы, как обоснованность создания подразделений ВНГ с целью противодействия внешним и внутренним угрозам различного характера на территории России на

данном этапе развития. Особый акцент сделан на организацию противодействия одному из основных факторов угроз национальной безопасности — терроризму и экстремизму.

За основу работы взят метод сравнительного анализа, теоретическое рассмотрение и обобщение нормативно-правовых актов. Основным выводом проведенного исследования является обоснование необходимости формирования нового органа исполнительной власти — ФСВНГ как самостоятельной службы и установления легитимных норм по организации взаимодействия с ней других органов Российской Федерации с целью совместного обеспечения надежной безопасности наиболее важных интересов государства и общества от противоправных проявлений.

В соответствии с Федеральным законом № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии» для выполнения задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, борьбе с терроризмом и экстремизмом привлекаются специальные моторизованные воинские части, воинские части оперативного назначения, воинские части и подразделения специального назначения и разведки, морские воинские части и подразделения в акватории Российской Федерации, специальные отряды быстрого реагирования (СОБР), отряды мобильные особого назначения (ОМОН), авиационные отряды специального назначения (АОСпН), подразделения вневедомственной охраны и образовательные организации высшего образования войск национальной гвардии [1].

Исходя из Федерального закона «О Федеральной службе безопасности» «пресечение террористического акта осуществляется силами и средствами органов федеральной службы безопасности, а также создаваемой группировки сил и средств»¹, в состав которой могут привлекаться подразделения войск национальной гвардии и сотрудники полиции, что прямо закреплено в законе: «В состав группировки сил и средств могут включаться подразделения, воинские части и соединения Вооруженных Сил Российской Федерации, подразделения федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами безопасности, обороны, внутренних дел, обеспечения деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации»². Исходя из этого, можно сделать вывод, что законодатель формально закрепил возможность взаимодействия между правоохранительными органами при решении совместных задач.

Единое управление силами и средствами, входящими в состав группировки, достигается переподчинением военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти и непосредственно осуществляется руководителем контртеррористической операции. В это же время все военнослужащие и сотрудники, выполняющие задачи в соответствии с планом контртеррористической операции, от ее начала и до окончания подчиняются руководителю данной операции, что позволяет осуществлять координацию действий всех должностных лиц по единому замыслу и плану.

¹ Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 № 40-ФЗ (последняя редакция).

² Там же.

Положения ст. 5 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» защищают руководителя спецоперации от какого бы-то ни было вмешательства со стороны: «С момента, когда руководителем контртеррористической операции отдано боевое распоряжение (боевой приказ) о применении группировки сил и средств, вмешательство любого другого лица независимо от занимаемой им должности в управление подразделениями, входящими в состав группировки сил и средств, не допускается»,¹ это наделяет его всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным лицам, но в то же время обязывает его нести всю полноту ответственности перед государством за действия его подчиненных.

Взаимодействие органов полиции с иными органами Российской Федерации — это совместная эффективная деятельность федеральных и местных органов власти, правоохранительных органов в пределах их полномочий [2]. Для предотвращения и пресечения правонарушений и преступлений военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии имеют право:

- принимать необходимые меры по охране места происшествия до прибытия представителей органов следствия или дознания, требовать от граждан покинуть место происшествия;

- доставлять граждан в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) в целях решения вопроса о задержании гражданина; установления личности гражданина, если имеются основания полагать, что он находится в розыске как скрывшийся от органов дознания, следствия или суда либо как уклоняющийся от исполнения уголовного наказания; защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни или здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом;

- вести разведку в районах выполнения служебно-боевых задач².

Полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами [3, с. 178]. В целях практической реализации этих положений военнослужащие (сотрудники) наделены полномочиями по передаче в полицию лиц, подвергнутых задержанию, в сопровождении военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии и с соблюдением условий, исключающих угрозу их жизни и здоровью. При этом задержанное лицо подлежит доставлению в ближайший орган внутренних дел в кратчайший срок, но не позднее трех часов с момента задержания.

Результатом исследования выступает достижение целей, поставленных перед авторами, и обоснование необходимости правового регулирования совместных действий правоохранительных органов при выполнении задач.

В заключение отметим, что на современном этапе развития государства национальная безопасность играет одну из ключевых ролей в системе обеспече-

¹ Там же.

² Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

ния нормальной жизнедеятельности государства и функционирования всех сфер жизни общества. В связи с этим создается и развивается система органов государственной власти, которая направлена на обеспечение государственной и общественной безопасности и защиту прав и свобод человека и гражданина, в то же время увеличение числа различных служб требует согласования действий в целях повышения эффективности выполнения задач, стоящих перед спецслужбами.

Список литературы

1. Особенности задействования СОБР, ОМОН, АОСН, ЦСН СР для выполнения задач по обеспечению правопорядка. [Электронный ресурс]. URL: <https://lektsii.org/10-78759.html>
2. Степанченкова Е.В. Основные направления взаимодействия полиции с Росгвардией в целях наиболее эффективной реализации задач полиции // Молодой ученый. 2020. № 49 (339). С. 327-329. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/339/76094/> (дата обращения: 08.03.2022).
3. Правоохранительные органы: курс лекций и учебно-методические материалы / под ред. Ю.А. Лукичева. СПб.: Астерион, 2020. 336 с.

*Е.С. Пустовойт, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России, г. Красноярск*

НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА УЧЕТА И РЕГИСТРАЦИИ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Представление о состоянии преступности, а также отдельно и наркопреступности, об эффективности деятельности правоохранительных органов, а также выработка государственной политики противодействия преступности — все это возможно только при статистическом анализе максимально полного массива зарегистрированных преступлений. Отчетность показывает, как проходит первичный учет преступлений в целом и фиксация сообщений (заявлений) граждан для организации последующей работы правоохранительных органов.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) устанавливает обязанности должностных лиц правоохранительных органов принять и проверить сообщение о любом готовящемся или совершенном преступлении и принять по нему процессуальное решение в порядке, установленном кодексом. Порядок приема сообщений о преступлении, а также обязанность зарегистрировать сообщение о преступлении в Российской Федерации установлены приказом МВД России 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествии-

ях»¹, после чего сообщение и заявление регистрируется в Книгу учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее — КУСП).

Соответствующий порядок закреплен и в соответствующих нормативно-правовых актах государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ). Так, согласно постановлению Правительства Кыргызской Республики от 22 января 2018 г. № 48, утверждено «Положение о едином порядке регистрации, учета и движения заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях»², согласно которому предусмотрена незамедлительная регистрация сообщения о преступлении путем внесения уполномоченным должностным лицом в Книгу учета заявлений и сообщений о преступлениях. В Республике Армения в соответствии с решением Правительства Республики Армения от 23 ноября 2017 г. № 1495-Н утвержден «Порядок принятия, регистрации, учета сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях полицией Республики Армения и дача им хода»³, в соответствии с которым сообщения, независимо от места и времени совершения преступления или возникновения происшествий подлежат обязательному круглосуточному принятию и регистрации в дежурной части, после чего сообщение передается в Центр оперативного управления полицией, где сведения вводятся в автоматизированную информационную систему (реестр). Согласно постановлению МВД Республике Беларусь незамедлительно регистрация заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации осуществляется в Единой книге⁴. Согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее — УПК РК)⁵, началом предварительного расследования является именно регистрация сообщения о пре-

¹ Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 августа 2014 года № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // СПС «Гарант».

² «Положение о едином порядке регистрации, учета и движения заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях», утвержденное постановлением Правительства Кыргызской Республики от 22 января 2018 года № 48.

³ Решение Правительства Республики Армения от 23 ноября 2017 года № 1495-Н «Порядок принятия, регистрации, учета сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях полицией Республики Армения и дача им хода». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irtek.am/views/act.aspx?aid=92667>.

⁴ Постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь № 138 от 05.06.2003. «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации, рассмотрения, разрешения и учета органами внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях и иной информации, имеющей отношение к правоохранительной деятельности». [Электронный ресурс]. URL: belzakon.net/Законодательство/Постановление_Министерства_внутренних_дел_РБ/2003/82957 (дата обращения 18.05.2022).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03.2022) // Юрист — комплекс правовой информации (законодательства) Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 18.05.2022).

ступлении. Сообщения о преступлении подлежат регистрации в Едином реестре досудебных расследований (аналог КУСП). В соответствии с нормами УПК РК, стадия возбуждения уголовного дела не признается самостоятельной, как в УПК РФ. В Республике Казахстан введение Единого реестра досудебных расследований начало действовать с начала 2015 г. Данный порядок утвержден приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19.09.2014 № 89 и осуществление регистрации сообщений и преступлений в виде электронного документа в автоматизированную базу данных. В Республике Таджикистан с 2021 г. апробируют электронную систему регистрации преступлений.

Одной из разновидностей преступлений являются наркопреступления. За последние десятилетия преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств, превратилась в реальную угрозу для большинства стран независимо от их географического расположения, политического устройства или уровня социально-экономического развития, то есть превратилась в транснациональную проблему, затрагивающую интересы всего человечества. Согласно Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 г.¹ среди современных вызовов и угроз, которые негативно влияют на систему коллективной безопасности, является незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров. В целом следует согласиться с П.В. Тепляшиным «ОДКБ зарекомендовала себя как стабильно развивающаяся региональная международная организация, изучение опыта работы которой свидетельствует об успешном противодействии всем криминальным угрозам как реального, так и потенциального характера» [2, с. 10].

Анализируя нормативно-правовые акты государств-членов ОДКБ, видим, что во всех странах, кроме Республики Казахстан, стадии возбуждения уголовного дела есть. В Республике Казахстан данная стадия отсутствует, и все поступающие сообщения или заявления регистрируются, после чего начинается следующая стадия предварительного расследования [1, с. 216-218], далее сообщения или заявления подлежат учету, что говорит уже о различии регистрации и учета преступлений в целом и наркопреступлений в частности.

Как представляется, необходимо разработать рекомендации по гармонизации законодательства государств-членов ОДКБ в части учета и регистрации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, добавив его в перечень модельных законодательных актов, рекомендаций и иных правовых актов, принятых Парламентской Ассамблеей Организации Договора о коллективной безопасности (далее — Ассамблея), направленных на сближение и унификацию национального законодательства государств — членов ОДКБ. В рамках данной деятельности Ассамблея разрабатывает модельные законы и рекомендации, а Парламент государств — членов ОДКБ

¹ «О Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года», утвержденная Решением Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года.

ведет работу по их имплементации в национальные правовые системы. Реализация гармонизированного законодательства является эффективным механизмом достижения уставных целей ОДКБ, решения задач сближения национального права.

Таким образом, необходимо отметить, что различие в регистрации преступлений, а также общественно опасных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков, ведет к разнобою к системе учета наркопреступлений компетентными органами государств-членов ОДКБ. Кроме того, данное обстоятельство приводит к искажению представлений о подлинном состоянии наркопреступности в данном регионе.

Список литературы

1. Сулейманов Т.А. Сравнительная характеристика стадии возбуждения уголовного дела по уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации и начала досудебного расследования по уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1-4). № 2. С. 216-218.

2. Тепляшин П.В. Криминологические вызовы, стоящие перед Организацией Договора о коллективной безопасности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXV международной научно-практической конференции (7-8 апреля 2022 г.): в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Д.В. Ким. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. С. 10-13.

*А.А. Санухин, адъютант адъюнктуры Волгоградской академии МВД РФ,
майор полиции, г. Волгоград*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХОДЕ ВЫЯВЛЕНИЯ, ПРЕСЕЧЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ, А ТАКЖЕ РОЗЫСКА ЛИЦ, ИХ СОВЕРШИВШИХ

Анализ статистических сведений ГИАЦ МВД России показывает, что ежегодно в нашей стране фиксируется увеличение количества лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, в том числе находящихся за пределами Российской Федерации. Так, по состоянию на 1 апреля 2022 г. на территории только Волгоградской области находятся в розыске за совершение преступлений 563 человека.

В этой связи изучение организационных, тактических и иных проблем розыска является на сегодняшний день как никогда актуальным. Существенное влияние на необходимость изучения новых направлений организации розыскной деятельности оказывает стремительный научно-технический прогресс. Современные технические средства и информационные технологии используются не только правоохранительными органами, но и преступным сообществом. При

этом следует констатировать, что техническая оснащенность преступников и их уровень владения современными технологиями в ряде случаев превосходит возможности большинства сотрудников подразделений системы МВД. Технические средства и методы, используемые при совершении преступлений, а также при сокрытии разыскиваемых лиц и следов преступления, постоянно совершенствуются. Таким образом, использование преступным элементом современных информационных технологий и современных технических средств влечет за собой повышение латентности совершаемых преступлений, следствием чего является снижение уровня раскрываемости преступлений, что в свою очередь усложняет технические и тактические подходы по выявлению и раскрытию преступлений и требует адекватного технического оснащения подразделений, обеспечивающих выявление и оперативное сопровождение расследования преступлений. В связи с интенсивным развитием технических средств, предусматривающих появление новых алгоритмов работы с электронными следами [1, р. 123], дополнительными источниками оперативно значимой информации очень быстро устаревает ведомственная нормативная правовая база, регламентирующая порядок документального сопровождения данных действий. Таким образом, требуется непрерывный процесс их актуализации, направленной как на сокращение сроков предоставления информации по запросам оперативных подразделений, так и на оперативность ее передачи, в том числе и при помощи технических каналов связи, что часто основывается на научных разработках, в том числе полученных в ходе диссертационных исследований.

Так как розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, зачастую сопряжен с нарушением прав и законных интересов человека и гражданина, требуется четкое нормативно-правовое урегулирование пределов использования средств сотовой связи, сети Интернет, спутниковой навигации, микропроцессорных устройств и других информационных технологий при осуществлении розыскной деятельности. Несмотря на то, что проблемам методики и технического обеспечения розыскной деятельности уделялось значительное внимание ученых, в теории и практике данного направления научной деятельности до сих пор остается большое количество спорных моментов, касающихся понятий, классификации, системы и алгоритмов производства розыска.

Современные методы и уровень информационной грамотности сотрудников оперативных подразделений не позволяют в полной мере осуществлять работу по розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда. Следует констатировать, что в настоящий момент имеется острая необходимость в повышении квалификации оперативных сотрудников по вопросам использования современных технических средств и эффективного внедрения в практическую деятельность уже имеющейся на балансе министерства внутренних дел Российской Федерации техники.

Остро стоит вопрос о создании нового подразделения по выявлению и розыску лиц, совершивших преступления с использованием современных информационных технологий, сотрудники которого имели бы актуальное на сегодняшний момент в данной сфере техническое образование и прошедшие допол-

нительную переподготовку, и обучение навыкам оперативной работы. Актуальность данной проблемы отмечена и на государственном уровне. Так, министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев в своем выступлении 26 февраля 2020 г. на расширенном заседании коллегии МВД акцентировал свое внимание на том, что в повседневной практической деятельности повышенное внимание должно уделяться выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, с использованием информационно-коммуникационных технологий. Проблема актуальна для большинства развитых стран мира. По данным ООН, в последние годы она приобрела глобальный характер в связи с цифровизацией всех сфер жизнедеятельности человека [2].

С учетом масштаба угроз при участии МВД в 2018 г. инициированы поправки в законодательство [3, с. 16]. В соответствии с ними кража и мошенничество с использованием IT-технологий переведены в категорию тяжких составов, что, естественно, сказалось на восприятии гражданами общей картины состояния тяжкой преступности в стране. Но это позволило задействовать весь имеющийся арсенал правовых и оперативно-розыскных инструментов.

Для своевременного реагирования на преступления, совершаемые с использованием современных технологий, правоохранительными органами осуществлялось развитие системного взаимодействия с кредитными организациями, провайдерами, операторами связи и владельцами интернет-сервисов, с представителями Центрального банка, Росфинмониторинга, Роскомнадзора, а также крупнейшими банковскими структурами. При этом в ходе совместной деятельности намечены к реализации конкретные меры по совместному противодействию одному из самых серьезных вызовов современности. Однако без оперативного взаимодействия с вышеперечисленными организациями и отсутствием прямого канала предоставления оперативно значимой информации невозможно своевременное выявление, пресечение и раскрытие преступлений в данной сфере. Так уж сложилось, что оперативные сотрудники всегда на шаг отстают от преступников, но данную ситуацию в сфере совершения преступлений с использованием современных информационных технологий можно исправить, в том числе направив усилия на выявление и пресечение данных преступлений на стадии их подготовки, разработав, основываясь на уже имеющемся опыте, необходимые алгоритмы действий оперативных подразделений органов внутренних дел.

Несмотря на объективные сложности, министерство внутренних дел последовательно наращивает усилия в борьбе с преступностью. Однако учитывая масштабы распространения преступлений, разнообразие схем и методов их совершения, отсутствие единых алгоритмов выявления и раскрытия, мерами исключительно организационного и оперативно-розыскного характера добиться кардинального улучшения ситуации невозможно.

Оперативные подразделения системы МВД России должны быть не только укомплектованы профессионально подготовленными кадрами, но и оснащены современным высокотехнологическим оборудованием, для чего понадобятся значительные бюджетные средства.

По нашему мнению, на уровень раскрываемости данного вида преступлений может положительно повлиять разделение функций оперативных подразделений на организационную и реализационную. Разделение обязанностей по организации выявления и установки местонахождения лиц, совершивших данные преступления, и обязанностей по задержанию этих лиц и последующему оперативному сопровождению материалов проверки в ходе проведения следственных действий будет способствовать увеличению количества выявленных преступлений, а также позволит дифференцированно подходить к подбору кадров, в некоторых случаях снизив планку группы здоровья. Также данная мера даст возможность менее физически подготовленным гражданам, но имеющим высокие интеллектуальные способности, внести вклад в борьбу с киберпреступностью.

Вышеприведенные сведения позволяют сделать вывод, что деятельность оперативных подразделений системы МВД России по розыску лиц, совершивших преступления с использованием современных информационных технологий и скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, должна рассматриваться как наиболее актуальная государственная задача, требующая глубокого научного осмысления и выработки комплексной системы научно обоснованных рекомендаций, направленных на совершенствование правового обеспечения и методических основ данного вида деятельности.

Список литературы

1. Dronova O., Smagorinskiy V.P., Yastrebov V. (2019) Counteraction to E-commerce crimes committed with the use of online stores. Stud. Syst. Decis. Control 181, 121-131.
2. Текст официального выступления В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // Официальный сайт МВД РФ. М., 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/7392148?year=2020&month=5&day=9> (дата обращения: 23.12.2020).
3. Колосович М.С. Транспарентность государственных органов: нормативная регламентация, понятие, содержание и средства обеспечения // Государство и право. 2019. № 7. С. 16-28.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИСПОЛНЕНИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ**

*Сборник статей XX Международной научно-практической конференции
«Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае»*

Выпуск XVIII

Редактирование и подготовка оригинал-макета — *С.И. Тесленко*

Оформление обложки — *Ю.В. Луценко*

ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 16.11.2022. Вышло в свет 23.11.2022. Формат 60x84 / 16.

Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 23,25.

Тираж 200 экз. Заказ № 528

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66